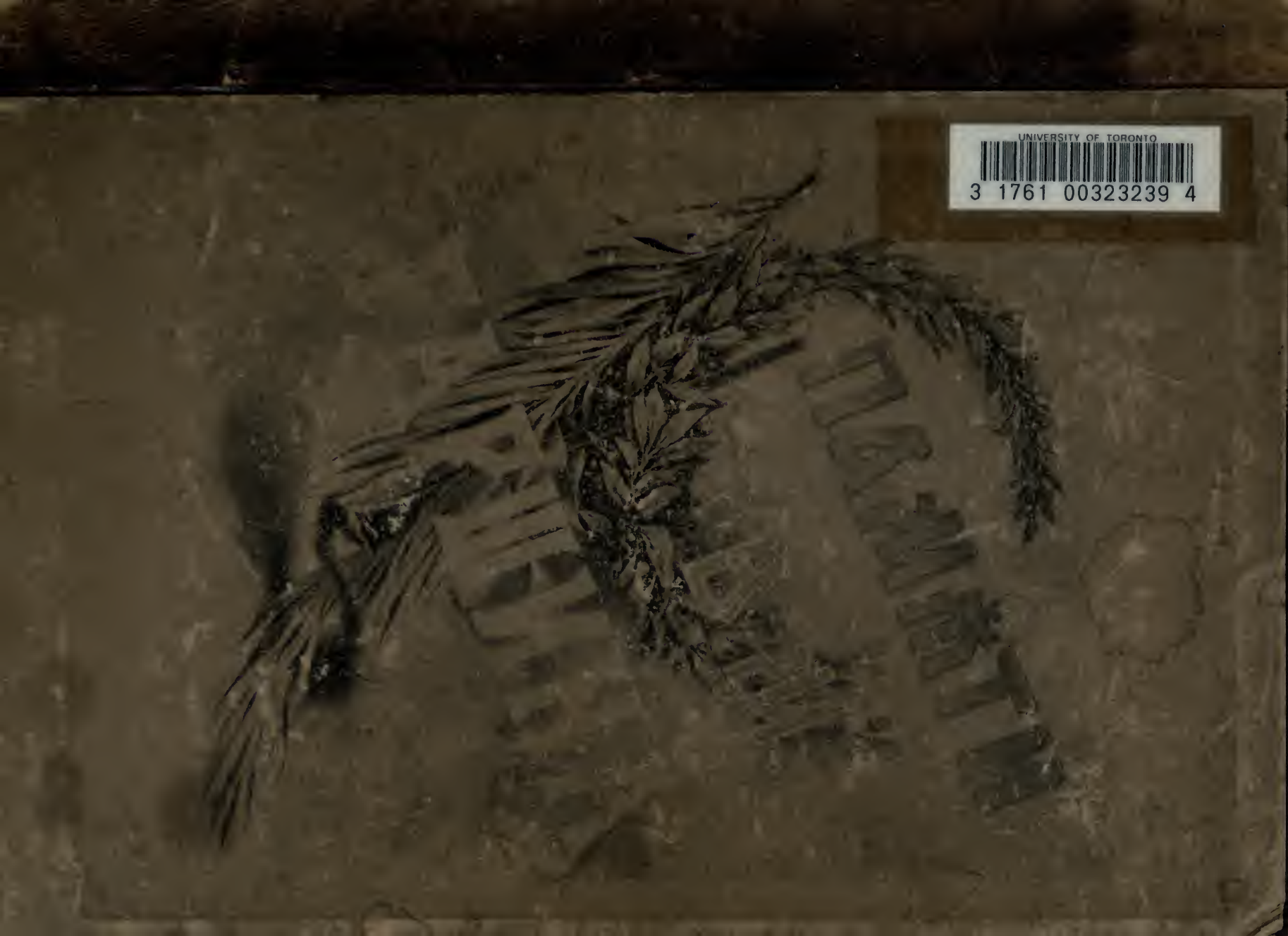


UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00323239 4

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

ПАМЯТИ
В. М. ГАРШИНА.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИКЪ.

Съ двумя портретами В. М. Гаршина, видомъ его могилы и 21 рисункомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Фототипія В. И. Штейнъ. Почтамтская ул., 13.

1889.

LIBRARY
MAR 3 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 29 Ноября 1888 года.

PG
3460
G3Z78
1889

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ (Матеріалы для біографіи). *Я. Абрамова.* 1

Стихотворенія В. М. Гаршина. I. Плѣнница. II. ***. III. Свѣча. . 65

Письма И. С. Тургенева къ В. М. Гаршину. 68

На похоронахъ Всев. Гаршина. Стих. *А. Плещеева. (Изъ «Сѣв. Вѣстн.»)* 74

Смерть Всев. Гаршина. Стих. *Д. Мережковскаго. (Изъ «Сѣв. Вѣстн.»)* 75

Памяти В. М. Гаршина. Стих. *Н. Пушкарева.* 76

Памяти Всеволода Михайловича Гаршина. *В. Фаусека.* 77

О Всеволодѣ Гаршинѣ. *М. Малышева.* 124

Писатель. (Памяти Всеволода Михайловича Гаршина). *М. Л.* . . 130

Жизнь. Стих. *А. Ольхина.* 146

Смерть В. М. Гаршина. *Г. Успенскаго (Переработано изъ статьи, помѣщенной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»)* 147

«Такъ тяжело, такъ горько мнѣ и больно...». Стих. *А. Плещеева.* . 160

Изъ дневника читателя. *Н. Михайловскаго (Изъ «Сѣв. Вѣстн.»)* . 161

Смерть. Стих. *Д. Мережковскаго.* 192

Гаршинъ какъ народный и дѣтскій писатель. *Х. Алчевской. (Изъ II т. книги «Что читать народу»)* 193

«Красный цвѣтокъ». *И. Сиккорскаго (Изъ «Вѣстника клинической и судебной психіатріи и невропатологіи»).* 208

Впередъ. (Поэма Ф. Коппѐ). Переводъ *О. Чюминой.* 215

Будничныя сцены. (Наброски). *А. Михайлова.* 218

Вечерняя заря. Стих. *Алексѣя Жемчужникова.* 273

Счастливое открытіе. *Каронина.* 274

Изъ далека. Мечта. Стих. *А. Ольхина.* 283

На Волгѣ. (Отрывокъ). *В. Короленко.* 284

Каменотесъ. Стих. *Д. Минаева.* 293

Припадокъ. *Антона Чехова.* 295

«Въ разсвѣтной полночи надъ ясною столицей...» Стих. *С. Андреевскаго.* 320

Вôронъ-челобитчикъ. (Сказка). *Н. Щедрина.* 321

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

1) Портретъ В. М. Гаршина 1877 г.
2) Портретъ В. М. Гаршина 1885 г.
3) Могила В. М. Гаршина.
4) Видъ г. Харькова и его окрестностей. Рис. *І. Е. Крачковскаго.*
5) Рисунокъ *А. К. Беггрова.*
6) » *Н. Г. Богданова.*
7) » *П. А. Брюллова.*
8) » *Е. Е. Волкова.*
9) Къ разсказу «Четыре дня». Рисунокъ *Н. Н. Дубовскаго.*
10) Ненастье. Рисунокъ *А. А. Киселева.*
11) Художникъ. Рисунокъ *М. П. Клодта.*
12) Къ разсказу «Atalea princeps». Рисунокъ *Г. П. Кондратенко.*
13) Рисунокъ *К. Я. Крыжицкаго.*
14) Охотникъ. Рисунокъ *Н. Д. Кузнецова.*
15) Съ картины «Выговоръ». *К. В. Лемоха.*
16) Музыкантъ. Рисунокъ *В. Е. Маковскаго.*
17) Къ разсказу «Медвѣди». Рисунокъ *М. Е. Малышева.*
18) } Съ картины «Христосъ и грѣшница». Рис. *В. Д. Полѣнова.*
19) }
20) Къ разсказу «Художники». Рисунокъ *И. Е. Рѣпина.*
21) Съ картины «На войну». Рисунокъ *К. А. Савицкаго.*
22) Сосновый лѣсъ. } Рисунки *И. И. Шишкина.*
23) Заря. }
24) Съ картины «Кочегаръ». Рисунокъ *Н. А. Ярошенко.*

Цѣль настоящаго сборника почтить память покойнаго В. М. Гаршина и получить средства увѣковѣчить ее учрежденіемъ народной школы имени покойнаго.

Сборникъ имѣетъ характеръ складчины; писатели и художники внесли въ него каждый свою лепту для достиженія намѣченной цѣли; кромѣ того въ него вошли всѣ, какіе только удалось собрать, матерьялы и воспоминанія для характеристики покойнаго какъ писателя и человѣка.

По окончательной распродажѣ изданія, лица, принявшія на себя веденіе дѣла (Я. В. Абрамовъ, А. Я. Гердъ, М. Е. Малышевъ, П. О. Морозовъ, А. Н. Плещеевъ и Н. А. Ярошенко), почтутъ своимъ долгомъ опубликовать подробный отчетъ по изданію сборника.

1

ВСЕВОЛОДЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГАРШИНЪ.

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ).

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ родился 2-го февраля 1855 года въ имѣніи его бабки А. С. Акимовой, «Пріятная долина», Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Отецъ его былъ военный и мелкій помѣщикъ. О дѣтскихъ годахъ жизни Всеволода Михайловича извѣстно мало. Извѣстно только, что ему пришлось много постранствовать, перебывать въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи. Деревня Екатеринославской губерніи, Харьковъ, Старобѣльскъ, Петербургъ, Петрозаводскъ—вотъ какія разнообразныя воспоминанія оставило дѣтство Всеволоду Михайловичу. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, ребенкомъ Вс. Мих. обнаруживалъ многія качества, которыя характеризовали его и въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ былъ такъ-же добръ, мягокъ, кротокъ и любимъ всѣми въ дѣтствѣ, какъ и въ послѣдніе годы его жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще ребенкомъ онъ проявлялъ ту же способность увлеченія, которая затѣмъ играла такую большую роль въ его жизни. Журналъ «Родникъ», въ которомъ напечатаны воспоминанія о покойномъ, между прочимъ, разсказываетъ такую характерную исторію. Еще четырехлѣтнимъ ребенкомъ Вс. Мих., наслушавшись разсказовъ слуги-солдата о походахъ и войнахъ, рѣшился идти на войну, чтобы принять участіе въ ея бѣдствіяхъ, для чего принялся за сборы, прощался съ родными, горько плача,—и только кое-какъ могъ быть отвлеченъ отъ

этой идеи. Тотъ же «Родникъ» отмѣчаетъ еще одну любопытную черту изъ дѣтства Вс. Мих. И ребенкомъ онъ отличался тою изумительною красотою, которою сіяли его лице и особенно глаза и въ юношествѣ и въ зрѣломъ возрастѣ. Это была поистинѣ «неземная» красота, и, по словамъ «Родника», она производила такое впечатлѣніе на совершенно постороннихъ людей, что они сравнивали ее съ красотою Іоанна Крестителя въ Дрезденской галлереѣ. Мы, знавшіе Вс. Мих. уже въ зрѣломъ возрастѣ, вполнѣ допускаемъ вѣроятность сообщаемаго «Родникомъ», ибо красота покойнаго и въ зрѣломъ возрастѣ сохранила тотъ же «неземной» характеръ. Особенно хороши были его глаза,—большіе, кроткіе, грустные, сіяющіе...

Внѣшнія условія дѣтской жизни покойнаго были далеко не изъ благопріятныхъ. Еще ребенкомъ Вс. Мих. пришлось пережить многое такое, что выпадаетъ на долю лишь немногихъ. Говорить объ этомъ, однако, неудобно въ виду того, что до сихъ поръ еще живы участники драмъ, невольнымъ свидѣтелемъ которыхъ былъ Вс. Мих. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что дѣтство имѣло большое вліяніе на складъ характера покойнаго. По крайней мѣрѣ, онъ самъ объяснялъ многія особенности своего характера именно воздѣйствіемъ фактовъ изъ своей дѣтской жизни.

Въ 1864 году, девяти лѣтъ отъ роду, Вс. Мих. поступилъ въ первый классъ с.-петербургской 7-й гимназіи (нынѣ 1-е реальное училище). О гимназическихъ годахъ покойнаго извѣстно также мало. Учился онъ хорошо и оставилъ самыя пріятныя воспоминанія въ своихъ учителяхъ и воспитателяхъ. Среди товарищей онъ съ первыхъ же лѣтъ пріобрѣлъ много друзей, съ которыми и поддерживалъ затѣмъ самыя задушевныя отношенія до самой смерти. Въ этомъ возрастѣ въ немъ уже ярко проявлялись всѣ тѣ прелестныя черты его характера которыя позднѣе невольно очаровывали и покоряли всякаго, имѣвшаго съ нимъ какое-либо дѣло: его необычайная мягкость въ отношеніяхъ къ людямъ, глубокая справедливость, уживчивость, строгое отношеніе къ себѣ, скромность, отзывчивость на горе и радость ближняго и многое другое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже въ это время проявлялись весьма замѣтно и тѣ умственныя качества Вс. Мих., которыя затѣмъ такъ пышно развились въ Гаршинѣ—юношѣ и зрѣломъ человѣкѣ: его вдумчивое отношеніе ко всему видѣнному, слышанному и читанному, спо-

собность быстро схватывать сущность дѣла и находить разрѣшеніе вопроса, видѣть въ предметѣ тѣ стороны, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія другихъ, оригинальность выводовъ и обобщеній, способность быстро и легко пріискивать доводы и аргументы въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній, умѣнье находить связь и зависимость между предметами, какъ бы они затемнены ни были, и т. д. Авторъ одного изъ воспоминаній о покойномъ, видѣвшій его въ началѣ 1866 года, т. е. когда Вс. Мих. было всего 11 лѣтъ, передаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о характерѣ и умственномъ настроеніи его въ этотъ періодъ жизни. Мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ этихъ воспоминаній.

«Помню, мнѣ нравились въ маленькомъ Всеволодѣ—пишетъ г. Рейнгардтъ [1]) — любознательность и основательное знаніе тѣхъ предметовъ, съ которыми онъ успѣлъ познакомиться. Онъ очень любилъ естественныя науки и сильно интересовался ими. Пользуясь полной свободой, проводя часто время со взрослыми, онъ не былъ похожъ на тѣхъ дѣтей, которыя любятъ корчить большихъ, вмѣшиваться въ разговоры, резонерствовать. Ничего подобнаго у него не было. Онъ былъ добрымъ, милымъ ребенкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень умнымъ. Впрочемъ, я помню, какъ онъ однажды вмѣшался въ разговоръ взрослыхъ, но это вмѣшательство было необходимо и вышло само собой. Какъ-то вечеромъ собрались у Екатерины Степановны [2]) нѣсколько знакомыхъ, между которыми были довольно извѣстныя въ интеллигентныхъ кружкахъ лица. Мы съ Всеволодомъ сидѣли въ сторонѣ и о чемъ-то вполголоса трактовали. По какому-то поводу одна дама, очень образованная и начитанная особа, задала вопросъ: почему такъ легко подымается якорь изъ воды, между тѣмъ какъ онъ такъ крѣпко держится на днѣ, что скорѣе лопнетъ во время бури якорная цѣпь, чѣмъ сдвинется корабль? Изъ присутствовавшихъ никто не могъ дать отвѣта; одинъ, очень образованный господинъ, замѣтилъ, между прочимъ, что надо спросить моряка. Услышавъ это, Всеволодъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ туда, гдѣ шелъ разговоръ объ якорѣ.—«Вотъ почему его

[1]) «Волжскій Вѣстникъ», 1888 г., № 101.
[2]) Мать В. М—ча.

такъ легко поднять»,—обратился онъ къ вопрошавшей особѣ, — и затѣмъ объяснилъ весьма просто и наглядно способъ подъема якоря. Оказалось, что образованные люди, изучавшіе физику и много разъ, вѣроятно, видѣвшіе поднятіе якоря, не могли дать объясненія относительно очень простого и обыкновеннаго явленія, которое объяснилъ гимназистъ 3-го или 4-го класса (на самомъ дѣлѣ второго). Въ то время меня очень поразило описанное обстоятельство. Меня поразило не столько его знаніе, сколько умѣнье весьма просто и наглядно объяснить непонятную для многихъ вещь. Этотъ фактъ, да и многіе другіе, заставили меня предполагать въ то время, что изъ Всеволода Гаршина выйдетъ или замѣчательный ученый, или замѣчательный педагогъ... Всеволодъ Михайловичъ, насколько я успѣлъ замѣтить, былъ вполнѣ самостоятельной натурой. Эта самостоятельность, какъ мнѣ казалось тогда, выражалась въ томъ, что на него не имѣла никакого вліянія окружающая обстановка. Вообще дѣти, которымъ предоставлена полная свобода, являются часто вѣрнымъ отраженіемъ всего окружающаго; они повторяютъ слова, фразы, которыя приходится имъ слышать, стараются интересоваться тѣмъ, чѣмъ интересуются взрослые. Но Вс. Мих. представлялъ, по моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи нѣчто особенное: онъ жилъ какъ будто въ другомъ мірѣ. Да и дѣйствительно, у него былъ свой маленькій мірокъ, который заключался въ книжкахъ, рисункахъ, различныхъ вещицахъ, небольшихъ естественно-историческихъ коллекціяхъ,—кажется, если не ошибаюсь, имъ самимъ составленныхъ,—и этотъ маленькій мірокъ сосредоточивалъ на себѣ все его вниманіе, всѣ его созерцательныя способности, отвлекая мысли отъ окружающихъ явленій».

Книги, коллекціи и друзья-товарищи поглощали вниманіе Вс. Мих., однако, только въ Петербургѣ. Лѣтомъ, когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ провинцію, онъ весь отдавался своей любви къ природѣ, которую онъ продолжалъ любить и въ зрѣломъ возрастѣ. «Какъ только появились грибы,—пишетъ авторъ воспоминаній о В. М. въ «Родникѣ», описывая, какъ покойный проводилъ лѣто 1867 г. на берегахъ Шелони, — Всеволодъ со страстью принялся за ихъ собираніе. Онъ уходилъ рано утромъ и возвращался поздно вечеромъ, пропадая цѣлыми днями въ окрестныхъ лѣсахъ». Эту любовь къ

экскурсіямъ по болѣе или менѣе глухимъ мѣстамъ Вс. Мих. сохранилъ и позднѣе и охотно отдавался имъ, какъ читатель можетъ прочитать въ воспоминаніяхъ г. Фаусека. По любви В. М. къ природѣ, въ немъ все предвидѣли будущаго естествоиспытателя, какъ удостовѣряетъ тотъ же авторъ воспоминаній въ «Родникѣ». «Всѣхъ окружающихъ очень занималъ мальчикъ, постоянно возившійся съ лягушками, ящерицами и жуками. Однажды онъ распоролъ брюхо лягушкѣ, разсмотрѣлъ ея внутренности, затѣмъ аккуратно зашилъ, приложилъ деревяннаго масла, обвязалъ тоненькимъ бинтикомъ, и лягушка послѣ этого ускакала». Интересуясь животнымъ міромъ, Вс. Мих. еще больше интереса проявлялъ къ міру растеній. Страсть собирать гербаріи проявилась у него рано, и уже 13 лѣтнимъ мальчикомъ, уѣзжая изъ Старобѣльска въ Петербургъ съ каникулъ, онъ везъ гербарій, собранный имъ въ теченіе лѣта. Любовь къ собиранію растеній онъ сохранилъ до конца своихъ дней и при всякомъ удобномъ случаѣ отдавался этому дѣлу. — Однако, естествоиспытателемъ Вс. М. не сдѣлался. Сохраняя всю жизнь любовь къ живой природѣ, интересуясь естествознаніемъ, онъ, однако, не придавалъ первостепеннаго значенія естественнымъ наукамъ, въ особенности біологіи, въ общей суммѣ человѣческихъ знаній и приписывалъ имъ лишь служебную роль, какъ это мы увидимъ ниже.

Внѣшнія условія жизни В. М. въ описываемый періодъ жизни оставались по прежнему мало благопріятными. Дѣло доходило до того, что, напр., въ 1868 году, В. М., тогда 13 лѣтній мальчикъ, долженъ былъ одинъ, безъ чьего либо руководства и покровительства, отправляться изъ Старобѣльска въ Петербургъ къ началу занятій въ гимназіи. Впрочемъ, съ этого времени условія жизни В. М. улучшились, благодаря тому, что онъ устроился въ симпатичной семьѣ одного изъ своихъ товарищей по гимназіи, В. Н. Афанасьева. Скоро, также благодаря одному изъ товарищей, В. М. Латкину, онъ нашелъ доступъ въ семью А. Я. Герда, которому, какъ онъ самъ выражался, онъ былъ обязанъ болѣе, чѣмъ кому либо другому, въ дѣлѣ своего умственнаго и нравственнаго развитія. По переходѣ въ 6-й классъ гимназіи В. Мих. былъ принятъ въ пансіонъ на казенный счетъ.

Въ періодъ жизни въ семьѣ Афанасьевыхъ В. М. проявлялъ уже стремленіе, такъ сказать, къ общественной дѣятельности. Между прочимъ, однимъ изъ проявленій этого стремленія было образованіе библіотеки. Къ добыванію средствъ на пріобрѣтеніе книгъ онъ привлекъ нѣсколько товарищей; средства добывались самыми разнообразными способами: собирались членскіе взносы и добровольныя пожертвованія; деньги, отпускаемыя на завтракъ, шли туда же; продавались старыя тетрадки въ мелочныя лавочки и т. д. Книги пріобрѣтались самымъ экономическимъ способомъ: не было въ Петербургѣ букиниста, которому В. М. съ товарищами не надоѣли бы, розыскивая разрозненныя книги старыхъ журналовъ. Собранныя книги разрывались и изъ нихъ составлялись цѣльные романы, повѣсти и проч., и все это переплеталось опять-таки экономическимъ способомъ: кое-что изъ переплетныхъ инструментовъ было пріобрѣтено, а остальное замѣнялось домашнею утварью.

Въ старшихъ классахъ гимназіи В. М. началъ уже пробовать «сочинять». Отъ этого времени осталось небольшое сочиненіе его, поданное въ 1872 году учителю словесности. В. М. въ это время было 17 лѣтъ. Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, носитъ въ себѣ, конечно, всѣ слѣды юношеской неопытности, но въ то же время въ немъ уже замѣтно присутствіе таланта. Вотъ это юношеское произведеніе въ полномъ видѣ.

Смерть.

«Я прочиталъ «Смерть» Тургенева и не могу не согласиться съ нимъ, что русскій человѣкъ умираетъ *удивительно*. Другого слова и не подберешь. Припомните смерть Максима, обгорѣвшаго, мельника, Авенира Сорокоумова — какъ они умирали: тихо, спокойно, какъ будто исполняя свою непремѣнную обязанность. И развѣ это не обязанность?

Помню и я смерть близкаго мнѣ, дорогого человѣка, Е. Ф. Ф. Часто, бывало, сажалъ онъ меня въ своей комнатѣ и заставлялъ слушать докучные разсказы о томъ, откуда происходитъ слово *серьга* (не помню уже откуда, кажется, съ языка Фризовъ или Бетовъ),

что ни одному филологу доподлинно неизвѣстно происхожденіе слова *хорошо*. Былъ онъ человѣкъ маленькій, крайне некрасивый, съ такимъ же землянымъ цвѣтомъ лица, какой былъ у Авенира Сорокоумова. Былъ онъ записнымъ филологомъ; писалъ диссертацію на магистра, ѣздилъ и къ Костомарову, и къ Срезневскому, которые признавали въ немъ глубоко-ученаго языковѣда. Умеръ Е. Ф. — и вся его ученость канула въ Лету. Но не въ томъ дѣло; я взялся описывать его смерть.

Е. Ф. страдалъ болѣзнью, погубившею много добрыхъ и умныхъ, сильныхъ и слабыхъ людей. Онъ страшно пилъ. Когда я жилъ вмѣстѣ съ нимъ на дачѣ въ 1866 году, однажды онъ попросилъ у меня пучекъ соломы; я принесъ, Е. Ф. молча перерѣзалъ ее на трубочки вершка по три и спряталъ въ столъ. Скоро я узналъ, для какого страшнаго употребленія предназначаются эти трубочки: онъ тянулъ черезъ нихъ вино. Конечно, я утащилъ несчастную солому и забросилъ ее въ рѣку.

Это было лѣтомъ 1866 г., когда въ Петербургѣ и по его окрестностямъ страшно свирѣпствовала холера. Соломенки помогли ей убить Е. Ф. Онъ заболѣлъ, нашъ докторъ И. П. Б. вылечилъ его отъ холеры, но не спасъ отъ воспаленія въ кишкахъ и печени. Черезъ мѣсяцъ послѣ начала болѣзни Е. Ф. пришлось очень плохо.

Онъ умеръ въ сентябрѣ, въ дождливый вечеръ. Онъ лежалъ на постели; его густые волосы падали на липкій, зеленоватый лобъ, покрытый каплями пота. Тѣло исхудало страшно, на ребрахъ осталась одна кожа; на ногахъ и спинѣ были пролежни. На столикѣ предъ нимъ горѣли двѣ лампы (онъ уже жаловался на недостатокъ свѣта), стояли лекарства, лежали его любимыя нѣмецкія книжки, да тетрадь съ диссертаціею. Я сидѣлъ въ углу комнаты и смотрѣлъ на сцену съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Какъ ни любилъ я моего Е. Ф., какъ ни былъ привязанъ къ нему, но зная что черезъ четверть часа онъ умретъ, я уже не жалѣлъ о немъ. Это не была холодность или равнодушіе: я уже отпѣлъ и похоронилъ своего больного друга; передо мной лежалъ просто умирающій человѣкъ, а я видѣлъ смерть еще въ первый разъ. Надъ больнымъ склонился его другой другъ, бывшій товарищъ. Далеко уже теперь онъ, за Атлантическимъ океаномъ, но какъ теперь помню его блѣдное, страдающее за боль-

ного лице. Всѣ мои воспоминанія объ этомъ человѣкѣ касаются только смерти Е. Ф.

Больной лежалъ почти неподвижно, только губы шептали что-то, изрѣдка произнося слова. Его другъ уговаривалъ его причаститься. Е. Ф. жилъ атеистомъ и хотѣлъ умереть такъ, какъ жилъ. Послали за священникомъ; онъ пришелъ. Это былъ высокій худощавый человѣкъ въ широкой рясѣ, со строгимъ худымъ греческимъ профилемъ и симпатичнымъ лицемъ. Онъ наклонился надъ кроватью; Е. Ф. отрицательно покачалъ головой. «Не надо»—тихо произнесъ онъ. «Уже пора-бы»—сказалъ священникъ. Другъ бросился уговаривать больного, говоря, что черезъ четверть часа онъ умретъ. Е. Ф. серьезно слушалъ сначала, потомъ на лицѣ его появилась широкая добродушная улыбка. «Какой ты странный, Лева! всю жизнь былъ умнымъ человѣкомъ, а теперь глупости говоришь. Ну, умру, — ну, что же такое? Пора и на покой; жаль только—диссертацію не кончу». Все это онъ говорилъ шепотомъ; послѣднія слова были слышны только Левѣ и мнѣ (я подошелъ къ кровати). «Дописалъ-бы ты ее... охъ, да вѣдь ты математикъ», какъ-бы вспомнилъ онъ. Онъ замолчалъ; наступила долгая томительная тишина.

Священникъ началъ исповѣдывать. «Уйдите, батюшка, пожалуйста; Лева, попроси батюшку уйдти». «Да причастись ты, Бога ради, отца-то успокой!» Е. Ф. не отвѣчалъ, наконецъ онъ выговорилъ уже съ трудомъ: «Дайте свѣчку, темно... уже пора зажигать». Подали свѣчей. Вдругъ больной оживился, приподнялся даже, схватилъ Леву за руку и сказалъ ему: «А если Reine Glaube?...» Онъ не кончилъ и упалъ мертвый на подушку. Я заплакалъ. Лева зарыдалъ, какъ ребенокъ... Священникъ какъ-то странно смутился и поспѣшно сталъ снимать съ себя эпитрахиль. На лицѣ мертваго осталось странное выраженіе; ни испуга, ни боли душевной, ничего на немъ не было: оно было спокойно.

. . . . . и страненъ
Былъ томный ликъ его чела.

Его похоронили на Волковомъ кладбищѣ. Отцу написали, что сынъ умеръ, какъ христіанинъ. На могилѣ поставили маленькій памятникъ, окруженный другими, подъ которыми лежатъ люди,

умершіе такимъ-же страннымъ образомъ, какъ Е. Ф. Также умерли и Тургеневскіе Максимъ, мельникъ, Авениръ, старушка-помѣщица. Ни бравурства, ни горести, ни страха не увидите вы на лицѣ умирающаго русскаго человѣка: въ послѣднюю минуту жизни онъ будетъ заботиться о своихъ дѣлахъ, о какой-нибудь коровѣ, о томъ, чтобы заплатить священнику за свою отходную. Вѣрующій былъ человѣкъ — онъ точно обрядъ надъ собой совершитъ; невѣрующій умретъ въ большинствѣ случаевъ безъ сознательнаго раскаянья, не отступивъ отъ того, за что онъ стоялъ предъ самимъ собой всю жизнь, что досталось ему послѣ тяжелой борьбы».

3-е мая 1872 г.

На этомъ сочиненіи учитель словесности поставилъ отмѣтку $4^1/_2$.

Повидимому, съ этого времени В. М. серьезно задумалъ сдѣлаться писателемъ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ писемъ позднѣйшаго времени онъ указываетъ, что попытки его писать, пока для себя, начались именно во время пребыванія въ старшихъ классахъ гимназіи.

Во время пребыванія въ 6 классѣ и въ особенности въ 7-мъ, т. е. въ концѣ 1872 года, у В. М. впервые стали проявляться признаки недуга, отравившаго ему жизнь и сведшаго его въ могилу. Въ это время въ Петербургѣ жилъ его старшій братъ Викторъ (позднѣе застрѣлившійся), и В. М. обратилъ его квартиру въ сосредоточіе разнообразныхъ предпріятій, которыя всецѣло завладѣли имъ въ это время и были доводимы имъ до ненормальныхъ крайностей. Онъ былъ поглощенъ устройствомъ всевозможныхъ коллекцій—гербарія, коллекціи минераловъ, зоологической и т. д., причемъ придавалъ своимъ занятіямъ какое-то особенное, чуть не міровое значеніе. Затѣмъ онъ занялся гальванопластикой, устройствомъ химической лабораторіи, проведеніемъ въ квартиру газа и мн. др. Увѣренный въ чрезвычайной важности своихъ занятій, онъ увлекъ ими и многихъ изъ своихъ товарищей. Но этимъ онъ не довольствовался; ему хотѣлось, чтобы важность затѣянныхъ имъ предпріятій была признана и взрослыми и чтобы послѣдніе также при-

няли въ нихъ участіе. Въ виду этого онъ съ горячностью разъяснялъ всѣмъ и каждому значеніе своихъ затѣй и въ особенности энергично нападалъ на директора гимназіи, настойчиво желая привлечь его на свою сторону. Его странности, крайнее нервное возбужденіе, припадки обратили на него общее вниманіе и заставили помѣстить его въ больницу св. Николая для душевно-больныхъ. Здѣсь онъ первое время велъ себя сравнительно спокойно и пользовался полной свободой. Онъ перевезъ сюда свою лабораторію, переплетные инструменты, задумалъ у другихъ больныхъ учиться музыкѣ, англійскому языку, говоря, что и время леченія нельзя терять даромъ, вообще велъ себя хотя и нервно, но вполнѣ разумно. Скоро, однако, недугъ его усилился. Онъ сталъ спаивать другихъ больныхъ, пользуясь находившимся въ его лабораторіи спиртомъ. Однажды, пользуясь правомъ отпуска, онъ купилъ рояль и приказалъ доставить его въ больницу (деньги на задатокъ онъ взялъ подъ какимъ-то предлогомъ у брата). Болѣзнь шла crescendo, и въ началѣ 1873 года онъ былъ уже настолько болѣнъ, что къ нему не всегда пускали навѣщавшихъ его. Иногда на него находили минуты просвѣтленія и онъ вспоминалъ все, что дѣлалъ въ періоды безумія. Мало по малу здоровье его, повидимому, оправилось; но когда онъ былъ взятъ изъ больницы, съ нимъ стали случаться рѣзкіе нервные припадки по ночамъ. Тогда его помѣстили въ лечебницу д-ра Фрея, гдѣ разумное леченіе оправило его и лѣтомъ 1873 года онъ былъ снова совершенно здоровъ.

Въ слѣдующемъ году В. М. успѣшно окончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ Горный Институтъ.

Къ этому времени относится стихотвореніе В. М., написанное подъ впечатлѣніемъ картинъ Верещагина. Стихотвореніе это, какъ и другія, написанныя В. М., не было напечатано при его жизни и появилось послѣ его смерти въ воспоминаніяхъ г. Засодимскаго, напечатанныхъ въ газетѣ «День». Довольно слабое съ технической стороны, стихотвореніе это любопытно въ томъ отношеніи, что съ одной стороны даетъ понятіе объ отношеніи В. М. къ искусству, отъ котораго онъ требовалъ не удовлетворенія потребности наслажденія изящнымъ, а высокаго служенія дѣлу нравственнаго усовершенствованія человѣчества, распространенія гуманности, а съ другой—

о тогдашнемъ душевномъ настроеніи В. М. и отношеніи его къ явленіямъ, съ которыми его сталкивала жизнь. Въ то время, какъ толпившіеся предъ туркестанскими картинами Верещагина восхищались тѣмъ,

«Какъ это—мило и реально,
Какъ нарисованы халаты натурально»,

и приходили въ восторгъ отъ техники художника:

«Взгляните на песокъ: что стоитъ онъ одинъ;
Дѣйствительно, пустыни море
Какъ будто солнцемъ залито...
И... лица не дурны!...»

— авторъ стихотворенія видѣлъ въ картинахъ Верещагина совсѣмъ не то:

«Увидѣлъ смерть, услышалъ вопль людей,
Измученныхъ убійствомъ, тьмой лишеній...
Не люди—то, а только тѣни
Отверженниковъ родины своей.
Ты предала ихъ, мать! Въ глухой степи—одни,
Безъ хлѣба, безъ глотка воды гнилой,
Изранены врагами, всѣ они
Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы биться до послѣдней крови
За родину, лишившую любови,
Пославшую на смерть своихъ сыновъ...
Кругомъ—песчаный рядъ холмовъ,
У ихъ подножія—орда свирѣпая кольцомъ
Объяла горсть героевъ. Нѣтъ пощады!
Къ нимъ смерть стоитъ лицемъ!...
И, можетъ быть, они ей рады,
И, можетъ быть, не стоитъ—жить-страдать?!...
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Стенанія дѣтей,
Погибшихъ за тебя въ глухихъ пескахъ степей,
Вспомянутся чрезъ много лѣтъ
Въ день грозныхъ бѣдъ!»

Какъ видимъ, въ картинахъ Верещагина В. М. увидѣлъ только ихъ общественную сторону,—изображеніе ужасовъ войны и про-

тестъ противъ несправедливости родины, губящей своихъ дѣтей для достиженія разныхъ эфемерныхъ цѣлей. Такое отношеніе къ искусству—требованіе отъ него общественнаго служенія—осталось у В. М. и позднѣе, какъ сохранилась и его чуткая способность находить и выяснять общественное значеніе художественныхъ произведеній. Объ этомъ мы еще будемъ имѣть случай говорить ниже. А теперь отмѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что уже въ 1874 г., какъ показываетъ приведенное стихотвореніе, В. М. считалъ виновною въ гибели убитыхъ и погибшихъ инымъ путемъ на войнѣ — родину, т. е. всѣхъ членовъ даннаго общества. Позднѣе этотъ взглядъ привелъ его къ убѣжденію объ обязательности для каждаго принять на себя долю общаго бѣдствія, представляемаго войною, что, какъ увидимъ ниже, заставило его поступить въ ряды дѣйствующей арміи во время русско-турецкой войны.

Во время пребыванія въ Горномъ Институтѣ В. М. съ должнымъ вниманіемъ относился къ своимъ учебнымъ занятіямъ. Но они не увлекали его, не захватывали его души. Теперь онъ уже всецѣло отдался мысли сдѣлаться писателемъ. Онъ писалъ много, но истреблялъ все написанное, хотя не всегда былъ недоволенъ тѣмъ, что писалъ. Онъ боялся выступить въ печати, опасаясь неуспѣха, такъ какъ для него въ это время вопросъ о томъ, можетъ ли онъ быть писателемъ или нѣтъ, являлся настоящимъ «быть или не быть». Вотъ что, между прочимъ, писалъ В. М. лѣтомъ 1875 года А. Я. Герду изъ Харькова, куда онъ ѣздилъ проводить каникулы: «Дѣлаю довольно мало; это касается институтскихъ занятій; вообще же я сижу за столомъ цѣлое утро и исписываю весьма значительное количество бумаги. То, что я пишу, очень интересуетъ меня и, будучи близко моему сердцу, доставляетъ хорошія минуты... Мои литературные замыслы очень широки и я часто сомнѣваюсь въ томъ, смогу ли исполнить поставленную задачу. То, что написано, по моему, удачно; само собою разумѣется, что я не могу не быть пристрастнымъ, не смотря на самое строгое и недовѣрчивое отношеніе къ своимъ силамъ... Но если я буду имѣть успѣхъ?!... Дѣло въ томъ (это я чувствую), что только на этомъ поприщѣ я буду работать изо всѣхъ силъ, стало быть успѣхъ—вопросъ въ моихъ способностяхъ и вопросъ, имѣющій для меня значеніе вопроса жизни

и смерти. Вернуться уже я не могу. Какъ вѣчному жиду голосъ какой-то говоритъ: «Иди, иди», такъ и мнѣ что-то суетъ перо въ руки и говоритъ: «Пиши и пиши». Не подумайте, что это заставитъ меня бросить ученье. Нѣтъ, я очень хорошо знаю, что будь я семи пядей во лбу, курсъ даже и Горнаго Института мнѣ необходимъ: вѣдь я совершеннѣйшій еще невѣжда...»

Въ 1876 г. В. М. впервые выступилъ въ печати, напечатавъ маленькій разсказъ. Самъ В. М., однако, не придавалъ значенія этому своему печатному первенцу, также какъ и статьямъ о художественныхъ выставкахъ, появившимся вслѣдъ затѣмъ въ «Новостяхъ», и считалъ начало своей литературной дѣятельности съ «Четырехъ дней», появившихся въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1877 годъ.

Какъ ни сильно было желаніе В. М. писать, событія жизни, къ которымъ онъ относился съ болѣзненною чуткостью, отвлекали его отъ удовлетворенія своей потребности выражать происходившіе въ немъ процессы мысли въ художественныхъ образахъ. 1876 годъ былъ, какъ извѣстно, мрачнымъ годомъ. Болгарія обливалась кровью; Россія готовилась къ войнѣ съ Турціею; Австрія готова была соединиться съ Турціею противъ Россіи. Положеніе дѣлъ было неопредѣленное и обѣщавшее мало хорошаго. Въ обществѣ царило возбужденіе. Сборы пожертвованій разнаго рода на славянъ, добровольческое движеніе въ Сербію, сборъ арміи въ Кишиневѣ—все это взбудоражило всѣ слои общества. Какъ все это отражалось на В. М., видно изъ слѣдующихъ отрывковъ изъ писемъ его къ Н. С. Дрентельну, писанныхъ лѣтомъ 1876 г. изъ Харькова:

«18$\frac{2}{VI}$76. Харьковъ... Пишу я теперь съ отчаяньемъ; вчера исписалъ нѣсколько листовъ бумаги. Работа удовольствія не доставляетъ, скорѣе какое-то злобное, желчное чувство. Если это такъ пойдетъ всегда, то незавидная предстоитъ мнѣ участь. А не писать не могу, да и что со мною будетъ безъ этого»...

«18$\frac{18}{VI}$76. Харьковъ... За сообщеніе новостей изъ профессорскаго міра весьма благодаренъ, хотя, по правдѣ сказать, электрофорная машина Теплова и соединеніе химическаго и физическаго обществъ интересуютъ меня гораздо меньше, чѣмъ то, что турки перерѣзали 30,000 безоружныхъ стариковъ, женщинъ и ребятъ. Плевать я

хотѣлъ на всѣ ваши общества, если они всякими научными теоріями никогда не уменьшатъ вѣроятностей совершенія подобныхъ вещей»...

«18/VII 76. Харьковъ... Дражайшій Н. С., пиши, пожалуйста. Ей Богу, я также нуждаюсь въ чьихъ-нибудь письмахъ. Если бы ты зналъ, каково бываетъ у меня на душѣ, особенно со времени объявленія войны [1]). Если я не заболѣю это лѣто, то это будетъ чудомъ.

Получилъ письмо отъ Alexander Heard, Esq-re изъ London'a. Тоже тоскуетъ. Господи, куда-же дѣваться? Развѣ въ самомъ дѣлѣ удариться въ гартмановщину или еще въ какую-нибудь ерундищу? Не ударишься ни во что подобное; мозги все таки такъ положительно устроены, что Гартманъ не соблазнитъ»...

Возвратившись въ Петербургъ, В. М. съ жаднымъ вниманіемъ слѣдилъ за извѣстіями съ Балканскаго полуострова. Извѣстія эти производили самое потрясающее впечатлѣніе на его чуткую душу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не могъ безъ ужаса думать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя должны были обрушиться на русскій народъ въ виду ставшей неизбѣжною войны съ турками. Свое тогдашнее душевное состояніе В. М. изобразилъ позднѣе въ разсказѣ «Трусъ». Герой этого разсказа, какъ помнитъ читатель, приходитъ въ ужасъ отъ реляцій, въ которыхъ кратко говорилось о томъ, что въ томъ или другомъ дѣлѣ убито *только* столько-то, ранено—столько-то, и, все болѣе проникаясь мыслью объ обязанности для него принять и на себя долю обрушившагося на русскій народъ бѣдствія, отправляется, наконецъ, рядовымъ на театръ военныхъ дѣйствій. Такъ именно поступилъ и В. М. Онъ бросилъ переходные экзамены (со второго на третій курсъ Горнаго Института) и отправился въ дѣйствующую армію. Примѣръ его увлекъ и двухъ его товарищей: одинъ изъ нихъ, В. Н. Афанасьевъ, въ семьѣ котораго В. М. прожилъ нѣсколько лѣтъ гимназическаго ученья, какъ о томъ было уже упомянуто выше,—отправился вмѣстѣ съ В. М., а другой, художникъ М. Е. Малышевъ, явился на театръ военныхъ дѣйствій позднѣе, въ августѣ.

---

[1]) Рѣчь идетъ или о сербско-турецкой войнѣ, или только о мобилизаціи русской арміи, такъ какъ собственно война Турціи объявлена Россіею весною 1877 года.

Въ Кишиневѣ В. М. и его товарищъ поступили рядовыми въ 138-ой Болховской пѣхотный полкъ и черезъ день выступили въ походъ. Походъ къ Дунаю былъ очень тяжелъ. В. М. приходилось страдать вдвойнѣ: и какъ рядовому, на долю котораго выпадали всѣ тягости похода, и какъ интеллигентному человѣку, сердце котораго возмущалось печальнымъ положеніемъ нашего солдата, царившими въ арміи злоупотребленіями, которыя теперь раскрывались передъ ними во всей наготѣ, и т. д. По словамъ его сотоварища, В. Н. Афанасьева, В. М. весь походъ перенесъ замѣчательно хорошо. Не смотря на всю трудность похода, большіе переходы, грязь, жару, жажду, никогда онъ не былъ въ числѣ отсталыхъ; и не только самъ, казалось, легко переносилъ всѣ тягости похода, но и другихъ подбодрялъ,—то займетъ разсказомъ, то поподчуетъ табакомъ, то пристыдитъ. По приходѣ на привалъ или ночлегъ, онъ первый бѣжалъ съ манеркой за водою, и пока другіе отдыхали, онъ уже устраивалъ чай, и т. д. Позднѣе В. М. описалъ сдѣланный имъ походъ къ Дунаю въ «Запискахъ рядового Иванова». Отъ этого времени сохранилось нѣсколько писемъ В. М., изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки.

Изъ писемъ къ И. Е. Малышеву.

«Кишиневъ. $\frac{5}{V}$77. Мы очень удачно пріѣхали въ Кишиневъ: пріѣхали вчера, 4 мая, а завтра, 6-го, уже выступаемъ въ походъ съ 138 пѣхотнымъ полкомъ. Служить будемъ въ ротѣ у Ив. Наз. Афанасьева, брата Васи (товарищъ В. М.), и притомъ вмѣстѣ. Одинаковый ростъ позволяетъ намъ даже во фронтѣ стоять рядомъ. Не знаю, каково вынесемъ мы походъ. Выступивъ завтра въ $5^1/_2$ часовъ утра, мы придемъ въ Баніасъ (покуда наша конечная цѣль, мѣстечко на Дунаѣ противъ Рущука) 28 мая. Походъ—пѣшкомъ, по 20—30 вв. въ день.

Итакъ, почти на мѣсяцъ мы лишены всякихъ сношеній съ міромъ: можетъ быть, непридется увидѣть клочка печатной бумаги, такъ какъ маршрутъ избѣгаетъ всѣхъ городовъ. Только черезъ Плоешти (гдѣ теперь главная квартира) придется проходить.

Писалъ бы больше, да нужно идти представляться полковому командиру.

До свиданья. Когда-то увидимся? Да и увидимся-ли еще?»

«1 іюня. Бивуакъ въ дер. Баніасъ, предм. г. Бухареста. Походъ нашъ по первому маршруту конченъ: мы пришли въ Баніасъ, который оказался вовсе не на Дунаѣ, а около Бухареста (наши офицеры, не имѣя картъ, ошиблись). Дня черезъ 3 или 4 идемъ на Дунай. Сдѣланный походъ былъ не легокъ. Переходы доходили до 48 верстъ. Это — при страшной жарѣ, въ суконныхъ мундирахъ, ранцахъ, съ шинелями черезъ плечо. Въ одинъ день изъ нашего батальона упало на дорогѣ до 100 человѣкъ: по этому факту можете судить о трудности похода. Но мы съ В. (т. е. Афанасьевымъ) держимся и не плошаемъ. Хорошо, что теперь уже идемъ въ очень легкихъ костюмахъ: бѣлыя рубахи и штаны».

Изъ письма къ А. Я. Герду.

«Черница (между Бѣлою и Рущукомъ). 1877 г. 9 іюля.... Что писать, я рѣшительно не знаю. Правда, впечатлѣній множество, но если бы я вздумалъ излагать ихъ, то необходимо вдался бы въ такія подробности, которыя сдѣлали бы доставку этого письма невозможною. Удивляюсь нашимъ корреспондентамъ! Какъ они ухитряются писать, лавируя между Сциллою и Харибдою, — достойное изученія явленіе.

Наша дивизія (35), какъ вы вѣроятно знаете изъ газетъ, прикомандирована къ Рущукскому отряду. До сихъ поръ я не слышалъ ни одного выстрѣла и до того привыкъ къ мирному характеру нашего похода, что мнѣ теперь кажется, что мы и вернемся въ Россію, не бывъ въ бою. Впрочемъ, кто знаетъ?

Вчера вернулся изъ довольно интереснаго путешествія. Изъ Коссова, гдѣ мы стояли раньше, мы, т. е. я, Афанасьевъ и еще трое солдатъ были посланы въ Тырново за покупками для роты. Мы отправились рано утромъ, а въ 10 ч. нашей бригадѣ приказано было выступить, и когда мы вернулись изъ Тырнова, то не

нашли на мѣстѣ бивуака ничего, кромѣ золы и проч. признаковъ оставленнаго лагеря. Куда ушелъ отрядъ — неизвѣстно. Два дня блуждали мы и наконецъ догнали нашъ полкъ уже здѣсь, въ Черницѣ.

Тырново — преинтересный городъ. Узкія, кривыя улицы (узкія до того, что во многихъ мѣстахъ разъѣхаться нельзя), двухъ-трехъ-этажные дома съ выдающимися верхними этажами, открытыя на улицу лавки и мастерскія, водоемы. Болгаре радуются, вѣшаютъ поперекъ своихъ переулковъ гирлянды, а въ окнахъ лоскутки бумаги съ надписями въ родѣ: «Ура, ура, ура, царь Александръ!» Въ деревняхъ этой радости меньше. Весьма понятныя причины этого не могу изложить вамъ.

Говорить съ болгарами не составляетъ особаго труда, особенно съ грамотными, знающими церковный языкъ. Съ однимъ же образованнымъ лавочникомъ я объяснялся совершенно свободно»...

Изъ письма къ И. Е. Малышеву.

«Ковачица. 29 іюля 77 г. Наиболѣе выдающееся событіе нашей жизни вамъ уже описалъ Вася; поэтому не стану распространяться объ немъ. Скажу только, какое впечатлѣніе произвелъ на меня видъ раненыхъ, крови, труповъ и прочихъ аксесуаровъ войны.

Я никогда не ожидалъ, чтобы при моей нервности я до такой степени спокойно отнесся къ сказаннымъ предметамъ. Трупы мы видѣли истинно ужасные; одного турку вмѣсто того, чтобы зарывать, казаки обложили снопами и зажгли! Представьте, что изъ него вышло. Черная, обугленная масса, приблизительно подходящая по формѣ къ человѣческому тѣлу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трещины, въ которыхъ видно красное мясо. Черепъ оскалилъ зубы; они рѣзко выдаются на черномъ фонѣ своею бѣлизною. Тамъ, гдѣ были ноги, какія-то черныя, угольныя бревна. Кости высовываются изъ нихъ, потому что ступни отвалились. И все это отъ пятидневнаго лежанія на солнцѣ издаетъ невыносимый запахъ. (Перечитавъ это описаніе, я всею душою пожелалъ, чтобы вамъ

не пришлось читать его за столомъ). И представьте, даже такое нехудожественное описаніе дѣйствуетъ на меня самого болѣе непріятно, болѣе вывертываетъ душу, чѣмъ самый видъ неизвѣстнаго правовѣрнаго.

Тоже и раненые. Непріятно слушать, читать объ ужасныхъ ранахъ, видѣть ихъ на картинахъ; но на самомъ дѣлѣ впечатлѣніе значительно смягчается. А какія ужасныя бываютъ раны! Я пересмотрѣлъ около 150 человѣкъ и видѣлъ страшно искалѣченныхъ людей. Особенно непріятны раны въ лице.

Констатировано, что турки стрѣляли, между прочимъ, и разрывными пулями.

18 и 19 іюля нашъ батальонъ (2-й) посылали прибрать трупы послѣ боя. Турки лежали какъ посѣянные. Нашихъ было гораздо меньше. Да и сами-то они меньше. Турецкіе солдаты (бывшіе въ этомъ дѣлѣ) — огромный, жирный народъ. Раздуло ихъ въ пять дней ужасно. На позиціи осталось множество большихъ цинковыхъ ящиковъ и цѣлыя груды гильзъ. Страшно подумать, что все это было высыпано въ наши нѣсколько ротъ.

Полковника-венгерца узнали по надписи на клинкѣ: Patrona Hungariae, Virgo Maria. Кромѣ того на бѣльѣ у него мѣтка латинскими буквами — А. М.

Обмундировка турокъ, аммуниція и оружіе — превосходны. Ружья Снайдера лучше нашихъ Крнка, но хуже Бердана, но зато ружья Пибоди лучше даже и Бердана. Заряжаются моментально. Кромѣ Снайдера и Пибоди у турокъ были еще «магазинныя» ружья, изъ которыхъ можно выпустить безъ перерыва чуть ли не 20 пуль.

Это-то хорошее оружіе отчасти и было причиною турецкой неудачи. Имѣя огромное количество патроновъ и скорозаряжающіяся ружья, они не жалѣли патроновъ и сыпали пулями, не цѣлясь, тогда какъ наши солдаты стрѣляли рѣдко, да мѣтко.

Изъ газетъ вы, конечно, знаете, гдѣ стоитъ 13 корпусъ и каково его назначеніе. Быть можетъ, къ тому времени, какъ это письмо дойдетъ до васъ, вы уже прочтете о дѣлѣ, въ которомъ мы, конечно, будемъ участвовать. Турки непремѣнно будутъ наступать на насъ отъ Разграда и Шумлы.

Теперь они отъ насъ верстахъ въ 10 — 12. Видно каждый

день зарево то тамъ, то сямъ. Это горятъ болгарскія деревни. Самихъ болгаръ рѣжутъ. Богатѣйшіе хлѣба, уже готовые (рожь даже осыпается) стоятъ неприбранными. Несчастная страна! сколько она заплатитъ выкупа за свое освобожденіе!

Вообще турки — премилый народъ. Недѣли двѣ назадъ казаки привели двухъ негодяевъ («мирныхъ» жителей), которые изнасиловали дѣвочку лѣтъ 15, а потомъ перерѣзали ей жилы на рукахъ».

Во время похода В. М. сошелся весьма близко съ солдатами. По своей натурѣ онъ не могъ держаться въ сторонѣ отъ окружавшихъ его сѣрыхъ шинелей, не могъ воспользоваться своимъ привиллегированнымъ положеніемъ «барина», которымъ остается человѣкъ его положенія даже и въ качествѣ рядового. Напротивъ, В. М. всячески избѣгалъ пользоваться какими либо привиллегіями, несъ всѣ тягости службы и похода наравнѣ со всѣми солдатами, принималъ участіе во всѣхъ работахъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, какъ интеллигентный человѣкъ, былъ полезенъ солдатамъ во многихъ отношеніяхъ: писалъ и читалъ письма, давалъ разнаго рода объясненія по различнымъ поводамъ, объяснялся съ начальствомъ за солдатъ и т. д. Добрая, кроткая натура В. М. скоро расположила къ нему всѣхъ его товарищей по службѣ. Солдаты полюбили его и память о немъ долго хранилась между ними. Когда позднѣе солдаты роты, въ которой служилъ В. М., узнали, что онъ почему-то не получилъ ордена св. Георгія, къ которому былъ представленъ, они крайне сожалѣли, что не присудили ему ротный Георгій въ надеждѣ, что онъ и безъ того получитъ этотъ орденъ. Самъ В. М. весьма привязался къ своимъ товарищамъ по походу и многихъ изъ нихъ охотно вспоминалъ. Вообще онъ сильно заинтересовался положеніемъ солдатъ, какъ и вообще многими сторонами военнаго дѣла. Его разсказы о войнѣ были всегда очень печальные. Его ужасало не только обиліе жертвъ людьми, приносимыхъ войнѣ на поляхъ битвъ, но и многія другія стороны дѣла, не менѣе ужасныя. Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ о ненужныхъ лишеніяхъ и бѣдствіяхъ, которымъ подвергались солдаты ради каприза или

корыстныхъ цѣлей разныхъ лицъ. Говорилъ онъ также много о разныхъ бѣдствіяхъ, выпадающихъ на долю населенія мѣстностей, занятыхъ войсками — почти все равно непріятельскими или дружественными. Вообще, самое ужасное, что В. М. видѣлъ въ войнѣ, это то обстоятельство, что во время ея люди утрачиваютъ слишкомъ много человѣческихъ чертъ и слишкомъ много воли даютъ звѣрскимъ качествамъ, животнымъ инстинктамъ. Особенно поразительны были разсказы В. М. объ одной сторонѣ дѣла, которую почему-то всегда оставляютъ безъ вниманія какъ военные писатели, такъ и очевидцы-разсказчики. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось ни читать объ этой сторонѣ дѣла, ни слышать отъ кого-либо, кромѣ В. М. Дѣйствительно, эта сторона дѣла весьма щекотлива во многихъ отношеніяхъ. Постараюсь, однако, дать о ней понятіе, насколько смогу. Представьте себѣ, что въ какомъ-нибудь городкѣ, мѣстечкѣ или селѣ сосредоточены десятки тысячъ войскъ, состоящихъ преимущественно изъ людей въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, изъ которыхъ притомъ большій или меньшій процентъ отличается далеко не примѣрною нравственностью. Представьте также, что это скопище здоровыхъ, молодыхъ, полныхъ силы людей находится большее или меньшее время въ полномъ бездѣйствіи. Можно представить себѣ, что изъ этого должно выйдти для мѣстнаго населенія. Правда, разнаго рода аферисты, имѣя въ виду столь сосредоточенный «спросъ», слѣдуютъ за арміями съ партіями «живого товара». При несоотвѣтствіи размѣровъ «спроса» на этотъ товаръ съ предложеніемъ его, несчастныя проститутки подвергаются прямо самому ужасному истязанію. В. М. приводилъ по этому поводу до такой степени чудовищные факты, что у слушателей буквально становились волоса дыбомъ. Но какъ ни интензиво идетъ использованіе «живого товара», все таки его далеко не хватаетъ для удовлетворенія спроса, и тогда приходится расплачиваться мѣстному населенію...

В. М. пришлось принять участіе въ двухъ дѣлахъ съ турками. Первое было небольшимъ дѣломъ. Послѣ него позиція осталась за турками, которые, однако, затѣмъ очистили ее. Были посланы войска для уборки и погребенія труповъ. И здѣсь-то былъ найденъ среди труповъ живымъ солдатъ того же Болховскаго полка,

въ которомъ служилъ и В. М.: несчастный четыре дня оставался на полѣ сраженія съ перебитыми ногами, безъ пищи и воды. Этотъ случай и послужилъ темой для перваго разсказа В. М., доставившаго ему извѣстность: «Четыре дня».

Вторымъ дѣломъ, въ которомъ участвовалъ В. М., было сраженіе при Аясларѣ, описанное имъ въ «Новостяхъ». Въ реляціи объ этомъ сраженіи сказано, что «рядовой изъ вольноопредѣляющихся В. Гаршинъ примѣромъ личной храбрости увлекъ впередъ товарищей въ атаку, во время чего и раненъ въ ногу». Приводимъ здѣсь относящееся къ этому факту письмо В. М. къ И. Е. Малышеву.

«Бѣла. 56 военный временный госпиталь. 20 авг. 1877 г. Пишу къ вамъ лежа; поэтому прошу извинить за, можетъ быть, ужъ слишкомъ дурной почеркъ. Вѣроятно, вы уже знаете отъ В. о томъ, что мнѣ прострѣлили ногу. Рана неопасная, но всетаки придется провозиться съ нею мѣсяца 3—4.

Лежу я въ 56 военномъ временномъ госпиталѣ. Такъ какъ В., вѣроятно, описывалъ вамъ бой, то о немъ умолчу. Могу сказать, впрочемъ, что мы лицемъ въ грязь не ударили. Я удивлялся самъ своему спокойствію: жаркій споръ съ вами изъ-за жидовъ (въ былыя времена) производилъ во мнѣ гораздо большее волненіе. В. скажетъ вамъ то же самое. Гранатамъ, конечно, кланялись земно, да и нельзя было не кланяться: безъ этихъ поклоновъ разнесло бы на кусочки. Пахнётъ дымъ (орудія стояли отъ насъ всего на 1200—1300 шаговъ), жужжитъ граната, прямо на тебя. Бросишься ничкомъ и чрезъ секунду, когда съ воемъ и визгомъ пронесутся надъ тобою осколки, встаешь, весь засыпанный землею. Около—ямы: это мѣсто, гдѣ «она» разорвалась.

Меня ранили (точно дубиной хватило) тотчасъ же послѣ того, какъ мы отбили турецкую атаку. Помню, какъ я сѣлъ на землю и закрывалъ оба отверстія раны руками. Кровь лилась: я перетянулъ ногу выше раны платкомъ, снялъ съ плеча шинель, сухари, отстегнулъ патроны и поползъ. Ахъ, какъ трудно ползти съ прострѣленной ногой, да еще подъ выстрѣлами, когда пули визжатъ и лопаются около твоего носа. Гранаты рвало чуть не около меня. Однако, Богъ спасъ, я протащился шаговъ съ сотню; тутъ меня

подняли нашъ барабанщикъ и еще какой-то унтеръ-офицеръ и повели. Больная нога цѣплялась за кусты... Съ полверсты вели они меня, наконецъ, встрѣтили носилки, и я закачался на нихъ. Это была сущая благодать. Черезъ два часа я уже ѣхалъ, перевязанный, въ фургонѣ въ дивизіонный лазаретъ.

О нашей санитарной части я ничего не могу сказать, кромѣ хорошаго. Такая заботливость, такой уходъ, что хоть куда. Сестры— сущіе ангелы и ангелы, не торчащіе даромъ, а работающіе не хуже докторовъ.

14 авг. насъ привезли сюда, въ Бѣлу. Здѣсь пробуду я, быть можетъ, недѣли двѣ.

Лежу, конечно, цѣлый день (нога въ лубкѣ), ѣмъ (винограду фунта по 3 въ день), пью, сплю. Два раза въ день перевязка: сквозь рану просунули дренажъ и промываютъ карболовой кислотой.

Сейчасъ пріѣхалъ транспортъ раненыхъ 140-го Зарайскаго полка. Это дѣло 18-го августа. Бѣдные зарайцы цѣлый день держались противъ цѣлой арміи! Убитыхъ и раненыхъ множество.

Вообще, наша дивизія хоть изъ молодыхъ, а уже потрепаны изрядно всѣ четыре полка. Рядомъ со мною положили офицера съ раздробленною стопою».

Походъ со всѣми его тягостями, военныя дѣйствія, а затѣмъ и рана не охватили, однако, В. М. всецѣло, не заставили его забыть то, что онъ оставилъ позади себя, въ Петербургѣ. Напротивъ, всѣ вопросы, всѣ явленія нашей жизни, которыя занимали и волновали его ранѣе, продолжаютъ занимать и интересовать и теперь. Въ письмахъ онъ усиленно проситъ писать о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ и вообще въ Россіи; проситъ о присылкѣ газетъ и, получивъ таковыя, несказанно радуется и благодаритъ приславшихъ. Онъ крайнѣ радуется встрѣчѣ съ людьми, съ которыми можно говорить о Петербургѣ, и еще болѣе — съ людьми, только что прибывшими изъ Петербурга. Онъ не забываетъ всѣхъ своихъ друзей, помнитъ ихъ радости и горести и постоянно думаетъ о нихъ. Позднѣе, въ письмѣ, написанномъ одному другу изъ Харькова, немедленно по прибытіи туда въ числѣ другихъ раненыхъ съ театра войны, В. М. пишетъ: «Дорогой мой, знаешь ли ты, что твое хроническое горе до того въѣлось и въ мое существованіе, что въ самые мучитель-

ные дни похода, въ тѣ дни, когда не хотѣлось бы думать ни о чемъ, и тогда часто вспоминался мнѣ другой міръ страданій, тотъ, что сидитъ въ твоемъ больномъ организмѣ. И думалъ я, что ни мои кровавыя мозоли на ногахъ, ни перетянутыя ранцемъ и винтовкою плечи, ни голоданье, ни жажда, ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ, что испытываешь ты, что испытывать доводилось и мнѣ»...

Въ Харьковъ В. М. былъ доставленъ 4 сентября. Черезъ два дня онъ уже писалъ на театръ дѣйствій оставшимся тамъ товарищамъ. Между прочимъ, онъ описывалъ свое путешествіе отъ Бѣлы до Харькова. «25 авг. нами нагрузили транспортъ и повезли. Шоссе каменистое, трясетъ, да еще хохолъ, чтобы подогнать, иногда катаетъ рысью. Мы ночевали около той самой горы, гдѣ, помнишь, у насъ былъ большой бивуакъ. Холодъ былъ страшный и я простудился и схватилъ лихорадку. Совсѣмъ она меня изнурила. Да еще рана, не перевязанная два дня, уже начала вонять. Просто бѣда. Пріѣхали въ Фортешти, переночевали, а утромъ я уже катилъ на санитарномъ поѣздѣ Берлинскаго креста. Очень хорошо ѣздить на этихъ поѣздахъ. Въ Яссахъ насъ пересадили на поѣздъ Александры Іосифовны. Ѣхалъ я на немъ до Бирзулы, а отсюда просто во второмъ классѣ».

О своемъ житьѣ въ Харьковѣ В. М. писалъ В. Н. Афанасьеву отъ 12 сент.: «Ежедневно ко мнѣ являются разные посѣтители; жду скоро даже одного генерала. Десятки разъ приходится мнѣ повторять о нашемъ положеньи, о туркахъ, какъ они вооружены, каково дерутся и пр., и пр. Надоѣло порядкомъ. Надоѣло также и валяться. Ужъ второй мѣсяцъ, какъ я нахожусь въ горизонтальномъ положеніи, да кажется придется оставаться въ немъ еще не одинъ мѣсяцъ. Рана идетъ хорошо, но страшно медленно. Ужъ очень много мяса выхватила проклятая пуля. А тутъ еще любезная сестра милосердія помогла: обожгла ногу чистою карболовою кислотою. Обжогъ мучаетъ еще больше раны».

Ко всѣмъ невзгодамъ присоединилась еще лихорадка, замучившая В. М. до полусмерти. Выздоровленіе шло медленно. Рана долго не затягивалась, да и потомъ долго нельзя было ходить. Но для такой живой натуры неподвижность была не по силамъ. Поэтому

онъ часто ѣздилъ кататься по городу, а дома ухитрялся какъ-то ползать по комнатамъ, вытянувъ впередъ туго забинтованную ногу.

Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Харьковъ онъ принялся за обработку разсказа «Четыре дня», набросаннаго еще въ Болгаріи, въ лазаретѣ. Разсказъ былъ посланъ въ «Отечественныя Записки» и немедленно появился въ октябрьской книжкѣ этого журнала. Разсказъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Художественное изображеніе одной капли тѣхъ страданій, которыя приноситъ война, оказалось достаточнымъ для того, чтобы заставить всѣхъ представить себѣ всю картину ужасовъ войны и задрожать отъ нея. Всѣмъ стало ясно, что написать такое произведеніе могъ только недюжинный талантъ. Давнишнее желаніе В. М. сдѣлаться писателемъ осуществилось: онъ сталъ писателемъ съ немедленно же признаннымъ талантомъ.

А, между тѣмъ, этотъ писатель былъ въ это время не болѣе какъ «рядовымъ изъ вольноопредѣляющихся», обязаннымъ прослужить установленный срокъ. Надъ этимъ приходилось задумываться Иное дѣло идти «подставлять свою грудь», какъ выражается герой «Четырехъ дней», и иное дѣло тянуть лямку «нижняго чина» въ мирныхъ условіяхъ,—гдѣ нибудь въ глуши, при казарменномъ житьѣ, съ «ученьями», фронтами, караулами и проч. И В. М. начинаетъ безпокоить данный вопросъ съ первыхъ же дней пребыванія въ Харьковѣ. Въ письмѣ отъ 25 сентября этого (1877) года къ Н. С. Дрентельну читаемъ: «Мнѣ дали Георгія (какъ мы уже упоминали, В. М. почему-то не получилъ этого ордена). Несмотря на такое поощреніе моей храбрости, я вовсе не желаю (отхотѣлъ) снова идти въ огонь. Постараюсь вывернуться: взять отпускъ для совершеннаго выздоровленія на многіе мѣсяцы. Если дадутъ на продолжительный срокъ, то въ январѣ увидимся, ибо я явлюсь въ Петербургъ. Примусь за работу снова и на этотъ разъ ужъ совсѣмъ по своему. Что изъ этого выйдетъ, еще не знаю. Только планъ моего самообученія курьезенъ»...

Весною 1878 года В. М. былъ произведенъ въ офицеры. Около этого времени у него явилась особая идея, связанная съ мыслью о необходимости служить. Въ письмѣ отъ 18 мая онъ пишетъ Н. С. Дрентельну: «Отъ очень многихъ хорошихъ людей

выданъ и мнѣ аттестатъ «хорошаго». Эти хорошія качества (буде они существуютъ) нужно наконецъ пустить въ оборотъ. Ты, вѣроятно, удивишься, когда я скажу тебѣ, на что я рѣшился. Я хочу оставаться въ военной службѣ. Буду даже добиваться академіи». Около этого же времени В. М. въ письмѣ къ товарищу-офицеру разъясняетъ и самую свою идею. «Мы съ тобой достаточно убѣдились въ плохомъ положеніи нашей арміи. Мы хотимъ уходить изъ нея именно потому, что въ ней для насъ скверно, душно. Если такъ будутъ разсуждать всѣ, видящіе гадость въ военной средѣ, то никогда и среда не измѣнится. Не лучше ли намъ влѣзть въ эту среду? Можетъ быть, что-нибудь и сдѣлаемъ путнаго. Можетъ быть, со временемъ мы будемъ имѣть возможность не дозволить бить солдата, какъ это дѣлается теперь, не дозволить вырывать изъ его рта послѣднюю корку хлѣба». Но такое настроеніе продолжалось у В. М. не долго. Уже отъ 7 авг. онъ пишетъ тому же лицу: «Дѣла мои очень скверны. Чувствую непреоборимое желаніе удрать изъ службы, а между тѣмъ это едва ли удастся». Въ концѣ 1878 года онъ, наконецъ, получилъ отставку.

Отмѣтимъ здѣсь еще не-безъинтересный фактъ, что мысль о поступленіи въ военную службу являлась у В. М. нѣсколько разъ и въ болѣе позднее время. Характерно, что къ убѣжденію о необходимости для него поступленія на службу В. М. приходилъ или въ началѣ припадковъ безумія, или въ тяжелыя минуты отчаянія за свою способность къ какому либо дѣлу. Такъ въ 1880 г., послѣ того, какъ В. М. надѣлалъ рядъ удивительныхъ странностей въ Петербургѣ, Москвѣ и по деревнямъ нѣсколькихъ губерній (о чемъ будемъ говорить ниже), почти наканунѣ поступленія въ харьковскую лечебницу для душевнобольныхъ, онъ въ письмѣ къ А. Я. Герду отъ 25 апрѣля сообщаетъ о своемъ рѣшеніи поступить въ какой-нибудь кавалерійскій полкъ. Еще позднѣе, оправившись отъ душевнаго недуга, но находясь въ самомъ мрачномъ настроеніи, онъ пишетъ (отъ 10 янв. 1882 г.) В. А. Фаусеку: «А знаете ли, В. А., мнѣ часто приходитъ въ голову: не махнуть ли и мнѣ въ свой Болховскій полкъ? Завязнуть туда по уши, да и все. Ей Богу, правда: ну, на какого чорта я гожусь, если не писать, а писать я, право, кажется, не буду никогда. Буду солдатъ обучать

«словесности»; и то хоть хорошо, что бить ихъ по мордѣ не стану»...

Возвратимся, однако, къ хронологической послѣдовательности нашего разсказа. Мы оставили В. М. въ Харьковѣ осенью 1877 г. съ простреленной ногой, принужденнымъ лежать въ кровати или ползать на рукахъ. Мало по малу онъ началъ поправляться, сталъ ходить на костыляхъ и въ декабрѣ могъ уже уѣхать въ Петербургъ. Въ Петербургъ онъ усиленно стремился во все время своей болѣзни. Передъ отъѣздомъ онъ писалъ В. Н. Афанасьеву: «Послѣзавтра утромъ я уѣзжаю въ Питеръ, безъ денегъ, больной, но все таки ѣду. Очень ужъ захотѣлось Питера. Предвижу въ немъ не мало себѣ затрудненій. Хотя литературная работа теперь для меня вполнѣ обезпечена, но вотъ загвоздка: въ 55 (кажется) № Летучаго В. Листка есть приказъ, воспрещающій «военнослужащимъ» всякое литераторство. Но я буду писать, пока не посадятъ. Къ январьской книжкѣ, думаю, поспѣю написать новенькое.

Мнѣ, къ удивленію моему, дали (безъ всякой съ моей и матушкиной стороны просьбы) отпускъ *на годъ*, а что еще лучше— даровой билетъ до Петербурга. Впрочемъ, нога у меня попорчена надолго — это вѣрно. Болитъ часто, устаетъ послѣ полуверсты ковылянья на палочкѣ.

Болѣю еженедѣльно и все разными напастями. Теперь желудочная лихорадка... Просто горе. Нервы разстроились совершенно и все мое спокойствіе, пріобрѣтенное за походъ, пошло къ черту».

Черезъ нѣсколько дней В. М. былъ уже въ Петербургѣ. Здѣсь, среди друзей, онъ снова вошелъ въ свою обычную колею и отдался писательству. Въ это время имъ написанъ маленькій разсказъ «Очень маленькій романъ», мало извѣстный публикѣ, благодаря тому, что онъ былъ напечатанъ почему-то въ «Стрекозѣ». Въ эту же зиму В. М. написалъ «Происшествіе». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ усиленно заботился о своемъ научномъ и художественномъ образованіи. Его чрезвычайная любовь къ живописи особенно сильно сказалась теперь. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщалъ художественныя выставки, долго всматривался въ картины, вдумывался въ нихъ и онѣ говорили ему многое, что оставалось совершенно недоступнымъ и неизвѣстнымъ толпѣ посѣтителей выставокъ. До какой

степени занимали его въ это время вопросы художественнаго творчества, наглядно показываетъ слѣдующее письмо его, найденное въ бумагахъ покойнаго И. Н. Крамского. В. М. въ это время не былъ лично знакомъ съ Крамскимъ, но счелъ себя въ правѣ обратиться къ нему за разъясненіемъ по поводу его картины «Христосъ въ пустынѣ».

«Спб. $\frac{14}{11}$78. Милостивый Государь Иванъ Николаевичъ! Беру на себя смѣлость обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Я увѣренъ въ правотѣ моего мнѣнія, и для себя вовсе не сталъ бы безпокоить васъ, но мнѣ хотѣлось бы получить разъясненіе отъ васъ самихъ, для того чтобы другихъ вывесть изъ заблужденія. Дѣло идетъ о моментѣ, изображаемомъ вашею картиною «Христосъ въ пустынѣ». Утро ли это 41-го дня, когда Христосъ уже вполнѣ рѣшился и готовъ идти на страданіе и смерть, или та минута, когда «пріиде къ нему бѣсъ», какъ выражаются мои оппоненты. Я вполнѣ увѣренъ въ правотѣ перваго толкованія. Видѣть въ фигурѣ Іисуса страданіе и борьбу только потому, что у него измученное лице,— это показываетъ очень поверхностное знакомство съ человѣческою душою. «Если-бъ онъ рѣшился, онъ имѣлъ бы сіяющее лице», сказалъ мнѣ одинъ изъ публики. Христу сіять изъ-за сознанія того, что онъ рѣшился на хорошее дѣло! «Какой, дескать, я хорошій!»

Тѣ черты, которыя вы придали своему созданію, по моему, вовсе не служатъ къ возбужденію жалости къ «страдальцу» (говорю это потому, что одинъ изъ толкователей нашелъ, что лице Христа ужасно *жалко*). Нѣтъ, меня онѣ сразу поразили, какъ выраженіе громадной нравственной силы, ненависти ко злу, совершенной рѣшимости бороться съ нимъ. Онъ поглощенъ своею наступающею дѣятельностью, онъ перебираетъ въ головѣ все, что онъ скажетъ презрѣнному и несчастному люду, отъ котораго онъ ушелъ въ пустыню подумать на свободѣ; онъ сейчасъ же взялъ бы связку веревокъ и погналъ изъ храма безстыжихъ торгашей. А страданіе до него теперь не касается: оно такъ мало, такъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что у него теперь въ груди, что и мысль о немъ не приходитъ Іисусу въ голову»....

Увлекаясь искусствомъ, В. М. не забывалъ въ то же время и научнаго образованія. Онъ много читалъ въ это время. Но это не

было чтеніе систематическое, и когда ему было предложено однимъ другомъ пройдти систематическій курсъ біологіи, онъ категорически отказался. «Ты рекомендуешь мнѣ курсъ біологіи, — писалъ онъ Н. С. Дрентельну отъ 18 мая 1878 года,—точно будто не знаешь, что у меня въ головѣ постоянно будетъ сидѣть вопросъ: на кой чортъ мнѣ эта біологія? Вопросъ «зачѣмъ» до такой степени овладѣлъ моимъ существомъ, что ни за что, не дающее непосредственныхъ результатовъ, я не рискну взяться. Писательство имѣетъ результаты непосредственные—изящное (насколько изящное—это другой вопросъ) произведеніе, шевелящее если не мозги, то чувства (въ моемъ случаѣ, беря меня) людей. Вотъ почему я писать не брошу. Учиться (т. е. читать разныя умныя книжки) я не брошу до смерти, но взяться за какой-нибудь «курсъ» не ради себя, своего любопытства, я никогда не возьмусь. «Что онъ дѣлаетъ?» Учится! До какихъ же это поръ я буду учиться, до какихъ поръ съ меня не будетъ ни шерсти, ни молока?» Нѣсколько позднѣе, отъ 7 авг., В. М. писалъ тому же лицу: «А все таки поступлю въ университетъ. Конечно, біологіей заниматься не буду. Что ты ни разговаривай, а съ легкой руки Писарева пошедшее мнѣніе о значеніи естественныхъ наукъ я мало раздѣляю». Въ это время В. М. уже начала увлекать исторія, сдѣлавшаяся любимымъ предметомъ его занятій въ послѣдній періодъ его жизни, какъ увидимъ ниже. Для лучшаго ознакомленія съ исторіей, онъ осенью 1878 г. поступилъ даже вольнослушателемъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета, гдѣ пробылъ, однако, недолго.

Относительно своихъ литературныхъ занятій В. М. писалъ В. Н. Афанасьеву въ январѣ 1878 года слѣдующее: «Литературныя мои дѣла находятся въ блестящемъ положеніи, если брать «потенціалъ». Только пиши, а брать вездѣ будутъ. Въ нѣкоторые журналы («Слово», «Пчела») я приглашенъ самими редакціями. Но печататься теперь я буду только въ крайнемъ случаѣ. Пишу, правда, я довольно много, но все это для меня этюды и этюды; выставлять же ихъ я не желаю, хотя увѣренъ, что они шли бы не безъ успѣха. Буду печатать столько, чтобы только просуществовать».

Оживленіе, охватившее В. М. по переѣздѣ его въ Петербургъ,

продолжалось, однако, недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ. Уже 21 февраля 1878 г. онъ пишетъ В. Н. Афанасьеву: «Петербургъ уже надоѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки. Стремлюсь изъ него удрать. Собственно говоря, здѣсь можно было бы жить и интересно: мнѣ открыта полная возможность познакомиться со всякими знаменитостями; да со мною что то сдѣлалось странное: прежняя страсть къ знакомствамъ исчезла. Особенно не хочется знакомиться съ разными генералами отъ интеллигенціи, можетъ быть, потому, что не хочется «ученичествовать» и съ почтеніемъ выслушивать слова, изрекаемыя на манеръ пророчествъ. Богъ съ ними. Къ своей литературѣ я сталъ относиться строже. Художественныя рецензіи писать бросилъ, ибо вѣдь собственно это было съ моей стороны шарлатанство. Буду работать побольше, вылѣзать поменьше, авось, что нибудь и выйдетъ?» Еще позднѣе, отъ 2-го апрѣля, онъ писалъ тому же лицу: «Живу я скверно. Скверность исходитъ изъ меня самого, потому что внѣшнія обстоятельства всѣ благополучны. Часто спрашиваешь: какого еще тебѣ рожна нужно? и не находишь отвѣта. Но что рожёнъ этотъ гдѣ-то завалился и необходимо его сыскать — это ясно какъ день. Полторы недѣли какъ я пріѣхалъ въ Харьковъ и до сихъ поръ что называется палецъ о палецъ не ударилъ. Не дѣлаю рѣшительно ничего. Хандра, печальныя соображенія о своемъ ничтожествѣ.

Одинъ хохолъ, никогда до тѣхъ поръ не пившій, напился пьянъ и началъ горько плакать. «Чего ты ревешь?» «Да какъ же я пахать буду, какъ же я косить буду, когда я теперь и на печь взлѣсть не могу».

Вотъ и я нахожусь теперь въ точно такомъ же положеніи. Впрочемъ, не думаю, чтобъ это продолжалось долго: вокругъ все такъ хорошо. Весна и прочія обстоятельства».

Къ безпредметной тоскѣ, выгнавшей В. М. изъ Петербурга уже въ концѣ марта и, кажется, съ этого времени аккуратно повторявшейся каждую весну, присоединилось еще серьезное физическое страданіе. Скоро по пріѣздѣ въ Харьковъ В. М. серьезно заболѣлъ. Двѣ недѣли онъ провелъ безъ сна и безъ пищи, перенося ужасную боль. Послѣ болѣзни онъ долго едва могъ ходить.

А тутъ еще возня съ «военнымъ званіемъ», отъ котораго

В. М. долго не могъ отдѣлаться. 6 мая онъ писалъ В. Н. Афанасьеву изъ Харькова: «Поздравляю тебя съ чиномъ... Себя съ производствомъ не поздравляю, а, напротивъ, желалъ бы быть скромнымъ унтеръ-офицеромъ. Дѣло въ томъ, что отнынѣ мой годичный отпускъ пропадаетъ, и я, какъ и всѣ офицеры, обязанъ свидѣтельствоваться. Хотя я хромаю до сихъ поръ, но вдругъ признаютъ здоровымъ—и отправляйся къ вамъ въ Виддинъ. При моемъ теперешнемъ состояніи здоровья (нервы) это мнѣ смерть. Если бы я былъ способенъ пьянствовать, я спился бы въ Виддинѣ въ мѣсяцъ. Чую это и смотрю на полкъ какъ на гробъ. Мнѣ очень плохо: хандрю, потому что не могу ничего дѣлать, ничего не дѣлаю, потому что хандрю. Всѣ вокругъ работаютъ; одинъ я палецъ о палецъ не ударю. Тоска.

Пиши скорѣе и чаще. Не считайся, пожалуйста, со мною письмами, потому что мнѣ письма писать теперь такъ трудно. Не всегда найдешь время, свободное не отъ работы, а отъ мучительной тоски, совершенно затуманивающей голову».

Въ маѣ В. М. оправился. «Весна и прочія обстоятельства», т. е. общество молодежи, подѣйствовали на него благотворно. Онъ сталъ веселъ, оживленъ. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Орловскую губернію, въ имѣніе своей тетки, гдѣ прожилъ около мѣсяца. Тоска оставила его и онъ съ одушевленіемъ отдавался лѣтнимъ деревенскимъ удовольствіямъ. Но это продолжалось не долго. По пріѣздѣ въ Харьковъ онъ снова затосковалъ. Желая какъ нибудь избавиться отъ тоски, В. М. прибѣгалъ къ страннымъ средствамъ: «долблю латынь, которая приноситъ мнѣ всетаки нѣкоторое утѣшеніе, — писалъ онъ 7 авг. изъ Харькова Н. С. Дрентельну,—читаю Куно-Фишера. Куно-Фишеръ очень хорошій нѣмецъ, но по правдѣ сказать мнѣ теперь не до него». И дѣйствительно, ему было не до «хорошихъ нѣмцевъ». «Писать мнѣ теперь ужасно трудно,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ, — хотя очень хочется написать что-нибудь къ сентябрю. Пишу туго, да что и напишу, безжалостно рву»...

Прошло лѣто — и В. М. снова явился въ Петербургъ.

Зима 1878—79 гг. была очень тяжела для В. М. Съ одной стороны онъ впервые познакомился съ цензурными терніями, явив-

шимися препятствіемъ для разработки многихъ и очень многихъ занимавшихъ его темъ; а съ другой — тогдашнее время и, вообще, было полно событій, тяжело ложившихся на его впечатлительную душу. Онъ лишился многихъ друзей и знакомыхъ, что еще больше заставило его чувствовать тягость тогдашняго общаго положенія вещей. Что касается собственно внѣшней стороны жизни В. М., то зима 1878 — 79 гг. была повтореніемъ предшествующей зимы. Онъ писалъ, читалъ, по прежнему интересовался наукою и искусствомъ. Въ это время имъ написаны «Трусъ» и «Встрѣча». Такъ какъ произведенія В. М. всегда были крайне субъективны, то по указанному перечню написанныхъ имъ въ данную зиму произведеній можно судить и о томъ, что онъ переживалъ въ это время.

Весною В. М. былъ уже снова въ Харьковѣ. Въ это время съ особенною силою проявилась одна особенность его характера. Въ то время, какъ въ душѣ его царилъ самый ужасный мракъ, по внѣшности онъ могъ казаться самымъ счастливѣйшимъ и беззаботнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ воспоминаніяхъ В. А. Фаусека В. М. рисуется въ данную эпоху душою веселой компаніи, состоявшей изъмолодежи обоего пола и предававшейся всевозможнымъ удовольствіямъ. И, однако, онъ въ это время написалъ своихъ «Художниковъ», а нѣсколько позднѣе «Attalea princeps»,—произведенія, мрачное содержаніе которыхъ стоитъ въ такомъ противорѣчіи съ веселымъ настроеніемъ, повидимому овладѣвшимъ имъ въ это время. Еще болѣе мрачными оказываются нѣкоторыя письма В. М. изъ этой эпохи. Въ письмѣ къ старому другу, написанномъ тотчасъ по возвращеніи изъ веселой экспедиціи въ Куряжскій монастырь, которая описана въ воспоминаніяхъ В. А. Фаусека, В. М. отзывается о своемъ весельи, о совершаемыхъ имъ прогулкахъ и т. п., какъ о чемъ-то въ родѣ «Пира во время чумы». Къ сожалѣнію мы не можемъ привести выдержекъ изъ этого щемящаго сердце письма, которое ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что между дѣйствительнымъ душевнымъ настроеніемъ В. М. и его внѣшнимъ поведеніемъ лежала цѣлая пропасть, что участіе въ веселой компаніи было для него только средствомъ забвенія (онъ въ помянутомъ письмѣ такъ и выражается: «забываться не мѣшаетъ»), тѣмъ, чѣмъ для другихъ служитъ часто «чара зелена вина», съ тою разницею,

что послѣдняя даетъ хоть временное забвеніе, а В. М. ни на минуту не могъ забыть того, что его мучило. Дѣйствительно, время тогда было весьма мало располагающее къ веселью и пріятнымъ прогулкамъ. О дѣйствительномъ душевномъ настроеніи В. М. того времени могутъ дать слабое понятіе выдержки изъ слѣдующаго письма его къ А. Я. Герду отъ 25 апр.: «Что-то у васъ въ Питерѣ теперь дѣлается! Не спрашиваю, а только восклицаю, потому что не такое теперь время, чтобы спрашивать что бы то ни было. У насъ «тихо и спокойно», хотя... Повѣрка паспортовъ надѣлала много бѣды. На Москалевкѣ, напр. (я передаю то, что вездѣ говорятъ), повѣсились мужъ и жена, оставивъ 6 ч. дѣтей. Паспортовъ не было для прописыванія... на этомъ свѣтѣ. Они и отправились туда, гдѣ не введена еще паспортная система....

....Работа по немножку подвигается впередъ. Двигалась бы конечно, и не понемногу, если бы, работая, приходилось думать о томъ, *что писать*, а не о томъ *чего не писать*. Иногда просто въ мрачность приходишь при мысли: что если такъ придется всю жизнь?

Прочелъ Маудсли «Душу». Хочу Гризингера прочесть и кромѣ того хожу со студентами V курса въ психіатрическую больницу на «разборъ больныхъ». Какая это интересная вещь! Дурная сторона: невольно начинаешь «разбирать» не больныхъ, а т. наз. «здоровыхъ» и находишь то Tabsucht, то Wahnsinn. Что, впрочемъ, неизбѣжно должно случаться при внимательномъ разсмотрѣніи людскихъ поступковъ. Профессоръ, дай Богъ ему здоровья, не гонитъ съ лекціи, такъ что я надѣюсь походить на Сабурову дачу (больница) еще съ мѣсяцъ. Что-нибудь въ головѣ останется...» [1]).

Тяжелое душевное состояніе заставляло В. М. искать «забвенія» не только въ веселыхъ экскурсіяхъ съ молодежью, но также и въ перемѣнѣ мѣста. Это лѣто онъ порядкомъ поѣздилъ, посѣщая своихъ

---

[1]) Интересъ къ психіатріи сохранился у В. М. и позднѣе. Въ письмѣ отъ 9 дек. 1883 года къ В. М. Латкину онъ пишетъ: «По поводу «Краснаго Цвѣтка» познакомился со мной психіатръ Николаевской больницы, докторъ Сиккорскій... Не по этому поводу, а вообще скажу, что эта наука—психіатрія—меня восхищаетъ. Великимъ психіатрамъ (пока ихъ почти не было) будетъ дана великая власть и добрая власть, ибо великій психіатръ не можетъ быть скотомъ»...

многочисленныхъ друзей; былъ онъ въ Екатеринославской губерніи, въ Донской области, въ Орловской губерніи. Осенью онъ снова попалъ въ Харьковъ уже окончательно разстроеннымъ. Тогдашнее состояніе его подробно описано въ воспоминаніяхъ В. А. Фаусека.

Въ ноябрѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Если впечатлѣнія предшествующей зимы били В. М., давили его душу, разрывали на части его сердце, то зима 1879—80 гг. была еще безпощаднѣе въ этомъ отношеніи. Въ эту зиму имъ написана «Ночь», содержаніе которой ясно говоритъ о тогдашнемъ его душевномъ настроеніи. Недугъ В. М. все росъ. Возбужденіе его достигло крайнихъ предѣловъ и, наконецъ, разразилось кризисомъ. Вслѣдъ за покушеніемъ на представителя Верховной Распорядительной Коммиссіи, гр. Лорисъ-Меликова, В. М. явился къ послѣднему, чтобы убѣдить его въ необходимости «примиренія» и произнесенія «всепрощенія». Явился онъ ночью и, хотя графа въ то время строго охраняли, В. М. былъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ важности и необходимости своей миссіи и это сознаніе придавало его обращенію, его голосу и всей его фигурѣ такой повелительный видъ, что онъ былъ допущенъ къ гр. Лорисъ-Меликову и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Графъ отнесся къ нему, какъ къ больному, и отпустилъ его. Съ этого момента дальнѣйшія дѣйствія В. М. пріобрѣтаютъ все болѣе ненормальный характеръ. Всѣ видѣвшіе его въ это время говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ крайне возбужденномъ и дѣйствовавшемъ полубезсознательно. Скоро онъ уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ совершилъ рядъ странныхъ и нелѣпыхъ поступковъ. Зачѣмъ-то ему захотѣлось поговорить съ тогдашнимъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Козловымъ и онъ избралъ для того такой странный способъ. Зайдя позднимъ вечеромъ въ публичный домъ, онъ сталъ угощать его обитательницъ и, накутивъ на приличную сумму, отказался платить; былъ составленъ протоколъ и его самого отправили въ участокъ, причемъ по дорогѣ онъ выбросилъ зачѣмъ-то бывшіе съ нимъ 25 р. Въ участкѣ онъ потребовалъ личнаго свиданія съ Козловымъ и, добившись своего, имѣлъ съ нимъ разговоръ, подобный тому, который велъ съ Лорисъ-Меликовымъ. Изъ Москвы В. М. ѣздилъ въ Рыбинскъ, гдѣ получилъ остававшіеся въ полку 100 руб. слѣдовавшихъ ему подъемныхъ денегъ. Деньги эти тамъ-же

истратилъ на покупку новаго костюма, а бывшій на немъ подарилъ корридорному служителю въ гостинницѣ. Во время пребыванія въ Москвѣ онъ строилъ самые неосуществимые планы о поѣздкахъ по разнымъ частямъ Россіи, въ Болгарію и т. п. Много толковалъ о романѣ изъ болгарской жизни, задуманномъ имъ въ это время, мечталъ объ изданіи своихъ разсказовъ подъ заглавіемъ «Страданія человѣчества» и т. п. Въ то же время онъ до такой степени тосковалъ, что бывшій въ это время въ Москвѣ его старый другъ В. Н. Афанасьевъ долженъ былъ посвящать ему все свободное время и хоть немного отвлекать его отъ тоски. Проживъ двѣ недѣли, В. М. рѣшился ѣхать въ Харьковъ, но такъ какъ у него не было денегъ, то пришлось заложить часы и кольцо. Однако, В. М. большую часть вырученной этимъ путемъ суммы истратилъ на разныя, совершенно ненужныя ему покупки, такъ что только при помощи В. Н. Афанасьева онъ могъ взять билетъ до Тулы, гдѣ онъ разсчитывалъ достать денегъ на дальнѣйшую дорогу.

Изъ Тулы В. М. прислалъ письмо А. Я. Герду, которое мы приводимъ здѣсь.

«Тула. $\frac{13}{III}$ 1880. Сегодня пріѣхалъ въ Тулу послѣ двухнедѣльнаго житья въ Москвѣ и поѣздки въ Рыбинскъ (мнѣ нужно было быть въ полку за полученіемъ моего офицерскаго «содержанія», которое «вышло», какъ говорятъ солдаты, только два мѣсяца назадъ). Я послалъ вамъ изъ Москвы только одно письмо, да и то о постороннемъ дѣлѣ, такъ какъ дѣлъ всевозможныхъ было по горло. Нужно было разругаться съ «Русскими Вѣдомостями» (?), сойдтись съ «Русскимъ Курьеромъ» (газета, имѣющая будущность, какъ мнѣ кажется, хорошую), найдти кучу знакомыхъ и пр., и пр. А писать вамъ и именно вамъ—просто нужно, это потребность. Вамъ, а не Володѣ (В. М. Латкину), не Надѣ (Н. М. Золотилова, впослѣдствіи супруга В. М.) я пишу именно потому, что вы уже пережили, и можетъ быть не разъ, страшный кризисъ, который я испыталъ въ эту зиму. Не знаю, вамъ, можетъ быть, не приходилось въ минуту отчаянья найдти правду, къ которой я стремился, что было силъ, всегда, какъ только началъ сознавать и понимать; вамъ, можетъ быть, не приходилось надѣвать себѣ петлю на шею и потомъ,—что всего страшнѣе,—снимать ее. Я не знаю, доходили

ли Вы въ острые періоды развитія до такихъ минутъ, но я *вѣрю*, да пожалуй даже **чувствую**, пожалуй и **знаю**, что не легко далось вамъ то *сравнительное*, душевное спокойствіе, какимъ вы обладали всегда, когда я зналъ васъ. Володя старше меня на полгода, но жизнь текла его всетаки ровнѣе, чѣмъ моя. Она не давала ему medicamenta heroica, какъ мнѣ. Этимъ и только этимъ я объясняю то обстоятельство, что даже Володя, который понимаетъ меня съ полуслова, почти ничего не понялъ изъ моего поведенія 15—25 февраля. Онъ думалъ даже, что со мною повторяется старая исторія 1872 года, что я схожу съ ума... Господи! да поймутъ ли наконецъ люди, что *всѣ* болѣзни происходятъ отъ одной и той же причины, которая будетъ существовать всегда, пока существуетъ невѣжество! Причина эта—неудовлетворенная потребность. Потребность умственной работы, потребность чувства, физической любви, потребность претерпѣть, потребность спать, пить, ѣсть и такъ далѣе. *Всѣ болѣзни*, А. Я., рѣшительно всѣ, и «соціализмъ» въ томъ числѣ, и гнётъ въ томъ числѣ, и кровавый бунтъ вродѣ пугачевщины въ томъ числѣ.

Такъ было и со мною.

Я все отклоняюсь въ сторону. Я хотѣлъ писать вамъ о себѣ, о своемъ (хотѣлъ написать «внутреннемъ», но тутъ это слово не идетъ: вмѣсто него нужно было поставить «всякомъ») состояніи. Я никогда за 20 лѣтъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь.

Работа кипитъ свободно, легко, безъ напряженія, безъ утомленія. Я могу всегда начать, всегда остановиться. Это для меня просто новость. Не знаю, отчего не видно II кн. «Русскаго Богатства?» Читали-ли вы ее? Тамъ у меня нѣтъ почти ничего, но въ мартовскомъ № начинается большая, большая вещь. Для III кн. уже набрано, вчера я послалъ уже послѣднія странички. Вы увидите по первому отрывку въ $1^1/_2$ печатныхъ листа, что это только начало. Написано у меня (вполнѣ) ихъ уже 6—7, а заготовлено на клочкахъ всего съ написаннымъ до 15 и книга все еще не кончена» [1]).

---

[1]) О существованіи большого произведенія, долженствовавшаго носить названіе «Люди и война» и служить протестомъ противъ войны, В. М. сообщалъ многимъ изъ своихъ друзей. Къ сожалѣнію, во время дальнѣйшаго безумія В. М. все, написанное

Изъ Тулы, совершивши здѣсь также рядъ странныхъ поступковъ, В. М. уѣхалъ куда-то верхомъ, бросивъ всѣ свои вещи въ гостинницѣ. Въ это время онъ совершилъ цѣлый рядъ странствованій то верхомъ, то пѣшкомъ, по Тульской и Орловской губерніямъ, что-то проповѣдывалъ крестьянамъ, жилъ нѣкоторое время у матери извѣстнаго критика Писарева, попалъ въ Ясную Поляну, имѣніе гр. Льва Толстого, ставилъ послѣднему какіе-то мучившіе его вопросы, иногда выдавалъ себя за тайнаго правительственнаго агента и т. д. Въ это время его отыскивалъ братъ его, г. Евгеній Гаршинъ, которому, наконецъ, и удалось настигнуть его и уговорить ѣхать съ нимъ въ Харьковъ. Въ Харьковѣ онъ продолжалъ совершать самые странные поступки, какъ это можно видѣть изъ воспоминаній В. А. Фаусека. Однако, онъ былъ настолько тихъ и покоенъ, что окружающіе его считали излишнимъ помѣщать его въ больницу. Самъ онъ отнюдь не считалъ себя больнымъ. Между прочимъ онъ писалъ въ это время А. Я. Герду: «Я имѣлъ бы резонъ серьезно обидѣться на васъ за ваше молчаніе, а особенно за подозрѣніе въ сумасшествіи, которое только причинило безпокойство у насъ дома и очень разсердило меня на Володю. Онъ выкинулъ удивительную штуку. Ничего не понимая въ моемъ поведеніи, сразу рѣшить, что я помѣшанъ (хороша логика!), напугать мать, налгать (конечно, незлонамѣренно) на меня, на себя и на всѣхъ, вообще заварить такую кашу, что братъ долженъ былъ ѣхать отыскивать меня въ Орловскую губернію. Матушка чуть не заболѣла, деньги истрачены даромъ, и я недѣли двѣ былъ взбѣшенъ, что со мною случается рѣдко». Въ то же время В. М. строилъ планы относительно своей литературной дѣятельности. «По немногу продолжаю «Люди и война», которые выросли до двухъ порядочныхъ томовъ, — писалъ онъ въ томъ же письмѣ. Для апрѣльской книжки «Русскаго Богатства» уже послано, для іюля, августа и сентября ужъ совсѣмъ готово, а для мая и іюня еще нѣтъ, такъ

имъ, погибло безслѣдно; остался только отрывокъ, помѣщенный въ «Русскомъ Богатствѣ» и вошедшій во вторую книжку «Разсказовъ» В. М. подъ названіемъ: «Деньщикъ и офицеръ». Можетъ быть, впрочемъ, сообщенія В. М. о написанномъ имъ были просто продуктомъ больной фантазіи.

какъ прежде нужно съѣздить въ Бердичевскій уѣздъ на старыя квартиры (зима 76—77 г.) нашего полка. А безъ этого писать невозможно»...

Проживъ въ Харьковѣ 3 недѣли, В. М. неожиданно исчезъ изъ него, и брату его снова пришлось отыскивать его. Онъ оказался въ Орлѣ, въ домѣ умалишенныхъ, куда посадили его послѣ нѣсколькихъ его чудачествъ. Состояніе его въ это время было буйное, и его пришлось везти связаннымъ, въ отдѣльномъ купе. Въ Харьковѣ онъ прямо былъ доставленъ въ больницу умалишенныхъ на Сабуровой дачѣ, куда за годъ до того онъ ходилъ слушать лекціи по психіатріи. Онъ узнавалъ всѣхъ, сознавалъ, что онъ душевно боленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно жилъ въ мірѣ фантазій и говорилъ посѣтителямъ самыя невѣроятныя вещи. На Сабуровой дачѣ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ, по совѣту проф. Ковалевскаго, онъ былъ перевезенъ въ Петербургъ въ лечебницу д-ра Фрея. Здѣсь онъ оправился, т. е. пересталъ жить въ мірѣ фантазій, пересталъ быть безумнымъ. Но онъ представлялъ собою человѣка, совершенно разбитаго и физически, и нравственно, какой-то полутрупъ. Въ такомъ видѣ его привезли къ роднымъ въ Харьковъ, а отсюда его взялъ къ себѣ въ деревню его дядя В. С. Акимовъ.

Въ деревнѣ В. М. прожилъ съ конца 1880 г. до весны 1882 года. Имѣніе В. С. Акимова, д. Ефимовка, лежитъ въ Херсонскомъ уѣздѣ, возлѣ Днѣпровско-Бугскаго лимана. Мѣсто крайне уединенное и какъ разъ подходившее В. М. въ его тогдашнемъ состояніи. Отсутствіе всякихъ рѣзкихъ впечатлѣній, полное спокойствіе, степное раздолье — все это какъ нельзя болѣе благопріятствовало успокоенію душевному и физическому выздоровленію. Къ тому же родственники, у которыхъ жилъ В. М., были крайне добры къ нему и онъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ о своемъ житьѣ въ этой прекрасной семьѣ. Онъ велъ самый регулярный образъ жизни, правильно питался, ходилъ и ѣздилъ по окрестностямъ, катался зимою на конькахъ по лиману. Оправившись нѣсколько, онъ взялся и за умственныя занятія необременительнаго свойства: писалъ протоколы въ камерѣ своего дяди, мирового судьи, учился англійскому языку, читалъ кое-что, переводилъ (въ это время онъ перевелъ

«Colomba» Мериме; переводъ напечатанъ въ 1883 г. въ «Изящной Литературѣ»). У В. С. Акимова оказалась недурная библіотека, особенно много было въ ней французскихъ авторовъ, и В. М. принялся перечитывать французскихъ беллетристовъ и поэтовъ.

Мало по малу В. М. оправился и развеселился. Многія письма его изъ этого періода полны веселаго юмора, забавныхъ разсказовъ и свидѣтельствуютъ о полномъ душевномъ спокойствіи ихъ автора. Приведемъ здѣсь отрывокъ изъ одного письма къ В. А. Фаусеку.

«Ефимовка. 18 $\frac{8}{II}$ 82 года.... Для насъ съ дядей третьяго дня кончились большія треволненія, а именно: забили всѣ сваи подъ строющуюся здѣсь пристань. Вытянули отъ берега мостъ на 60 саж., а на концѣ его еще платформа, куда будутъ приставать разные «Св. Николаи» и «Съ нами Боги», т. е. каботажки. Били сваи по льду, а ледъ плохой, вѣсу же въ бабѣ 20 пуд., да въ копрѣ 40, да свая, да 25 человѣкъ. Вообще было страшновато. Одной матерщины издержано рабочими и подрядчиками столько, что хватило бы болѣе скромнымъ людямъ на всю жизнь. Куплеты «Ой дубинушка» поражали меня своею совершенною нелѣпостью: до такой степени глупы, что сквернословіе и не кажется сквернословіемъ, а такъ только... звукъ одинъ гремящій. Но когда дѣло доходило до водки, то они сейчасъ же принимали нѣсколько осмысленный характеръ. А именно пѣли:

Нашъ панычъ (это я) красавчикъ
Поднесетъ вина стаканчикъ,

а также

Нашъ хозяинъ (дядя В. С.) красавчикъ,

съ тѣмъ же неизмѣннымъ окончаніемъ. Въ виду такого настроенія умовъ мѣстное единственное напоминающее намъ, россіянамъ, о конституціи учрежденіе (ибо для чего же, какъ не для кабака, была учреждена «Зала совѣщательная?») торговало недурно. Даже я въ качествѣ «красавчика» при своей бѣдности долженъ былъ пріобрѣсти четверть крови сатаны. Да что тутъ! За Бугскимъ лиманомъ (а онъ верстъ семь ширины) есть село Паручино; тамош-

ній попъ уговорилъ крестьянъ закрыть кабакъ, «потому-де, что все равно черезъ полтора мѣсяца всѣмъ кабакамъ конецъ». И можете себѣ представить, что паручинцы пѣшкомъ путешествуютъ по льду съ спеціальною цѣлью напиться въ здѣшнемъ, ефимовскомъ кабакѣ. Если разрѣдятъ кабаки, то это поведетъ къ непроизводительному расходу народнаго труда, ибо мало ли его нужно будетъ употребить на проходъ 7, 10, 12 верстъ, отдѣляющихъ гг. потребителей отъ продукта. — А, впрочемъ, сказать, что пьютъ много, право, грѣхъ. Пьютъ нѣкоторые такъ, что, по собственному ихъ сознанію: «усé у вóдци та у вóдци», но вѣдь не не всѣ же «у водци».

Спокойное состояніе нерѣдко, однако, прерывалось то воспоминаніями о прошломъ, угрызеніями совѣсти за совершенное во время безумія (В. М. считалъ себя виноватымъ и въ этомъ), то мыслями о будущемъ, причемъ у него являлось разочарованіе въ своихъ силахъ, неувѣренность и боязнь за будущее. Письма В. М., писанныя имъ въ такія минуты, тяжело читать. Такъ онъ пишетъ А. Я. Герду отъ 22 дек. 1881 г.: «Живу въ такой тишинѣ и такомъ спокойствіи, въ какомъ никогда не жилъ. Да и вообще-то въ первый разъ въ жизни живу на одномъ и томъ же мѣстѣ цѣлый годъ. Все это, говорятъ, хорошо въ душевно-гигіеническомъ отношеніи. Оно должно быть такъ и есть, но кромѣ избѣгаемой Сциллы есть еще Харибда, въ которую я ясно для себя попадаю: чувствую, что глупѣю и опускаюсь съ каждымъ мѣсяцемъ. О будущемъ стараюсь не думать, что, конечно, также хорошо въ гигіеническомъ отношеніи, но зато скверно во всѣхъ другихъ отношеніяхъ».

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ мучительнѣе становился для В. М. вопросъ о будущности. Въ концѣ пребыванія въ Ефимовкѣ онъ пишетъ В. А. Фаусеку:

«Ефимовка. 18$\frac{3}{IV}$82 г. Я въ послѣднее время опять повѣсилъ носъ на квинту (ей Богу, не могу уяснить себѣ этого выраженія). Причины этому самыя резонныя: оставаться дольше въ Ефимовкѣ зазорно, хотя я и знаю, что я здѣсь не составляю тяготы,—зазорно передъ самимъ собою: вѣдь нужно же, наконецъ, куда-нибудь дѣваться. Полкъ—чудище обло. (Какъ мы уже знаемъ, В. М. поду-

мывалъ въ это время поступить въ военную службу). Матушка пишетъ, что хорошо я бы сдѣлалъ, если бы постарался попасть въ городскіе учителя въ Петербургѣ; оно, положимъ, и хорошо,—только дѣло въ томъ, что я считаю себя совершенно негоднымъ для такого дѣла. Когда-то я даже слово далъ себѣ никогда не лѣзть въ педагогію. Да, наконецъ, и не легко вовсе захватить одну изъ 20 открывающихся въ этомъ году ваканцій: я увѣренъ, что на 20 мѣстъ явится, по крайней мѣрѣ, 120 конкуррентовъ, которые всѣ болѣе меня имѣютъ право на мѣсто. Прибѣгать къ помощи протекціи, чтобы мнѣ оттереть дѣйствительно годнаго человѣка,—какъ то погано».

На литературныя занятія В. М. никогда не смотрѣлъ какъ на источникъ средствъ къ жизни. Да и не могъ смотрѣть, принимая во вниманіе трудность, съ которою ему давалась работа, и вытекающую отсюда малую количественную продуктивность. Особенно послѣ болѣзни онъ ясно понималъ всю невозможность возложить всѣ надежды по части заработка на литературу. Въ письмѣ къ В. Н. Афанасьеву отъ 31 дек. 1881 г. онъ пишетъ: «Писать я не могу (должно быть), а если и могу, то не хочу. Ты знаешь, что я писалъ, и можешь имѣть понятіе, какъ доставалось мнѣ это писаніе. Хорошо или нехорошо выходило написанное, это вопросъ посторонній; но что писалъ я въ самомъ дѣлѣ одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мнѣ капли крови, то это, право, не будетъ преувеличеніемъ. Писать для меня теперь—значитъ снова начать старую сказку и черезъ три—четыре года, можетъ быть, снова попасть въ больницу душевно-больныхъ. Богъ съ ней, съ литературой, если она доводитъ до того, что хуже смерти, гораздо хуже, повѣрь мнѣ. Конечно, я не отказываюсь отъ нея навсегда: черезъ нѣсколько лѣтъ, м. б., и напишу что-нибудь. Но сдѣлать литературныя занятія единственнымъ занятіемъ. жизни — я рѣшительно отказываюсь».

На сколько жгучъ былъ въ это время для В. М. вопросъ о томъ, чѣмъ заняться, въ какой работѣ искать средствъ къ жизни и насколько онъ считалъ себя непригоднымъ ни къ чему, ясно показываетъ то обстоятельство, что онъ въ это время серьезно думалъ о поступленіи вновь въ военную службу и велъ по этому поводу

продолжительную переписку съ старымъ товарищемъ-офицеромъ. Намѣреніе это, какъ мы уже знаемъ, осталось невыполненнымъ.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Ефимовкѣ В. М. написалъ свою прелестную сказочку «То чего не было». Поводомъ къ написанію послужило слѣдующее обстоятельство. Дѣти А. Я. Герда задумали издавать рукописный дѣтскій журналъ «Маленькій Корабликъ» и пригласили сотрудничать въ немъ и В. М. Однако, написанная имъ сказка, какъ онъ самъ признавалъ, была не дѣтская, а «скалдырническая», т. е. слишкомъ мизантропическая. Сказка эта появилась въ журналѣ «Устои». Но она стала извѣстною среди публики еще ранѣе напечатанія и возбудила разные толки. По этому поводу В. М. жалуется въ письмѣ къ В. А. Фаусеку (отъ 26 февр. 1882 г.) на излишнюю прозорливость толкователей: «Господи! вотъ гдѣ истинные мизантропы, серъ! Экій, подумаешь, нюхъ! Гдѣ и нѣтъ ничего—и тамъ слышится имъ запахъ. Клянусь моимъ свиданьемъ съ вами: мнѣ и въ голову не приходило, что за этими Антонами и мухами можно угадывать что-нибудь кромѣ мухъ и Антоновъ. Какъ хорошо прежде было: сиди себѣ и бряцай «рукой разсѣянной», а теперь только начнешь бряцать—думаешь: просто струну невинную зацѣпилъ, анъ оказывается, что NN за носъ задѣлъ».

Любопытно, что В. М., вообще, отвергалъ какое-либо аллегорическое толкованіе своихъ сказокъ. Конечно, это былъ абсурдъ, ибо идейная аллегорія сказокъ слишкомъ очевидна. Но надо и то сказать, что толкованія, прилагавшіяся къ сказкамъ В. М., могли вывесть изъ терпѣнія всякаго: до такой очевидной нелѣпости они доходили...

Въ маѣ 1882 года В. М. былъ уже въ Петербургѣ. Въ числѣ причинъ, влекшихъ его сюда, было и желаніе повидаться съ Тургеневымъ. Послѣдній сочувственно отнесся къ В. М. съ появленія его первыхъ разсказовъ, а когда съ В. М. разразилось несчастіе (болѣзнь), симпатіи Тургенева къ молодому писателю еще усилились. Когда В. М. оправился послѣ болѣзни, онъ вступилъ въ переписку съ маститымъ писателемъ. Уцѣлѣвшія письма Тургенева къ В. М. печатаются здѣсь же, въ «Сборникѣ». Тургеневъ собирался пріѣхать на лѣто 1882 года въ Россію и приглашалъ В. М.

провести это лѣто у него въ имѣніи (Спасское-Лутовиново). Тяжелый недугъ не позволилъ Тургеневу побывать въ Россіи, но онъ всетаки приглашалъ В. М. пріѣхать въ Спасское и пожить тамъ, сколько ему пожелается. В. М., прибывъ въ Петербургъ, занялся изданіемъ первой книжки своихъ «Разсказовъ». Когда книга была напечатана, В. М. воспользовался приглашеніемъ Тургенева и отправился въ Спасское. Здѣсь въ это время гостилъ поэтъ Я. П. Полонскій съ семьей и такимъ образомъ образовалось небольшое общество. В. М. съ удовольствіемъ отзывался о времени, проведенномъ въ имѣніи Тургенева, говоря, что тамошняя обстановка какъ нельзя лучше благопріятствовала душевному успокоенію и работѣ. Въ это время имъ были написаны «Записки рядового Иванова».

Осенью В. М. былъ снова въ Петербургѣ. Не разсчитывая жить литературными заработками, В. М. сталъ искать какихъ-либо постороннихъ занятій. Таковыя нашлись... въ Гостинномъ дворѣ. Именно В. М. поступилъ въ помощники управляющаго торговою частью Анноловской писчебумажной фабрики. Обязанности В. М. были чѣмъ то вродѣ обязанностей конторщика и отнимали у него по нѣсколько часовъ каждый день, иногда дѣлаясь довольно тяжелыми и отнимавшими почти цѣлый день. За это В. М. получалъ 50 руб. въ мѣсяцъ. Занятія эти продолжались, однако, не долго,— и въ слѣдующемъ году В. М. получилъ мѣсто секретаря съѣзда представителей желѣзнодорожныхъ дорогъ. Въ слѣдующемъ же 1883 г., 11-го февраля, В. М. женился на слушательницѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ, Надеждѣ Михайловнѣ Золотиловой.

Съ этого времени жизнь В. М. могла бы быть крайне счастливою, если бы не внутренній червякъ, который точилъ его, Семейная жизнь В. М. была очень счастлива, до того счастлива, что даже удивляла его и онъ писалъ всегда друзьямъ о своей семейной жизни, какъ объ «удивительномъ исключеніи изъ матримоніальныхъ порядковъ». Кромѣ взаимной любви, связывавшей В. М. съ женою, и взаимнаго соотвѣтствія характеровъ, большое значеніе для В. М. имѣло то обстоятельство, что Надежда Михайловна была женщина-врачъ. Больной, а такимъ, какъ увидимъ ниже, В. М. бывалъ очень часто, онъ нуждался не только въ заботли-

вомъ уходѣ, но и въ разумномъ, медицинскомъ присмотрѣ. В. М. хорошо понималъ, какъ много заботъ, хлопотъ и страданій доставлялъ онъ женѣ и очень высоко цѣнилъ ея заботливость и терпѣніе въ отношеніяхъ къ нему.

Матеріальныя заботы были сняты съ В. М., благодаря занимаемому имъ мѣсту. Занятія его вознаграждались въ размѣрахъ, вполнѣ достаточныхъ для покрытія скромныхъ потребностей его и его жены. Мѣсто секретаря съѣзда представителей дорогъ было таково, что оно требовало усиленныхъ и даже очень усиленныхъ занятій лишь небольшое время года—1—2 мѣсяца, когда собирался самый съѣздъ; въ остальное же время текущія дѣла отнимали у В. М. немного времени и были необременительны. Отношенія къ сослуживцамъ и служебному начальству у В. М. съ начала же установились самыя задушевныя.

Матеріальная обезпеченность избавила В. М. отъ печальной необходимости, выпадающей у насъ нерѣдко на долю писателей, не исключая и самыхъ крупныхъ талантовъ,—необходимости писать не тогда, когда хочется, когда есть потребность высказаться, а тогда, когда къ тому побуждаетъ матеріальный недостатокъ. В. М. избѣжалъ этого «голодающаго» творчества. Онъ могъ писать именно тогда, когда хотѣлъ. И, устроивши свою жизнь окончательно, онъ усиленно принялся за литературную работу. Въ половинѣ 1883 года онъ писалъ сразу три разсказа (одинъ изъ нихъ «Красный цвѣтокъ»). Съ этого же времени онъ задумалъ написать большую историческую повѣсть или историческій романъ изъ эпохи Петра Великаго, о чемъ онъ мечталъ еще въ ранніе годы юности, какъ онъ признавался самъ, и для этого усиленно занялся чтеніемъ историческихъ изысканій и сырыхъ матеріаловъ, относящихся къ данной эпохѣ. Содержаніе повѣсти или романа должно было представлять борьбу старой и новой Россіи. Представителями послѣдней должны были быть самъ Петръ и «пирожникъ», а впослѣдствіи князь Меньшиковъ, а представителемъ первой—извѣстный подъячій Докукинъ, рѣшившійся поднести столь страшному для современниковъ Петру знаменитое «письмо», въ которомъ онъ прямо и рѣшительно указалъ великому преобразователю всѣ темныя стороны его богатырской дѣятельности, падавшія тяжелымъ гнётомъ на народную массу.

Фигура Петра производила еще въ дѣтствѣ громадное впечатлѣніе на В. М., а оригинальная личность Докукина заинтересовала его при первомъ же знакомствѣ съ нею. Мысль объ историческомъ романѣ не оставляла В. М. до самой его смерти и онъ всѣ эти годы постоянно былъ занятъ ознакомленіемъ съ матеріалами по исторіи эпохи Петра I, а также предшествующаго и послѣдующаго времени.

Но на пути работъ В. М., его плановъ, стоялъ точившій его червякъ, губилъ задуманныя работы, лишалъ энергіи и приводилъ въ состояніе крайней апатіи. Червякъ этотъ—боязнь снова подвергнуться психическому заболѣванію. Къ чему что-нибудь начинать, если не увѣренъ въ томъ, что кончишь начатое, что не проснешься завтра въ состояніи безумія? Эта ужасная боязнь давила, ложилась тяжелымъ гнётомъ на душу В. М. Пишущему эти строки В. М. не разъ говорилъ: «Я предпочиталъ бы страдать самою ужасною болѣзнью, быть сифилитикомъ, отличаться крайнимъ уродствомъ, наконецъ, потерять обѣ руки, только избавиться бы отъ этой ужасной боязни сумасшествія». Трудно сказать, былъ ли В. М. избавленъ отъ этой боязни когда-либо, ибо даже въ минуты совершеннаго спокойствія и счастья онъ порою совершенно неожиданно говорилъ такія вещи, которыя ясно показывали, что и въ эти минуты его точилъ все тотъ же червякъ. Время отъ времени эта боязнь безумія усиливалась и тогда онъ впадалъ въ состояніе крайней меланхоліи. Періоды эти совпадали обыкновенно съ лѣтнимъ временемъ, и съ наступленіемъ теплаго времени и самъ В. М., и его окружающіе такъ уже и ждали наступленія меланхолическаго состоянія.

Первое лѣто, проведенное въ Петербургѣ послѣ болѣзни (1883 года), В. М. былъ избавленъ отъ припадка меланхоліи. Онъ былъ веселъ, оживленъ, полонъ энергіи и надеждъ. Отъ писемъ его этого времени вѣетъ бодростью и юморомъ. Приводимъ выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ.

Изъ писемъ къ В. М. Латкину.

Спб. 3 іюня 1883 г... «Карамзина подчитывалъ, думаю купить Соловьева».

«Спб. 22 іюня 1883 г... «Въ пятницу ѣду съ Успенскимъ и

Мишей (М. Е. Малышевъ) въ экскурсію на богомолье. Въ Тихвинѣ празднуютъ 500-лѣтіе явленія Тихвинской иконы Божьей Матери, такъ вотъ мы хотимъ посмотрѣть на сіе торжество и свойственныя ему чудеса...

Завидую тебѣ въ томъ отношеніи, что ты читаешь на свободѣ Спинозу. Когда я читалъ его, то мнѣ приходили въ голову тѣ-же мысли, что и тебѣ: какъ К. Ф. будетъ критиковать систему и что я сдѣлаюсь спинозистомъ. Однако, современемъ впечатлѣніе ослабѣло: слишкомъ теорія отвлеченна и слишкомъ мало связана съ жизнью. Такъ что осталось воспоминаніе о прелестномъ симпатичномъ художественномъ произведеніи, а примѣненія системы къ объясненію жизни не вышло ни на грошъ. Чтобы быть спинозистомъ, нужно быть Спинозой и жить такъ, какъ онъ. Нужно *не думать* такъ, какъ онъ, а быть такимъ.

Читаю я теперь все беллетристику. Прочелъ Бальзака «Евгеній Гранде»; что за огромный талантъ! «Мизераблей» читаю по французски; удивительная смѣсь чувства и надутости, ума и (смѣлое слово!) глупости, художества и балагана. Новый романъ Гюи-Мопасана началъ читать: умно и твердо, но только всетаки видишь Флоберова раба. Хочу достать «La tentation de S. Antoine». По тѣмъ отрывкамъ, которые знаю, это нѣчто колоссальное [1]). У насъ въ литературѣ за эти мѣсяцы ничего нѣтъ. Одинъ Г. Ив. (Успенскій) ужасно разсмѣшилъ, разсказывая, какъ при приготовленіи икры на доску садится россійскій мужикъ и, нажимая на нее своими природными дарованіями, безъ всякаго посредства интеллигенціи и запада, производитъ цѣнность въ 100 р. Салтыковъ не пишетъ...

Тороплюсь кончать разсказъ; выходитъ слабовато. Большую

---

[1]) Тутъ кстати привести мнѣнія В. М. о нѣкоторыхъ французскихъ писателяхъ, выраженныя въ болѣе раннемъ письмѣ (отъ 28 ноября 1881 г.) къ В. А. Фаусеку: «Ламартинъ—болтунище ужасный. Мюссе все тужится быть умнымъ и изящнымъ; Христосъ его знаетъ, м. б., онъ и изященъ, только для пониманія этого изящества нужно хорошо знать языкъ; для меня онъ ужъ очень скученъ, какъ губернскія вѣдомости. Гюго же хоть и враль, да зато ужъ и мастеръ. Можетъ быть, вамъ попадется какъ-нибудь подъ руку «Les orientales»: не забудьте тамъ посмотрѣть «Le Djinns»—это такой, я вамъ

вещь отложилъ до окончанія этого разсказа. Жаль, что выходитъ довольно нецензурно, и не знаю, пуститъ-ли Салтыковъ.

Познакомился съ Надсономъ; что за милый, прелестный юноша! И какую онъ мнѣ прочелъ новую вещь: просто не вѣрится, что ему только 20 лѣтъ. И неужели ему суждено оцвѣсти, не успѣвши разцвѣсть? Онъ такой дохлый и чахлый и грудь болитъ...

...На службѣ у меня затишье, придешь, распечатаешь два-три пакета, запишешь ихъ и сидишь часа два-три за газетами, или пишешь разсказъ, или письмо, какъ теперь. Вообще, кромѣ времени съѣздовъ, эта должность почти синекура. Не только не утомляешься, но какъ-то лучше чувствуешь, сходивъ сюда. Отношенія къ сослуживцамъ у меня весьма дружественныя...

P. S. А знаешь ли ты, какой слухъ ходитъ? Будто главнымъ начальникомъ по дѣламъ печати будетъ Катковъ!»...

Изъ письма къ В. А. Фаусеку.

«Спб. 18 $\frac{9}{VII}$ 83... Послѣднее письмо съ печальною исторіею юнкера Шмидта получилъ давно, да долго собирался отвѣчать, а тутъ еще подвернулась поѣздка въ Тихвинъ на 500-лѣтіе Тихвинской иконы Божьей Матери. Ѣздили мы съ Малышевымъ и проѣздили прекраснѣйшую недѣлю. Туда ѣхали по желѣзной дорогѣ и на почтовыхъ, а назадъ—на почтовыхъ и на пароходѣ по Сяси, каналамъ и Невѣ.

Пишу, В. А., и пишу разомъ три разсказа: понятно, что всѣ три (изъ которыхъ одинъ большой и кончится очень не скоро) подвигаются весьма медленно. Одинъ относится къ временамъ моего сидѣнья на Сабуровой дачѣ: выходитъ нѣчто фантастическое, хотя, на самомъ-то дѣлѣ, строго реальное...

Письмо это пишу на службѣ, на которой хоть шаромъ покати—дѣлать нечего теперь въ лѣтніе мѣсяцы. Чувствую, что еже-

---

скажу, турдефорсъ стихоплетства. А впрочемъ, всѣ трое вмѣстѣ не стоютъ томика Лермонтова».

дневное хожденіе въ опредѣленное мѣсто и недолговременное тамъ сидѣнье (часа $2^1/_2$—$3^1/_2$) приноситъ мнѣ большую пользу со стороны, такъ сказать, психо-гигіенической. Работа, когда и есть, такъ мало утомительна, что совсѣмъ нельзя сравнивать съ той каторгой, которую я вынесъ, когда былъ a gentleman of City (т. е. служилъ въ Гостинномъ дворѣ). Тамъ я дѣйствительно попробовалъ труда.

Что вамъ еще сказать о себѣ? Послѣзавтра минетъ полгода, какъ мы обвѣнчались, и эти полгода — самые счастливые дни моей жизни; и чувствуется, что такъ пойдетъ надолго, если не вмѣшаются какія-нибудь внѣшнія обстоятельства».

Изъ письма къ В. М. Латкину.

«Спб. $\frac{9}{21}$ дек. 1883 г... Новостей у насъ особенныхъ никакихъ нѣтъ; развѣ, что работы по съѣзду у меня стало теперь много, потому что онъ оканчивается 15-го; пишу разные доклады, вожусь съ типографіею и прочее. Впрочемъ, черезъ двѣ-три недѣли все это кончится и опять будетъ благоденственное житіе. Теперь, конечно, не пишу ничего; въ январѣ же примусь за работу и, кажется, прилежно...

Вышелъ I т. Достоевскаго, содержащій въ себѣ его переписку. Дурную услугу оказали ему Страховъ и Майковъ. Если бы мнѣ довелось писать подобныя гадости и потомъ увидѣть ихъ напечатанными — право, повѣсился бы. Кромѣ прежнихъ чертъ новая — такая невыносимая хлестаковщина (въ раннихъ письмахъ, періода «Б. людей»), что дико видѣть подпись «Ѳ. Достоевскій»...

Вотъ одиннадцатый мѣсяцъ, какъ мы обвѣнчались. Всегда буду помнить этотъ годъ съ благодарностью Богу и судьбѣ. И надѣемся, что наша жизнь будетъ долго также спокойна (глупое слово, — найди самъ): очень ужъ мы съ нею сошлись»...

Благополучіе В. М. было, однако, неполное, такъ какъ сидѣвшій въ немъ червь давалъ себя знать иногда даже и въ это благополучнѣйшее время. Видимо, В. М. имѣлъ въ это время силы не давать разыгрываться этому червю, но, тѣмъ не менѣе, онъ нѣтъ-нѣтъ да показывался. Это отражалось и на перепискѣ В. М.,

въ которой среди полныхъ благодушія, спокойныхъ писемъ появлялись и письма самаго мрачнаго характера. Еще 18 мая 1883 г. В. М., получивъ отъ В. А. Фаусека извѣстіе о самоубійствѣ ихъ общей знакомой, писалъ ему слѣдующее:

«Ваше письмо о бѣдной Надѣ глубоко взволновало меня, но по правдѣ сказать, удивило очень мало. Разучились ли мы всѣ (нынѣ живущіе люди) удивляться, — чего-чего не насмотрѣлись! — или просто такого исхода жизни Нади нужно было ожидать — не знаю. А впрочемъ, думаю, что послѣдняя причина вѣроятнѣе. Право, какъ посмотришь теперь, когда ужъ все кончено и рѣшеніе задачи найдено, на данныя этой задачи, такъ кажется, что иначе и быть не могло. Что могла дать ей жизнь, да еще при такой рѣдкой гордости? Можетъ быть, и было что-нибудь, что спасло бы ее отъ смерти, если бы она снизошла до того, чтобы нагнуться и поднять это что-то, но она предпочла поступить, какъ тотъ испанскій король, который задохся, а не вынесъ жаровни съ угольями изъ своей спальни, потому что по этикету выносить жаровню долженъ былъ особо назначенный для этого донъ или тамъ грандъ какой-то: гранда этого не случилось и король умеръ. Написалъ я это, да и боюсь, что вы поймете меня не такъ: я ничего дурного о Надѣ сказать не хочу, а только думаю, что у нея были черезчуръ большія требованія отъ жизни. А впрочемъ, все это, м. б., вранье. Всѣ люди, которыхъ я зналъ, раздѣляются (между прочими дѣленіями, которыхъ, конечно, множество: умные и дураки, Гамлеты и Донъ-Кихоты, лѣнтяи и дѣятельные и проч.) на два разряда, или вѣрнѣе, распредѣляются между двумя крайностями: одни обладаютъ хорошимъ, такъ сказать, самочувствіемъ, а другіе— сквернымъ. Одинъ живетъ и наслаждается всякими ощущеніями: ѣстъ онъ — радуется, на небо смотритъ — радуется. Даже низшія физіологическія отправленія совершаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. Прійдетъ изъ ватерклозета и говоритъ: «ну, братъ, да и хорошо же я и проч.» Это я не разъ слышалъ, да навѣрно и вы тоже. Словомъ, для такого человѣка самый процессъ жизни — удовольствіе, самое сознаніе жизни — счастіе. Вотъ какъ Платоша Каратаевъ. Такъ ужъ онъ устроенъ, и я не вѣрю ни Толстому, ни кому иному, что такое свойство Платоши зависитъ отъ міро-

Богданов
88.

созерцанія, а не отъ устройства. — Другіе же совсѣмъ напротивъ: озолоти его, онъ все брюжжитъ; все ему скверно; успѣхъ въ жизни не доставляетъ никакого удовольствія, даже если онъ вполнѣ на лице. Просто человѣкъ неспособенъ чувствовать удовольствія, — неспособенъ да и все тутъ. Отчего? — конечно, не я вамъ это скажу: когда Бернары найдутъ хвостики самыхъ хвостиковъ нервовъ [1]) и все поймутъ и опишутъ, тогда сейчасъ и объяснятъ. Посмотрятъ подъ микроскопомъ и скажутъ: ну, братъ, живи, потому что если тебя даже каждый день сѣчь станутъ, то и тогда ты будешь доволенъ и будешь чувствовать себя великолѣпно. А другому скажутъ: плохо твое дѣло, никогда ты не будешь доволенъ: лучше заблаговременно помирай. И такой человѣкъ помретъ. Такъ умерла и Надя. Ей тоже все сладкое казалось горькимъ. Да и сладкаго немного было»...

Переходя затѣмъ къ себѣ, В. М. пишетъ въ томъ же письмѣ: «Служу, женатъ. Вообще «очень потолстѣлъ и играетъ на скрипкѣ» [2]), на сколько можетъ предаваться такому занятію человѣкъ, который по устройству своему тоже склоненъ принимать сладкое, если не за горькое, то за не очень сладкое. Насколько я могу быть доволенъ, кажется, доволенъ. Недоволенъ только тѣмъ, что почти ничего не пишу. Пугаюсь даже, Викторъ Андреевичъ, не кончилъ ли я своей литературной карьеры. До такой степени трудно писать, думать, что я и не знаю. Въ головѣ ли у меня совершается какой-то скверный процессъ («хвостики» портятся), или это «такъ» — временное затмѣніе напало? Не знаю, но только хотя писать охота смертная, да участь горькая—ничего не выходитъ».

Въ октябрѣ В. М. пишетъ тому же В. А. Фаусеку: «Я очень благополученъ, дорогой мой другъ, даже въ сущности счастливъ, внѣшне и лично, разумѣется, ибо благородство души моей столь велико, что уловляя себя на минуту на мысли, что жить вообще хорошо, сейчасъ же подыскиваешь какую-нибудь пакость для приведенія себя въ должное состояніе страдальца по Достоевскому и К°».

Но кромѣ внутренняго червяка, кромѣ «устройства», мѣшаю-

---

[1]) Выраженіе изъ «Братьевъ Карамазовыхъ» Достоевскаго.
[2]) Изъ «Горя отъ ума».

щаго принимать сладкое за сладкое, кромѣ опасенія порчи «хвостиковъ», счастью В. М. мѣшала и его чрезвычайная впечатлительность. Печальныя явленія жизни дѣйствовали на него слишкомъ подавляющимъ образомъ. Насколько можно было, ближніе охраняли В. М. отъ болѣзненныхъ впечатлѣній, но впечатлѣнія эти давались жизнью въ такомъ изобиліи, что никакія предохранительныя мѣры не могли спасти отъ нихъ. И впечатлѣнія эти били В. М., мучили его и подготавливали почву для развитія недуга.

«6-го были мы вмѣстѣ съ Васей у Х.,—писалъ В. М. 23 дек. 1883 г. В. М. Латкину:—собралось на имянины человѣкъ 15 молодыхъ учителей, адъюнктовъ, лаборантовъ и прочей ученой братіи. Нехорошее я вынесъ впечатлѣніе. Разговоры объ единицахъ, рѣшеніе геометрическихъ курьезовъ, разговоры о трихлорметилбензоломилоидномъ окислѣ какой то чертовщины (я, конечно, навралъ въ этомъ названіи, какъ дикарь—но si non e vero, e ben trovato) —это часть первая. Гнуснѣйшіе въ полномъ смыслѣ слова анекдоты—соединеніе ужасной чепухи, съ безцѣльной и неостроумной пахабщиной (какая-то турецкая или ташкентская)—это вторая. Основательная выпивка—третья. И больше ничего. Ни одного не только разумнаго, а хоть сколько-нибудь интереснаго слова. Право, какое то одичаніе...

Да и вообще одичаніе. Какъ мы привыкли, напр., къ этому свѣжеванію. Толкуютъ, конечно, потому что любопытно и интересно, но ужаса никакого, такого ужаса, какой испытываетъ человѣкъ въ морѣ, а онъ (ужасъ) вполнѣ законенъ»...

Къ 1884 году В. М. былъ уже въ значительной мѣрѣ разстроенъ какъ внѣшними впечатлѣніями, такъ и внутреннимъ червякомъ. 30 янв. 1884 г. онъ пишетъ В. М. Латкину: «Попытки писать удаются не особенно хорошо. Въ ночь на 1-е января написалъ сказку для Павленковскаго сборника, да на томъ и покончилъ. Теперь пытаюсь писать «большое» и изъ жизни, съ бытописаніемъ, но жизнь до такой степени переплелась съ нецензурными явленіями, что постоянно натыкаешься на нихъ и разбиваешь себѣ лобъ. Просто хоть брось. Нужно брать такіе исключительные сюжеты, какіе я бралъ до сихъ поръ, чтобы не испытывать этого неудобства. Читаю довольно много. Купилъ себѣ Шлоссера (XVIII в.) и все его читаю. Думаю понемножку научиться исторіи, а по-

томъ, потомъ—написать что-нибудь историческое. Очень бы мнѣ этого хотѣлось, да только не знаю, когда я буду знать достаточно для того, чтобы писать историческую повѣсть или романъ. Память у меня въ родѣ рѣшета стала: сегодня прочелъ—завтра нѣтъ ничего. А всетаки читаю Шлоссера съ истиннымъ удовольствіемъ.— У насъ скверно. Газеты бросилъ читать, до такой степени вся жизнь преисполнена всевозможными свинствами»...

Скоро В. М. стало еще хуже. Въ февралѣ онъ уже страдалъ припадкомъ меланхоліи, съ этихъ поръ аккуратно появлявшейся каждый годъ. Мрачное состояніе В. М. въ значительной мѣрѣ было вызвано въ этотъ разъ цѣлымъ рядомъ непріятностей, обрушившихся на В. М., непріятностей частью личнаго, частью общественнаго характера. 3-го февраля В. М. писалъ В. А. Фаусеку: «Теперь я «влачу жизнь». Именно не живешь, а влачишь жизнь, т. е. не прилагаешь къ ней никакихъ стараній, а отдаешься пассивно: пусть будетъ, что будетъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю перемѣны настроенія (точно морякъ вѣтра!), чтобы что-нибудь писать. Пробовалъ я было писать, да что-то не идетъ... Вчера мнѣ минуло 29 лѣтъ. Довольно скверное чувство овладѣваетъ мной при мысли, что тридцать лѣтъ черезъ годъ и что молодость прошла. А впрочемъ, куда ни посмотришь, молодость далеко не обрѣтается въ авантажѣ. Можетъ быть и лучше, что моя молодость прошла»...

Однако, въ это время В. М. все еще могъ отдаваться занятіямъ,—читать историческія работы, знакомиться съ новой литературой и т. д. Но скоро и эти занятія сдѣлались для него невозможными. Отъ 1 іюня онъ пишетъ В. А. Фаусеку о своемъ страданіи «самой скверной, безпричинной хандрой», и о томъ, что онъ «ужасно боится, какъ бы не заболѣть». «Мнѣ не такъ страшно умереть, какъ заболѣть».

Къ счастію, онъ не заболѣлъ. Съ одной стороны онъ обязанъ былъ этимъ уходу жены, какъ это онъ и самъ признаетъ въ письмахъ, а съ другой — и здоровье, нагуляпное во время пребыванія въ Ефимовкѣ, взяло свое. Къ августу онъ уже оправился и вошелъ въ обычную колею своей жизни.

Послѣдующая жизнь В. М. въ значительной мѣрѣ представляла точную копію перваго года, проведеннаго въ Петербургѣ послѣ

болѣзни. Та же служба въ съѣздѣ, тотъ же образъ жизни, тѣ же начинанія по части писательства, рѣдко доводившіяся до конца, благодаря припадкамъ меланхоліи, то же обширное и разнообразное знакомство, то же обширное чтеніе, преимущественно историческихъ книгъ, тотъ же горячій интересъ къ текущимъ явленіямъ русской литературы и русскаго искусства, и наконецъ тѣ же припадки меланхоліи, которые въ началѣ весны каждый годъ ожидались В. М. и его друзьями и которые съ каждымъ годомъ дѣлались все продолжительнѣе, начинаясь раньше и кончаясь позже. Въ воспоминаніяхъ В. А. Фаусека читатель найдетъ систематическое описаніе послѣднихъ лѣтъ жизни В. М. и характеристику его, какъ человѣка. Я же ограничусь здѣсь приведеніемъ выдержекъ изъ писемъ В. М. за этотъ періодъ, которыя дадутъ понятіе читателю о тѣхъ же предметахъ словами самого В. М.

Изъ писемъ къ В. М. Латкину.

«10 авг. 84. Спб.... Очень я сошелся съ Рѣпинымъ. Какъ человѣкъ онъ мнѣ нравится не меньше, чѣмъ какъ художникъ. Такое милое, простое, доброе и умное созданіе Божіе этотъ Илья Ефимычъ, и къ этому еще, насколько я могъ оцѣнить, сильный характеръ, при видимой мягкости и даже нѣжности. Не говорю о томъ, какъ привлекателенъ уже самый талантъ его. Я, кажется, писалъ тебѣ, что онъ началъ мой портретъ. Скоро онъ будетъ конченъ [1])...

Ты спрашиваешь, что я пишу. Приступаю только къ написанію той самой старинной штуки о художникѣ, его амантѣ и злодѣѣ-убійцѣ [2]), которую ты, помнится, одобрялъ. Выйдетъ что-то листа въ четыре, а можетъ быть и больше—по моимъ привычкамъ вещь огромная, надъ которой придется сидѣть мѣсяца 2—3. Нѣтъ, я не настоящій писатель! Все пишется такъ медленно, туго, да

---

[1]) В. М. имѣлъ весьма обширное знакомство какъ среди художниковъ, такъ и въ мірѣ драматическихъ артистовъ. Почти всѣ наиболѣе крупныя имена обоихъ этихъ міровъ были въ наилучшихъ отношеніяхъ съ нимъ, а многіе были и въ самыхъ дружественныхъ.

[2]) «Надежда Николаевна».

еще хорошо, если пишется, а то вѣдь со времени сказки о жабѣ я не написалъ двухъ страницъ».

«Спб. 18$\frac{15}{X}$84. У насъ все благополучно. Я продолжаю ревностно служить и довольно аккуратно пишу свой разсказъ, изъ котораго листа 2$^1/_2$ уже готовы, а всего будетъ 4. Онъ появится въ 1 кн. 85 г. «Русской Мысли». Кромѣ того занимаюсь своимъ переплетнымъ ремесломъ. Очень много читаю по исторіи и литературѣ»...

«$\frac{18}{XI}$1884 г. Спб.... 29 у насъ съѣздъ и работы теперь очень много, а тутъ какъ на грѣхъ со мною приключился довольно острый припадокъ писанья, такъ что теперь работаю довольно много. Художникъ-убійца подходитъ къ концу; нарочно для него ходилъ въ «залъ общедоступныхъ увеселеній» (нѣчто въ родѣ Марцинкевича) и тамъ созерцалъ множество б. и б. Кромѣ художника-убійцы готовится къ новому году нѣкоторая тайная вещь, которая тебя весьма удивитъ».

«Спб. $\frac{23}{XII}$1884. Дорогой другъ! Получилъ я твое грустное посланіе о нашихъ семейныхъ огорченіяхъ. Что до меня касается, то меня подвигъ Гаршина (кажется, его зовутъ Ѳед. Никол., это сынъ моего старшаго дяди) [1]) не произвелъ особо удручающаго впечатлѣнія, т. е. особенно болѣе удручающаго, чѣмъ если бы это былъ не Гаршинъ, а Семеновъ или Петровъ. Я этого человѣка не видѣлъ никогда; мальчикомъ 8 лѣтъ видѣлъ одного изъ его братцевъ; вотъ и всѣ наши отношенія. Конечно, всетаки тяжело и досадно. Но что меня мучитъ, такъ это то обстоятельство, что куда ни взглянешь, вездѣ то же. Л-ы воры, Гаршины — воры, родные Г.—воры. А NN, чертъ его знаетъ, что съ нимъ случилось но онъ стоитъ на ряду со всѣми: растратилъ земскія, мужицкія, деньги. Сколько разъ меня спрашивали, иные съ дѣйствительнымъ участіемъ, другіе, желая поиспытать: «не родня ли вамъ этотъ Гаршинъ, ктоторый и проч.?» Я довольно равнодушенъ къ этому....

Я очень счастливъ, очень много работаю. Хандрильнаго періода не было съ весны, а что еще важнѣе, не было и возбужденія.

---

[1]) Рѣчь идетъ о Гаршинѣ, предсѣдателѣ одной уѣздной земской управы, скрывшемся безъ вѣсти и оставившемъ послѣ себя земскую кассу расхищенною.

Однимъ словомъ, tonus нормальный, какъ говоритъ Надя. Можетъ быть, и избѣгну третьей высидки въ сумасшедшемъ домѣ».

«$\frac{20}{II}$85. Спб.... Драму я, конечно, бросилъ. Я думаю, что если бы я работалъ одинъ, то изъ нея вышло бы что-нибудь путное, но съ Д., который все это затѣялъ, вдвоемъ, конечно, работать нельзя... Кажется, что я сдамъ все Д. и откажусь отъ всякихъ правъ на сіе двухъ-геніальное твореніе.

Въ «Русской Мысли» напечатана первая половина разсказа «Надежда Николаевна»... Напиши мнѣ откровенно, что это такое. Самъ я разсказомъ недоволенъ. Знаю, что будутъ ругать меня жестоко, и не за тѣ недостатки, которые вижу я, а за вещи постороннія: за отсутствіе политики, за занятіе любвями и ревностями въ наше время, когда и пр...

Ѣздилъ въ Москву; повидаться съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ не удалось. Толстой уѣхалъ въ деревню....

Я чувствую настоятельную потребность говорить съ нимъ. Мнѣ кажется, что у меня есть сказать ему кое-что. Его послѣдняя вещь ужасна. Страшно и жалко становится человѣка, который до всего доходитъ «собственнымъ умомъ»....

Какъ мнѣ жалко, что тебя здѣсь нѣтъ! Пріѣхалъ П. и говоритъ, что ты вездѣ споришь объ искусствѣ, всегда ставишь русское такъ высоко, какъ истинный «сынъ отечества». Въ какомъ бы восторгѣ былъ ты теперь, увидѣвъ «Ивана Грознаго» Рѣпина. Да, такой картины у насъ еще не было, ни у Рѣпина, ни у кого другого,—и я желалъ бы осмотрѣть всѣ европейскія галлереи для того только, чтобы сказать тоже и про Европу.... Представь себѣ Грознаго, съ котораго соскочилъ царь, соскочилъ Грозный, тиранъ, владыка, — ничего это нѣтъ; передъ тобою выбитый изъ сѣдла звѣрь, который подъ вліяніемъ страшнаго удара на минуту сталъ человѣкомъ. Я радъ, что живу въ то время, когда живетъ Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. У меня нѣтъ похвалы для этой картины, которая была бы ея достойна»...

«18$\frac{13-25}{III}$85 г. Спб.... «Обзоръ дѣтской литературы» [1]) — вы-

---

[1]) «Обз. д. лит.» издавался подъ редакціею В. М. Гаршина и А. Я. Герда кружкомъ учащихъ. Изданіе пріостановилось вслѣдствіе болѣзни, а затѣмъ смерти В. М.

пускъ за 1884 г. скоро пришлемъ тебѣ: сегодня мы съ А. Я. будемъ читать послѣдній листъ корректуры.

«Надежда Николаевна», кажется, имѣетъ нѣкоторый успѣхъ у читателей... Предполагаю получить смертельный мордобой отъ Скабичевскаго, Единицы (см. «Недѣлю») и прочихъ. Одинъ Буренинъ, быть можетъ, будетъ благосклоненъ, какъ всегда....

....Я мечтаю часто (и даже не мечтаю, а думаю) черезъ годъ—два уйти отсюда въ провинцію. Если можно будетъ гдѣ-нибудь пристроиться земскимъ секретаремъ, то это было бы весьма и весьма превосходно. Не скажу, чтобы я тяготился своимъ секретарствомъ; нѣтъ, работа не тяжелая, часто очень интересная. То техника, то юридическіе вопросы; во всемъ этомъ многому поучаешься, конечно, не какъ техникъ и юристъ, а какъ человѣкъ и маратель бумаги. Но хочется уйти въ деревню; измочаливаетъ по немногу петербургская жизнь. Да и просто пора перемѣнить декораціи. Кромѣ того, что будетъ здѣсь дѣлать Надя? Тутъ въ Питерѣ около 150 женщинъ-врачей, ибо онѣ по большей части стремятся остаться здѣсь, что представляетъ, по моему, даже нѣкоторое извращеніе идеи женскихъ курсовъ. Рано или поздно, мы уѣдемъ въ глушь, не порвавъ связи съ Питеромъ, безъ котораго всетаки жить невозможно».

«$\frac{1}{13}$ апр. 85 г. Спб... Очень радъ тому, что ты съ сочувствіемъ относишься къ нашимъ стремленіямъ въ деревню. Вижу въ этомъ единственный путный исходъ и для себя, и для Нади. На большинство оставшихся здѣсь женщинъ-врачей досадно бываетъ смотрѣть: толкутся тутъ безъ дѣла и безъ денегъ, бѣдствуютъ, а тамъ работы непочатый уголъ...

Принимаюсь за Р.[1]) Хочу сдѣлать изъ нея центральную фигуру довольно сложной штуки (сложной для *моихъ* силъ, умѣнья). Надо писать, надо, чувствую я это и мнѣ стыдно за... хотѣлъ было написать «свою лѣнь прежнихъ годовъ», да это несправедливо»...

«1 мая 1885. Спб... Я совсѣмъ испортилъ себѣ за послѣднее время расположеніе духа: пошли въ нашемъ болотѣ дрязги и сплетни: разругались мы съ N и, кажется, навсегда... Тутъ еще пошли

---

[1]) Народная учительница, покончившая жизнь самоубійствомъ.

разныя бабьи сплетни (не объ амурныхъ дѣлахъ, къ счастью, а объ литературныхъ дрязгахъ) и вообще чертъ знаетъ что. Все это и гнусно, и скучно, и разстраиваетъ мою дряблую нервную систему.

Ты прочелъ, должно быть, мою «Надежду Николаевну», которую я послалъ тебѣ тотчасъ же по полученіи оттисковъ изъ Москвы. Напиши мнѣ о ней что нибудь, не стѣсняясь. Я чувствую, что заслужилъ за нее многіе и многіе упреки. Конечно, не съ той стороны, съ которой выругала критика. А это было цѣлое гоненіе. Я радъ только, что успѣлъ притерпѣться и разныя слова въ родѣ «чепухи» и т. п., изрыгаемыя Скабичевскимъ и К°, меня очень мало задѣваютъ.

Ты самъ свой высшій судъ...

Но дѣло въ томъ, что на этомъ-то судѣ я не могу сказать «доволенъ». Я чувствую, что мнѣ надо переучиваться сначала. Для меня прошло время страшныхъ отрывочныхъ воплей, какихъ-то «стиховъ въ прозѣ», какими я до сихъ поръ занимался: матеріалу у меня довольно и нужно изображать не свое я, а большой внѣшній міръ. Но старая манера навязла въ перо и оттого-то первая вещь съ нѣкоторымъ дѣйствіемъ и *попыткою* ввести въ дѣло нѣсколько лицъ рѣшительно не удалась. Что вещь вышла не «реальная», о томъ я не забочусь. Богъ съ нимъ, съ этимъ реализмомъ, натурализмомъ, протоколизмомъ и прочимъ. Это теперь въ разцвѣтѣ или вѣрнѣе въ зрѣлости и плодъ внутри уже начинаетъ гнить. Я ни въ какомъ случаѣ не хочу дожевывать жвачку послѣднихъ пятидесяти—сорока лѣтъ и пусть лучше разобью себѣ лобъ въ попыткахъ создать себѣ что-нибудь новое, чѣмъ идти въ хвостѣ школы, которая изъ всѣхъ школъ, по моему мнѣнію, имѣла меньше всего вѣроятія утвердиться на долгіе годы. Ибо она-то и представляетъ чистое «искусство для искусства» не въ философскомъ смыслѣ этого слова, а въ скверномъ. Для нея нѣтъ ни правды (въ смыслѣ справедливости), ни добра, ни красоты, для нея есть только интересное и не интересное, «заковыристое и не заковыристое».

Придется и это лѣто сидѣть въ Петербургѣ. Тоска, хочу со злости лѣтомъ засѣсть за работу и сидѣть не разгибаясь, пока не кончу...

«$\frac{29}{IX}$ 85. Спб... Мои дѣла очень плохи. Я сдѣлалъ большую глупость: вмѣсто того, чтобы лѣтомъ взять отпускъ и уѣхать куда-нибудь въ деревню, я все перемогался, и вотъ дотянулъ до того, что сталъ никуда негоднымъ. Спасибо Ф. Е. Фельдману [1]) за то, что онъ отнесся участливо къ моему плачевному состоянію и освободилъ меня отъ работы на неопредѣленное время, не смотря на то, что теперь съѣздъ и очень важный, съ премногими хлопотами и возней. Я сижу дома, ничего не дѣлаю и иногда подвергаюсь припадкамъ тоски, отъ которой навзрыдъ реву по часу. Вотъ уже три недѣли, какъ я не на службѣ, еще недѣли четыре или пять можно пользоваться добротою Ф., потомъ придется бросить мѣсто, если я не приду въ сколько нибудь сносное состояніе и не буду способенъ работать. Не для фразы скажу тебѣ, что часто горько сожалѣлъ я, что пуля восемь лѣтъ тому назадъ не взяла немного лѣвѣе. Что это за жизнь: вѣчный страхъ, вѣчный стыдъ передъ близкими людьми, жизнь которымъ отравляешь. За что Надѣ такое горе? и за что мнѣ такая любовь и самоотверженіе? Она теперь живетъ мною однимъ, а во мнѣ еще хватаетъ гадости иногда капризничать и ссориться съ нею.

Я никогда такъ не хотѣлъ умереть, какъ теперь. О самоубійствѣ я, конечно, не думаю: это была бы послѣдняя подлость.

Голова постоянно болитъ, памяти нѣтъ, безсиліе и вялость постоянно валятъ на постель. И надо всѣмъ этимъ мучительный страхъ сойдти съума и опять испытать весь этотъ адъ.

Ну, будетъ объ *этомъ*!...

Это письмо лежало цѣлыхъ двѣ недѣли неоконченнымъ: попробую сегодня дописать его. Мнѣ гораздо лучше: я не реву, чувствую себя физически бодрѣе и, кажется, на этой недѣлѣ пойду служить. Что можетъ быть глупѣе такого положенія: теперь я боюсь уже не меланхоліи, а маніи, не зная, нормально ли мое улучшеніе или только кажущееся, и не зная, не пойдетъ ли мое благополучное самочувствіе все crescendo до тѣхъ поръ, пока не придется засаживать меня къ Фрею. По этимъ строчкамъ ты можешь судить, въ какомъ безобразномъ состояніи находится моя душа.

---

[1]) Непосредственный начальникъ В. М. по съѣзду.

Все о себѣ и о себѣ. Это одно приводитъ меня въ отчаянье. Чувствуешь себя не полнымъ человѣкомъ, а какимъ-то существомъ, единственное назначеніе котораго — бороться противъ болѣзни. И эта болѣзнь составляетъ единственный интересъ жизни. Не гнусно ли это?...

...Такъ какъ N. N. умираетъ, то былъ на прошлой недѣлѣ у него. Вѣроятно, больше не увижу никогда: онъ очень плохъ. Старое умираетъ, молодое не ростетъ. Ростутъ все какія-то свиныя рыла или совершенно дохлыя души вродѣ моей. Господи, если-бы только пять лѣтъ жизни, но только здоровой, работящей жизни! Тогда хоть-бы и умереть».

«Спб. $\frac{7}{XI}$85 г.... Я уже мѣсяцъ хожу на службу и первое время какъ нарочно навалило чудовищное количество работы, такъ что я ужасно уставалъ и раздражался. По немногу, однако, успокоился, такъ какъ теперь и работы стало меньше. Если бы на носу не было новаго съѣзда, то можно было бы приняться за новый разсказъ, который уже давно сложился у меня въ головѣ, да и на бумагѣ»...

«$\frac{11}{XII}$85. Спб... За это время было у насъ много всякой работы. Я только что вчера кончилъ сессію присяжнаго, къ счастью продолжавшуюся только 8 дней, но всетаки достаточно измучившую. А тутъ и «Обзоръ дѣтской литературы» печатается, и на службу приходилось заглядывать, и вообще всякая хурда-мурда.

Не пропусти въ газетахъ дѣло Нѣмчиновыхъ о подлогѣ: я былъ на немъ присяжнымъ и ужасно изволновался, пока мы наконецъ не обвинили *его* и не оправдали *ее*.

Все бы ничего; теперь очень хорошо. Но проклятое воспоминаніе о пережитыхъ болѣзняхъ все сидитъ «увнутрѣ», какъ говорятъ жиды, и увѣренъ, что мнѣ, конечно, еще не разъ придется вынести меланхолическіе приступы. Какъ Эзопъ, который, идя съ горы, плакалъ, что ему придется взбираться на гору, такъ и я, не смотря на свое веселое, ровное и спокойное настроеніе, вижу впереди крутой подъемъ, да еще и не одинъ»...

Изъ письма къ В. А. Фаусеку.

«Спб. $\frac{9}{IV}$86 г... О себѣ скажу, что я въ этомъ году кажется буду свободенъ отъ своего бѣса. Просто не вѣрится даже, что это лѣто онъ оставитъ меня въ покоѣ; однако, пока нѣтъ никакихъ повѣстокъ съ его стороны. Работы много, но этимъ не огорчаюсь; пустяки не бередятъ сердца, какъ почти всегда бываетъ весною, и я въ первый разъ съ 82 г. чувствую себя весною настоящимъ человѣкомъ.

Живемъ мы благополучно и очень дружно. «Агей» появится въ «Русской Мысли» въ апрѣлѣ; я уже отослалъ туда корректуру. «Четыре дня» прошли въ цензурѣ и съ картинками и надняхъ выйдутъ въ посредственномъ изданіи [1]) (запишите каламбуръ!!): XXV общій съѣздъ, который будетъ въ четвергъ на Ѳоминой недѣлѣ, не далъ мнѣ кончить повѣствованія о Р., но послѣ него наступитъ тихое и мирное житіе, здравіе и спасеніе и тогда, о тогда!...

....Я уже заручился правомъ отпуска, но вслѣдствіе нѣкоторыхъ важныхъ соображеній рѣшился перенести его на начало августа. Маршрутъ мой будетъ такой: Спб., Носковцы, Одесса, Николаевъ, Севастополь, Южный берегъ, Новороссійскъ, Пятигорскъ, Кисловодскъ и прочее; если благоугодно, — Ставрополь и затѣмъ домой»...

Скоро, однако, всѣ надежды и планы В. М. разлетѣлись, какъ дымъ. «Бѣсъ» снова посѣтилъ его. Онъ снова не могъ ходить на службу и проводилъ все время почти безъ движенія въ Сухопутной таможнѣ (у Екатерингофа), въ квартирѣ родныхъ его жены. Я посѣщалъ его въ это время нѣсколько разъ. Мнѣ приходилось видѣть его больнымъ и въ предшествующія лѣта, но никогда онъ не производилъ на меня такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ въ это лѣто. Особенно тяжело было видѣть его въ первое посѣщеніе. Онъ лежалъ полураздѣтый и увѣрялъ, что не можетъ подняться съ постели. Дѣйствительно, онъ страшно исхудалъ и казался совершенно обезсиленнымъ. Между прочимъ, онъ жаловался на сильную

---

[1]) т. е. изданіи «Посредника».

боль въ одномъ мѣстѣ головы, боль, доводившую его до того, что онъ кричалъ. Мало по малу, разговаривая съ В. М. о текущихъ литературныхъ явленіяхъ, а также о французскихъ и англійскихъ писателяхъ, въ особенности о Диккенсѣ, въ симпатіяхъ къ которому мы съ нимъ сходились, я отвлекъ его мысли отъ его собственнаго состоянія, и онъ мало по малу пободрѣлъ, забылъ о своей головной боли, всталъ съ постели и даже предложилъ мнѣ погулять по садику и огороду, прилегавшимъ къ дому. Мы отправились, ходили, лежали на землѣ—и В. М. былъ очень разговорчивъ и почти веселъ. Между прочимъ, онъ много смѣшного разсказывалъ по поводу полуразрушившихся построекъ, стоявшихъ предъ нами, выстроенныхъ въ ожиданіи громаднаго наплыва товаровъ, подлежащихъ таможенному осмотру, но оказавшихся не нужными за отсутствіемъ этихъ товаровъ. Но затѣмъ какой-то неосторожный вопросъ съ моей стороны навелъ его мысли снова на него самого,—и онъ сразу измѣнился: почувствовалъ себя уставшимъ, больнымъ, поспѣшилъ въ комнаты, — и я оставилъ его совсѣмъ разнемогшимся. Въ такомъ же родѣ были и остальныя наши свиданія. Въ его болѣзни большую роль играло разстроенное воображеніе, но насколько онъ дѣйствительно страдалъ, лучше всего показывали его пожелтѣвшее осунувшееся лице, его худоба и полная неспособность что-либо дѣлать въ періодъ болѣзни. Между прочимъ, онъ жаловался въ это лѣто на то, что у него пропала довольно большая работа: въ теченіе предшествующей зимы она сложилась у него въ головѣ и уже въ значительной мѣрѣ была перенесена на бумагу; оставалось связать отдѣльныя части — и повѣсть была бы готова, но болѣзнь помѣшала этому, и онъ, какъ увѣрялъ, *забылъ*, что собственно онъ хотѣлъ написать. Кажется, эта работа была имъ сожжена.

Къ зимѣ 1886 г. В. М. опять оправился. Въ эту зиму я видѣлся съ нимъ особенно часто. Помимо свиданій безъ особенно опредѣленной цѣли, мы сходились часто потому, что работали вмѣстѣ надъ обработкою матеріала для дальнѣйшихъ выпусковъ «Обзора дѣтской литературы». Никогда В. М. не казался мнѣ такимъ веселымъ и полнымъ жизни, какъ въ эту зиму 1886—87 гг. Между прочимъ, онъ усиленно интересовался въ это время худо-

жественными работами и старался просвѣтить на этотъ счетъ меня, совершеннаго профана по этой части: онъ чуть не читалъ мнѣ цѣлыя лекціи по теоріи и исторіи искусства, затащилъ разъ на передвижную выставку и т. д. Въ это время онъ написалъ для «Сѣвернаго Вѣстника» статью—отчетъ по поводу очередной выставки. Глядя на него, на его оживленіе, невольно хотѣлось вѣрить въ то, что онъ избавился отъ своего недуга. Особенно бодрымъ выглядывалъ онъ послѣ того, какъ раннею весною 1887 г. сдѣлалъ двухнедѣльную экскурсію въ Крымъ въ обществѣ нѣсколькихъ друзей. Надежды на освобожденіе отъ «бѣса» подкрѣплялись еще тѣмъ, что «бѣсъ» этотъ не приходилъ, несмотря на то, что обычный срокъ его прихода уже наступилъ. Уже въ половинѣ іюня В. М. былъ еще вполнѣ здоровъ и строилъ разные планы какъ относительно начатія исторической повѣсти, такъ и относительно поѣздокъ въ Англію, на югъ Россіи и т. п. Но «бѣсъ» пришелъ, когда его всего менѣе ожидали и уже не оставлялъ В. М. до самой смерти.

На этотъ разъ, кромѣ внутренней причины, дѣйствовали внѣшнія причины. На В. М. обрушился рядъ непріятностей, приведшихъ къ полному разрыву съ близкими ему людьми.

Болѣзнь В. М. сначала проявлялась въ формѣ, болѣе легкой сравнительно съ предшествовавшими годами, но затѣмъ она крайне усилилась и съ наступленіемъ холоднаго времени не только не исчезла, какъ бывало прежде, но сдѣлалась еще интенсивнѣе. Ко всему, переносимому В. М., присоединился еще рядъ новыхъ непріятностей. Съ начала болѣзни В. М., по обыкновенію, былъ освобожденъ отъ исполненія своихъ обязанностей по съѣзду до улучшенія здоровья. Но время шло, болѣзненное состояніе не исчезало. В. М. считалъ невозможнымъ долѣе пользоваться любезностью своего начальства и рѣшился приступить къ исполненію обязанностей секретаря, не смотря на свое печальное состояніе. Но когда онъ явился на службу, временно замѣнявшій его господинъ встрѣтилъ его крайне грубо и заявилъ ему, что онъ, соглашаясь замѣнить В. М., разсчитывалъ занять его мѣсто на всегда. Грубая выходка замѣстителя В. М. такъ подѣйствовала на него, что онъ немедленно заявилъ объ оставленіи имъ мѣста секретаря. Съ этого времени

къ числу другихъ давившихъ В. М. мыслей присоединились еще мысли о томъ, что ему нечѣмъ будетъ жить, что теперь онъ ни къ чему негоденъ и неспособенъ и что онъ вынужденъ будетъ обременять свою жену заботами о его содержаніи.

При болѣзненномъ состояніи В. М., на него крайне вредно отражалась каждая мелкая непріятность, а въ эту зиму 1887—88 года какъ нарочно этихъ непріятностей выпало на его долю весьма немало. Помню, между прочимъ, какъ болѣзненно отозвалась на немъ грубая выходка одного изъ «начинающихъ писателей». «Начинающіе писатели»—истинный бичъ писателей, пріобрѣвшихъ имя. Каждый писатель съ именемъ осаждается письмами «начинающихъ писателей», присылкою имъ рукописей съ требованіемъ категорическаго отвѣта на вопросъ—«есть-ли у меня талантъ»?—порученіями «пристроить» рукописи въ то или другое изданіе и, наконецъ, явкою собственныхъ персонъ «начинающихъ писателей». В. М., какъ человѣкъ безконечно добрый, былъ въ особенности жертвою «начинающихъ писателей». Они засыпали его письмами, требовали отзывовъ о своихъ произведеніяхъ и надоѣдали своими посѣщеніями [1]). В. М. относился къ обращавшимся къ нему юношамъ, дѣвицамъ, а порою и старцамъ, начинавшимъ «писать», мягко и деликатно, но не считалъ никогда нужнымъ смягчать своего мнѣнія о ихъ произведеніяхъ и говорилъ всегда, что думалъ, — что, конечно, инымъ изъ «начинающихъ писателей» не нравилось. Одинъ изъ этихъ «начинающихъ писателей», надоѣдавшихъ В. М. въ зиму 1887—88 гг., которому В. М. откровенно высказалъ свое невысокое мнѣніе объ его «произведеніи», наговорилъ В. М. кучу самыхъ невозможныхъ дерзостей, чѣмъ разстроилъ несчастнаго В. М. до послѣдней степени болѣзненности.

Еще болѣе болѣзненно дѣйствовали на В. М. разныя непріятныя исторіи, совершавшіяся въ это время въ литературномъ мірѣ. В. М.

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ «начинающихъ писателей», послѣ смерти В. М. поспѣшили отрекомендовать себя близкими друзьями покойнаго и напечатать въ органахъ мелкой прессы свои «воспоминанія» о немъ. Неудивительно, что люди, бывшіе у В. М. всего по нѣсколько разъ, злоупотребляя его терпѣніемъ и добротою, могли въ своихъ «воспоминаніяхъ» только приводить собственныя фантазіи, часто доходя въ этомъ занятіи до изумительной виртуозности.

всегда крайне скорбѣлъ передъ раздорами, царящими въ литературномъ мірѣ, вызываемыми сплошь и рядомъ чисто личными отношеніями. Въ зиму 1887—88 гг. было особенно много такихъ печальныхъ явленій,—и они крайне болѣзненно отзывались на впечатлительной натурѣ В. М.

Въ началѣ 1888 года съ В. М. произошелъ любопытный эпизодъ, вполнѣ характерный для этой свѣтлой личности. Проходя ночью по Невскому проспекту, В. М. сдѣлался свидѣтелемъ возмутительной сцены: по распоряженію агента общественной нравственности два дворника волокли дѣвушку, заподозрѣнную въ проституціи. В. М. возмутился такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ человѣкомъ, хотя бы онъ бы и проституткою, и вступился за несчастную. Заступничество его увлекло и собравшуюся на мѣстѣ толпу, которая также вступилась за дѣвушку. Явилась полиція, и послѣ разныхъ пререканій нѣсколько лицъ съ В. М. отправились въ участокъ заявить жалобу на жестокое обращеніе агентовъ полиціи съ заподозрѣнной. Тамъ, вмѣсто принятія жалобы, переписали всѣхъ явившихся и привлекли ихъ къ отвѣтственности за нарушеніе общественной тишины и порядка. На разбирательствѣ у мирового судьи (конечно, оправдавшаго всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу) высказалась во всей ясности симпатичная, глубоко-гуманная, всепрощающая натура В. М. Въ то время, какъ другіе участники дѣла не могли иначе, какъ съ глубокой злобой, говорить объ агентѣ врачебно-полицейскаго комитета, арестовавшемъ несчастную дѣвушку, о дворникахъ, тащившихъ ее, и о полицейскомъ чиновникѣ, грубо встрѣтившемъ протестантовъ, явившихся въ участокъ заступаться за арестованную, В. М. относился ко всѣмъ этимъ лицамъ безъ малѣйшей злобы, указывая на то, что корень зла не въ этихъ исполнителяхъ медико-полицейскаго надзора, а въ самомъ этомъ надзорѣ, въ тѣхъ условіяхъ жизни, которыя создали и поддерживаютъ этотъ надзоръ. И таковъ В. М. былъ всегда и во всемъ. Онъ ненавидѣлъ зло, но любилъ людей; онъ боролся со зломъ, но щадилъ людей...

Къ марту 1888 года состояніе В. М. нѣсколько улучшилось и явилась надежда на его выздоровленіе. Но надежда эта оказалась тщетною. О послѣднихъ дняхъ жизни В. М. и о его смерти читатель найдетъ свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ В. А. Фаусека.

19 марта В. М. упалъ въ пролетъ лѣстницы дома, въ которомъ онъ жилъ, а 24-го его уже не стало.

Похороны В. М. были торжественныя. Собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ, пожелавшихъ проводить его въ послѣднее жилище. На гробъ было положено болѣе 20 вѣнковъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись вѣнки отъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, а также отъ разныхъ женскихъ «курсовъ»—высшихъ, фельдшерскихъ, акушерскихъ. На могилѣ были произнесены обычныя рѣчи....

Печать единодушно оплакала безвременную кончину В. М., какъ тяжелую утрату для русской литературы, а всѣ знавшіе его, кромѣ того, оплакивали въ лицѣ умершаго «лучшаго изъ людей», чистаго какъ кристаллъ, чистота и благородство котораго невольно возбуждали вопросъ: какъ при условіяхъ нашей жизни могла сложиться такая натура и—что еще удивительнѣе—какъ она могла сохраниться во всей своей чистотѣ?...

Не даромъ В. М. производилъ впечатлѣніе человѣка не отъ міра сего: онъ оказался «не ко двору» въ этомъ мірѣ и ушелъ въ другой...

Я. Абрамовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. М. ГАРШИНА.

I.

ПЛѢННИЦА.

Прекрасная пальма высокой вершиной
Въ стеклянную крышу стучитъ.
Пробито стекло, изогнулось желѣзо,
И путь на свободу открытъ.

***

И отпрыскъ отъ пальмы султаномъ зеленымъ
Поднялся въ пробоину ту;
Надъ сводомъ прозрачнымъ, подъ небомъ лазурнымъ
Онъ гордо глядитъ въ высоту.

***

И жажда свободы его утолилась:
Онъ видитъ небесный просторъ,
И солнце ласкаетъ (холодное солнце!)
Его изумрудный уборъ.

***

Средь чуждой природы, средь странныхъ собратій,—
Средь сосенъ, березъ и елей,
Онъ грустно поникнулъ, какъ будто-бы вспомнилъ
О небѣ отчизны своей.

***

Отчизны, гдѣ вѣчно природа пируетъ,
Гдѣ теплыя рѣки текутъ,
Гдѣ нѣтъ ни стекла, ни рѣшотокъ желѣзныхъ,
Гдѣ пальмы на волѣ растутъ.

***

Но вотъ онъ замѣченъ; его преступленье
Садовникъ исправить велѣлъ,—
И скоро надъ бѣдной, прекрасною пальмой
Безжалостный ножъ заблестѣлъ.

***

Отъ дерева царскій вѣнецъ отдѣлили,
Оно содрогнулось стволомъ,
И трепетомъ шумнымъ отвѣтили дружно
Товарищи-пальмы кругомъ.

***

И снова задѣлали путь на свободу,
И стекла узорчатыхъ рамъ
Стоятъ на дорогѣ къ холодному солнцу
И блѣднымъ чужимъ небесамъ.

3 марта 76 г.

II.

Нѣтъ не дана мнѣ власть надъ вами,
Вы, звуки милые поэзіи святой;
Не долженъ я несмѣлыми руками
Касаться лиры золотой.
Но если сердце злобой разгорится,—
И мстить захочетъ слабая рука,
Я не могу разсудку покориться,—
Одолѣваетъ злобная тоска,
И я спѣшу въ больныхъ и буйныхъ звукахъ
Всю желчь души истерзанной излить,
Чтобъ хоть на мигъ одинъ забыть о мукахъ
И язвы сердца утолить.

Янв. 76 г.

III.

СВѢЧА.

Свѣча погасла и фитиль дымящій,
Зловонный чадъ обильно разносящій,
Во мракѣ красной точкою горитъ.
Въ моей душѣ погасло пламя жизни
И только искра горькой укоризны
Своей судьбѣ дымится и чадитъ.
И рѣетъ душный чадъ воспоминаній
Надъ головою, полной упованій
Въ дни лучшіе на настоящій мигъ.
И что обманутъ я мечтой своею,
Что я уже напрасно въ мірѣ тлѣю,
Я только въ этотъ скорбный мигъ постигъ.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ В. М. ГАРШИНУ.

50 Rue de Douai. $\frac{24}{12}$-го февр. 82 г.
Paris.

Любезнѣйшій Гаршинъ!

Какъ мнѣ было пріятно получить отъ васъ (правда, давно уже)— письмо—и какъ мнѣ совѣстно, что я такъ долго не отвѣчалъ вамъ! Посылаю теперь къ вамъ нѣсколько строкъ черезъ вашего брата Евгенія. Свѣдѣнія, которыя онъ мнѣ доставилъ о васъ — были утѣшительнаго свойства. Вы очевидно поправились, были болѣе бодры, принимались за работу. Надѣюсь, что все это продолжалось и продолжается и что недалеко то время, когда вы опять будете въ состояніи вернуться къ русской литературѣ, на страницахъ которой вы, въ этомъ увѣренъ, оставите замѣтный слѣдъ.—Пусть не смущаетъ васъ перерывъ, происшедшій въ вашей дѣятельности. Вотъ вамъ примѣръ: извѣстный всему свѣту композиторъ Гуно (хорошій мой пріятель)—впалъ, будучи лѣтъ 25, въ болѣзнь, совершенно подобную вашей—что не помѣшало ему потомъ написать Фауста и т. д., и т. д. и быть совершенно нормально здоровымъ.—Я слышу, что вы очень успѣшно занимаетесь англійскимъ языкомъ; это прекрасно... а тамъ въ одно прекрасное утро, и перо въ руки возьмете.

Я думаю въ началѣ апрѣля выѣхать отсюда—а съ первыхъ чиселъ мая я уже въ деревнѣ, въ которой проведу лѣто. — Я и въ прошломъ году разсчитывалъ на то, что авось вы у меня погостите; а уже въ нынѣшнемъ вы навѣрно мнѣ не откажете.—Воздухъ тамъ отличный, гулять есть гдѣ—спокойствіе и тишина полныя... Словомъ все, что нужно для того, чтобы окончательно поправиться и работать.

Напишите мнѣ, гдѣ вы теперь находитесь и какіе ваши планы? —Изъ письма вашего брата ко мнѣ я могъ заключить, что вы собирались пріѣхать въ Петербургъ на мѣсяцъ. Исполнили ли вы ваше намѣреніе?

Позвольте вамъ сказать: до свиданія—и будьте увѣрены въ томъ чувствѣ дружественнаго участія, которое къ вамъ питаетъ

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

(Seine et Oise)
Буживаль
Les Frènes

8-го Іюня 1882 г.
27-го Мая.

Любезный Всеволодъ Михайловичъ, васъ быть можетъ удивило мое продолжительное молчаніе; но вскорѣ послѣ вашего письма — я занемогъ довольно серьезно, пролежалъ два мѣсяца въ постели— и хоть меня перевезли третьяго дня сюда для испытанія, не подѣйствуетъ ли на меня перемѣна воздуха—но я еще далекъ отъ выздоровленія и не могу ни ходить, ни стоять, безъ сильныхъ болей въ груди. Эта глупая болѣзнь заставила рухнуть всѣ мои планы— такъ какъ сами доктора не знаютъ, когда она можетъ прекратиться.— Особенно досадно мнѣ то, что я, по всѣмъ вѣроятіямъ, не въ состояніи буду поѣхать въ Россію, въ деревню, гдѣ вы обѣщались погостить.— Эта неизвѣстность всякій разъ удерживала меня, когда я хотѣлъ писать къ вамъ; жаль было разстаться съ надеждой возобновленія прошлогодняго житья; но теперь дѣлать

нечего, и я считаю обязанностью предупредить васъ, что меня въ Россіи нынѣшнимъ лѣтомъ не будетъ—и, что стало быть, не буду имѣть удовольствія видѣться и познакомиться съ вами.

Братъ вашъ прислалъ мнѣ вашъ небольшой разсказецъ. — Изъ него я усмотрѣлъ двѣ вещи—во 1-хъ, что вашъ своеобразный талантъ не ослабѣлъ, и во 2-хъ, что вы выздоровѣли совершенно. Слѣдовательно, вамъ надобно приняться теперь за что нибудь крупное—хоть за продолженіе того разсказа, который появился въ «Русскомъ Богатствѣ» и былъ прерванъ вашимъ нездоровьемъ. Очень бы я обрадовался извѣщенію о возобновленіи вашей дѣятельности: вы знаете, какое участіе она во мнѣ возбуждаетъ.

Мой адресъ вѣрный—все тотъ же:

Paris, 50, Rue de Douai.

Крѣпко жму вашу руку и
остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

(Seine et Oise)
Bougival
Les Frènes
Четвергъ $\frac{17}{5}$-го авг. 82 г.

Ваше письмо, любезный Гаршинъ, меня очень обрадовало. Мнѣ пріятно думать, что вы освоились въ Спасскомъ и что вамъ тамъ хорошо. Нечего и прибавлять, что вы можете оставаться тамъ, сколько полюбится.—Чувства, которыя вы мнѣ описываете—именно тѣ, которыя предшествуютъ появленію или возобновленію творческой дѣятельности.—Да не пугаетъ васъ излишекъ мыслей, образовъ, сюжетовъ; не выбирайте ничего изъ нихъ насильно, по предвзятымъ соображеніямъ; дайте чему нибудь изъ нихъ созрѣть и овладѣть вами; всякій пишущій хорошо знаетъ по опыту, когда это совершится—и тогда начинайте большую ли, маленькую вещь—это все равно: дубъ и цвѣтокъ зарождаются одинаково.—Гоните отъ себя напрасный страхъ, не возвращайтесь мыслью къ вашему прошед-

шему—ne le ruminez pas—сказалъ бы французъ. Отдайтесь самому дѣлу—а что изъ него выйдетъ — это зависитъ отъ вещей, надъ которыми вы не властны—начиная съ таланта.—И жизни вашей дайте течь, какъ ей будетъ угодно, благо здоровье вернулось вамъ. Дѣлу творчества такъ же нужно *спокойное,* но постоянное напряженіе къ одной цѣли—какъ и полная безпечность, которую нѣкоторые не совсѣмъ справедливо называютъ безсознательностью.

Что касается до моего пріѣзда въ Спасское, то вы можете легко себѣ представить, какъ-бы мнѣ хотѣлось скорѣе тамъ быть; но меня пока удерживаетъ здѣсь желѣзная рука. Я все еще надѣюсь, что если не осенью, то къ началу зимы попаду туда. Но стараюсь объ этомъ не загадывать впередъ.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ Полонскимъ: люди они очень хорошіе. Не собирается-ли пріѣхать къ нимъ сосѣдка наша Ладыженская? Вы кажется ее знаете.— Братъ вашъ, по слухамъ, уже уѣхалъ.

Не забудьте распорядиться о высылкѣ мнѣ сюда (черезъ Топорова, о которомъ вамъ скажетъ Яковъ Петровичъ) вашей книги; мнѣ хочется ее перечесть.

Жму вамъ дружески руку
и желаю всего хорошаго

Ив. Тургеневъ.

(Seine et Oise)
Bougival
Les Frènes
Пятница $\frac{15}{3}$-го сент. 82.

Любезнѣйшій Гаршинъ, я получилъ ваше письмо, а передъ тѣмъ вашу книгу, которую прочелъ немедленно. Могу повторить то, что я, кажется, писалъ вашей матушкѣ: изо всѣхъ нашихъ молодыхъ писателей вы тотъ, который возбуждаетъ большія надежды. У васъ есть всѣ признаки настоящаго, крупнаго таланта: художническій темпераментъ, тонкое и вѣрное пониманіе характерныхъ чертъ жизни — человѣческой и общей, чувство правды

и мѣры—простота и красивость формы—и какъ результатъ всего—оригинальность. Я даже не вижу, какой-бы совѣтъ вамъ преподать;—могу только выразить желаніе, чтобы жизнь вамъ не помѣшала, а напротивъ дала-бы вашему созерцанію ширину, разнообразіе и спокойствіе, безъ котораго никакое творчество немыслимо.

На счетъ же того, что вы мнѣ говорите о моемъ призваніи—въ отношеніи къ молодому поколѣнію писателей—скажу вамъ, что теперешняя невозможность исполнить это призваніе—вотъ главная причина моей досады на глупую болѣзнь, осудившую меня на невозможное прозябаніе вдали отъ Россіи.—Тяжело также и то, что я не могу даже предвидѣть, когда прекратится это прозябаніе.—Облегченіе моихъ припадковъ не настолько значительно, чтобы я могъ предаваться надеждамъ. Остается не думать объ этомъ и ждать у моря погоды.

Радуюсь, что пребываніе ваше въ деревнѣ пошло вамъ въ пользу и возвратило васъ къ литературной работѣ.—Не думаете-ли вы продолжать исторію одного деньщика (заглавія не помню)—которая появилась въ одномъ нынѣ прекратившемся журналѣ?—Помнится, начало мнѣ очень нравилось.

Прошу васъ поклониться отъ меня всѣмъ спасскимъ жителямъ. Крѣпко и дружески жму вамъ руку

Ив. Тургеневъ.

P. S. Зачѣмъ у васъ въ концѣ «Ночи» сказано: лежалъ «человѣческій трупъ»? Вѣдь онъ себя не убилъ—да и не видно, чтобъ онъ умеръ отъ другихъ причинъ.—Эта неясность производитъ въ читателѣ впечатлѣніе недоумѣнія, чего особенно слѣдуетъ избѣгать.

Парижъ
50, Rue de Douai
$\frac{21}{9}$-го дек. 82.

Любезнѣйшій Гаршинъ!

Посылаю вамъ при семъ переводъ вашей «Ночи», появившійся въ «Revue politique et litteraire»; извиняюсь, что нѣсколько запоздалъ этой отсылкой.

Отъ нашихъ пріятелей Полонскихъ я имѣлъ свѣдѣнія о васъ, большею частью благопріятныя, чему я порадовался. — Я узналъ также, что вы женились—съ чѣмъ васъ поздравляю. — Надѣюсь, что теперь, свивши себѣ гнѣздо, вы съ удвоеннымъ рвеніемъ примитесь за работу и займете въ литературѣ почетное мѣсто, на которое теперь уже указываетъ критика.

Здоровье мое продолжаетъ быть мало удовлетворительнымъ, такъ что я совсѣмъ не знаю, когда мнѣ удастся побывать въ Россіи и свидѣться съ вами.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь
преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

50, Rue de Douai
Paris.

Любезный Гаршинъ!

Вчера я получилъ отдѣльный оттискъ вашей повѣсти, въ которой по ошибкѣ получились и два прилагаемыхъ при семъ письма. Вашу повѣсть я уже прочелъ въ «Отеч. Зап.», и она мнѣ очень понравилась. Хотѣлъ я вамъ писать о ней, но отлагаю это до болѣе удобнаго времени, такъ какъ теперь, по причинѣ болѣзни, не могу писать самъ. Ограничусь тѣмъ, что вы, какъ мнѣ кажется, въ этой повѣсти вступили на хорошую дорогу, которою и желаю вамъ продолжать идти.

Дружески жму вамъ руку

Ив. Тургеневъ.

$\frac{16}{11}$83.

На похоронахъ Всеволода Гаршина.

Чиста какъ снѣгъ на горныхъ высотахъ,
И кротости исполнена безмѣрной
Была душа твоя, почившій братъ.
Незлобивъ былъ какъ голубь ты:—вражды
И зависти твое не знало сердце.
Любви и всепрощенія родникъ
Неизсякаемый въ груди твоей таился.
Любовью всѣ твои созданья дышатъ,—
Глубокою любовью къ человѣку...
Не отвергалъ съ презрѣньемъ падшихъ ты,
Но пробуждалъ къ нимъ въ ближнихъ состраданье;
Вотъ почему всѣ честныя сердца
Ты влекъ къ себѣ съ неотразимой силой!
Не много тѣхъ, кто чистоту души
Умѣлъ сберечь средь мутныхъ волнъ житейскихъ,
Какъ ты сберегъ,—и въ комъ не въ силахъ были
Онѣ любви свѣтильникъ потушить...
Спи мирно, братъ нашъ милый... Долго будетъ
Въ сердцахъ людскихъ жить свѣтлый образъ твой.
О! еслибы могли хотя на мигъ
Твои открыться вежды... въ нашихъ взорахъ
Прочелъ-бы ты, какою безпредѣльной
Великой скорбью душу наполняетъ
Намъ мысль, что ты на вѣкъ отъ насъ ушелъ!

Алексѣй Плещеевъ.

26 марта 1888 года.

Смерть Всеволода Гаршина.

Погибъ и онъ—когда тотъ слухъ къ намъ долетѣлъ,
Не вѣрилось, и въ страхѣ мы внимали,
Мысль отрывалась вдругъ отъ мелкихъ, пошлыхъ дѣлъ,
Отъ будничной заботы и печали;
«И онъ, и онъ погибъ», блѣднѣя мы шептали.
Насъ ужасъ леденилъ нежданнаго конца;
И что-то пронеслось, и душу намъ смутило,
И содрогнулися безпечныя сердца
Предъ этой новою открывшейся могилой...
Какъ будто всѣ почувствовали вдругъ,
Что слишкомъ близки намъ его мученья,
И что недугъ его—для всѣхъ родной недугъ;
Какъ будто поняли мы сердцемъ на мгновенье
Послѣдній вопль его предсмертныхъ мукъ...
Зачѣмъ такъ много силъ дала ему природа?
Вѣдь съ чуткой совѣстью и страстною душой
Нельзя привыкнуть жить межъ насъ во тьмѣ глухой...
И онъ страдалъ всю жизнь, не находя исхода,
Истерзанъ внутренней, незримою борьбой.
О горе тѣмъ, кто въ наше время
Проснулся хоть на мигъ отъ рокового сна,—
Какимъ отчаяньемъ душа его полна,
И какъ онъ чувствуетъ тоски гнетущей бремя!
О горе тѣмъ, кто смѣлъ донынѣ сохранить
Живую душу человѣка,
Кто не успѣлъ въ себѣ сознанья задушить
И кто во прахъ не палъ предъ идолами вѣка!
Въ немъ скорбь за всѣхъ людей была такъ велика,
Что нѣжнымъ ландышемъ главу къ землѣ склоняя,
На нивѣ жизненной онъ палъ, изнемогая,
Какъ будто ядомъ «Краснаго цвѣтка»
Была отравлена душа его больная...

***

Друзья, вотъ безконечный рядъ могилъ,—
Рѣдѣетъ кругъ бойцовъ... не стало лучшихъ силъ.
Все честное хоронимъ мы послушно,
Но долго-ли еще намъ, братья, хоронить?..
Вѣдь жизнь теперь, какъ склепъ, гдѣ такъ отъ труповъ душно,
Что скоро намъ самимъ нельзя въ немъ будетъ жить...

***

О, если правда въ насъ заглохла не совсѣмъ,
И голосъ совѣсти еще не вовсе нѣмъ,—
Сюда, друзья, сюда на раннюю могилу!
Оплачемъ юныя надежды и мечты...
Подавленную творческую силу,
Оплачемъ нѣжные, убитые цвѣты.
Миръ отстрадавшему!.. Здѣсь, братья, мы сойдемся
Надъ гробомъ тѣсной, дружеской толпой,
И въ общей горести, хотя на мигъ сольемся,
И прахъ его почтимъ горячею слезой.

1888 г. **Д. Мережковскій.**

Памяти В. М. Гаршина.

Печальный взглядъ его всегда
Во мнѣ будилъ рой странныхъ ощущеній—
Не то какихъ-то сожалѣній,
Не то какого-то невольнаго стыда,
Какой-то словно скорби личной...
Глубокій, добрый, симпатичный,
Онъ не въ глаза—онъ въ душу вамъ смотрѣлъ,
И такъ загадочно, такъ странно,
Какъ будто что-то постоянно
Сказать хотѣлъ все... и не смѣлъ.
Теперь загадка та—не тайна. Мракъ могилы
Всю жизнь усопшаго такъ ярко освѣтилъ.
Кому всѣ люди были милы;
Кто беззавѣтно такъ любилъ
Весь міръ; кто отъ позора вѣка
Ушелъ, скорбя за человѣка;
Кто жизни спутанную сѣть
Порвалъ и смѣло, и безпечно
Самъ добровольно,—тотъ, конечно,
Такъ могъ, такъ долженъ былъ смотрѣть!

Н. Пушкаревъ.

ПАМЯТИ

ВСЕВОЛОДА МИХАЙЛОВИЧА ГАРШИНА.

Первое знакомство мое съ Всев. Мих. Гаршинымъ относится къ веснѣ 1876 года. Ему было тогда лѣтъ двадцать, онъ былъ студентомъ перваго курса Горнаго Института. Я былъ почти мальчикъ и учился въ гимназіи, въ Харьковѣ, вмѣстѣ съ его братомъ. г. Евгеніемъ Гаршинымъ. Въ семьѣ моего товарища мнѣ часто приходилось слышать про его старшаго брата, Всеволода; кажется, къ этому времени относятся его первыя попытки писать, и чуть ли онъ не помѣстилъ уже тогда гдѣ-то своего перваго разсказа. Родные ожидали его пріѣзда къ лѣту, на каникулы. Однажды, помню, въ отличное майское утро, къ низкому окошку небольшого одноэтажнаго домика, гдѣ я жилъ, подошелъ Гаршинъ, мой товарищъ, и съ нимъ молодой человѣкъ въ студенческой, горной фуражкѣ—его братъ Всеволодъ, котораго онъ привелъ ко мнѣ, чтобы познакомить насъ, и немедленно вытащить меня гулять вмѣстѣ. Но прежде чѣмъ идти гулять, молодой студентъ обратилъ живое вниманіе на мой акварій, стоявшій на окнѣ, по просту на большую банку съ тритонами, улитками, ряской

и другими водяными травами; онъ зналъ ихъ латинскія названія, чѣмъ сразу доставилъ мнѣ большое удовольствіе; мнѣ, ученику классической гимназіи, пришлось тогда, кажется, въ первый разъ въ жизни встрѣтить человѣка, знающаго названія растеній и занимающагося ботаникой. Этотъ общій нашъ интересъ къ ботаникѣ и вообще къ естественнымъ наукамъ и послужилъ первой, исходной точкой завязавшагося между нами знакомства.

Не помню теперь, гдѣ провелъ Вс. Мих. лѣто 1876 года; кажется, въ Харьковѣ, въ самомъ городѣ, гдѣ я продолжалъ съ нимъ постоянно видаться въ августѣ мѣсяцѣ, вернувшись изъ деревни по окончаніи гимназическихъ каникулъ. Въ этомъ же году онъ успѣлъ еще разъ побывать въ Харьковѣ, зимою, на Рождественскихъ праздникахъ.

Объ его образѣ жизни, объ его занятіяхъ во время его непродолжительныхъ наѣздовъ домой за этотъ періодъ времени, немного сохранилось у меня теперь въ памяти подробностей. Помню, одно время онъ учился играть на віолончели; онъ доставалъ инструментъ у стараго харьковскаго музыканта П., съ сыномъ котораго учился вмѣстѣ въ Горномъ Институтѣ, и съ увлеченіемъ упражнялся на немъ. На лицѣ его отражалось глубокое удовольствіе, когда онъ водилъ смычкомъ по струнамъ, и самъ онъ слушалъ съ наслажденіемъ свою музыку, но особенныхъ успѣховъ онъ не оказывалъ и скоро, кажется, бросилъ.

Главнымъ и коренным умственнымъ интересомъ была и тогда для него, конечно, художественная литература; бесѣды о литературѣ были преобладающей, почти исключительной тэмой въ домѣ Гаршиныхъ. Кружокъ юношей, собиравшихся у нихъ, платилъ тогда особую дань поклоненія и удивленія Диккенсу, и Всев. Мих. всецѣло раздѣлялъ наши чувства; Диккенсъ всегда оставался однимъ изъ его любимыхъ писателей.

— Пришелъ 1877-й годъ, и весной была объявлена война. Всеволодъ былъ въ это время въ Петербургѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ манифеста 12-го апрѣля родные его получили отъ него письмо, гдѣ онъ извѣщалъ, что оставляетъ Горный Институтъ и идетъ на войну вольноопредѣляющимся. Для его матери это было большое горе, а для его молоденькихъ харьковскихъ пріятелей—

смѣлый и великодушный поступокъ; съ этихъ поръ съ именемъ изящнаго и симпатичнаго петербургскаго студента былъ соединенъ какой-то особенный ореолъ душевнаго благородства, ореолъ, не покидавшій его до самой смерти и пріобрѣтавшій все новыхъ и новыхъ друзей его имени. Проѣздомъ на театръ войны онъ пробылъ нѣсколько дней въ Харьковѣ; мать плакала и собирала его въ дорогу; онъ утѣшалъ ее, сколько могъ. Его друзья собрались на вокзалъ проводить его и пожелать ему благополучнаго возвращенія. Онъ спѣшилъ въ Кишиневъ, гдѣ догналъ свой полкъ, и былъ, по особому Высочайшему приказу, зачисленъ вольноопредѣляющимся.

Черезъ три мѣсяца онъ уже вернулся. Чуть ли не въ первомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ, въ дѣлѣ подъ Аясларомъ, 11 Августа, онъ былъ раненъ и война для него кончилась. Онъ былъ отправленъ въ Харьковъ къ роднымъ на поправленіе. Хотя онъ и писалъ домой о своей ранѣ и о скоромъ пріѣздѣ, но почему-то— не помню уже теперь—ему не удалось извѣстить ихъ телеграммой о днѣ пріѣзда, и никто не встрѣтилъ его на вокзалѣ, когда онъ прибылъ въ Харьковъ съ партіей раненыхъ. Ему наняли извозчичью коляску и отправили въ офицерскій баракъ, на другой конецъ города. Проѣзжая по улицамъ, онъ все ждалъ, не встрѣтитъ ли кого-нибудь, и перваго попавшагося знакомаго окликнулъ, остановилъ и попросилъ пойдти увѣдомить мать о его пріѣздѣ.

На другой день я узналъ объ этомъ отъ его брата и побѣжалъ въ больницу. Я засталъ В. М. въ постели, но бодраго и веселаго; онъ былъ раненъ пулей въ ногу — въ ту самую ногу, которую сломалъ потомъ при своемъ предсмертномъ паденіи съ лѣстницы, раненъ на вылетъ, но безъ поврежденія костей и крупныхъ сосудовъ. Въ тотъ же день мы перевезли его въ маленькую квартиру его родныхъ, на Мало-Сумской улицѣ, гдѣ онъ и пробылъ все время до своего выздоровленія.

Это время его выздоравливанія было счастливое и веселое время; рана его шла хорошо, и онъ пролежалъ, я думаю, всего мѣсяцъ или полтора. Когда ему перевязывали и промывали ее, онъ стоналъ отъ боли и капризничалъ; но въ остальное время чувствовалъ себя по большей части хорошо и былъ въ самомъ веселомъ и хорошемъ настроеніи духа. Изъ Петербурга пріѣхалъ навѣстить

его товарищъ и пріятель Вл. М. Латкинъ и прожилъ нѣсколько времени въ Харьковѣ; товарищи его брата, молодые люди и молодыя дѣвицы толпились постоянно въ домѣ Гаршиныхъ, и В. М. рѣдко оставался одинъ. Длинные вечера проходили въ неистощимыхъ разговорахъ, шуткахъ и смѣхѣ.

Съ этимъ временемъ совпадаетъ и начало настоящей литературной дѣятельности В. М.—если не считать тѣхъ робкихъ юношескихъ опытовъ, о которыхъ я упоминалъ выше. Не помню въ Харьковѣ ли онъ написалъ «Четыре дня», или еще раньше, въ Болгаріи, въ лазаретѣ; но помню, какъ однажды онъ показалъ мнѣ съ волненіемъ запечатанный довольно толстый конвертъ и сказалъ, что это рукопись его разсказа, и что онъ рѣшается послать ее «прямо въ Отечественныя Записки». Кажется, ее отвезъ и передалъ въ редакцію журнала Вл. Мих. Латкинъ.

Мало по малу онъ сталъ ходить сперва съ костылемъ, потомъ опираясь на палку; сталъ дѣлать небольшія прогулки пѣшкомъ, или ѣздить кататься. Поправившись совершенно, онъ уѣхалъ, помнится уже въ началѣ зимы, въ Петербургъ. «Четыре дня» были напечатаны и имѣли большой успѣхъ; Гаршинъ сдѣлался писателемъ.

Война кончилась, и оставаться въ военной службѣ В. М. не хотѣлось; помню, что ему пришлось не мало возиться и хлопотать, пока ему дали отставку; но все это происходило въ Петербургѣ, и я не знаю подробностей его мытарствъ. Знаю только, что онъ пробылъ довольно долгое время въ Николаевскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ «на испытаніи».

Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ нашего знакомства, 76—79, В. М. пользовался полнымъ душевнымъ здоровьемъ. Меланхолическое угнетеніе, которое такъ преслѣдовало его въ послѣдніе годы его жизни, въ этомъ періодѣ не появлялось ни разу. Хотя ему приходилось переносить довольно тяжелые физическіе недуги, рану, напр., но на его психическое здоровье они не оказывали никакого дѣйствія. Я помню его постоянно живымъ, бодрымъ, чрезвычайно оживленнымъ; онъ легко возбуждался и приходилъ въ волненіе въ разговорѣ о предметахъ, его интересовавшихъ. Онъ охотно спорилъ, гораздо охотнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, когда порой безучастно выслушивалъ совершенно

ему враждебныя мнѣнія, отвѣчая на нихъ молчаніемъ; спорилъ онъ «упорствуя, волнуясь и спѣша»,—Тургеневъ примѣнялъ этотъ стихъ къ Бѣлинскому,—горячился и сердился. О своемъ бывшемъ уже періодѣ безумія, онъ, кажется, не любилъ говорить, не любилъ, вѣроятно, даже и думать; по крайней мѣрѣ я не помню, чтобы онъ когда-нибудь словомъ упомянулъ объ немъ, и я зналъ объ его болѣзни только отъ его родныхъ.

Онъ горячо любилъ природу. Пріѣзжая въ Харьковъ изъ Петербурга въ маѣ мѣсяцѣ, въ самый разгаръ украинской весны, онъ всей душой уходилъ въ наслажденіе ею. Въ первый же день пріѣзда, едва успѣвъ повидаться съ матерью и братомъ, онъ ужъ уходилъ бродить въ Университетскій садъ или куда-нибудь за городъ. Слово бродить, впрочемъ, не подходитъ къ его прогулкамъ: онъ не бродилъ, а бѣгалъ, быстрой и неровной, слегка качающеюся походкою.

Его походка и еще болѣе его манера вообще гулять, его странныя привычки при этомъ, хорошо отражали на себѣ его характеръ, болѣзненное безпокойство и напряженность его духа. Я часто бывалъ его спутникомъ и любилъ бѣгать по Харькову вмѣстѣ съ Вс. М. Съ нимъ я забирался иногда въ такіе закоулки, куда бы никогда не попалъ одинъ. Во время прогулокъ ему приходили въ голову одна фантазія за другой: то въ садъ, то на лодкѣ кататься, то поѣхать въ Куряжъ по желѣзной дорогѣ. Его планы измѣнялись постоянно, и выходя съ нимъ изъ дому, я ужъ привыкъ заранѣе знать, что совершенно неизвѣстно, гдѣ мы будемъ и когда вернемся домой. Впослѣдствіи въ Петербургѣ я убѣдился, что эти привычки его сохранились вполнѣ.

II.

Онъ былъ всегда оживленъ и веселъ, но никогда онъ не былъ такъ полонъ кипучимъ весельемъ, такой жизненностью, такой суетливой энергіей, какъ весной 1879 года. Онъ напечаталъ уже нѣсколько разсказовъ, и талантъ его былъ всѣми признанъ; въ головѣ его кипѣли планы и литературные замыслы. Въ Петербургѣ

онъ свелъ знакомства въ литературномъ мірѣ и всюду былъ принятъ съ участіемъ, уваженіемъ и съ большими надеждами на его талантъ. Все это придавало ему бодрости и веселья, и онъ пріѣхалъ въ маѣ въ Харьковъ въ самомъ счастливомъ настроеніи духа. Въ одно время съ нимъ въ Харьковъ заѣхали на нѣкоторое время «на этюды» два его пріятеля, художники М. Е. Малышевъ и І. Е. Крачковскій. Составилась довольно обширная компанія молодежи, молодыхъ людей и дѣвицъ, душою которой былъ Всеволодъ Михайловичъ. Не всѣ члены этого кружка были между собою близки, иные даже мало знакомы между собою; но всѣ относились съ одинаковою симпатіею къ В. М., и онъ былъ центромъ, соединявшимъ все общество. Мы собирались чуть не каждый день, чаще всего у Гаршиныхъ, въ другой разъ у кого либо изъ знакомыхъ, и постоянно предпринимали отдаленныя загородныя прогулки. Цѣлое учредительное собраніе обсуждало ихъ планъ, и особый комитетъ бралъ на себя финансовую часть: исполненіе всѣхъ расходовъ и равномѣрную раскладку ихъ между участниками; могу прибавить, что расходы на вино составляли самую скромную долю стоимости всей экспедиціи. Нѣкоторыя изъ такихъ экскурсій требовали значительной доли героическаго самоотверженія; мы вставали, напр., въ 4 часа утра, чтобы поспѣть къ раннему утреннему поѣзду въ Куряжскій монастырь, и, проведя тамъ цѣлый день на свѣжемъ воздухѣ и пропустивши всѣ обратные поѣзда, имѣли мужество возвращаться домой ночью, пѣшкомъ—девять верстъ по довольно плохой дорогѣ. И В. М. первый будилъ насъ рано утромъ и, казалось, никогда не уставалъ; ходить пѣшкомъ, бродить по лѣсу, кататься въ лодкѣ — никогда ему не надоѣдало.

Постоянныя развлеченія не мѣшали однако В. М. работать. Въ это время онъ писалъ «Художниковъ»; впослѣдствіи меня удивлялъ контрастъ между грустнымъ тономъ разсказа, между мрачными картинами, занимавшими тогда воображеніе автора, и тѣмъ яснымъ состояніемъ его духа, настроеніемъ безудержной веселости, въ которомъ онъ находился все время. Этотъ контрастъ между мрачной работой воображенія и веселымъ и спокойнымъ личнымъ состояніемъ духа я замѣчалъ у Гаршина и позднѣе; на него

указывалъ и Гл. Ив. Успенскій въ своей статьѣ о В. М. послѣ его смерти [1]).

Въ іюнѣ Вс. М. уѣхалъ изъ Харькова. Онъ поѣхалъ на югъ, заѣхалъ къ знакомымъ по Петербургу слушательницамъ медицинскихъ курсовъ, около станціи Амвросіевки, пробылъ у нихъ нѣсколько дней, затѣмъ отправился черезъ Ростовъ къ одному доктору (Ѳ. Г. Попову) въ Землѣ Войска Донского. Я проводилъ лѣто въ деревнѣ въ тѣхъ же мѣстахъ на югѣ, и онъ обѣщалъ ко мнѣ заѣхать, но съ нимъ случилось приключеніе на желѣзной дорогѣ, о которомъ онъ извѣстилъ меня въ слѣдующемъ письмѣ.

«Орловская губ. Кромской уѣздъ, сельцо Мураевка. $\frac{15}{VII}$79. Дорогой В. А. Не пришлось мнѣ къ вамъ заѣхать: виновата сама судьба и еще одинъ джентльменъ цыганскаго происхожденія. По порядку: выѣхалъ изъ Х. Пріѣхалъ въ Амвросіевку...» и по пріѣздѣ онъ наскочилъ на неожиданное событіе въ домѣ его знакомыхъ, которое и описываетъ весьма забавно подъ титуломъ «трагическаго элемента». Этотъ «трагическій элементъ«, впрочемъ, благополучно окончившійся, я, къ сожалѣнію, долженъ пропустить и привожу продолженіе его письма:

«Пробылъ четыре дня, ѣду дальше. Въ Таганрогѣ выхожу на вокзалъ вмѣстѣ съ вещами, чтобы не украли вещи безъ меня или меня безъ вещей. Ѣду. Луна. Море. Аспектъ. Садится прохвостъ, цыганская морда, въ чуйкѣ, съ серебрянной часовой цѣпочкой, лѣтъ сорока, весьма разговорчивыхъ свойствъ. Болтаетъ».

Разговоръ его съ «цыганской мордой», весьма курьезнаго

---

[1]) Статья моя была уже написана, когда я познакомился съ біографіей В. М., составленной Я. В. Абрамовымъ, и узналъ, что въ это же время письма его изъ Харькова къ знакомымъ были полны жалобъ на тоску, на мрачное расположеніе духа, на недовольство жизнью. Я. В. Абрамовъ сообщилъ мнѣ нѣкоторые отрывки изъ его писемъ, не приведенные въ біографіи, особенно замѣчательные по странному, болѣзненному тону. А между тѣмъ, сколько я и стараюсь припомнить, я всетаки не могу его себѣ представить въ это время иначе, какъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Можетъ быть, многое ускользало тогда отъ моего вниманія, но всетаки я видѣлся съ нимъ почти каждый день, помню безконечные разговоры и споры о разныхъ вещахъ, часто серьезныхъ и мрачныхъ, и помню его всегда бодрымъ и радостнымъ. Такая разница въ настроеніи В. М. въ обществѣ людей и наединѣ, такая раздвоенность ощущеній указываетъ, вѣроятно, на значительное уже нарушеніе душевнаго равновѣсія, наступавшее у него въ это время.

свойства, къ сожалѣнію, тоже относится къ категоріи «трагическаго элемента» и потому долженъ быть пропущенъ.

....«*Она* (морда) ложится и храпитъ. Я сижу и думаю. Думы переходятъ въ грезы, а грезы чортъ знаетъ во что. Засыпаю сидя послѣ послѣдней (передъ Ростовомъ) станціи. Слышу свистокъ. (Не люблю свистковъ, сэръ). Просыпаюсь—поѣздъ гремитъ, стрѣлки, красные огни, словомъ—всякая дрянь. Нужно собрать вещи. Но куда исчезла морда? Лѣзу подъ скамейку за чемоданомъ—и о ужасъ! О мое шелковое платье, о мои новыя рубашки, о рукописи, о цыганская морда! Ты все унесла! Выскочила она на ходу. Я остаюсь въ одной русской рубашкѣ. Ѳедосъ (д-ръ Ѳ. Г. Поповъ), куда я пріѣхалъ на другой день, сшилъ мнѣ еще красную. Жилъ у него полторы недѣли, т. е. больше не жилъ, а ѣздилъ съ нимъ по дѣламъ въ тѣ страны, гдѣ текутъ рѣки: Калитва и двѣ Калитвенціи. Откуда казаки взяли такой суффиксъ? Продавали тамъ землю мужикамъ. Видѣлъ много мужиковъ, но обо всемъ этомъ, равно какъ о полуторанедѣльномъ пребываніи въ Харьковѣ, о дальнѣйшей поѣздкѣ и о пребываніи у Гердовъ, гдѣ я теперь нахожусь, еще будетъ время разсказать. Заѣхать къ вамъ я не могъ по причинѣ отсутствія приличнаго костюма, что, надѣюсь, ясно видно изъ моего разсказа».

Но недолго длилось у Вс. М. въ этомъ году его веселое, жизнерадостное настроеніе. Теперь я думаю даже, что и не къ добру оно было, что то состояніе крайней энергіи духа и неистощимаго веселья, въ которомъ я его помню весной 1879 года, уже было, можетъ быть, предвозвѣстникомъ приближающейся реакціи—упадка душевныхъ силъ и душевной болѣзни. Послѣ лѣтнихъ каникулъ я увидѣлся съ нимъ снова въ октябрѣ мѣсяцѣ; на этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ Харьковъ такимъ, какимъ я его еще никогда не видалъ. У него развивалась меланхолія. Онъ находился въ томъ состояніи неопредѣленной и мучительной тоски, которое впослѣдствіи находило на него каждое лѣто и свело его, наконецъ, въ могилу. Дѣлать онъ ничего не могъ; онъ чувствовалъ страшную апатію и упадокъ силъ; не только всякая работа была ему мучительно тяжела, всякое проявленіе воли, всякій поступокъ казался ему тяжелымъ, мучительнымъ. Всякое, самое простое дѣйствіе тре-

бовало отъ него напряженія душевныхъ силъ, совершенно непропорціональнаго значенію дѣйствія и физической работѣ, съ нимъ сопряженной. Душу его угнетала постоянная тоска. Онъ измѣнился и физически; осунулся, голосъ сталъ слабымъ и болѣзненнымъ, походка вялая; онъ шелъ, понуря голову, и, казалось, даже идти было для него непріятнымъ и болѣзненнымъ трудомъ. Его мучила безсонница. Цѣлый день онъ не могъ ничего дѣлать, а по ночамъ лежалъ до 4, до 5 часовъ и не могъ заснуть. Онъ проводилъ ночи за чтеніемъ романовъ и старыхъ журналовъ. Чтеніе, случайное и неправильное, перваго, что попадется подъ руку, было единственное доступное ему занятіе. Ничто не могло доставить ему удовольствія или обрадовать его. Самое ощущеніе удовольствія стало для него недоступно; всѣ душевныя проявленія были для него болѣзненны.

Онъ ходилъ иногда къ знакомымъ, разъ или два былъ въ театрѣ, или въ концертѣ, куда его затаскивали почти насильно, но нигдѣ не покидалъ своего мрачнаго вида.

Эту осень я жилъ у Гаршиныхъ и почти все свое свободное время проводилъ съ В. М. Всякія утѣшенія или ободренія были для него безполезны, и я избѣгалъ съ нимъ говорить объ его душевномъ настроеніи, какъ я это дѣлалъ обыкновенно и впослѣдствіи, при повтореніи его недуга.

Я указалъ ему разъ, въ славный осенній день, на красивый и далекій видъ съ одной изъ улицъ города. Онъ поморщился. «Что мнѣ до этого вида,—говорилъ онъ.—Счастье человѣка не въ космосѣ, а въ томъ микрокосмѣ, который въ душѣ!» И въ его микрокосмѣ не было въ это время ощущенія счастья.

Помню, какъ однажды онъ прочиталъ мнѣ наизустъ—наизустъ онъ зналъ множество стиховъ—любимое свое Лермонтовское стихотвореніе: «Не смѣйся надъ моей пророческой тоской, я зналъ, ударъ судьбы меня не обойдетъ»... Онъ стоялъ передо мной, неподвижно вперивъ въ меня взглядъ, и въ его печальныхъ, серьезныхъ глазахъ, въ его глухомъ, взволнованномъ голосѣ было столько тоски, столько глубокаго убѣжденія, столько увѣренности въ пророческой правдѣ тѣхъ словъ, которыя онъ произносилъ. «Но я безъ страха жду довременный конецъ,—давно пора мнѣ міръ увидѣть новый»—читалъ онъ, и я слышалъ въ этихъ словахъ и въ его тонѣ выра-

женіе его задушевной мысли, безнадежной, тяжелой увѣренности въ своей гибели.

Но прогулки подкрѣпляли его физическія силы, разговоръ отвлекалъ отъ сосредоточенія на мрачныхъ мысляхъ. Мало по малу у насъ составилась привычка сейчасъ послѣ обѣда уходить изъ дому и послѣ маленькой прогулки идти пить чай къ одной изъ его хорошихъ харьковскихъ знакомыхъ, учительницѣ женской гимназіи А. Ф. Т. Визиты эти мы дѣлали чуть не каждый день и В. М. не разъ извинялся и просилъ у нея прощенія, что заноситъ къ ней свою тоску; но эти посѣщенія доставляли ему нѣкоторый отдыхъ. Мы сидѣли, пили чай, говорили объ литературѣ или о чемъ-нибудь постороннемъ; тихая, спокойная обстановка, разговоръ, уносившій его далеко отъ его личныхъ несчастій, деликатное и мягкое участіе хозяйки хорошо на него дѣйствовали, и онъ чувствовалъ себя лучше и спокойнѣе въ ея комнатѣ и въ ея присутствіи. Онъ вставалъ и уходилъ, извиняясь, что надоѣдаетъ ей своимъ печальнымъ видомъ, а на другой день приходилъ опять, чтобы «жаловаться» и чтобы «поговорить о чемъ-нибудь хорошемъ».

Позднѣе, въ Петербургѣ, онъ говорилъ мнѣ, что никогда не забудетъ ея участія и дружбы, что, думая объ этомъ тяжеломъ времени, онъ всегда вспоминаетъ свои посѣщенія А. Ф. и бесѣды съ ней за послѣобѣденнымъ чаемъ. «За то, что она для меня тогда дѣлала, я ей до конца жизни буду благодаренъ»—говорилъ онъ.

Онъ пробылъ въ Харьковѣ около полутора мѣсяца и состояніе его не улучшалось нисколько, скорѣе все ухудшалось. Въ половинѣ ноября онъ уѣхалъ въ Петербургъ, одержимый тоской и смутными, мрачными опасеніями.

Вскорѣ послѣ него я тоже уѣхалъ изъ Харькова на всю зиму и имѣлъ объ немъ мало свѣдѣній. Съ нимъ я не переписывался; отъ его родныхъ я зналъ, что они получаютъ отъ него иногда письма, и, повидимому, все болѣе и болѣе бодрыя. Наконецъ, въ мартѣ 1880 г. я получилъ печальную и поразившую меня неожиданностью вѣсть, что Гаршинъ сошелъ съума.

Онъ уѣхалъ изъ Петербурга, направляясь куда-то, въ Саратовскую, кажется, губернію, но сперва хотѣлъ заѣхать въ Харьковъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Москвѣ, онъ доѣхалъ до Тулы,

гдѣ и остался. Родные его въ Харьковѣ получили отъ него оттуда письмо и ждали его со дня на день. Онъ все не ѣхалъ. Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, и не получая отъ него больше никакихъ извѣстій, не получая отвѣта на письма, они снеслись по телеграфу съ тульскимъ полиціймейстеромъ и получили отъ него отвѣтъ слѣдующаго содержанія: Всеволодъ Гаршинъ проживалъ въ гостинницѣ, взялъ такого-то числа наемную верховую лошадь и, оставивъ въ гостинницѣ всѣ свои вещи, исчезъ, неизвѣстно куда. Его братъ немедленно поѣхалъ въ Тулу, сталъ его искать по губерніи и, найдя черезъ нѣкоторое время у однихъ его знакомыхъ (кажется уже около Орла), пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Харьковъ. Всеволодъ былъ на границѣ полнаго безумія.

Я поѣхалъ въ Харьковъ, мнѣ хотѣлось его увидѣть. Это было въ концѣ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля, на Вербной или на Страстной недѣлѣ. Я пришелъ къ Гаршинымъ часовъ въ восемь вечера и не засталъ Всеволода; онъ давно уже ушелъ куда-то и все еще не возвращался. Его родные стали разсказывать мнѣ подробности его заболѣванія и его похожденій. Мнѣ не хотѣлось уходить, не дождавшись и не увидѣвши Всеволода. Гаршины жили тогда въ маленькомъ, двухъ-этажномъ флигелѣ во дворѣ, на Подгорной улицѣ. Въ верхнемъ этажѣ былъ балконъ, выходившій въ садикъ. Въ нижнемъ помѣщалась ихъ столовая; окна ея выходили во дворъ; мы сидѣли здѣсь и пили чай; я помѣстился около самаго окошка. Долго мы сидѣли за самоваромъ; время шло, а Всеволода все не было; ужъ совсѣмъ свечерѣло, и на дворѣ стояла темная, пасмурная, весенняя ночь. Его хотѣли дождаться съ чаемъ; всѣмъ намъ было жутко; мы и такъ были возбуждены, а его долгое отсутствіе заставляло невольно безпокоиться. Гдѣ онъ? ужъ не сотворилъ ли чего нибудь. Вдругъ я услыхалъ рѣзкій и быстрый стукъ въ окошко, у котораго я сидѣлъ; оглянулся—и, при свѣтѣ лампы, стоявшей на столѣ, съ трудомъ разглядѣлъ Всеволода. Онъ проходилъ по двору, увидѣлъ меня въ освѣщенное окошко и застучалъ мнѣ, весело улыбаясь и оживленными жестами выражая мнѣ привѣтствіе. Черезъ минуту онъ вбѣжалъ въ комнату и сталъ шумно выражать мнѣ, какъ радъ меня видѣть. Я не узналъ того Всеволода, съ которымъ простился осенью на Харьковскомъ вокзалѣ.

Онъ похудѣлъ и страшно загорѣлъ на мартовскомъ солнцѣ и вѣтрѣ во время своихъ скитаній по Тульской и Орловской губерніямъ. Онъ сталъ совсѣмъ какой-то черный отъ загара. Глаза его горѣли, какъ уголья; выраженіе тайной грусти, обыкновенно свѣтившееся въ нихъ, исчезло. Они сіяли теперь радостно, возбужденно и гордо. И весь онъ былъ такъ странно оживленный и счастливый, какимъ я его еще не видалъ.

На немъ было пальто и черная шляпа съ широкими полями. И пальто, и платье были по грудь совершенно сырыя. Онъ разсказалъ намъ, что давно уже, чуть не съ полудня, ушелъ за городъ и тамъ гулялъ все время; въ одномъ мѣстѣ онъ наткнулся на рѣчку, не могъ ее обойдти и перешелъ въ бродъ: вода была ему по грудь. Нѣсколько часовъ ходилъ онъ мокрый, къ вечеру обсохъ немного, но все еще былъ сырой; мы не могли убѣдить его пойдти переодѣться. Съ нимъ была папка, а въ ней, между листами газетной бумаги, онъ принесъ съ собой множество первыхъ весеннихъ цвѣтовъ; съ чувствомъ необыкновенной радости и удовольствія сталъ онъ ихъ перебирать, показывать мнѣ и перекладывать. Я спросилъ его, зачѣмъ они ему? «А какъ-же!—воскликнулъ онъ.—Это для Герда гербарій; ему это очень нужно».

Я пробылъ въ Харьковѣ два или три дня, и каждый день по долгу проводилъ съ нимъ время. Онъ былъ въ состояніи крайняго возбужденія; лихорадочная дѣятельность его, разговоръ безъ умолку не прекращались ни на минуту. Отъ его осенней тоски не осталось и слѣда. Онъ имѣлъ теперь вида человѣка увѣреннаго въ себѣ, гордаго, довольнаго, совершенно счастливаго. Онъ вовсе не производилъ страшнаго или непріятнаго впечатлѣнія; онъ былъ такъ же мягокъ въ обращеніи, ласковъ и любезенъ, какъ всегда. По крайней мѣрѣ, я его видѣлъ такимъ. Мнѣ разсказывали, что иногда онъ приходилъ въ состояніе крайняго раздраженія и вспыльчивости. При мнѣ этого не случалось, и въ немъ не было ничего, внушающаго безпокойство. Но его чрезвычайное нервное напряженіе невольно передавалось и его собесѣднику, и присутствіе его волновало; разговоръ съ нимъ, по неволѣ осторожный и неискренній, былъ тяжелъ. Говорилъ онъ безъ умолку, постоянно перескакивая съ одного предмета на другой, но безумнаго собственно въ это время

въ его разговорѣ еще было мало. Всѣмъ впечатлѣніямъ внѣшняго міра онъ былъ еще доступенъ, и бредъ его больного духа въ это время еще не заслонялъ передъ нимъ дѣйствительности, какъ это было позднѣе; только отношеніе къ дѣйствительности было у него ненормальное. Изрѣдка проскальзывало въ его разсказахъ кой-что такое, чего, можетъ быть, и не было съ нимъ на самомъ дѣлѣ, а только казалось или мерещилось ему; въ общемъ же онъ еще довольно ясно сознавалъ и себя, и дѣйствительность. Постороннему, чужому человѣку онъ съ перваго раза вѣроятно не показался бы сумасшедшимъ, а только очень оживленнымъ, счастливымъ и какимъ-то страннымъ человѣкомъ.

На другой день я пришелъ къ нему утромъ, часовъ въ 11, и засталъ его на балконѣ верхняго этажа ихъ домика, среди страшнаго хаоса вещей. Въ одной изъ этихъ комнатъ наверху онъ отгородилъ себѣ уголъ, заставилъ его какими то шкапами и заклеилъ всѣ его стѣны вырѣзками изъ газетъ и рисунками изъ книгъ и иллюстрированныхъ изданій. На балконѣ же было чистое столпотвореніе вавилонское; протянуты какія то веревки, небольшой круглый столикъ, опрокинутый къ верхъ ногами, какъ-то долженъ былъ, по его словамъ, приводиться этими веревками въ движеніе... Онъ былъ весь погруженъ въ сооруженіе этой путаницы, веселъ и оживленъ, какъ наканунѣ, радостно привѣтствовалъ меня и немедленно посвятилъ меня въ свои занятія. Онъ устраивалъ именно машину для приготовленія изъ глины цвѣточныхъ горшковъ. Зачѣмъ они ему? Да какъ же, въ комнатахъ для цвѣтовъ нужны горшки (кажется, у Гаршиныхъ тогда никакихъ цвѣтовъ не было) и онъ непремѣнно хотѣлъ ихъ сдѣлать самъ. «Скажите мнѣ,—спросилъ онъ вдругъ,—какая по вашему самая лучшая, первая книга на свѣтѣ?» Я, конечно, затруднился отвѣтить ему. «Самая лучшая книга—это Робинзонъ Крузо. Эта книга учитъ, что человѣкъ вполнѣ можетъ довольствоваться самимъ собою, можетъ все дѣлать для себя самъ». Онъ сталъ много и горячо говорить въ пользу этой мысли и доказывать, что если каждый человѣкъ будетъ все самъ для себя дѣлать и не заставлять работать на себя другихъ, не будетъ зависѣть отъ другихъ людей, то жить будетъ лучше, и масса всякаго рода зла исчезнетъ со свѣта. Онъ самъ хотѣлъ жить со-

образно своимъ мыслямъ, все дѣлать самъ,—и начиналъ съ того, что строилъ машину для производства цвѣточныхъ горшковъ.

Напомню, что онъ говорилъ это въ 1880 году, когда еще вопросъ о томъ, что «человѣкъ долженъ все для себя дѣлать самъ», не поднимался еще у насъ въ литературѣ и въ обществѣ, ученіе нравственности Л. Н. Толстого не проникало еще въ публику, да и самъ авторъ «Въ чемъ моя вѣра?» стоялъ еще на той точкѣ зрѣнія, о которой онъ разсказалъ намъ въ «Исповѣди». Слѣдовательно, Всев. Мих. въ это время самъ по себѣ, вполнѣ самостоятельно, хотя и больной духомъ, пришелъ къ тѣмъ взглядамъ, которые высказывалъ позднѣе Л. Н. Толстой.

Въ этомъ разговорѣ Гаршинъ не касался литературныхъ достоинствъ Роб. Крузо, а говорилъ только о его тенденціи; и тенденція эта казалась ему весьма высокою, настолько высокою, что онъ называлъ его «лучшею книгою на свѣтѣ». Позднѣе (въ 1886 году) мнѣ случалось нѣсколько разъ говорить съ нимъ объ этой же книгѣ. и его взглядъ былъ совсѣмъ другой. Всеволодъ Михайловичъ принималъ тогда участіе въ составленіи «Обзора дѣтской литературы», издававшагося подъ редакціей его и А. Я. Герда. Объ Робинзонѣ Крузо, какъ о патентованной дѣтской книжкѣ, рѣчь заходила часто, и Гаршинъ, діаметрально противоположно своему прежнему мнѣнію, не одобрялъ духа этой книги. По его словамъ, описаніе жизни Робинзона въ одиночествѣ, и мораль разсказа «человѣкъ можетъ вполнѣ обойтись безъ другихъ людей»—проникнуты эгоистическимъ, себялюбивымъ духомъ, и весь разсказъ есть «апоѳеозъ индивидуализма». Онъ противополагалъ ему другую книгу про Робинзона французскаго писателя Сентина, гдѣ та же самая тема обработана въ совершенно противоположномъ духѣ. Робинзонъ Сентина подъ вліяніемъ одиночества, безъ общества другихъ людей, томился страшной тоской, искалъ какой нибудь привязанности; единственнымъ такимъ существомъ, къ которому онъ могъ привязаться, была маленькая прирученная имъ обезьянка, и когда она погибла, онъ совершенно одичалъ и впалъ въ звѣроподобное состояніе. Эта идея казалась ему гораздо болѣе нравственной и вѣрной и онъ такъ заинтересовался Сентиномъ, что хотѣлъ самъ сдѣлать переработку той же фабулы. Одно время онъ даже ходилъ въ Публичную Библіотеку и со-

биралъ литературный матеріалъ для своего разсказа; но, кажется, отъ этой мысли его отвлекло обычное весеннее нездоровье, и позднѣе онъ къ ней не возвращался.

Онъ написалъ отзывъ объ книгѣ Сентина, изданной по русски для дѣтей, для «Обзора дѣтской литературы»; но третій выпускъ этого изданія уже не появлялся, и его рецензія не была напечатана.

Возвращаюсь къ разсказу. Въ этотъ же день я ходилъ гулять съ В. М. и, какъ и прежде, много и долго бродилъ съ нимъ по улицамъ. Обыкновенно довольно безпокойный спутникъ, теперь онъ сталъ еще тревожнѣе; ежеминутно его вниманіе перескакивало съ одного предмета на другой; желанія его и цѣли его прогулки постоянно мѣнялись; то онъ останавливался передъ окнами магазиновъ, гдѣ его внезапно привлекала какая нибудь бездѣлушка или заглавіе книги, то заходилъ въ лавку или куда-нибудь въ мастерскую безъ всякой надобности. Все время онъ безъ умолку говорилъ, и говорилъ почти все о себѣ, о своихъ желаніяхъ и планахъ. Во время этой прогулки онъ разсказалъ мнѣ вкратцѣ про свое посѣщеніе графа Лорисъ-Меликова передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, посѣщеніе, странныя и трогательныя подробности котораго я узналъ лишь позднѣе отъ него же, когда онъ, уже здоровый, передавалъ мнѣ все, что было съ нимъ въ эту ночь, его поведеніе, его рѣчи и отвѣты графа. — Теперь же я слушалъ его и не зналъ, вѣрить ему или не вѣрить. Потомъ онъ разсказывалъ мнѣ, съ таинственнымъ и многозначительнымъ видомъ, недоговаривая и говоря намеками, о какихъ-то странныхъ похожденіяхъ въ Москвѣ, гдѣ онъ будто бы былъ задержанъ, причемъ долженъ былъ тайно выбросить свои деньги изъ кармана, — кому-то былъ предъявленъ и т. д. Объ томъ, какъ онъ потихоньку выбросилъ свои деньги, онъ говорилъ съ такимъ значительнымъ, таинственнымъ и гордымъ видомъ, какъ будто это было что то необходимое и важное, и удавшееся ему, и онъ гордился своею удачею. Я не зналъ, вѣрить ему или нѣтъ, не зналъ, все ли въ его разсказѣ правда, или все продуктъ его разстроеннаго воображенія, или на половину правда, на половину бредъ; и не знаю этого и до сихъ поръ.

Утромъ слѣдующаго дня я засталъ его уже за другимъ занятіемъ. Во дворѣ, въ глухомъ углу между двумя каменными стѣнами и заборомъ, онъ дѣятельно и торопливо перекапывалъ заступомъ землю, приготовляя грядки, для цвѣтовъ или для огорода. Я замѣтилъ ему, что онъ выбралъ темное мѣсто для своихъ насажденій; онъ оглянулся, посмотрѣлъ на окружающія стѣны и немедленно возразилъ: «это ничего, я оклею стѣны листами бѣлой бумаги, тогда будетъ много отраженнаго свѣта».

Я уѣхалъ и увидѣлъ его вновь черезъ мѣсяцъ, въ маѣ, уже въ Харьковской больницѣ для умалишенныхъ, на такъ называемой Сабуровой дачѣ: теперь онъ былъ въ такомъ состояніи, что съ перваго слова въ немъ видѣнъ былъ сумасшедшій. Я посѣтилъ его вмѣстѣ съ его братомъ и д-ромъ П. Г. Поповымъ. Мы нашли его въ большомъ саду, принадлежащемъ больницѣ; онъ встрѣтилъ насъ привѣтливо, узналъ всѣхъ троихъ—узнавать знакомыхъ онъ, кажется, не переставалъ и въ самый разгаръ болѣзни—и много съ нами разговаривалъ. Онъ бралъ по очереди то брата, то меня, то д-ра Попова и, гуляя подъ руку по аллеѣ, горячо бесѣдовалъ. Онъ говорилъ со мною торжественно и таинственно о какихъ-то важныхъ своихъ предпріятіяхъ, но трудно было понять что нибудь въ его рѣчахъ. Онъ говорилъ о своихъ врагахъ; гдѣ-то за стѣной, на которую онъ робко указывалъ, жилъ какой-то принцъ или князь, его врагъ, съ которымъ у него должна была быть дуэль; лицо его на мгновеніе вспыхнуло злобой — странное, непривычное ему выраженіе. Съ какою искреннею, тяжелою ненавистью смотрѣлъ онъ и указывалъ мнѣ на тотъ уголъ сада, гдѣ въ его фантазіи жилъ этотъ вымышленный врагъ его! Но это выраженіе быстро исчезло, какъ только разговоръ его принялъ другое направленіе. Мои очки привлекли его вниманіе, онъ попросилъ ихъ у меня и надѣлъ; но, обладая хорошимъ зрѣніемъ, онъ не могъ смотрѣть въ нихъ и, отодвинувъ ихъ на самый кончикъ носа, смотрѣлъ сверху. Вдругъ, замѣтивъ, что мнѣ неловко безъ очковъ, онъ захотѣлъ ими подѣлиться — переломилъ оправу, отдалъ мнѣ одно стекло, а другое оставилъ у себя въ рукахъ.

Онъ былъ худъ и изнуренъ, страшно возбужденъ и взволнованъ. Общій строй его, тонъ его разговора, привѣтствія, которыми

отъ времени до времени онъ обмѣнивался съ другими больными,— все казалось мнѣ дикимъ, страннымъ, непохожимъ на прежняго В. М. Я живо припомнилъ все это позднѣе, читая «Красный цвѣтокъ».

Я надолго уѣхалъ изъ Харькова и за время его болѣзни не видѣлъ больше Всеволода Михайловича. Пробывъ нѣкоторое время на Сабуровой дачѣ, оставившей въ немъ, какъ я знаю, самое дурное воспоминаніе, онъ былъ перевезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ здѣсь въ лечебницѣ д-ра Фрея, гдѣ скоро и оправился. Но до полнаго выздоровленія было еще далеко. Безуміе прошло, но смѣнилось вновь состояніемъ тоски и крайняго упадка силъ, въ еще болѣе жестокой степени, чѣмъ то, которымъ его болѣзнь началась. Въ такомъ положеніи его привезли осенью 1880 г. къ роднымъ въ Харьковъ; люди, видѣвшіе его въ это время, говорили, что онъ производилъ ужасное впечатлѣніе: это былъ живой трупъ, нравственный трупъ. Всякая душевная дѣятельность была поражена въ немъ, онъ находился въ состояніи глубокаго угнетенія и безъисходной тоски. Такимъ его увидѣлъ дядя его, Вл. Ст. Акимовъ, пріѣхавшій на короткое время въ Харьковъ, и увезъ его къ себѣ въ деревню.

Въ деревнѣ В. С. Акимова, Ефимовкѣ, въ Херсонской губерніи, около Днѣпровско-Бугскаго лимана, недалеко отъ Николаева, В. М. прожилъ почти полтора года. Спокойная, деревенская жизнь, заботливый уходъ и дружелюбіе всего семейства его дяди, южно-русскій климатъ и природа, которые онъ такъ любилъ, мало по малу сдѣлали свое дѣло и онъ сталъ оправляться, но чрезвычайно медленно и постепенно.

Когда онъ оправился настолько, что сталъ интересоваться окружающимъ міромъ и возобновилъ свои прежнія связи и отношенія, я сталъ ему писать и обмѣнивался съ нимъ отъ времени до времени письмами во все время его жизни въ деревнѣ.

Весной 1882 года, чувствуя себя наконецъ вполнѣ здоровымъ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ въ это время уже не было его родныхъ, и пробылъ у меня два дня. Я увидѣлъ его мужественнымъ, загорѣлымъ, бодрымъ и очень веселымъ. Хотя въ Петербургѣ его ожидала полная

неизвѣстность, какъ онъ устроитъ свою судьбу въ матеріальномъ отношеніи, но онъ былъ, тѣмъ не менѣе, веселъ и волновался ожиданіемъ вновь увидѣть старый міръ, старыхъ друзей.

Я, конечно, ни словомъ не намекалъ ему объ его болѣзни; но не успѣлъ онъ пробыть въ моей комнатѣ пятнадцати минутъ, умываясь и переодѣваясь съ дороги, какъ уже сказалъ мнѣ: «я еще долженъ вамъ очки купить». Я не обратилъ вниманія на это замѣчаніе, и онъ больше не заводилъ уже рѣчи объ очкахъ; но я былъ непріятно пораженъ его словами: неужели онъ помнитъ все, что было съ нимъ во время его болѣзни? Дѣйствительно, онъ все помнилъ.

Вотъ что онъ писалъ мнѣ еще изъ Ефимовки, въ отвѣтъ на мое первое письмо къ нему:

«Живу я, что называется, понемногу, вѣрнѣе, совсѣмъ не *живу*, т. к. отправляю только растительные процессы: ѣмъ, сплю, встаю, опять ѣмъ и т. д. Думать—почти не думаю, да, по правдѣ сказать, оно и лучше, потому что все, что только наводитъ на какія нибудь мысли, такъ темно и неприглядно... Болѣе всего угнетаютъ меня безобразныя, мучительныя воспоминанія послѣднихъ двухъ лѣтъ. Господи, какъ извращаетъ человѣка болѣзнь! Чего я только не надѣлалъ въ своемъ безумствѣ. Хотя и существуетъ мнѣніе, что человѣкъ съ больнымъ мозгомъ не отвѣтственъ за свои поступки, но я по себѣ вижу, что оно не такъ. По крайней мѣрѣ то, что называется совѣстью, мучитъ меня ничуть не менѣе за сдѣланное во время изступленія, какъ еслибы его и вовсе не было».

Нѣсколько ниже въ томъ же письмѣ онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Живешь, живешь благополучно—вдругъ какъ тать въ нощи—нервозность. Мнѣ кажется, впрочемъ, что если бы я велъ жизнь не столь безобразную (въ головномъ отношеніи), а правильно работалъ, т. е. добросовѣстно вызубрилъ бы курсъ хоть Горнаго Института, то, м. б., и не заболѣлъ бы. Думаю, вопреки всѣмъ психіатрамъ, что умственный трудъ—правильный, конечно,—не способствуетъ, а предотвращаетъ развитіе «психоза»—есть же на свѣтѣ такія скверныя слова».

Годы не ослабляли въ немъ этого тягостнаго чувства. Позднѣе, въ Петербургѣ, онъ не разъ говорилъ мнѣ о своей болѣзни. Онъ

помнилъ все, что съ нимъ было, всѣ свои похожденія, безумные поступки, и эти воспоминанія остались для него навсегда мучительными. Иногда ночью, проснувшись на нѣсколько минутъ, онъ вспоминалъ что либо изъ времени своего безумія, и не было у него мыслей тяжелѣе. Онъ мучился совѣстью; по его словамъ, самыя тяжелыя угрызенія (а я, зная близко жизнь этого чистаго человѣка, думаю, что и единственныя) для его совѣсти—это было сожалѣніе о вещахъ, совершенныхъ въ безуміи. Сознаніе невиновности, невмѣняемости не облегчало его души—какъ это видно изъ приведеннаго мною письма его. Онъ отлично понималъ, что былъ боленъ, былъ безуменъ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ его не осудитъ—да, насколько мнѣ извѣстно, онъ и не причинилъ никому вреда своими безумными дѣйствіями; но онъ не успокаивался и мучился.

Я помню, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ изъ его болѣзненныхъ поступковъ, который онъ разсказывалъ мнѣ, какъ обращикъ той замѣчательной раздвоенности сознанія, которая часто бывала у него во время болѣзни. Это было еще въ первое его помѣшательство, когда ему было 17 лѣтъ; и тогда также онъ былъ помѣщенъ въ лечебницу д-ра Фрея. Онъ вышелъ гулять однажды въ садъ, или на дворъ, не помню, и, увидѣвши стоящій стулъ, опрокидываетъ его и начинаетъ толкать передъ собой. При этомъ стулъ въ его мозгу немедленно превращается въ плугъ, и онъ пашетъ; черезъ минуту онъ вспоминаетъ, какъ онъ читалъ однажды про китайскаго императора, въ извѣстный день въ году совершающаго собственноручно священный обрядъ паханія земли—и вотъ онъ китайскій императоръ за плугомъ. Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ чувствуетъ себя китайскимъ императоромъ и видитъ въ стулѣ плугъ, ни на минуту не переставая въ то же время сознавать, что онъ—Гаршинъ, а стулъ—стулъ.

Повидимому, все содержаніе «Краснаго цвѣтка»—кромѣ конца, конечно,—носитъ въ высокой степени автобіографическій характеръ и есть художественная исповѣдь самого Всеволода Михайловича[1]).

---

[1]) Изъ его писемъ изъ Ефимовки, приведу еще одинъ маленькій, поэтическій отрывокъ, въ добавленіе къ тѣмъ, которые помѣщены въ «Матеріалахъ для біографіи».

28 ноября 1881 г. (Дядя его уѣхалъ съ дочерью на время въ Петербургъ, и В. М.

III.

Въ 1883 году онъ женился и получилъ мѣсто въ Петербургѣ, и съ этого времени въ его жизни до самаго конца ея почти не было внѣшнихъ перемѣнъ. Онъ жилъ въ Петербургѣ почти безвыѣздно, и съ 1884 по 1888 годъ я вновь видался съ нимъ постоянно.

Служба и обычная петербургская сутолока отнимали у него много времени и работалъ онъ мало. Его собственная непосѣдливость, любовь къ обществу и наклонность къ безпорядочному блужданію часто уводили его изъ дому, а его необыкновенная мягкость, добродушіе и деликатность не умѣли оградить его отъ всякихъ нарушеній покоя, причиняемыхъ многочисленными, подъ часъ докучными, подъ часъ даже назойливыми, посѣтителями, втягивавшими его въ то или другое дѣло, въ тѣ или другія хлопоты. Все это поглощало у него массу времени, и болѣе или менѣе регулярно работать могъ онъ только по утрамъ, до ухода на службу. Онъ и любилъ пользоваться этими утренними часами.

Ему часто приходилось слышать замѣчанія и сожалѣнія, и въ печати, и въ частныхъ разговорахъ, что онъ мало пишетъ, и эти замѣчанія огорчали его. Въ дурныя минуты онъ часто съ сокрушеніемъ говорилъ, что видно литературная карьера его подходитъ къ концу, и онъ никогда не напишетъ ничего значительнаго; его знакомые говорили обыкновенно, что служба и разсѣянная жизнь мѣшаютъ ему работать. Хотя это было до извѣстной степени и справедливо, но я всетаки думаю, что главная причина его незначительной продуктивности была другая, болѣе глубокая, внутренняя причина. Литературная работа слишкомъ утомляла его, слишкомъ напрягала его нервы, чтобы онъ могъ постоянно или часто

остался почти безъ общества). «А всетаки, какъ ни крѣпись, а надо признаться, жутко бываетъ иногда здѣсь. Особенно ночью, когда всѣ лягутъ спать (я не сплю б. ч. часовъ до двухъ): вѣтеръ воетъ (вѣтры здѣсь такіе, какихъ я никогда не испыталъ), лиманъ реветъ и мертвечина и пустота кругомъ страшная. Если читаешь что-нибудь, часто слова уходятъ изъ глазъ и начинаютъ проходить передъ тобою цѣлыя вереницы былыхъ сценъ, знакомыя лица. Боже мой, какъ все это далеко теперь и во времени, и въ пространствѣ! Какъ то чудно́ видѣть себя одинокимъ и молчащимъ, того самаго, который всегда отличался неистовой любовью къ людской толкотнѣ».

заниматься ею. Онъ не могъ писать спокойно и не волнуясь; его маленькіе разсказы требовали отъ него сильнаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ и созданія его воображенія глубоко его волновали. Писалъ онъ свои разсказы недолго, обыкновенно даже очень быстро, исписывая мелкимъ почеркомъ маленькіе, безпорядочные клочки бумаги; но когда онъ садился писать, обыкновенно весь разсказъ былъ уже готовъ у него въ головѣ.

Онъ обдумывалъ его на улицѣ, во время своихъ продолжительныхъ прогулокъ, или дома, работая за переплетнымъ станкомъ; онъ говорилъ мнѣ какъ-то, что главное удовольствіе, доставляемое ему переплетаніемъ книгъ, состоитъ въ томъ, что за этимъ занятіемъ такъ хорошо думать.

Переплетнымъ мастерствомъ онъ занимался съ большою любовью и посвящалъ ему обыкновенно почти каждый день предъобѣденные и послѣобѣденные часы. Онъ былъ, вообще, большой любитель всякихъ физическихъ упражненій и особенно разныхъ ручныхъ работъ; постоянный житель города, онъ имѣлъ мало случаевъ удовлетворять своимъ наклонностямъ, но былъ очень способенъ на всякую физическую и механическую работу. Его нервность, его живая, подвижная натура не давала покоя его рукамъ, вѣчно ищущимъ дѣятельности, и когда въ нихъ попадали какія нибудь вещи, инструменты, мелкіе приборы, клочекъ бумаги или веревка— они подвергались цѣлому ряду фантастическихъ превращеній. Дѣти любятъ разобрать каждую игрушку и узнать ея устройство; эта дѣтская черта вполнѣ была въ характерѣ Всеволода Михайловича.

Когда я, возвращаясь домой, находилъ въ своей комнатѣ какой нибудь особенно странный безпорядокъ — книги, разложенныя узоромъ, или на столѣ огромное сооруженіе, на верхушкѣ котораго качалась на кончикѣ пера записка, я зналъ уже, что это заходилъ безъ меня Всев. Михайловичъ.

Давно когда-то, въ Харьковѣ, за его умѣнье дѣлать искуственныя гирлянды и украшенія изъ цвѣтовъ и листьевъ, кто-то шутя дразнилъ его сходствомъ съ гоголевскимъ губернаторомъ, умѣвшимъ даже «вышивать по тюлю». Это сравненіе его очень забавляло, и онъ любилъ самъ подсмѣиваться надъ своими «тюлевыми» упражненіями.

Эти «тюлевыя» способности, способность ко всякому механическому мастерству, весьма неожиданно сослужили ему однажды службу и при другихъ условіяхъ можетъ быть дѣйствительно развили бы изъ него хорошаго инженера или механика. Ему пришлось быть какъ-то вечеромъ у одного стараго знакомаго своего, инженера; разговоръ зашелъ у нихъ о преміи, которая была въ это время назначена за устройство особаго приспособленія къ вагонамъ для перевозки хлѣба. Пустившись въ обсужденіе требуемыхъ условій и придумывая по очереди то или другое приспособленіе, они мало по малу договорились до такихъ подробностей, что у нихъ вышелъ цѣльный проэктъ вагона и они рѣшили представить его на премію. Проэктъ былъ тутъ же написанъ и составилъ кажется всего одинъ листъ бумаги. Сестра его товарища-инженера переписала его, и они рѣшили, если получатъ премію, раздѣлить ее на три части, по числу сотрудниковъ. Все это было сдѣлано въ одинъ вечеръ. И что же? премія въ самомъ дѣлѣ досталась ихъ проэкту, и В. М. получилъ третью часть, что то около 700 рублей. Надсонъ, жившій тогда заграницей, въ шуточномъ письмѣ къ В. М. поздравлялъ его съ успѣхомъ на инженерскомъ поприщѣ и предсказывалъ ему великую желѣзнодорожную будущность.

Вообще, Гаршинъ былъ человѣкъ въ высшей степени разносторонній, и интересовался всѣмъ, чѣмъ только интересуются люди. Начитанность его была обширна и разнообразна, а превосходная память помогала ему сохранять въ головѣ обширный запасъ свѣдѣній. Онъ былъ очень образованный человѣкъ, хотя, какъ это часто бываетъ, самъ былъ невысокаго мнѣнія и о своихъ познаніяхъ, и о своихъ способностяхъ. Десятки разъ онъ съ сокрушеннымъ видомъ говорилъ мнѣ, какъ ослабѣла его память въ сравненіи съ тѣмъ, какова она была у него въ 17—20 лѣтъ. Все, что читалъ онъ тогда, всѣ пріобрѣтенныя въ тотъ періодъ свѣдѣнія, навсегда остались въ его головѣ; а въ послѣдніе годы чтеніе стоило ему, по его словамъ, большаго труда; можетъ быть это было и такъ, м. б. память его съ возрастомъ относительно и ослабѣла; но всетаки была далеко не ординарной силы. Объ чемъ бы вы ни заговорили съ нимъ, онъ всегда удивлялъ своими неожиданными, казалось бы совершенно ему излишними и мало интересными для

него, свѣдѣніями. Его ясный, аналитическій умъ помогалъ ему изъ каждой книги, слегка даже имъ просмотрѣнной, извлечь все цѣнное и значительное и откинуть все ненужное или второстепенное.

На первомъ планѣ, конечно, стояла для него русская литература, и онъ зналъ ее очень хорошо. У него былъ тонкій вкусъ и отличное критическое пониманіе. Сужденія его были мѣтки и оригинальны, и отзывы его были всегда вполнѣ искренни и самостоятельны; все, что онъ говорилъ, было всегда его собственное, продуманное; онъ былъ въ высшей степени самостоятеленъ и независимъ въ своихъ мнѣніяхъ. Если онъ и грѣшилъ иногда пристрастіемъ, то развѣ къ произведеніямъ своихъ пріятелей или людей, къ которымъ онъ лично былъ расположенъ. Разговоры съ нимъ объ литературѣ составляли для меня всегда большое удовольствіе; не разъ говорилъ я ему, отчего онъ ограничивается беллетристикой, отчего не пишетъ критическихъ этюдовъ. Въ прежніе годы я получалъ отъ него отвѣтъ, что онъ не хочетъ «мѣшать два эти ремесла» и не хочетъ писать что-либо, кромѣ повѣстей, боясь, что одна работа другой помѣшаетъ; онъ измѣнилъ этому рѣшенію только для двухъ-трехъ статей о художественныхъ выставкахъ. Какъ-то прошлою осенью у насъ возобновился этотъ разговоръ; мы говорили объ романахъ М. Серао, печатавшихся въ переводѣ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». В. М. очень нравился талантъ итальянской писательницы, и онъ сдѣлалъ нѣсколько такихъ мѣткихъ и оригинальныхъ замѣчаній о типѣ журналиста въ ея романѣ, что я опять невольно замѣтилъ ему, какъ бы хорошо онъ сдѣлалъ, еслибы отъ времени до времени писалъ этюды по выдающимся явленіямъ литературы, русской или иностранной, все равно. Онъ ничего не не отвѣтилъ мнѣ, но черезъ нѣсколько времени, когда мы вмѣстѣ вышли на улицу, онъ грустно сказалъ мнѣ, что его огорчили мои слова. Я удивился—почему. «Мнѣ кажется, ты потому совѣтуешь мнѣ писать статьи, что втайнѣ думаешь—я никогда больше не буду въ состояніи писать разсказы».... Я долженъ былъ успокоивать его, говорить, что не смущаюсь его болѣзнью, не сомнѣваюсь въ его литературной будущности.

За современнымъ движеніемъ литературы онъ слѣдилъ внима-

тельно, и всякое проявленіе новаго таланта его сердечно радовало. Покойнаго Надсона онъ близко зналъ и любилъ и считалъ его очень талантливымъ. Въ послѣдніе годы жизни поэта, когда онъ, умирая отъ чахотки, жилъ то заграницей, то въ Кіевѣ, то въ Крыму, Всев. Михайловичъ постоянно переписывался съ нимъ и радъ былъ хоть какой-нибудь бездѣлицей доставить ему мимолетное удовольствіе. Онъ писалъ ему остроумныя, полныя юмора письма; однажды онъ сочинилъ даже цѣлое посланіе на церковно-славянскомъ языкѣ, тщательно выводя славянскія буквы — тоже одно изъ его «тюлевыхъ» умѣній. Изъ-за Надсона онъ разошелся и прекратилъ отношенія съ г. Минскимъ, послѣ рецензіи послѣдняго на стихотворенія Надсона.

Съ величайшею симпатіей встрѣтилъ онъ появленіе разсказовъ г-на Короленко и позднѣе г-на Чехова; въ его сердцѣ не было никогда ни тѣни зависти къ чужому успѣху.

Онъ любилъ изучать старую русскую литературу, и нѣкоторыя старинныя произведенія были его любимыми книгами, которыя онъ зналъ почти наизустъ. Къ числу таковыхъ принадлежало, напр., житіе протопопа Аввакума. Онъ зналъ также много наизустъ изъ старыхъ поэтовъ, изъ Ломоносова и Державина, любилъ цитировать Державина и указывать на его поэтическія достоинства. Пушкина и Лермонтова онъ перечитывалъ изъ года въ годъ. Онъ говорилъ мнѣ какъ то, что Пушкина надо каждый годъ перечитывать, потому что съ каждымъ годомъ жизни открываешь въ немъ все новыя черты. Я засталъ его какъ-то за «Евг. Онѣгинымъ»; онъ сказалъ мнѣ, что сейчасъ плакалъ, читая, плакалъ не потому, что былъ тронутъ какими нибудь мѣстами самой поэмы, а плакалъ отъ умиленія и восторга при мысли, что у насъ былъ такой поэтъ. «Вотъ стихи, которыя я тысячу разъ читалъ, и всякій разъ замѣчаю новыя подробности». Онъ сталъ читать мнѣ отъѣздъ Лариныхъ изъ деревни и указалъ на стихъ «Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ», какъ на перлъ добродушнаго юмора, ускользавшій до сихъ поръ отъ его вниманія.

Но настоящимъ властителемъ его думъ былъ Левъ Толстой. Его произведенія были для него настольною книгой, несравненнымъ образцомъ художественнаго творчества. Человѣческая жизнь, изобра-

женная въ романахъ Толстого, была для него какъ бы еще болѣе реальной, еще болѣе дѣйствительной, чѣмъ настоящая жизнь. Съ субъективнымъ отношеніемъ Толстого, съ его оцѣнкой жизни и жизненныхъ явленій (въ его романахъ) онъ не всегда соглашался но художественный матеріалъ, но поэзія его—были для него предметомъ безусловнаго поклоненія. Говоря о какомъ нибудь общественномъ явленіи или о душевной жизни человѣка, онъ ссылался на примѣры изъ романовъ Толстого, какъ на нѣчто вполнѣ реальное, какъ на неоспоримые аргументы. Онъ перечитывалъ его десятки разъ и помнилъ всякую подробность. О герояхъ и объ разныхъ событіяхъ изъ романовъ Толстого онъ часто въ разговорѣ упоминалъ такимъ тономъ, какъ будто это былъ не вымыселъ, а дѣйствительные люди, истинныя происшествія.

Говоря о Толстомъ, нельзя обойти молчаніемъ его сочиненій послѣдняго времени, посвященныхъ вопросамъ морали. Вс. М. внимательно читалъ ихъ, интересовался всѣмъ, что выходило изъ подъ пера Льва Толстого, но не соглашался съ его выводами. Самая сущность ученія Л. Н. Толстого казалась ему ошибочной, какъ ученія, стремящагося построить жизнь на разсудочной почвѣ; между тѣмъ, жизнь управляется, по мнѣнію В. М., главнымъ образомъ страстями людей, и пороки и несчастія человѣческой жизни не отъ того происходятъ, что люди не понимаютъ умомъ, что хорошо и что дурно. Ученіе о «непротивленіи злу» было ему несимпатично; онъ не одобрялъ Толстого за его презрѣніе къ историческому развитію нравственности, къ «историческому взгляду» на жизнь. Онъ любилъ ссылаться при этомъ на русскую исторію, на нашествіе татаръ, напр., и примѣнять къ такимъ явленіямъ теорію непротивленія злу, въ видѣ deductio ad absurdum.

Это не мѣшало ему, конечно, сочувствовать цѣлямъ и дѣятельности «Посредника». Онъ былъ друженъ съ П. Г. Чертковымъ и относился къ нему съ большою симпатіею и уваженіемъ.

«Власть тьмы» онъ встрѣтилъ съ величайшимъ энтузіазмомъ. Кажется, одинъ только разъ въ жизни Гаршину пришлось выступить въ качествѣ оратора, и это было именно по поводу «Власти тьмы». Въ одномъ небольшомъ обществѣ была прочитана авторомъ рецензія на «Власть тьмы», возмутившая В. М., и онъ возражалъ

на нее цѣлою рѣчью, произнесенною экспромтомъ. Рѣчь эта была опроверженіе рецензіи и подробный разборъ «Власти тьмы», и говорилъ онъ превосходно. Казалось, онъ вложилъ всю душу въ защиту своего любимаго писателя; въ сильномъ волненіи, онъ говорилъ быстро и страстно, сыпля цитатами; но не смотря на страстное чувство, на негодующій, восторженный, взволнованный тонъ его рѣчи, тонъ, невольно забиравшій за сердце и подымавшій нервы, онъ съ строгой логической послѣдовательностью приводилъ одинъ аргументъ за другимъ, и рѣчь его вышла стройною, законченною, логически цѣльною. Автора рецензіи и многихъ изъ слушателей онъ, впрочемъ, не убѣдилъ; но никто уже не возражалъ ему. Онъ защищалъ пьесу Толстого противъ обвиненія въ безнравственности; по его мнѣнію, «Власть тьмы» была настоящая, истинная трагедія, какъ ее понимали греки: по Аристотелю, трагедія должна вызывать въ зрителѣ «ужасъ и состраданіе»; «Власть тьмы» именно и вызываетъ ужасъ и состраданіе [1]).

Съ европейскими литературами Гаршинъ не былъ знакомъ съ такою же подробностью; ему мѣшало плохое знаніе языковъ, такъ какъ только на французскомъ языкѣ онъ могъ читать свободно. Съ дѣтства не выучившись языкамъ практически, онъ потомъ никогда уже не могъ этого сдѣлать, хотя часто огорчался своимъ незнаніемъ. Не разъ принимался онъ за систематическое чтеніе по нѣмецки или по англійски, за грамматику и упражненія, но скоро утомлялся и бросалъ. Онъ вовсе не былъ лѣнивъ. но не могъ быть усидчивымъ; онъ никогда не могъ заниматься тѣмъ, что требовало много терпѣнія и выучки (кромѣ чисто ручного труда, какъ я упо-

---

[1]) Ему не пришлось лично познакомиться съ великимъ художникомъ—если не считать, конечно, его посѣщенія Ясной Поляны въ періодъ болѣзни. Въ 1884 или 1885 году, бывая на короткое время въ Москвѣ, онъ вновь посѣтилъ его, былъ радушно принятъ графиней, но самого Л. Н. Толстого въ это время въ Москвѣ не было. Мнѣ извѣстно—и я думаю, не будетъ нескромностью съ моей стороны упомянуть объ этомъ—что Л. Н. Толстой относился къ нему очень хорошо; онъ говорилъ, что Гаршинъ—одно изъ самыхъ симпатичныхъ явленій въ русской литературѣ за послѣднія двадцать лѣтъ. Когда Гаршинъ явился къ нему въ Ясную Поляну, весной 1879 г., Л. Н. не имѣлъ объ немъ никакого понятія, какъ о писателѣ. Но лѣтомъ, кажется, этого же года Тургеневъ обратилъ его вниманіе на новый талантъ, появившійся въ русской литературѣ. Л. Н. Толстой прочиталъ разсказы В. М. и вспомнилъ тогда о той скромности, съ которой онъ въ разговорѣ мимоходомъ упомянулъ, что онъ «пописываетъ».

миналъ выше). Однообразный и утомительный трудъ, частое повтореніе одного и того же были ему не по нервамъ.

Въ одномъ письмѣ изъ Ефимовки онъ пишетъ:

«Представьте себѣ нижеслѣдующій казусъ: я только что порвалъ письмо къ вамъ, съ великимъ трудомъ написанное мною по англійски. Я уже довольно давно принялся снова долбить англійскія слова и пр.; вчера же мнѣ пришло въ голову поэксплоатировать васъ по этой части (я тогда тоже одно время учился англійскому языку). Поэтому я и настрочилъ посланіе въ первый разъ въ жизни на чужомъ языкѣ, но оно вышло до того возмутительно глупо, что я его порвалъ, а къ вамъ пишу ужъ по русски, какъ и всѣ святые угодники дѣлывали».

Позднѣе въ Петербургѣ онъ одно время опять возобновилъ свой англійскій языкъ и ѣздилъ для занятій куда-то необыкновенно далеко, къ Александровскому селу, какъ бы подтверждая этимъ замѣчаніе одного изъ его друзей, говорившаго, что у Гаршина въ характерѣ «нѣкоторая любовь къ неудобствамъ». Онъ бралъ урокъ у молодого англичанина и сочинялъ для него фразы въ родѣ слѣдующей: the use of Kalinkin beer is more preferable, than the use of Neva water. Но и эти путешествія онъ скоро бросилъ. А между тѣмъ, англійскій языкъ особенно привлекалъ его; національный геній англійскаго народа былъ для него всегда предметомъ уваженія и глубокаго интереса. Когда онъ мечталъ о поѣздкѣ за границу, то на первомъ планѣ всегда стояли Англія и Лондонъ. Шелъ какъ-то разговоръ о великихъ людяхъ; ни одинъ народъ, по его мнѣнію, не могъ выставить двухъ такихъ именъ, какъ Ньютонъ и Дарвинъ: «и если я прибавлю къ нимъ еще третье великое имя— Шекспира, то должно сказать, что это дѣйствительно первый народъ на землѣ».

Тѣмъ не менѣе, классиковъ европейскихъ, равно какъ кой-что изъ классической литературы древности (въ переводахъ, разумѣется), онъ зналъ хорошо. Два европейскихъ писателя пользовались его особенною любовью — это Диккенсъ и Андресенъ. Слогу Диккенсовскихъ героевъ онъ любилъ подражать въ шутку въ своихъ письмахъ. Вліяніе Андерсеновскихъ сказокъ отразилось на его собственной литературной дѣятельности. Онъ сказалъ мнѣ какъ-то,

что ему хотѣлось бы издать когда-нибудь всѣ свои сказки отдѣльной книжечкой съ общимъ посвященіемъ «великому учителю своему Гансу Христіану Андерсену».

Кстати о сказкахъ — я припоминаю анекдотъ, разсказанный имъ мнѣ о происхожденіи его сказки про жабу и розу. Это было на вечерѣ у Я. П. Полонскаго; игралъ А. Г. Рубинштейнъ, а прямо противъ Рубинштейна усѣлся и пристально смотрѣлъ на него весьма несимпатичный Гаршину (нынѣ уже умершій), непріятнаго вида, чиновный старикъ. Гаршинъ смотрѣлъ на нихъ обоихъ, и какъ антитеза къ Рубинштейну и къ его противному слушателю у него мелькнула мысль о жабѣ и розѣ; подъ звуки музыки Рубинштейна у него складывалась въ головѣ незатѣйливая фабула и трогательныя слова его маленькой сказки.

Онъ очень любилъ живопись и, насколько я знаю, и въ этой области искусства обладалъ хорошимъ вкусомъ и пониманіемъ: всякая художественная выставка привлекала надолго его вниманіе. Съ молоду, еще въ студенческіе годы, онъ много вращался въ средѣ молодыхъ художниковъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ—напр., съ М. Е. Малышевымъ—остался друженъ на всю жизнь. Позднѣе его знакомства въ художественномъ мірѣ еще болѣе расширились, особенно среди членовъ товарищества передвижныхъ выставокъ; онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ И. Е. Рѣпинымъ и Н. А. Ярошенко. Члены товарищества приглашали его на свои обычные обѣды передъ началомъ выставки, гдѣ въ качествѣ званаго гостя, кромѣ Гаршина, бывалъ еще Д. И. Менделѣевъ.

Ко всей области естественныхъ наукъ у него былъ всегда живой интересъ, и къ наукѣ онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ припомнилъ какъ-то слова Менделѣева (въ Основахъ Химіи) о томъ, «какъ привольно, свободно и радостно живется въ научной области», и замѣтилъ, какъ хороши эти слова въ устахъ автора и какъ рѣдки люди, для которыхъ понятенъ ихъ смыслъ: «онъ думаетъ, всѣмъ тамъ такъ же хорошо, какъ ему».

Выросшій въ то время, когда у насъ естественныя науки были въ особенной модѣ и литература наводнялась популярными по б. ч. переводными книгами по естествознанію, онъ въ молодости и проглотилъ множество такихъ книгъ; да и позднѣе онъ также про-

читывалъ все, что попадало ему подъ руку изъ этой области. Онъ занимался, когда-то, въ гимназіи еще и въ Горномъ Институтѣ, много ботаникой, гербаризировалъ, порядочно зналъ русскую флору и любилъ собирать растенія; впрочемъ, въ этой наклонности играло роль, я думаю, и эстетическое удовольствіе—онъ любилъ цвѣты и растенія—какъ и вообще природу. О лѣтѣ, о степи, о животныхъ, дикихъ и домашнихъ, о ихъ нравахъ и привычкахъ—могъ онъ говорить цѣлые часы; въ его разсказахъ было много поэзіи, много юмору и отличной наблюдательности. Въ медленную и холодную петербургскую весну онъ вспоминалъ о югѣ: «съ какимъ удовольствіемъ,—говорилъ онъ мнѣ однажды,—надѣлъ бы я теперь высокіе сапоги и ходилъ бы по грязи у насъ въ Старобѣльскѣ».

Имя Дарвина было для него одно изъ величайшихъ именъ и къ нашимъ доморощеннымъ анти-дарвинистамъ онъ относился съ враждебной насмѣшкой. Его раздражала, конечно, не самая критика дарвиновскихъ теорій, не разборъ фактическихъ данныхъ, а тотъ тонъ, который позволяли себѣ по отношенію къ великому мыслителю наши газетные ученые. Они не понимаютъ того, говорилъ онъ, что еслибы даже всѣ теоретическіе взгляды Дарвина были поколеблены, его заслуга отъ этого не уменшится. Онъ взглянулъ на міръ иными глазами, чѣмъ смотрѣли до него; онъ научилъ людей иначе думать. Его критики не замѣчаютъ того, что, когда они даже опровергаютъ его, они идутъ въ томъ же направленіи, которое имъ указано, смотрятъ на вещи такъ, какъ онъ научилъ смотрѣть.

Онъ взялъ какъ-то у А. Я. Герда томъ книги Дарвина о прирученныхъ животныхъ и прочиталъ весь подъ-рядъ. Когда А. Я. Гердъ выразилъ ему свое удивленіе, какъ онъ могъ одолѣть эту массу мелочей, мельчайшихъ фактовъ, не представляющихъ для него никакого интереса, В. М. отвѣтилъ, что именно эти страницы книги онъ читалъ съ особеннымъ любопытствомъ. Онъ читалъ и любовался, съ какимъ безконечнымъ вниманіемъ, терпѣніемъ и добросовѣстностью Д. нанизываетъ безконечный рядъ мельчайшихъ фактовъ, съ какимъ строгимъ и постояннымъ анализомъ добивается онъ ключа къ истинѣ; и какъ эти мелочи, въ которыхъ запутался бы всякій изслѣдователь, въ его рукахъ, путемъ напряженнаго

вниманія, тщательнаго изученія и сравненія, получаютъ вдругъ смыслъ, слагаются въ одно стройное цѣлое.—Статья проф. Тимирязева о книгѣ Данилевскаго («Р. М.» за 1887 г.) была прочитана Вс. М. съ живѣйшимъ удовольствіемъ.

Женатый на женщинѣ-врачѣ, онъ имѣлъ случай часто касаться разныхъ вопросовъ медицины и русскаго медицинскаго міра. Его интересъ къ медицинѣ, въ особенности къ ея общественному значенію, былъ въ значительной степени интересъ художника. Умный врачъ, по его мнѣнію, гораздо шире и яснѣе могъ понимать жизнь, чѣмъ человѣкъ съ другимъ образованіемъ. Онъ читалъ часто журналъ «Врачъ» профессора Манассеина, получаемый Надеждою Михайловной. Прошлой весной (1887) я засталъ его разъ послѣ того, какъ онъ только-что прочиталъ во «Врачѣ» одну замѣчательную статью проф. Тарновскаго. Онъ далъ мнѣ ее прочитать; статья поразила его, какъ замѣчательная картина нравовъ, какъ изображеніе такихъ странныхъ характеровъ и такихъ возмутительныхъ сторонъ общественной жизни, которыя доступны только изученію врача,—и только врачъ же можетъ вполнѣ оцѣнить и истолковать ихъ значеніе. «И какъ это превосходно, сильно и умно написано», говорилъ онъ.

При такой разносторонности интересовъ, В. М. Гаршинъ былъ одаренъ сильнымъ умомъ, и умомъ въ высшей степени свободнымъ и самостоятельнымъ. Никогда, не смотря на крайнюю мягкость своего характера, не поддавался онъ вліянію чужихъ мнѣній, никогда не боялся безпристрастно и искренно высказать свой взглядъ, какъ бы онъ ни шелъ въ разрѣзъ съ мыслями и чувствами его собесѣдника; и когда вы говорили съ нимъ, вы чувствовали невольно, что этотъ человѣкъ дѣйствительно серьезно передумалъ то, что говоритъ, и искренность его не подлежитъ никакому сомнѣнію; часто онъ останавливался посреди своей быстрой обыкновенно рѣчи, и придумывая, пріискивалъ слово,—какъ бы возможно точно и добросовѣстно выразить всѣ оттѣнки, всѣ подробности своей мысли.

Ко всѣмъ явленіямъ жизни онъ относился критически, и его наклонность къ анализу и строгая честность еще въ юношествѣ дѣлали для него невозможнымъ увлеченіе многими иллюзіями, не

смотря на его жажду общеполезнаго дѣла, на болѣзненное ощущеніе злыхъ сторонъ жизни, на порывы самопожертвованія. По вопросамъ общественной жизни онъ не принадлежалъ, строго говоря, ни къ одному изъ нашихъ направленій; свободный отъ увлеченій, онъ безпристрастно и терпимо относился къ чужимъ теоретическимъ взглядамъ, которыхъ самъ нисколько не раздѣлялъ. Но это вовсе не былъ индифферентизмъ къ вопросамъ политики и общественной жизни; его независимость и безпристрастіе не мѣшали ему къ нѣкоторымъ направленіямъ русской жизни и къ нѣкоторымъ литературнымъ лагерямъ относиться безусловно враждебно.

Какъ на характерную черту его строгаго отношенія къ русской дѣйствительности, я могу указать на то живое чувство одобренія, которое возбудила въ немъ первая статья Вл. Соловьева «Россія и Европа» въ «Вѣстникѣ Европы» за 1888 г. Не смотря на свое болѣзненное состояніе, онъ прочиталъ ее съ величайшимъ интересомъ и сочувствіемъ. По его словамъ, въ статьѣ много увлеченій и несправедливо-рѣзкихъ отзывовъ, но всѣ крайности и неточности ея отнюдь не нарушаютъ вѣрности ея основной мысли, ея главнаго содержанія. «Я бы, по настоящему времени, велѣлъ эту статью прочитать каждому юношѣ въ Россіи», говорилъ онъ мнѣ.

Я съ трудомъ рѣшаюсь говорить здѣсь о характерѣ Всеволода Михайловича; я знаю, что не съумѣю достаточно ясно разсказать про глубокое благородство его души, про его доброту и сердечность, не съумѣю передать тотъ оттѣнокъ трогательной грусти и поэзіи, которыми вѣяло отъ всей его личности. Его чрезвычайная нѣжность и мягкость, благородное изящество всего его душевнаго облика дѣлали его обаятельнымъ человѣкомъ. Я зналъ его двѣнадцать лѣтъ; я любилъ его ясный умъ, любилъ его занимательный, оживленный разговоръ, цѣнилъ его изящный, всѣми признанный, литературный талантъ. Но для меня, какъ вѣроятно и для всѣхъ, кто его лично зналъ, его умъ и его талантъ какъ то блѣднѣли и отходили на второй планъ передъ необыкновенною прелестью его личнаго характера. Въ этомъ отношеніи онъ былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенный въ полномъ смыслѣ этого слова. Я часто думалъ, что если можно представить себѣ такое состояніе міра, когда въ человѣчествѣ наступила бы полная гармонія, то это было

бы тогда, еслибы у всѣхъ людей былъ такой характеръ, какъ у Всеволода Михайловича. И что же? единственный человѣкъ, который казался мнѣ намекомъ на возможность осуществленія такой мысли, былъ самъ глубоко-несчастный, душевно-больной человѣкъ.

Онъ не былъ способенъ ни на какое дурное движеніе душевное. Основная черта его была—необыкновенное уваженіе къ правамъ и чувствамъ другихъ людей, необыкновенное признаніе человѣческаго достоинства во всякомъ человѣкѣ, не разсудочное, не вытекающее изъ выработанныхъ убѣжденій, а безсознательное, инстинктивно свойственное его натурѣ. Чувство человѣческаго равенства было ему присуще въ высшей степени; всегда, со всѣми людьми безъ исключенія, держался онъ одинаково. Говорилъ ли онъ съ знаменитымъ, заслуженно пользующимся блестящимъ успѣхомъ, человѣкомъ, или съ робкимъ новичкомъ, впервые пробующимъ свои силы; съ человѣкомъ, стоящимъ на высшихъ общественныхъ ступеняхъ, или несчастнымъ бѣднякомъ, не имѣющимъ куска хлѣба—въ его манерахъ, въ его тонѣ, въ его непринужденной, благожелательной вѣжливости я не замѣчалъ никогда ни малѣйшей разницы. Онъ уважалъ право всякаго человѣка имѣть свои интересы, а съ кѣмъ бы онъ ни говорилъ, умѣлъ всегда войдти въ кругъ желаній и понятій своего собесѣдника, понять и оцѣнить значеніе тѣхъ интересовъ, которые его занимаютъ.

Добръ и мягокъ онъ былъ подчасъ до забавнаго, до того, что его друзей брала на него досада. Но доброта его не вытекала, какъ это бываетъ иногда, изъ близорукой довѣрчивости къ людямъ и изъ непониманія ихъ. Нисколько. Правда, случалось и ему увлекаться на короткое время людьми, которые затѣмъ быстро повергали его въ полное разочарованіе и вынуждали его подшучивать надъ самимъ собой и своимъ увлеченіемъ. Но это случалось рѣдко, и отношенія эти бывали обыкновенно мимолетны. Онъ легко и ясно видѣлъ слабости и недостатки людей, глупыхъ и дурныхъ людей понималъ отлично, рѣдко вдавался въ обманъ и вовсе не относился къ нимъ въ сущности дружелюбно; но когда онъ встрѣчался съ человѣкомъ, котораго онъ въ глубинѣ души не любилъ и не уважалъ, онъ не могъ, въ силу самой натуры своей, относиться къ нему иначе, какъ благодушно и ласково, какъ будто въ его гла-

захъ ни одинъ человѣкъ, какъ бы онъ не былъ дуренъ, не заслуживалъ дурнаго, враждебнаго, холоднаго къ себѣ отношенія. Онъ, вѣроятно, и не думалъ этого вовсе, но безсознательно, всѣмъ поведеніемъ своимъ, выражалъ это. Онъ часто вызывалъ противъ себя нареканія за такой, какъ казалось, индифферентизмъ. Это не былъ индифферентизмъ, это была неспособность проявленія чувствъ злобы и вражды противъ кого бы то ни было.

Насмѣшливость совершенно не была въ его характерѣ. Онъ любилъ трунить и добродушно подсмѣиваться надъ своими друзьями, охотно и самъ въ свою очередь подвергался шуткамъ. Но я въ жизни не слыхалъ, чтобы онъ сказалъ кому либо въ лицо насмѣшку или самую незначительную колкость; если онъ хотѣлъ выразить свое неодобреніе, то всегда говорилъ серьезно и открыто, и всегда съ огорченіемъ.

Когда онъ узнавалъ о какомъ-нибудь зломъ дѣлѣ, дурномъ поступкѣ, мнѣ кажется, въ немъ сильнѣе пробуждалось чувство участія къ пострадавшему, чѣмъ негодованія противъ обидчика. А всетаки иногда онъ бывалъ вспыльчивъ, и если на его глазахъ случалась какая-нибудь гадкая, злая обида, онъ могъ выходить изъ себя и безъ малѣйшаго колебанія и раздумья становился на защиту обижаемаго, не стѣсняясь въ выраженіяхъ вражды.—Теорія непротивленія злу и казалась ему особенно несимпатичною своею холодною разсудочностью.

Мнѣ хочется здѣсь прибавить еще одно замѣчаніе по поводу одного довольно распространеннаго, но по моему ошибочнаго взгляда на личность Всеволода Михайловича. На его произведеніяхъ лежитъ отпечатокъ какой-то неопредѣленной печали, содержаніе ихъ всегда мрачное и тонъ разсказа сквозитъ сдержанной грустью. Общій характеръ его поэзіи опредѣляютъ обыкновенно какъ мрачный и унылый, и это, вообще говоря, справедливо. Кромѣ того Всеволодъ Михайловичъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ меланхоликъ, много мѣсяцевъ своей недолгой жизни проведшій въ состояніи самой мрачной тоски. И тѣмъ не менѣе, въ здоровое время, даже въ то самое время, когда онъ писалъ свои мрачные разсказы, онъ не только не былъ пессимистомъ, но вовсе не былъ скорбнымъ, разочарованнымъ, разстроеннымъ человѣкомъ, какимъ онъ часто

представлялся своимъ читателямъ. Не смотря на свою затаенную грусть, онъ былъ человѣкъ въ высшей степени жизнерадостный (какъ это ни покажется парадоксально). У него была огромная способность понимать и чувствовать счастье жизни. Его разносторонняя, впечатлительная, богато одаренная натура была крайне чутка ко всему доброму и хорошему въ мірѣ; всѣ источники радости и наслажденія въ человѣческой жизни были ему доступны и понятны. Страстный цѣнитель искусствъ, онъ всей душой любилъ поэзію, живопись и музыку, никогда не уставалъ имъ наслаждаться. Знатокъ и любитель природы, онъ чрезвычайно чутко относился ко всѣмъ ея красотамъ, ко всѣмъ ея проявленіямъ; онъ любилъ небо и звѣзды, море и степь, звѣрей и растенія; книга-природа была для него великолѣпная книга, каждая страница которой доставляла ему наслажденіе. Онъ любилъ людей, былъ общительнаго характера, и человѣческое общество ему, доброму, скромному и въ высшей степени терпимому человѣку, всегда было пріятно, всегда доставляло удовольствіе. Онъ любилъ всякія физическія упражненія, всякій ручной трудъ и съ увлеченіемъ и радостью предавался имъ. Словомъ, всѣ источники радости и удовольствія, какіе только существуютъ для людей, всѣ были ему доступны. Для него міръ былъ полонъ прекраснаго; онъ не думалъ, что «жизнь міра есть грѣхъ и зло»; онъ тѣмъ болѣе ненавидѣлъ зло, что оно было на его взглядъ чудовищнымъ контрастомъ съ той радостью и красотой, которую онъ видѣлъ въ мірѣ.

Если я прибавлю къ этому, что онъ былъ здоровъ, крѣпокъ и ловокъ физически; что онъ былъ вполнѣ счастливъ въ своей семейной жизни, нѣжно любилъ жену и имѣлъ въ ней лучшаго и преданнаго друга; что у него было много дружескихъ отношеній, что онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и симпатіей, почти не зная враговъ—казалось бы, сколько условій для хорошей, счастливой жизни!

А между тѣмъ, чувство затаеннаго страданія никогда не погасало въ немъ. Было ли это неизгладимое воспоминаніе о перенесенныхъ несчастіяхъ, или смутное, безсознательное предчувствіе чего-то ужаснаго и мрачнаго въ будущемъ, Богъ вѣсть! Ко всякой радости, ко всякому наслажденію примѣшивалась у него какая-то

тайная горечь. Приходило время, и въ теченіе нѣсколькихъ дней В. М. изъ бодраго и веселаго человѣка превращался въ страдальца, недоступнаго самому ощущенію удовольствія, способнаго только къ болѣзненнымъ впечатлѣніямъ.

IV.

Послѣ двухлѣтняго періода здоровья, съ 1884 года его душевная болѣзнь вступила въ новый фазисъ, довольно странный и очень мучительный. Каждую весну, въ апрѣлѣ—маѣ, онъ заболѣвалъ меланхоліей. Заболѣваніе обыкновенно происходило въ теченіе нѣсколькихъ дней. Онъ начиналъ немножко скучать, чувствовать упадокъ силъ и духа, и черезъ нѣсколько дней онъ дѣлался такимъ же мрачнымъ, разстроеннымъ, неспособнымъ ни на какой трудъ, какимъ онъ былъ осенью 1879 года. Упадокъ силъ, страшная, безпричинная тоска, не покидающая его ни на минуту, безсонница—вотъ общія черты его болѣзни.

Это началось съ 84-го года. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ онъ началъ скучать. Лѣтомъ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ:

...«Не писать къ вамъ у меня были свои причины; я думаю вы, хорошо зная меня, уже догадываетесь, какія. Я страшно хандрю всѣ эти полгода, самой скверной, безпричинной хандрой и ужасно боюсь, какъ бы не заболѣть. Мнѣ не такъ страшно умереть, какъ заболѣть. А не будь около меня Надежды Михайловны, непремѣнно заболѣлъ бы... Теперь у меня нѣтъ острой, мучительной тоски, но апатія и лѣнь чудовищныя. И нѣтъ никакихъ силъ сбросить ихъ съ себя. Очень плохи мои дѣла, В. А.».

Когда я въ августѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, я засталъ его уже здоровымъ. Въ слѣдующіе годы тоска его становилась сильнѣе и все болѣе и болѣе захватывала осенніе мѣсяцы. Промучивши его цѣлое лѣто, это меланхолическое состояніе проходило въ августѣ—сентябрѣ, проходило такъ же быстро и внезапно, какъ появлялось. Иной разъ было даже удивительно. Три дня тому назадъ видѣлъ Гаршина въ самомъ несчастномъ видѣ; смо-

тришь—онъ идетъ бодрый, спокойный, а еще черезъ два дня веселъ и подвиженъ, какъ будто съ нимъ ничего не было.

У него былъ одинъ странный симптомъ въ его болѣзни. Со времени наступленія тоски онъ немогъ курить; какъ только болѣзнь начинала его покидать, у него вдругъ снова появлялся аппетитъ и вкусъ къ куренію. Онъ зналъ это, и въ концѣ лѣта съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ ждалъ, когда онъ будетъ опять въ состояніи курить. Это ожиданіе раздѣляли и его окружающіе. Бывало, невольно слѣдишь, скоро ли увидишь В. М. съ папиросой. Иногда онъ самъ, въ минуты кажущагося облегченія, когда видѣлъ кого-нибудь курящаго, бралъ папиросу и для опыта закуривалъ. Если табакъ былъ все еще ему противенъ, онъ съ печальнымъ видомъ бросалъ ее; какъ только куренье дѣлалось ему доступнымъ,—онъ зналъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ здоровъ.

Въ эти тяжкіе, ежегодно повторявшіеся періоды, жена его была ему неоцѣненнымъ другомъ, помощникомъ, нянькой. Съ безконечнымъ терпѣніемъ ухаживала она за нимъ, успокоивала, берегла его, отстраняя отъ малѣйшихъ трудовъ, хлопотъ и волненій, день и ночь возилась около него, чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечь, облегчить и успокоить. Онъ былъ тяжелъ въ это время; его мрачный страдающій видъ производилъ невольно угнетающее впечатлѣніе. Его слезы и жалобы разстраивали. Иногда онъ становился раздражительнымъ. Безпомощный и изнеможенный, онъ не могъ исполнять самыхъ пустыхъ житейскихъ мелочей; пойдти куда-нибудь по самому пустому дѣлу былъ для него невыносимый трудъ. Служба его, обыкновенно мало его утомлявшая, даже развлекавшая его, превращалась для него въ каторгу. И надобно отдать справедливость учрежденію, въ которомъ онъ служилъ. И главный завѣдующій имъ, и всѣ сослуживцы относились къ Гаршину съ полнымъ участіемъ, съ самымъ искреннимъ вниманіемъ. Во время его заболѣванія ему доставляли всевозможныя облегченія, обыкновенно освобождали даже совсѣмъ отъ его обязанностей, до его выздоровленія. И онъ высоко цѣнилъ дружелюбное участіе и хорошее расположеніе своихъ сослуживцевъ и чувствовалъ къ нимъ самую теплую благодарность.

Его благодарность и нѣжность къ женѣ не имѣли предѣловъ.

Когда онъ былъ боленъ, она была для него все; безъ ея любви, безъ ея мужественнаго характера, онъ погибъ бы, можетъ быть, еще гораздо раньше. Онъ чувствовалъ это и платилъ ей всей привязанностью своего сердца.

Однажды осенью, въ началѣ сентября, года два—три тому назадъ, я встрѣтился съ нимъ разъ у однихъ общихъ знакомыхъ, куда онъ зашелъ ненадолго, хотя былъ еще боленъ. Какъ-то случилось, что мы остались одни въ комнатѣ; онъ не могъ удержаться и зарыдалъ; слезы градомъ текли по его лицу, и онъ говорилъ мнѣ: «если-бы ты зналъ, какое это ужасное страданіе! не будь Нади, я бы не медля ни минуты покончилъ съ собою». А дней черезъ десять онъ былъ опять здоровъ и, казалось, забылъ и думать о своей болѣзни.

Такъ онъ прожилъ, съ чередующимися состояніями здоровья и меланхоліи, до 1887 года.

VI.

Зимой 1886 — 1887 года онъ сталъ готовиться къ работѣ, мысль о которой давно его занимала—онъ мечталъ написать романъ изъ эпохи Петра Великаго. Онъ сталъ изучать литературу объ этомъ времени, и читалъ все, что зналъ, что могъ достать или купить по исторіи Петра и XVII—XVIII вѣковъ. Чтеніе это все больше и больше увлекало его; но изъ самого романа, кажется, не было у него написано ни строчки. Былъ, кажется, набросанъ планъ; мало по малу выяснялись для него фабула и содержаніе романа; кажется, центральною частью должна была быть судьба царевича Алексѣя Петровича. (Онъ любилъ картину Ге и говорилъ, что по его мнѣнію Ге удалось вѣрно схватить и передать типъ царевича).

Какъ-то разъ въ маѣ мѣсяцѣ (1887) я встрѣтился съ нимъ случайно на улицѣ и, пользуясь тѣмъ, что до обѣда оставалось еще часа три, а погода стояла прекрасная, хоть и пасмурная, мы пошли гулять и совершили одну изъ тѣхъ длинныхъ, безцѣльныхъ и безпорядочныхъ прогулокъ, которыя онъ такъ любилъ: ѣздили по

какимъ-то конкамъ, переплывали Неву, и когда пошелъ небольшой дождь, то В. М. заявилъ, что «сія плювія» не должна помѣшать нашему удовольствію. Въ концѣ концовъ мы очутились въ паркѣ на Петербургской сторонѣ, куда В. М. привлекло, по его словамъ, непреодолимое желаніе увидѣть бегемота — т. е. пойдти въ Зоологическій садъ смотрѣть звѣрей. И мы вѣроятно застряли бы тамъ надолго, если бы не спохватились наконецъ, что уже поздно, и что жена будетъ его ждать къ обѣду и безпокоиться, какъ она всегда безпокоилась смутной тревогой, когда онъ долго не возвращался. Поэтому къ бегемоту мы не попали, но были около домика Петра Великаго, и В. М. принялся съ жаромъ говорить о Петрѣ — въ этомъ году это была одна изъ любимыхъ темъ его разговора. «Я представляю себѣ, какъ Великій Человѣкъ шелъ по этому самому мѣсту, гдѣ мы теперь идемъ», сказалъ онъ и признался, что часто представляетъ себѣ въ воображеніи мощную фигуру Петра то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ Петербурга. Онъ любилъ Петербургъ, и для него, какъ для Пушкина, Петербургъ оставался неразрывно связаннымъ съ образомъ его основателя.

Зналъ онъ городъ превосходно, до мельчайшихъ закоулковъ и былъ живымъ путеводителемъ по Петербургу; онъ помнилъ всякія историческія событія и анекдоты, связанные съ различными мѣстами и постройками города. Не разъ объяснялъ и разсказывалъ онъ мнѣ подробности разныхъ происшествій на самомъ мѣстѣ дѣйствія.

Это была моя послѣдняя прогулка съ нимъ. Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ и оставилъ его совершенно здоровымъ и веселымъ. Это имѣло большое значеніе, такъ-какъ была уже половина мая, и въ предыдущіе годы онъ въ это время заболѣвалъ; теперь же онъ чувствовалъ себя пока прекрасно; можетъ быть, это нужно было приписать поѣздкѣ въ Крымъ, которую онъ совершилъ на пасхальныхъ каникулахъ—но только обычный его недугъ не наступалъ, и можно было надѣяться, что пощадитъ его на это лѣто. Онъ безконечно радовался своему здоровью и ждалъ только, чтобы счастливо миновалъ іюнь мѣсяцъ, собираясь воспользоваться представившейся ему въ этомъ году возможностью покинуть Петербургъ на лѣтніе мѣсяцы и думая уѣхать или на югъ Россіи, или за границу, въ

Англію—свою старинную мечту. Я обѣдалъ у него наканунѣ моего отъѣзда и давно не видалъ его такимъ милымъ, радостнымъ и счастливымъ; жизнь такъ и била въ немъ ключемъ. Уйдя отъ него и выйдя на дворъ дома, гдѣ онъ жилъ, я увидѣлъ, что онъ высунулся изъ открытаго окна 4-го этажа и еще разъ прощался со мной; я крикнулъ ему, что забылъ у него свои папиросы — и вмѣсто того, чтобы выслать мнѣ ихъ съ прислугой, онъ сейчасъ же, вѣрный своему обыкновенію, сдѣлалъ себѣ изъ этого забаву— сталъ осторожно спускать мнѣ папиросницу изъ окна на длинной ниткѣ. Но нитка хватила только на два этажа, папиросница упала къ моимъ ногамъ, а В. М. смѣялся, какъ ребенокъ. Я не слыхалъ уже больше этого дѣтски наивнаго, веселаго смѣха.

Его отличное расположеніе духа вселяло и во мнѣ надежду, что на этотъ разъ, можетъ быть, онъ останется здоровымъ и на лѣто. И дѣйствительно, его болѣзнь долго не приходила. Въ концѣ іюня я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«15 іюня 1887 г. Милый другъ, прошу тебя простить за неэтикетную бумагу и вѣрить, что она совершенно не соотвѣтствуетъ моему къ тебѣ уваженію. Я все ждалъ увѣдомленія о твоемъ точномъ адресѣ, но изъ сегодняшнаго свиданія съ В. вынесъ твердую увѣренность, что тебѣ слѣдуетъ писать до востребованія.

Искали, искали мы дачи и не нашли. Поѣздки за дачей въ Лѣсной полутора и двухъ-часовыя такъ напугали меня, что я отказался отъ мысли ѣздить каждый день въ городъ. Къ тому же въ началѣ іюля я ужъ навѣрно уѣду въ Англію или на югъ, или не знаю куда; слѣдовательно, переселяться пришлось бы только на мѣсяцъ. Поэтому мы кончили переселеніемъ (horribile dictu!) въ таможню [1]), въ чемъ я, къ своему удовольствію, не раскаиваюсь. Живемъ мы втроемъ съ Н. Предпринимаемъ морскія путешествія неограниченнаго числа и продолжительности. Ходимъ подъ парусами, пальто и даже зонтиками и ватерпруфами. Надняхъ придетъ новая двухмачтовая лодка, пріобрѣтаемая нами въ полное распоряженіе. Ѣзда на пароходѣ (3/4 часа) не утомительна и допускаетъ чтеніе, такъ что времени пропащаго не Богъ знаетъ сколько (онъ

[1]) Къ роднымъ его жены.

говоритъ про свои поѣздки на службу). Занимаюсь я преимущественно Петровщиной; прочелъ много, но сколько осталось еще! Думаю съѣздить въ Царское къ Пыпину: я прочелъ недавно его статью о Петрѣ (о мнѣніяхъ о немъ) въ «В. Е.» и очень захотѣлось поговорить съ нимъ. Кромѣ того, почти кончилъ разсказъ, который врядъ ли увидитъ свѣтъ. Не знаю, порвать его или отложить. Очень деликатный для меня вопросъ. Дѣло въ томъ, что въ разсказѣ фигурируетъ фантастическій элементъ и, можешь себѣ представить, наука. А такъ какъ дѣйствующія лица могутъ говорить о наукѣ, не превышая уровня пониманія автора, то выходитъ дѣло очень плохо. Такъ какъ я писалъ для себя, то для меня оно, можетъ быть, и интересно: почему же и мнѣ не говорить и не думать о наукѣ («и кошка имѣетъ право смотрѣть на короля»), но что сказали бы Скабичевскій и бирюлевскія барышни [1]), еслибы я вздумалъ философствовать печатно! Горька моя судьба!»

Это письмо еще болѣе подтвердило мои надежды на благополучный исходъ лѣта для Всеволода Михайловича, — но надежды эти не оправдались. Болѣзнь, казалось, дала ему только отсрочку, чтобы съ тѣмъ большею силою овладѣть имъ. Въ послѣднихъ числахъ іюня онъ началъ скучать, и съ іюля мѣсяца былъ уже въ полной меланхоліи, на этотъ разъ оказавшейся роковой.

Въ сентябрѣ я пріѣхалъ и поѣхалъ къ нему, къ Нарвской заставѣ, гдѣ онъ жилъ у родныхъ своей жены. Я засталъ его въ обычномъ, больномъ, лѣтнемъ состояніи духа; онъ тосковалъ и имѣлъ очень дурной видъ. Но, какъ обыкновенно, въ теченіе разговора онъ постепенно оживлялся и за обѣдомъ разговаривалъ довольно много и съ нѣкоторымъ интересомъ о разныхъ предметахъ. Но когда послѣ обѣда ушла его жена, и мы остались съ нимъ одни, онъ вдругъ опять измѣнился въ лицѣ и сталъ съ ужасомъ и съ горькими слезами говорить мнѣ о себѣ. Онъ говорилъ, что погибаетъ; что онъ не можетъ служить, не способенъ ни къ какой работѣ, что впереди ему предстоитъ нищета и сумасшествіе. «Я полный банкротъ, во всякомъ смыслѣ, и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ,—говорилъ онъ.—Вѣдь я схожу съ ума, понимаешь

---

[1]) Въ Тургеневской повѣсти «Затишье».

ты это, я чувствую, я чувствую, что я схожу съ ума», твердилъ, онъ, глядя на меня безумными глазами, съ искаженнымъ отъ ужаса и отчаянія лицемъ. Ужасъ его невольно сообщался и мнѣ; но я зналъ, что всякія утѣшенія здѣсь безполезны, и сталъ упрекать его, говоря, что онъ мучитъ себя боязнью и ложными предчувствіями, что теперешняя тоска его ничѣмъ не отличается отъ прежнихъ его меланхолическихъ періодовъ и также пройдетъ быстро и безслѣдно съ наступленіемъ осени и первыхъ холодовъ. Мало по малу онъ успокоился, ободрился, заговорилъ объ осени, о предстоящей зимѣ и между прочимъ передалъ мнѣ содержаніе разсказа, о которомъ писалъ мнѣ лѣтомъ.

Это была странная исторія, съ яркимъ фантастическимъ характеромъ, съ медіумическими явленіями и пространными діалогами научнаго и философскаго характера. Общій смыслъ ея былъ— защита ересей въ наукѣ, протестъ противъ научной нетерпимости, противъ исключительной ортодоксальности людей ученаго міра. Дѣйствующія лица повѣсти были ученые, старые и молодые, профессора университета и ученики ихъ, начинающіе, но гордые знаніемъ и враждебные ко всему, что «не научно», химики и физики. Между прочимъ тамъ появлялись съ своими теоретическими взглядами и дѣйствительныя лица, не названныя, конечно, но описанныя съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ ихъ индивидуальныхъ чертъ, и между ними профессора Менделѣевъ и Манассеинъ. Оба они были всегда предметомъ глубокаго уваженія В. М. и лично знакомый съ пр. Манассеинымъ, онъ отзывался объ немъ съ симпатіей, но, не будучи нисколько ни спиритомъ, ни гомеопатомъ, не одобрялъ ихъ отношенія къ этимъ «ересямъ». Въ повѣсти аргументація его основывалась главнымъ образомъ на исторіи науки, на томъ, сколько разъ уже ученія и теоріи, казавшіяся и всѣми признаваемыя за нелѣпость, за грубыя заблужденія, за суевѣріе— оказывались основанными на вполнѣ реальныхъ фактахъ и открывали для научнаго изслѣдованія такія области, такія явленія, самое существованіе которыхъ никѣмъ не подозрѣвалось.

Главными дѣйствующими лицами разсказа были два молодыхъ пріятеля, одинъ начинающій ученый, молодой самодовольный педантъ, другой—тоже натуралистъ по образованію, но не занимающійся

спеціально наукой, замкнутый въ себѣ, странный, болѣзненный чудакъ, можетъ быть тоже съ легкимъ «психозомъ», и съ сильною наклонностью къ отвлеченному мышленію. Онъ вѣчно сидитъ одинъ въ своей комнатѣ и думаетъ, и додумался до медіумическихъ явленій. По просьбѣ своего ученаго друга, пораженнаго новыми и таинственными явленіями, онъ показалъ то, до чего онъ додумался, избранному обществу ученыхъ скептиковъ—и поплатился, заранѣе это зная, за обнаруженіе своей «творческой силы» всей своей душевной дѣятельностью: послѣ сеанса онъ впалъ въ неизлечимое слабоуміе. При этомъ въ повѣсти былъ описанъ петербургскій университетъ, зданіе физическаго кабинета, старинное зданіе, которое всегда интересовало Всеволода Михайловича.

Онъ передалъ мнѣ весь разсказъ послѣдовательно и подробно, во многихъ мѣстахъ вѣроятно прямо подлинными словами, какъ было написано, и все, что онъ разсказывалъ, было очень умно и очень интересно; не смотря на отвлеченныя разсужденія, самый интересъ разсказа и фабулы все болѣе и болѣе возросталъ, а фантастическій элементъ, полный странной, нѣсколько болѣзненной поэтичности, придавалъ всему разсказу особенный оригинальный оттѣнокъ. Вообще, это была вещь въ высшей степени оригинальная. Онъ написалъ ее въ іюнѣ, кажется, всего въ нѣсколько дней, а когда заболѣлъ, то сжегъ рукопись, и теперь, разсказывая мнѣ, глубоко сожалѣлъ объ этомъ, и говорилъ, что не сможетъ ужъ вновь написать позднѣе, «когда поправится».

Но ему уже не суждено было поправиться. Пришла осень, пришли холода, ему не становилось лучше. Тоска не покидала его. Въ октябрѣ онъ долженъ былъ возобновить свои служебныя занятія, но не могъ и вышелъ въ отставку. Жизнь его совершенно вышла изъ колеи. Онъ плакалъ, жаловался на свои страданія и приходилъ все въ большее и большее отчаяніе. По ночамъ его мучила безсонница и засыпалъ онъ часто не раньше 5 часовъ утра; проснувшись, онъ не имѣлъ силы встать съ постели и лежалъ иногда до 3, до 4 часовъ дня. Никакого занятія онъ не могъ переносить; его переплетный станокъ всю зиму пролежалъ безъ употребленія.

Общество людей нѣсколько развлекало его, но не на долго.

Иногда, когда къ нему собиралось вечеромъ нѣсколько друзей и завязывался живой разговоръ о всякихъ вещахъ — о литературѣ, о политикѣ, о природѣ, онъ, сначала вялый, молчаливый и грустный, постепенно оживлялся, голосъ его становился громче и сильнѣе, онъ стряхивалъ съ себя тоску свою и дѣлался на нѣкоторое время тѣмъ же умнымъ и живымъ собесѣдникомъ, какимъ онъ былъ обыкновенно. Но какъ только онъ оставался одинъ, минутное, искусственное оживленіе исчезало мгновенно и душой его опять овладѣвалъ мракъ отчаянія.

Я жилъ близко отъ него и онъ довольно часто заходилъ ко мнѣ на короткое время. Взойдетъ унылый и тоскливый въ своей шубѣ и теплой шапкѣ, нехотя раздѣнется и бродитъ вяло по комнатѣ, заглядывая, по своей всегдашней привычкѣ, во всѣ книги и трогая всѣ вещи, которыя попадались ему на глаза. Предложите ему чаю, онъ откажется; но если нальешь ему стаканъ и усадишь его за столъ, онъ станетъ пить и разговаривать, и, постепенно оживляясь, мало по малу принимался болтать, даже шутить и смѣяться. Уходя, онъ сразу дѣлался мрачнымъ: онъ зналъ, что за дверями его ждетъ и караулитъ злая тоска.

Друзья его совѣтовали ему уѣхать; но онъ ни за что не хотѣлъ, боялся даже уѣхать зимой изъ Петербурга. Онъ боялся безлюдья и зимней дурной погоды гдѣ-нибудь на югѣ, куда бы онъ могъ поѣхать. Н. А. и М. П. Ярошенко предлагали ему ѣхать въ Кисловодскъ и жить тамъ у нихъ на дачѣ.

Такъ проходилъ мѣсяцъ мартъ (1888 г.) и ему вдругъ стало лучше. Однажды, въ первыхъ числахъ марта, утромъ, въ неурочное время, часовъ въ 8, онъ вдругъ явился ко мнѣ. Видъ у него былъ веселый, глаза его блестѣли. Онъ сказалъ, что не спалъ всю ночь и рано утромъ вышелъ изъ дому погулять и зашелъ ко мнѣ, думая, что я уже всталъ. Онъ показался мнѣ въ крайне возбужденномъ состояніи; я съ безпокойствомъ смотрѣлъ на него и непріятно звучали для меня слова его: «простите сумасшедшаго, который васъ потревожилъ». Онъ сѣлъ и обратился ко мнѣ съ нѣкоторою торжественностью: «я пришелъ сообщить тебѣ замѣчательную новость». Я подумалъ, что это что-нибудь новое въ его отношеніяхъ къ своимъ роднымъ. «Нѣтъ,—сказалъ онъ,—это вовсе ни меня, ни нашихъ не

касается. Новость вотъ какая: въ Россіи появился новый первоклассный писатель». Онъ говорилъ про «Степь», разсказъ г-на Чехова, только что появившійся въ «Сѣв. Вѣстникѣ».

Онъ познакомился съ разсказами г-на Чехова съ тѣхъ поръ, какъ они стали появляться въ «Новомъ Времени», и высоко оцѣнилъ его талантъ. «Степь» онъ прочиталъ наканунѣ, и она произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе. На него, любителя и поклонника русскаго юга, пахнуло широкимъ дыханіемъ лѣтней степной природы и онъ пришелъ въ болѣзненный восторгъ; случайно ли совпало временное оживленіе его духа съ прочтеніемъ этой повѣсти, или же дѣйствительно вынесенное сильное впечатлѣніе дало толчокъ его душевному состоянію, но онъ относился къ ней съ суевѣрнымъ чувствомъ благодарности. Чеховъ какъ будто воскресилъ его: «у меня точно нарывъ прорвался,—говорилъ онъ, «и я чувствую себя хорошо, какъ давно не чувствовалъ».

О разсказахъ г-на Чехова мнѣ не разъ приходилось уже говорить съ нимъ, и я зналъ его высокое о нихъ мнѣніе. Но его восторгъ, его пламенные глаза меня смущали и безпокоили.

Онъ пригласилъ меня придти къ нему вечеромъ прочитать «Степь» вслухъ. Но послѣ обѣда я получилъ отъ него записку, которая меня нѣсколько успокоила.

«Дорогой В. А.,—писалъ онъ,—прости меня и не приходи сегодня съ Ю. И., зане я, слава Богу, спать хочу смертельно. Дамы мои уѣхали неожиданно въ театръ, а я намѣренъ часовъ четырнадцать проспать и вознаградить себя за прошлую ночь».

Я узналъ позднѣе, что въ то же утро, уйдя отъ меня, онъ еще долго бродилъ по городу. Зашелъ въ Владимірскую церковь, гдѣ шла обѣдня, и пробылъ тамъ нѣсколько времени; потомъ былъ въ какомъ-то трактирчикѣ и пилъ тамъ чай, обращая на себя вниманіе дворниковъ и извощиковъ, смущенныхъ появленіемъ необычнаго гостя. Все это, въ связи съ безсонной ночью и страннымъ визитомъ ко мнѣ, были плохіе симптомы.

На другой день я былъ у него вечеромъ. Состояніе возбужденія, въ которомъ я его видѣлъ наканунѣ, прошло, но онъ дѣйствительно чувствовалъ себя много лучше. Я выразилъ ему мою радость, что вижу его въ хорошемъ настроеніи и свѣжимъ, но

онъ поморщился въ отвѣтъ и сказалъ, что въ глубинѣ души ему еще не хорошо. Но всетаки тоска повидимому почти вполнѣ его оставила; онъ хорошо спалъ, былъ оживленъ, бодръ тѣломъ, могъ курить—всегдашній симптомъ его выздоровленія. У него было нѣсколько человѣкъ его друзей, и онъ читалъ намъ вслухъ «Степь»; это чтеніе доставляло ему большое наслажденіе. Въ образѣ отца Христофора онъ узнавалъ тѣхъ южно-русскихъ поповъ, о которыхъ онъ писалъ мнѣ когда-то изъ Ефимовки; онъ говаривалъ часто, что вообще не можетъ даже представить себѣ священника, который не говорилъ бы: «нэ врэдно» и «нэ безполэзно» (какъ онъ привыкъ слышать на югѣ). Въ такомъ тонѣ читалъ онъ, съ большимъ юморомъ и добродушіемъ, и отца Христофора,—и разсмѣялся веселымъ, почти совсѣмъ здоровымъ смѣхомъ, словамъ добрѣйшаго старика въ его поученіи мальчику-гимназисту: «и сочинителемъ тоже быть хорошо».

Это было, какъ я уже сказалъ, въ первыхъ числахъ марта. Почувствовавъ себя лучше, В. М. рѣшился уѣхать и сталъ собираться въ дорогу; онъ хотѣлъ воспользоваться приглашеніемъ друзей своихъ, г-дъ Ярошенко, и поѣхать въ Кисловодскъ. Тамъ онъ собирался всецѣло посвятить себя отдыху и подъему своихъ физическихъ силъ, строилъ планы прогулокъ и экскурсій, хотѣлъ возобновить свои юношескія ботаническія занятія и собирать гербарій.

Во вторникъ, 15 марта, возвращаясь откуда-то изъ гостей, онъ, довольно поздно вечеромъ, зашелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Надеждой Михайловной. Онъ имѣлъ видъ нѣсколько утомленный и болѣе скучный, чѣмъ въ предыдущіе дни, и съ неудовольствіемъ говорилъ о сборахъ къ путешествію, которые его утомляли. Между прочимъ, онъ хотѣлъ до отъѣзда написать духовное завѣщаніе; зная его отношенія съ родными, я одобрилъ его намѣреніе и старался въ то-же время, чтобы онъ не придавалъ этому значенія какихъ-либо мрачныхъ опасеній, а смотрѣлъ какъ на обезпеченіе противъ какой-либо несчастной случайности.

Онъ просилъ меня дать ему на лѣто инструменты для занятія ботаникой, — лупу, пинцетъ и т. п. Между вещами, которыя я предложилъ ему на выборъ, находилась и бритва для анатомическихъ препаратовъ. Онъ хотѣлъ взять и ее; но я сказалъ ему, что

бритва эта не моя, хотя, впрочемъ, владѣлецъ ея навѣрное не будетъ ничего имѣть, если онъ увезетъ ее съ собой. Но онъ отказался и рѣзко, съ какимъ то страннымъ неудовольствіемъ, отодвинулъ ее рукой. Я не обратилъ на это особеннаго вниманія, видя, что онъ вообще разстроенъ и раздраженъ, но позднѣе припомнилъ его сердитый жестъ.

Это было мое послѣднее свиданье съ нимъ. На другой день я зашелъ къ нему, но не засталъ его дома, и узналъ отъ сестры его жены, что ему опять стало гораздо хуже, и онъ опять мраченъ. Болѣзнь, послѣ короткаго перерыва, пошла впередъ быстрыми и рѣшительными шагами; онъ сталъ бояться за себя, поѣхалъ съ женой къ д-ру Фрею и совѣтовался съ нимъ. Докторъ еще надѣялся на улучшеніе и уговаривалъ его немедленно уѣхать. У него стали, какъ кажется, проскальзывать безумныя идеи—такъ какъ въ послѣдніе дни у него вырывались замѣчанія и слова, непонятныя для слушателей; онъ чувствовалъ вѣроятно приближеніе безумія, не выдержалъ страшнаго ожиданія и, наканунѣ назначеннаго отъѣзда, когда все уже было готово и вещи уложены, послѣ мучительной, безсонной ночи, въ припадкѣ безумной тоски, онъ вышелъ изъ своей квартиры, спустился нѣсколько внизъ и бросился съ лѣстницы.

Онъ не убился до смерти; его подняли разбитаго, съ переломленной ногой и перенесли въ квартиру. Тѣ нѣсколько часовъ, которые онъ еще пробылъ въ сознаніи, онъ глубоко страдалъ нравственно, онъ не переставалъ упрекать себя за свой поступокъ; въ близости конца онъ, кажется, былъ вполнѣ увѣренъ. «Неужели? неужели?» — сказалъ онъ, глядя на свои изувѣченныя ноги; была ли это радость, что прекратятся его страданія, или ужасъ при мысли, что для него все кончено?—Это осталось непонятнымъ. Доктору, который успокаивалъ его, что черезъ мѣсяцъ онъ встанетъ, онъ отвѣтилъ усмѣшкой. Когда А. Я. Гердъ пріѣхалъ къ нему, онъ засталъ В. М. лежащимъ на кровати и цѣлующимъ руки жены. На вопросъ, больно ли ему, страдаетъ ли онъ—онъ отвѣтилъ А. Я. Герду:—«что значитъ эта боль въ сравненіи съ тѣмъ, что здѣсь!»—и указалъ на сердце. Когда физическое страданіе усиливалось, В. М. говорилъ: «такъ мнѣ и нужно, такъ мнѣ и нужно».

Я увидѣлъ его уже въ больницѣ, въ безсознательномъ состоянiи. Около него сидѣли жена его и В. М. Латкинъ. Онъ казался спящимъ, крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ здороваго, но очень утомленнаго человѣка. Дыханiе его было сильное и громкое. Онъ не шевелилъ ни рукой, ни ногой, и жена его отъ времени до времени перемѣняла положенiе его головы и тѣла, чтобы не отекали члены. Къ головѣ его прикладывали ледъ. Красивый, южный типъ его смуглаго лица, его густые, черные волосы какъ-то особенно рѣзко выдѣлялись на бѣлой подушкѣ, бѣломъ одѣялѣ и бѣломъ платкѣ, прикрывавшемъ голову. Выраженiе лица было спокойно и не обнаруживало страданiя.

Онъ не выходилъ изъ этого состоянiя глубокаго сна до самой смерти.

Жена его была при немъ безотлучно, и я навѣщалъ ее каждый день; доктора объявили, что нѣтъ никакой надежды.

Въ четвергъ, 24 марта, подходя къ больницѣ, я увидѣлъ идущаго мнѣ на встрѣчу сѣдого старика; это былъ А. Н. Плещеевъ, прiѣхавшiй навѣстить В. М. и выходившiй изъ больницы. Я подошелъ къ нему; на мой нѣмой вопросъ онъ отвѣчалъ мнѣ однимъ словомъ: «умеръ»—и заплакалъ.

В. Фаусекъ.

О ВСЕВОЛОДѢ ГАРШИНѢ.

Всеволода Михайловича Гаршина я помню съ 1865 г., когда я поступилъ во второй классъ бывшей С.-Петербургской 7 гимназіи, нынѣ 1-го реальнаго училища. Гаршинъ только что перешелъ изъ перваго класса во второй и тутъ мы съ нимъ познакомились и сошлись. Онъ былъ мальчикъ необыкновенно скромный, но веселый, уживчивый и чудесный товарищъ и хотя я и не отличался всѣми этими качествами, но мы съ нимъ подружились и до самой трагической кончины Гаршина жили душа въ душу. Разъ только нашла тучка на нашу дружбу, да и то кругомъ былъ виноватъ я и Всеволодъ Михайловичъ разсердился больше по принципу. Я былъ пансіонеромъ, а Всеволодъ Михайловичъ приходящимъ; насъ, пансіонеровъ, кормили не важно и для здороваго, сильнаго шалуна даже очень мало, почему я частенько бывалъ впроголодь. Гаршинъ же, приходя въ училище ежедневно, приносилъ съ собою завтракъ,—и вотъ разъ, въ особенно плохую минуту, я напалъ на него, отнялъ завтракъ и съѣлъ. Это грубое насиліе страшно возмутило Всеволода Михайловича и мнѣ стоило большихъ усилій, признавъ всю неблаговидность моего поступка, примириться съ нимъ. Это—наша единственная ссора за всѣ 23 года дружбы.

Частенько, вспоминая годы дѣтства и дойдя до этого эпизода, Гаршинъ не могъ не прибавить: «а все же, сознайся, это было подло!»

Изъ всѣхъ знавшихъ покойнаго Гаршина врядъ ли найдется кто, могущій сказать дурное объ этомъ глубоко честномъ, миломъ и хорошемъ человѣкѣ.

Всѣ воспоминанія о немъ—панегирикъ ему и панегирикъ этотъ слышалъ я и въ Болгаріи отъ солдатиковъ-сослуживцевъ покойнаго, и въ Петербургѣ отъ его друзей и знакомыхъ, а знакомыхъ у него было чрезвычайно много. Его симпатичность, мягкій, уживчивый и общительный характеръ невольно съ перваго раза располагали къ нему всякаго, а образованіе дѣлало бесѣду съ нимъ интересною и увлекательною.

Читалъ онъ необычайно много и обладалъ замѣчательною памятью. Кончивъ гимназію и поступивъ въ Горный Институтъ, В. М. сблизился съ кружкомъ молодыхъ художниковъ и сталъ непремѣннымъ членомъ ихъ сборищъ. На этихъ собраніяхъ, «Пятницахъ», читались впервые нѣкоторыя изъ произведеній его, обсуждались и комментировались, и такъ какъ тѣсная дружба царила между членами кружка, то и мнѣнія, иногда, правда, нелѣпыя, бывали всегда искренни. Споры объ искусствѣ не умолкали и В. М. горячо, горячѣе многихъ художниковъ, ратовалъ за искусство, какъ служеніе высшимъ идеаламъ добра и правды, и этому искусству оставался вѣренъ всю свою жизнь. Дружбу и симпатію къ нѣкоторымъ членамъ этого кружка онъ сохранилъ до самой своей смерти и воспоминаніе о «Пятницахъ» всегда было однимъ изъ лучшихъ его юношескихъ воспоминаній.

Съ этихъ «Пятницъ» началась и укрѣпилась его близость съ художниками, продолжавшаяся всю его недолгую жизнь. Симпатіи къ Гаршину въ мірѣ художниковъ очень велики, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ та готовность, съ которою русскіе художники откликнулись на призывъ поработать для изданія, посвященнаго его памяти.

Когда въ 1877 г. была объявлена война Турціи, Гаршинъ съ однимъ изъ своихъ друзей, В. Н. Афанасьевымъ, бросили Горный Институтъ, гдѣ они были студентами, и отправились въ дѣйствующую

армію. Пріѣхавъ въ Кишиневъ, они зачислились въ Болховской полкъ и на другой же день выступили въ походъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ и мнѣ удалось попасть въ Болгарію и, прибывъ въ гор. Бѣлу, я узналъ, что Гаршинъ раненъ и находится тутъ же въ походномъ лазаретѣ. Наша встрѣча въ Бѣлѣ была совершенной неожиданностью для насъ обоихъ и поэтому, несмотря на печальную госпитальную обстановку, очень насъ порадовала. Рана Гаршина была не опасна: пулей пробило ему мякоть ноги выше колѣна на вылетъ, кость осталась цѣла. Я нашелъ его на койкѣ бодрымъ и веселымъ. Тѣ нѣсколько часовъ, которые мы провели вмѣстѣ, были для насъ обоихъ манной небесной. Я привезъ цѣлый коробъ новостей о Петербургѣ, откуда я выѣхалъ только мѣсяцъ назадъ (къ Петербургу же Гаршинъ чувствовалъ всегда особую любовь, да и не мудренно—лучшіе годы юности прошли здѣсь, его воспитаніе, юношескіе восторги, лучшихъ друзей—все это далъ ему Петербургъ, въ Петербургѣ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ), а Гаршинъ посвятилъ меня въ тайны военно-походной и боевой жизни, съ которой уже ознакомился на опытѣ. Тутъ же въ госпиталѣ услышалъ я отъ него эпизодъ, послужившій темой для его разсказа «Четыре дня». Послѣ сраженія при Езерджи: наши, подобравъ раненыхъ, отступили, ушли и турки, и только черезъ четыре дня нашъ батальонъ, въ которомъ служилъ В. М., пришелъ похоронить убитыхъ. Въ кустахъ найденъ былъ между убитыми и еле живой солдатъ, если не ошибаюсь, 2 стрѣлковой роты Болховского полка, съ перебитыми гранатою ногами. Фактъ этотъ такъ поразилъ В. М., что онъ, придя на бивуакъ, немедленно же принялся за свои «Четыре дня». Такъ какъ всѣ детали были еще свѣжи въ его памяти, то разсказъ,—а разсказывалъ онъ очень хорошо,—вышелъ необыкновенно сильнымъ и произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Однако Гаршинъ, по свойственной ему скромности, сильно побаивался, что разсказа его не примутъ въ «Отечественныя Записки». Пробывъ въ Бѣлѣ нѣсколько часовъ, я распрощался съ Гаршинымъ, такъ-какъ долженъ былъ слѣдовать съ партіею дальше, а когда черезъ недѣлю мнѣ опять случилось быть въ Бѣлѣ—Всеволода Михайловича уже не было въ госпиталѣ, онъ уѣхалъ лечиться въ Россію, въ Харьковъ.

Прошелъ почти годъ и я, вернувшись изъ похода, встрѣтился съ Всеволодомъ Михайловичемъ уже въ Петербургѣ въ ореолѣ его славы, героемъ дня, но не нашелъ въ немъ ни малѣйшей перемѣны. Успѣхъ не отуманилъ его и хотя, на время, впрочемъ, и придалъ ему крылья, но сердце его осталось такимъ же честнымъ, простымъ и открытымъ для друзей и недруговъ.

Помню я, какъ искренне жалѣли солдатики нашей 5 роты, что не отдали своего ротнаго креста Гаршину, надѣясь, что онъ получитъ имянной Георгій, къ которому былъ представленъ за личную храбрость и котораго почему-то всетаки не получилъ, не смотря на двукратное представленіе и на самые лестные отзывы ближайшаго начальства.

Живой по натурѣ, непосѣда, въ высшей степени общительный, простой и ласковый, Гаршинъ очень полюбился солдатамъ, привыкшимъ видѣть въ вольноопредѣляющемся кандидата на офицера, а не своего товарища. Онъ близко сошелся съ ними, училъ ихъ грамотѣ, писалъ письма, читалъ газеты и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ними; бесѣды эти долго еще спустя, когда Гаршинъ раненый уже уѣхалъ въ Россію, вспоминались солдатиками.

«Все-то онъ зналъ, все-то разсказать могъ, и сколько онъ намъ исторій разныхъ поразсказалъ на походѣ! Изморимся, языкъ высунемъ, еле ноги волочемъ,—разсказывали мнѣ,—а ему и горюшка мало, снуетъ промежъ насъ, съ тѣмъ покалякаетъ, съ другимъ. На привалъ придемъ—только бы ткнуться куда, а онъ соберетъ котелки да за водой. Чудной такой, живой! Славный баринъ, душа!» Не смотря на свою кажущуюся физическую слабость, Гаршинъ выносилъ тягости похода несравненно легче большинства.

Когда онъ былъ здоровъ—не было собесѣдника пріятнѣе его. Развитой и остроумный, онъ былъ, что называется, «душа общества», но нервность его натуры сказывалась во всемъ: не было стола, этажерки, на которыхъ бы онъ не перетрогалъ всѣхъ вещей; зачастую случалось, что, отыскивая «душу» предмета, онъ его ломалъ окончательно. Придя домой, съ увѣренностью можно было сказать,—заходилъ Всеволодъ Михайловичъ или нѣтъ. Но эта кажущаяся неряшливость не мѣшала Гаршину на дѣлѣ быть чрезвычайно чистоплотнымъ и нравственно, и физически. Убѣжденіямъ

своимъ и долгу Всеволодъ Михайловичъ не измѣнялъ никогда. Не смотря на самые заманчивыя, лестныя и выгодныя предложенія, онъ наотрѣзъ отказался работать въ журналѣ «Новь», не сходясь съ нимъ во взглядахъ. Въ ужасную минуту онъ не побоялся пробраться къ одному очень и очень высокопоставленному лицу и высказать ему свой взглядъ на дѣло весьма щекотливаго свойства. Это вліятельное лицо, къ счастью, оказалось очень честнымъ и умнымъ человѣкомъ и Всеволодъ Михайловичъ ничѣмъ не поплатился за свою отважность. Рано утромъ придя послѣ этого разговора въ мою комнату страшно взволнованный, онъ, разсказывая мнѣ о своемъ посѣщеніи, осыпалъ горячими похвалами своего собесѣдника и восторженно ждалъ отъ него великихъ дѣлъ. Лицо это до сихъ поръ вѣроятно помнитъ молодого энтузіаста, всю ночь проведшаго въ его квартирѣ.

Тяжкій недугъ, которымъ по временамъ страдалъ Гаршинъ, послѣ его женитьбы замѣтно смягчился, характеръ заболѣванія уже не имѣлъ той острой формы, какъ прежде, но за послѣдніе годы почти каждую весну, мѣсяца на два, хандра и апатія ко всему овладѣвали имъ; осенью же и зимою онъ опять былъ совершенно нормаленъ, полнѣлъ, молодѣлъ и чувствовалъ себя отлично. Лѣто 1885 г. я жилъ на дачѣ въ Муринѣ и Гаршинъ пріѣхалъ ко мнѣ погостить. Состояніе духа его было особенно угнетенное, онъ высказывалъ полное невѣріе въ свои силы, въ свой талантъ и даже въ свое призваніе, жаловался, что талантъ, «если только онъ былъ», онъ не развивалъ, а зарылъ, что онъ ничего не знаетъ, что долженъ всему учиться съ азбуки, что онъ въ тягость всѣмъ людямъ и напрасно только коптитъ небо, но о *самоубійствѣ ни разу* не проронилъ ни слова. Временами онъ какъ будто дѣлался бодрѣе и мы опять видѣли милаго, умнаго и веселаго Гаршина. Начало лѣта 1887 г. (май и іюнь) онъ былъ здоровъ и бодръ и, пріѣхавъ ко мнѣ на дачу, онъ, разсказывая мнѣ объ одномъ чрезвычайно непріятномъ семейномъ дѣлѣ, радовался, что оно, не смотря на всю свою серьезность, не вызывало прежнихъ припадковъ хандры, тогда какъ раньше малѣйшаго пустого повода было достаточно, чтобы вызвать полный упадокъ духа. «Обыкновенный срокъ моего заболѣванія уже прошелъ и, несмотря на это ужас-

ное, отвратительное письмо и на прочія гадости, я здоровъ. Слава Богу, значитъ на этотъ годъ я останусь цѣлъ. Ты не повѣришь, Мишуной (такъ часто называлъ меня Всеволодъ Михайловичъ), какъ я радъ этому»—говорилъ Гаршинъ.

Этимъ надеждамъ, къ несчастью, не суждено было оправдаться и въ іюлѣ онъ заболѣлъ, а въ апрѣлѣ его не стало.

Особенную нѣжность и заботливость проявлялъ Всеволодъ Михайловичъ къ своей женѣ. Не было супруговъ нѣжнѣе ихъ, такъ что у насъ ребятишки даже посмѣивались надъ этою взаимною нѣжностью. Не разъ онъ говаривалъ мнѣ, что не хочетъ еще умирать, что онъ хотѣлъ бы, чтобы его Надя была сначала обезпечена, и когда его книжки стали давать доходъ, онъ искренне радовался, что на случай его смерти у жены его кое-что останется, да и въ дѣлѣ изданія своихъ сочиненій онъ увѣренъ былъ только въ женѣ, онъ зналъ, что она, зная его взгляды и любя его, не захочетъ его именемъ эксплоатировать публику, что всегда страшно его возмущало.

Къ несчастью, эти надежды покойнаго не оправдались: онъ не успѣлъ написать *законнаго* духовнаго завѣщанія и формально передать женѣ право изданія своихъ сочиненій.

Смерть Гаршина—потеря и большая потеря для русской литературы, но мы, близко знавшіе его друзья, потеряли въ немъ, кромѣ честнаго, талантливаго писателя, еще и чудеснѣйшаго человѣка и вѣрнаго друга.

М. Малышевъ.

15 іюля 1888 г.

ПИСАТЕЛЬ.

(ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА МИХАЙЛОВИЧА ГАРШИНА).

...Какъ червякъ грызло страданіе мое сердце. Я самъ принесъ это страданіе съ собою на свѣтъ...Оно лежало со мною въ колыбели, и моя мать, качая меня, укачивала вмѣстѣ и его; и когда я засыпалъ подъ ея пѣсни, оно тоже засыпало и пробуждалось, чуть я открывалъ глаза. Я подросталъ и страданіе мое тоже росло и сдѣлалось наконецъ очень большимъ и разбило мое...

(Гейне. Книга идей).

I.

Да, онъ всегда страдалъ! Это страданіе, эта постоянная тоска выражались во всемъ: въ его неувѣренной, пошатывающейся походкѣ, въ его хотя и сильной, но какой-то безпомощной фигурѣ, въ его тихомъ голосѣ и рѣдкомъ смѣхѣ, въ его нервномъ лицѣ, въ его большихъ, темныхъ глазахъ... больше всего въ глазахъ. Всегда, даже въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ сознавалъ себя счастливымъ, черныя брови оставались сдвинутыми и слегка приподнятыми надъ переносьемъ, придавая лицу скорбное выраженіе, и темные глаза смотрѣли обычнымъ страдающимъ взглядомъ. Всего лишь въ два недолгіе періода въ

его жизни эти глаза мѣняли свое выраженіе: они дѣлались бѣгающими, горящими и какими то пронзительно-острыми... Тогда друзья его печально поникали головами. Они знали, что ихъ другъ пересталъ жить въ мірѣ дѣйствительности, наполнявшей его сердце тоской, и живетъ въ яркомъ, ликующемъ мірѣ призраковъ, гдѣ нѣтъ ни времени, ни пространства. Это были періоды безумія.

II.

Что же заставляло его страдать? У жизни мало такихъ любимцевъ, какимъ былъ онъ, человѣкъ со скорбными очами. Любовь горячая и нѣжная, дружба, никогда ему не измѣнявшая, слава, быстро его увѣнчавшая, общее уваженіе, почти почетъ окружали его. Ни нужда, ни физическое страданіе, ни тяжелыя утраты— все, что составляетъ обыкновенно людское горе — никогда не коснулись его. Отчего-же мрачная складочка на челѣ его никогда не разглаживалась?—Однажды, разсказывая про такого-же страдающаго человѣка, который не умѣлъ пользоваться радостями бытія, онъ объяснялъ такъ его муки: «въ его сердцѣ лежалъ тяжелый, холодный камень, давившій это бѣдное сердце и заставлявшій его стонать отъ боли. Камень давилъ его сердце и онъ хотѣлъ умереть» [1]).

III.

Когда запала эта тоска ему въ душу?

Его друзья всегда помнили его такимъ. Когда онъ былъ маленькимъ, худенькимъ мальчикомъ, большіе, темные глаза смотрѣли уже не подѣтски вдумчиво и грустно. Дѣтство дало ему мало радостныхъ впечатлѣній. Первое событіе, которое отчетливо вырѣзывалось изъ хаоса раннихъ воспоминаній, была тяжелая разлука съ матерью, которую только одну еще и умѣло любить дѣтское

---

[1]) Изъ ненапечатаннаго произведенія В. М. Гаршина.

сердечко. Быть можетъ въ ту минуту, когда увозили отчаянно плакавшаго ребенка отъ дорогого существа, быть можетъ тогда-то и запала въ дѣтскую душу первая искорка скорби.

IV.

А можетъ быть ему передалъ свою тихую, подавленную грусть его отецъ, «одинокій, изломанный жизнью человѣкъ». «Жизнь скоро и легко исковеркала его, сломавъ въ немъ все доброе, чѣмъ онъ запасся въ юности; но она не внесла ничего и особенно дурного» [1]). Онъ прожилъ съ отцомъ съ четырехъ до восьми лѣтъ, и эти годы оставили въ его душѣ что-то тихое и кротко-печальное. Смутно, какъ сквозь сонъ, припоминалась ему глухая малороссійская деревушка, затерянная въ необъятной степи; маленькій домикъ, отапливавшійся соломой, тѣсная комнатка, долгіе зимніе вечера при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи и среди этой убогой обстановки «немудрящій человѣкъ», доживавшій свой вѣкъ «безсильный съ безсильной любовью, которую почти всю онъ перенесъ на своего милаго мальчика» [2]). Разсказы отца и безконтрольное чтеніе развили пылкое воображеніе ребенка и могучіе, яркіе образы населяли тотъ призрачный міръ, куда онъ привыкъ уходить отъ дѣйствительной жизни, а передъ ней слабый и несчастный человѣкъ училъ сына только склоняться и терпѣть.

И вдумчивому ребенку вмѣстѣ со взглядами отца невольно передавалась и его постоянная грусть, и тихій тонъ голоса, и ласковая печальная улыбка, и скорбное выраженіе глазъ.....

V.

А можетъ и сама природа Украйны, среди которой прошло его раннее дѣтство, наложила на него отпечатокъ тихой грусти. Первой картиной природы, на которую сознательно взглянулъ

---

[1]) «Ночь» В. Гаршина. Стр. 185.
[2]) Id.

ребенокъ, была степь,—«родная степь» называлъ онъ ее потомъ. На всю жизнь привязался онъ къ ней. Хотя онъ и чувствовалъ себя потеряннымъ и ничтожнымъ предъ лицомъ необозримой, однообразной степи, онъ всетаки любилъ ее. Даже въ самые послѣдніе дни своей жизни, корень которой уже подточила кручина, одно дыханіе степи со страницъ мертвой книги оживило его и подняло угасавшія силы.

Степь отразилась и въ его ранныхъ стихотворныхъ попыткахъ, и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Онъ любилъ ее днемъ, полную ликующей жизни, когда «солнце такъ тепло сіяетъ съ неба», любилъ за то, что:

«Тамъ миріады травъ цвѣтутъ, кивая
«На встрѣчу мнѣ головками своими;
«Тамъ воздухъ полонъ звуковъ неумолчныхъ·
«Тамъ жаворонокъ вьется надъ землею,
«Гремя высоко пѣснь любви и солнцу,
«Потерянный въ воздушной синевѣ;
. . . . . .
«Тамъ сердце бурное спокойно бьется
«И все прошедшее молчитъ, смиряясь
«Предъ силой обаятельной природы» [1]).

Любилъ онъ ее и ночью, окутанную серебристо-сѣрымъ сумракомъ, любилъ слушать тихіе и чистые звуки степной ночи, любилъ смотрѣть по долгу въ ея глубокое и темное, «горящее звѣздами небо».

Какъ много радости давала ему неугомонная жизнь, которая наполняла эту степь! Онъ наблюдалъ зоркими, внимательными глазами и суетливую жизнь муравья, и радостную работу пчелки, и капризное перепархиванье пестрой бабочки съ цвѣтка на цвѣтокъ, и сосредоточенное стараніе навознаго жука около своего шара, и хищныя затѣи паука. Задумчивымъ взглядомъ слѣдилъ онъ за быстрой ящерицей, мелькающей между высокими стебельками степныхъ травъ, за медленными движеніями улитки, за хлопотливыми поисками пугливаго ежа.

---

[1]) Юношеское стихотвореніе В. Гаршина.

Онъ зналъ голоса степныхъ птицъ: мѣрный, торопливый крикъ дергача, звонкій голосъ перепела... но больше всего любилъ онъ радостное пѣніе жаворонка, «эту пѣсню воскресенія, блаженства и свободы», какъ называлъ онъ ее потомъ.

Дѣтская любовь ко всему живущему, какъ бы ничтожно и мало оно ни было, сохранилась въ немъ на всю жизнь. Отнять жизнь у самаго ничтожнаго существа не только сознательно, но даже нечаянно, было бы для него серьезнымъ огорченіемъ. — Однажды, уже въ послѣднее лѣто своей жизни, раннимъ утромъ проходилъ онъ по дорожкѣ сада къ берегу моря, чтобы вздохнуть его свѣжимъ, бодрящимъ воздухомъ послѣ мучительной, безсонной ночи. Онъ шелъ слабой, шатающейся походкой измученнаго человѣка, съ поникшей на грудь головой. Усталые, воспаленные отъ безсонницы глаза, но какъ всегда наблюдательные и зоркіе, замѣтили на песчаной дорожкѣ пятно, точно отъ просыпаннаго мелко истолченнаго угля. Пятно оказалось живымъ, движущимся, и больной человѣкъ увидалъ миріады почти микроскопическихъ черненькихъ насѣкомыхъ, прыгающихъ другъ около друга и подвигающихся куда-то цѣлымъ поселеніемъ. И тамъ, гдѣ здоровый небрежно раздавилъ бы подъ ногами много сотенъ крошечныхъ созданій, тамъ этотъ задавленный тоскою человѣкъ, забывая свое горе, заботливо окружилъ живое пятно со стороны дороги цѣлымъ барьеромъ изъ щепокъ и вѣточекъ ели, чтобы предохранить его отъ безжалостныхъ ногъ проходящихъ... Да, онъ страстно любилъ и бережно хранилъ жизнь во всѣхъ, и только своя жизнь казалась ему непосильнымъ, тяжкимъ бременемъ, которое такъ хотѣлось сбросить...

VI.

Съ десяти лѣтъ нить тихаго дѣтства обрывается, и шумная, бодрая товарищеская семья окружаетъ его въ столицѣ.

Судьба рано оторвала его отъ семьи, лишила его тѣхъ тихихъ радостей, которыя такъ важны въ жизни каждаго ребенка, но зато въ постороннихъ людяхъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, она дала ему много искренняго участія, а въ школь-

ныхъ товарищахъ—вѣрныхъ друзей, неизмѣнная привязанность которыхъ проводила его отъ школьной скамьи до могилы...

Одинокая жизнь съ отцомъ не сдѣлала его ни робкимъ, ни застѣнчивымъ. Онъ шелъ на встрѣчу новымъ товарищамъ съ открытой душой и довѣрчиво протянутыми руками и не ошибался. Онъ принималъ участіе въ ихъ шумныхъ играхъ и веселыхъ затѣяхъ и даже иногда смѣялся своимъ тихимъ смѣхомъ, и только большіе черные глаза оставались печальными среди самой живой радости. Сѣмячко грусти, Богъ знаетъ когда попавшее ему въ душу, росло и развивалось вмѣстѣ съ нимъ. И все, что ни давала ему жизнь, отражалось особенно и односторонне въ его душѣ. Радости, выпадавшія на его долю, вспыхивали на минуту яркимъ свѣтомъ и такъ же быстро погасали, но всѣ печальныя впечатлѣнія ложились на его душу тяжелыми, неизгладимыми чертами. А жизнь въ большомъ, людномъ городѣ давала ихъ много, слишкомъ много. Онъ не негодовалъ, не возмущался, въ его кроткой душѣ не было струнъ для гнѣвныхъ звуковъ: онъ только страдалъ и жалѣлъ.

«Но жаль мнѣ и тебя, несчастный городъ,
«Ты, мѣсто вѣчной слякоти, тумановъ,
«Людей больныхъ и тѣломъ, и душой,
«Хандры и скуки, судорожной жизни
«И лихорадки ѣдкихъ наслажденій,
«Погони безпощадной за наживой,
«Разврата всѣхъ видовъ и степеней,
«Самоубійствъ, къ которымъ всѣ привыкли,
«И смерти, здѣсь поставившей свой тронъ»[1]).

Годы самой ранней юности были отравлены. Разъ попавъ въ когти тоскѣ, онъ уже не могъ вырваться изъ нихъ. Она все больше сжимала сердце и мутила умъ. И тогда, спасаясь отъ ужаса дѣйствительности, съ которымъ сладить не было силы, его мысль ушла въ тотъ широкій, безграничный міръ фантазіи, который съ дѣтства былъ знакомъ ему. Яркіе образы, одинъ безумнѣе другого, закружились передъ нимъ, увлекая его за собой. Онъ весь преобразился: слабая, неровная походка сдѣлалась

[1]) Изъ юношескихъ стихотвореній В. Гаршина.

стремительной и твердой, вяло опущенныя руки пріобрѣли небывалую силу, печально склоненная голова гордо выпрямилась, съ чела исчезла складка печали и темные глаза загорѣлись безудержной радостью и какимъ-то дикимъ торжествомъ..... Наступило безуміе.

VII.

Но онъ снова воскресъ. Какъ фениксъ изъ пепла, такъ его сильная и богатая натура возрождалась отъ безумія къ жизни. Словно все мрачное и горькое выгорѣло въ его душѣ, словно этими минутами существованія въ мірѣ безъ времени и пространства онъ освободился отъ своей скорби и возвратился въ обыденную жизнь, сохраняя въ душѣ частичку той радости, которая составляла основной характеръ его безумія.

Это проявлялось въ его постоянной нервной подвижности. Онъ словно куда-то спѣшилъ, словно торопился взять что можно у молодости. Всѣ способности его выросли и обострились: память поражала своей силой; умъ схватывалъ на лету всѣ мимолетныя впечатлѣнія, перерабатывая ихъ въ своеобразные, но яркіе образы; самыя тонкія искорки чувства жадно принимались душой, раскрытой всѣмъ впечатлѣніямъ бытія. Онъ весь словно горѣлъ вновь возродившейся жизнью, торопился чувствовать, мыслить, учиться, пока не проснулся скорбный голосъ. А тоска какъ будто заснула на время, и камень пересталъ давить его сердце.

Это были лучшіе годы въ жизни человѣка со скорбными очами... Шумная студенческая семья встрѣтила его. Тутъ были и планы о будущей дѣятельности, планы, полные самонадѣянности и молодого задору, и благородныя мечты о свободѣ, и самоотверженное принесеніе себя въ жертву идеѣ; тутъ были и споры до утренней зари, и страстная жажда знанія, и груды прочитанныхъ книгъ. Ему приходилось особенно много толковать и спорить, потому что онъ на многое смотрѣлъ своеобразно. Въ его умѣ было одно свойство, которое потомъ измучило его, давая непрерывную пищу его тоскѣ: это было свойство безпощаднаго анализа, все раскапывавшаго, добиравшагося до самой сути.

Тамъ, гдѣ другія, ослѣпленныя молодыя очи видѣли блескъ и красоту,—онъ видѣлъ только жалкій нарядъ, изъ котораго выглядывалъ тощій и страшный скелетъ. Тамъ, гдѣ другіе видѣли подвигъ самоотверженія, онъ видѣлъ жалкій фарсъ громаднаго самолюбія; въ чемъ товарищи видѣли путь спасенія и выходъ изъ рабства и мрака, въ томъ онъ видѣлъ или безполезную жертву, или жестокій кровавый поступокъ.....

Это свойство слишкомъ быстро стало подкапываться подъ минутную радость въ его жизни; оно безпощадно подкашивало всѣ упованья и надежды молодости.... И онъ не боялся высказывать свой мрачный взглядъ на вещи. На него негодовали, спорили, упрекали, но онъ твердо стоялъ на своемъ. Въ этомъ, повидимому столь слабомъ человѣкѣ, была поразительная смѣлость мнѣнія, не уступавшая ни передъ какимъ давленіемъ, ни передъ какимъ авторитетомъ.

Но сердиться на него не могли. Его сердце было такъ кротко и незлобиво, въ немъ было такъ много снисходительности и женственной мягкости, что его только жалѣли и берегли. Да и сама молодежь понимала, что онъ охотно разстался бы съ этимъ роковымъ даромъ, если бы это было въ его власти.

Особенно грозно стоялъ передъ нимъ вопросъ о томъ, что дѣлать, какъ работать, чтобы принести свою лепту въ общую сокровищницу?

Его товарищи проще смотрѣли на жизнь и имъ легче было разрѣшить этотъ вопросъ. Одни изъ нихъ собирались служить людямъ, работая для науки, другіе—для искусства; третьи хотѣли передавать пріобрѣтенныя ими знанія тѣмъ, кто нуждался въ этомъ, дѣлаясь учителями, профессорами; четвертые шли прямо въ жизнь, прилагая къ ней свои свѣдѣнія: они дѣлались докторами, инженерами... А онъ? Чѣмъ онъ могъ быть?

Онъ страстно любилъ искусство и глубоко его понималъ, но у него не было таланта ни къ живописи, ни къ музыкѣ, ни къ ваянью.

Міръ чистой науки, не смотря на его почтительное благоговѣніе передъ нею, былъ ему недоступенъ: въ немъ не было ни терпѣнія, ни усидчивости, ни выдержки, и, главное, не было способности уйти отъ жизни, встать выше ея. Онъ въ ней му-

чился и тосковалъ, но она вполнѣ захватывала его, и никакой другой міръ не замѣнилъ бы ему бѣднаго человѣческаго міра. Онъ весь жилъ въ страданіяхъ и радостяхъ этихъ людей, которыхъ онъ привыкъ и жалѣть и любить.

На всякій другой, практическій трудъ не было въ немъ ни выносливости, ни необходимой односторонности. Иногда въ душѣ его подымался тихій голосъ, шептавшій ему о его призваніи, но скромный и строгій къ себѣ, онъ не рѣшался ему вѣрить и чувствовалъ себя среди другихъ больнымъ и лишнимъ, ни на что негоднымъ человѣкомъ.

Богъ знаетъ, до чего дошло бы опять это тревожное состояніе, еслибы общее народное бѣдствіе не разразилось надъ всѣми: была объявлена война.

VIII.

Это было спасеньемъ для него. Всѣ мучительные вопросы оборвались разомъ. Въ душѣ жило только одно сознаніе: необходимость взвалить и на свои плечи часть общей тяготы, взять и на себя крупицу общаго горя. Вырваться было ему не легко; масса личныхъ отношеній, сердечныхъ связей удерживали его; но въ этомъ странномъ человѣкѣ была одна способность: желать чего нибудь страстно и сильно, и если такое желаніе загоралось въ его душѣ, никакія препятствія, никакія убѣжденія не могли его удержать.

Вскорѣ онъ шагалъ по утомительной, то пыльной, то непроходимо грязной дорогѣ, въ сѣрой шинели, съ навьюченнымъ на спину неудобнымъ ранцемъ и съ тяжелымъ ружьемъ на плечѣ. Близкіе къ нему люди боялись за него: боялись и физическихъ лишеній, и тяжелыхъ нравственныхъ потрясеній, которыя могла ему дать война, и угнетающихъ душу кровавыхъ сценъ. Но тамъ, гдѣ болѣе здоровые и сильные люди не выдерживали, тихій, вѣчно тоскующій человѣкъ, не выносившій даже вида чужихъ страданій или горя, оставался спокоенъ и твердъ. Мало того, онъ сознавался потомъ, что никогда не было въ немъ такого полнаго спокойствія душевнаго, такого мира съ самимъ собою и кроткаго отношенія къ

жизни, какъ въ то время, когда онъ шелъ подъ пули убивать людей. Правда, мысль о томъ, что *ему придется убивать,* какъ-то уходила отъ него. «Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять свою грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ» [1]),—писалъ онъ позже. Даже во время боя «мысль о томъ, что нужн дѣлать, не выразилась бы словами: нужно убить, а скорѣе: нужно умереть». Быть можетъ физическіе труды такъ утомили его, что рефлексъ и анализъ уснули въ безпокойномъ умѣ, а вмѣстѣ съ ними уснула и скорбь. А можетъ, это спокойствіе давало ему сознаніе, что ему не приходится ни обдумывать своихъ поступковъ, ни отвѣчать за нихъ, что ему не приходится жить «за свой собственный страхъ и счетъ». Онъ чувствовалъ себя только одной изъ единицъ этихъ «страшныхъ и твердыхъ въ своемъ стремленіи рядовъ людей, которые шли на смерть спокойные и свободные отъ отвѣтственности» [2]). Знакомство съ солдатомъ было для него одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ похода. Онъ много слышалъ и толковалъ о народѣ, какъ и всѣ его окружающіе, но зналъ онъ его мало. Онъ зналъ только, «что это великій и несчастный народъ, народъ, среди котораго онъ родился и выросъ». Какъ и всѣ, онъ хотѣлъ помочь ему и жалѣлъ его, но любовь его была головная, теоретическая, вычитанная изъ книжки, поднятая разговорами. И онъ никогда не обманывалъ себя въ этомъ отношеніи. Теперь, среди трудовъ тяжелаго похода онъ впервые узналъ «людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ, совсѣмъ похожихъ съ виду на мужиковъ; только ружье да сумка съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался воевать» [3]). И тогда-то теоретическая любовь къ «несчастному» замѣнилась какимъ то невольнымъ уваженіемъ къ нему и уже дѣйствительной, сердечной жалостью къ его невѣжеству и грубости. Сближеніе между суровыми солдатами и мягкимъ, кроткимъ человѣкомъ произошло какъ-то само собой. Онъ не напрашивался на это сближеніе, а только стойко дѣлилъ съ солдатами всѣ труды и тягости похода, не прини-

---

[1]) «Четыре дня» В. Гаршина.
[2]) «Изъ записокъ рядового Иванова».
[3]) «Изъ записокъ рядового Иванова».

мая никакихъ облегченій, которыя ему, какъ добровольцу и интеллигенту, готово было сдѣлать начальство. Онъ терпѣливо ждалъ, когда солдаты перестанутъ его звать «бариномъ» и увидятъ въ немъ товарища и такого-же солдата, какъ и они. И онъ добился своего. Грубые и суровые люди перешли скоро на «ты» и стали относиться къ нему какъ-то бережно и сдержанно-ласково. Его тихая и добрая, но въ рѣшительныя минуты твердая и смѣлая личность покорила и ихъ своему обаянію. Храбрость, увлекшую за собой дрогнувшихъ было солдатъ, онъ доказалъ въ первомъ же бою, гдѣ и былъ раненъ. Походъ для него кончился.

Да дальше онъ не имѣлъ и смысла. Онъ далъ ему все, что было нужно: спасъ его на время отъ безумія, близко познакомилъ съ народомъ въ лицѣ солдата и сдернулъ всѣ героическія блестящія лохмотья со страшнаго призрака войны.

IX.

Онъ вернулся на родину новымъ человѣкомъ. Тысячи мыслей, впечатлѣній кипѣли въ его умѣ, пока онъ выздоравливалъ отъ раны, и требовали выхода, обнаруженья. И тогда онъ рѣшилъ вступить на тотъ путь, на который и раньше толкалъ его робкій внутренній голосъ. И прежде, до войны, онъ исписывалъ груды бумаги и это доставляло ему много хорошихъ минутъ, какъ сознавался онъ въ одномъ изъ писемъ того времени: «Мои литературные замыслы очень широки, и я часто сомнѣваюсь въ томъ, смогу ли я исполнить поставленную задачу. То, что написано, по моему удачно; само собой разумѣется, что я не могу не быть пристрастнымъ, несмотря на самое строгое и недовѣрчивое отношеніе къ своимъ силамъ. Но если я буду имѣть успѣхъ? Дѣло въ томъ (это я чувствую), что только на этомъ поприщѣ я буду работать изо всѣхъ силъ, *стало быть успѣхъ—вопросъ о моихъ способностяхъ и вопросъ, имѣющій для меня значеніе вопроса жизни и смерти. Вернуться уже я не могу. Какъ вѣчному жиду голосъ кикой-то все говоритъ: иди, иди, такъ мнѣ что-то суетъ перо въ руки и говоритъ: пиши, пиши*».

И онъ сталъ писать. Его разсказы читались и глубоко трогали, потому что въ нихъ была правда, глубокая, выстраданная правда. Онъ писалъ только о томъ, что самъ мучительно продумалъ, что самъ тяжело пережилъ.—Лѣтомъ, которое было послѣднимъ для него, однажды поднялся живой споръ о положеніи писателя въ обществѣ и о платѣ за его трудъ, которую нѣкоторые находили слишкомъ большой сравнительно съ трудомъ. Онъ горячо доказывалъ другое: «Никакой трудъ не можетъ быть такъ тяжелъ, какъ трудъ писателя,—говорилъ онъ, нервно и быстро двигаясь по комнатѣ, — писатель страдаетъ за всѣхъ, о комъ пишетъ». Онъ дѣйствительно страдалъ за всю неправду жизни, имъ описываемую; онъ принялъ въ себя все, чѣмъ болѣло его несчастное поколѣніе. Въ его разсказахъ вездѣ виденъ бѣдный интеллигентный человѣкъ, измученный рефлексомъ и анализомъ, истомленный то недостаткомъ любви къ жизни и къ людямъ, то избыткомъ безсильной жалости и состраданія къ нимъ. Да, для него писательство было вопросомъ жизни и смерти; каждый новый разсказъ уносилъ съ собой часть его жизненной силы, и долго писать такимъ образомъ было нельзя....

X.

Еслибы еще онъ могъ совершенно оградиться отъ житейскихъ дрязгъ. Но и въ его жизни были тѣ же мелкія неудачи и горести, что и въ жизни всякаго другого. Хотя люди любили и щадили его, но они оставались людьми со всѣми своими недостатками и слабостями, а то, что проходитъ надъ здоровымъ человѣкомъ не задѣвая, на его больную и скорбную душу ложилось тяжело и заставляло страдать. Причины его горестей и радостей никогда не соотвѣтствовали ни глубинѣ ихъ, ни силѣ.

А кромѣ мелкихъ личныхъ неудачъ, сама жизнь въ то время была очень тяжела.... Люди съ огрубѣлыми нервами, холодные и равнодушные, и тѣ страдали отъ мучительной неизвѣстности и отъ чувства страха, который испытываетъ человѣкъ, живущій на колеблющейся почвѣ и по глухимъ ударамъ и минутнымъ

вспышкамъ пламени догадывающійся о страшной работѣ подземныхъ силъ.

Его больное и чуткое сердце находило въ этомъ невыносимомъ положеніи неизсякаемый источникъ для новыхъ мученій. Онъ, кроткій и прощающій, съ ужасомъ и тоской смотрѣлъ на страшную борьбу. Наконецъ онъ не выдержалъ безмолвнаго ожиданія и рѣшился на безумную попытку. Онъ хотѣлъ остановить словами любви руки бойцовъ, наносящія удары, напомнить о кротости въ самый разгаръ озлобленія....

Конечно, никто не разслышалъ гласа, вопіющаго въ пустынѣ. Но эта попытка истощила его силы. Чаша страданій переполнилась; нервы не выдержали непосильнаго напряженія, и снова граница между дѣйствительностью и грезой пропала: онъ снова ушелъ въ міръ безъ времени и пространства. Вторично наступило безуміе.

XI.

На этотъ разъ оно не было сплошнымъ. Вслѣдъ за минутами полнаго сумасшествія наступали минуты просвѣтленія. И эти моменты сознанія своего положенія были ужаснѣе всего. Обыкновенно они наступали ночью, когда въ больницѣ царили сонъ и тишина. Но это бывало не часто и послѣ нихъ онъ засыпалъ тяжелымъ, глубокимъ сномъ, чтобы на утро проснуться опять совершенно безумнымъ. Безуміе его походило на сильную нервную горячку: непрерывное движеніе, обостренность всѣхъ способностей и чувствъ, постоянныя мечты о какомъ-то всеобщемъ счастьи и неестественно возбужденная фантазія, заставлявшая его жить въ странномъ мірѣ, населенномъ образами людей, давно умершихъ или вынесенныхъ изъ книгъ и картинъ. А способъ леченія былъ такой суровый, что одно воспоминаніе о немъ впослѣдствіи приводило его въ негодованіе и трепетъ. Но спасти его удалось опять. Только бурное безуміе замѣнилось теперь тихой меланхоліей, никогда больше не покидавшей его. И самое ужасное было то, что никогда память объ этомъ сумасшествіи не умирала въ немъ. Онъ помнилъ всѣ свои безумные елова и поступки и муку, которую вынесъ за нихъ.

XII.

А между тѣмъ жизнь не скупо давала ему много хорошихъ мгновеній и въ тѣ пять, шесть лѣтъ, которыя еще ему оставалось прожить. Его встрѣтили опять всеобщая пріязнь, и уваженіе, и неизмѣнная дружба. Талантъ его не ослабѣлъ, и словно выросъ, становясь все правдивѣе и проще. Наконецъ его встрѣтила женская любовь и ласка, которую всегда искало его больное сердце. Судьба послала ему женщину неизмѣнно любящую и твердую, мужественно поддерживавшую его въ минуты тоски и страданія. Но ничто не могло прогнать мрачнаго духа скорби. Передъ нимъ вѣчно стоялъ страшный призракъ грядущаго безумія, за нимъ тяжелыя, неизгладимыя воспоминанія. Правда, на общемъ мрачномъ фонѣ вспыхивали минуты радости и счастія. Но онѣ имѣли въ себѣ что-то лихорадочное и нервно торопливое, словно онъ спѣшилъ жить и радоваться, пока мрачный призракъ не схватилъ его. Да и эти минуты были не долги и повторялись все рѣже. Послѣ нихъ онъ еще сильнѣе отдавался тоскѣ, словно растративъ послѣднія силы. Но страданія не озлобляли его. Онъ очищался ими отъ всѣхъ недостатковъ и дѣлался все кротче и добрѣе. Къ людямъ онъ сталъ относиться еще бережнѣе и нѣжнѣе, какъ будто всѣ они были такіе же слабые и больные, какъ онъ, и боялся ихъ чѣмъ нибудь огорчить.

Только неизмѣнная общая любовь, всегда окружавшая его, помогала ему нести тяжелый крестъ, и эту-то любовь ко всѣмъ проповѣдывалъ онъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ.

Но и любовь не спасла его. Мракъ становился все гуще, силы слабѣли, плечи ломились подъ тяжестью непосильнаго креста.... Онъ терялъ вѣру и въ свой талантъ, и въ жизнь. «Онъ думалъ о вѣчномъ страданіи, вѣчномъ рабствѣ, вѣчной тьмѣ.... И это былъ его камень. Камень давилъ его сердце и сердце не выдержало, и онъ умеръ»...[1]).

---

[1]) Изъ неканечатаннаго произведенія Гаршина.

XIII.

Ужасны были послѣдніе дни его сознательной жизни. Онъ метался въ безсильной тоскѣ и молилъ о помощи жену, друзей, всѣхъ, указывая на какую-то призрачную боль то въ головѣ, то въ сердцѣ и не умѣя ее ни назвать, ни опредѣлить. Друзья надѣялись еще спасти его, перенеся въ другую обстановку среди картинъ дикой и величественной природы. Но онъ не вѣрилъ; въ его душѣ не осталось ни одной искорки надежды. Онъ начиналъ принимать дѣйствительные звуки и образы за кажущіеся и чувствовалъ невыразимый ужасъ передъ грядущимъ призракомъ безумія. Одна ничтожная черта отдѣляла его отъ этого... Но за эту черту онъ не переступилъ.... Измученный безсонной ночью, тоской и страхомъ, онъ вышелъ на лѣстницу раннимъ утромъ и машинально началъ спускаться, словно надѣясь уйти отъ самого себя. Но скоро опомнился и обезсиленный прислонился къ высокимъ периламъ. «Куда онъ уйдетъ? Гдѣ спасенье?» Подъ нимъ, какъ мрачная бездна, какъ безмолвная могила, чернѣлъ пролетъ темной лѣстницы.... Одно движеніе.... И темная лѣстница огласилась звукомъ тяжело упавшаго человѣческаго тѣла и тихимъ жалобнымъ стономъ.

XIV.

Но смерть не взяла его сразу. Онъ пережилъ еще нѣсколько часовъ невыразимой муки за совершенный поступокъ.

Когда его друзья и доктора хлопотали около поврежденныхъ членовъ, онъ съ тоской повторялъ, не замѣчая физической боли и указывая рукой на сердце: «Ахъ, что эта боль сравнительно съ тѣмъ, что тутъ». Но затѣмъ наступило благодѣтельное забытье. Онъ очнулся еще разъ, когда его перевозили въ больницу. Это была его послѣдняя поѣздка по шумному, большому городу. Сколько разъ шелъ онъ по этимъ людным улицамъ, окрыленный какой нибудь минутной радостью, или робко пробирался своей нервной, пошатывающейся походкой больного человѣка, задавленнаго тоской. Теперь эти улицы были такъ оживленны и людны и

такими же будутъ онѣ, когда его не станетъ. Надъ нимъ разстилалась бездна ночного неба и оттуда свѣтились звѣзды своимъ холоднымъ, мигающимъ свѣтомъ. Онъ такъ любилъ эти далекія звѣзды. Ребенкомъ любовался онъ ими, стоя съ отцомъ па низкомъ крылечкѣ деревяннаго домика; онѣ казались тогда такими яркими, крупными, такъ ласково свѣтились съ глубокаго темнаго неба надъ мирно уснувшей степью. Ими любовался онъ лежа у входа въ походную палатку, утомленный длинными переходами, но спокойный и почти счастливый. Онѣ же взглядывали къ нему черезъ высокую рѣшотку окна въ маленькой комнаткѣ дома сумасшедшихъ; и даже въ тѣ горькія минуты своей жизни онъ отдыхалъ, любуясь ими. И теперь онѣ прощались съ нимъ, дрожа и сіяя равнодушнымъ и кроткимъ свѣтомъ, словно говорили измученному сердцу о другомъ, невѣдомомъ мірѣ.

XV.

Его перенесли и положили въ чистую комнату. Больной обвелъ ее усталымъ взглядомъ. Онъ зналъ, что недолго останется въ ней, онъ зналъ, что это послѣдняя станція на трудномъ, тернистомъ пути, за которой слѣдуетъ вѣчный покой и ничѣмъ ненарушимый отдыхъ... Его грудь поднялась радостнымъ успокоительнымъ вздохомъ. «Слава Богу!»—прошептали блѣдныя губы и, придерживая здоровой больную руку, онъ осѣнилъ свою наболѣвшую грудь широкимъ знаменіемъ креста. Потомъ усталая голова опустилась на подушки и темныя, скорбныя очи закрылись...

Онъ пересталъ страдать.

XVI.

Черезъ нѣсколько дней бѣлый гробъ, засыпанный цвѣтами, покрытый вѣнками,—послѣдними дарами любви и уваженія, опустили руки его друзей въ сырую, темную могилу. Въ этомъ гробу изъ рамки живыхъ цвѣтовъ выглядывало прекрасное блѣдное лицо. Отпечатокъ какой-то духовной красоты и невыразимаго спо-

койствія лежалъ на истощенныхъ чертахъ и глубоко впавшихъ, на вѣки сомкнутыхъ очахъ.

На груди его умирала пышная роза, наполняя тѣсный гробъ своимъ нѣжнымъ благоуханіемъ.

И видъ этого тихаго и кротко счастливаго лица лучше всѣхъ словъ говорилъ о томъ спокойствіи, котораго онъ такъ жаждалъ живой, и которое нашелъ наконецъ въ мірѣ, «идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная».

М. Л.

С.-Петербургъ $18\frac{8}{IV}88$.

ЖИЗНЬ.

Жизнь—подвигъ тяжелый съ ужаснымъ концомъ:
Трудись до упаду безсмѣннымъ борцомъ,
Страдай и мужайся, покоя не знай,
Ворочай горами, пути пролагай,
Скалу за скалою неси на плечахъ...
А близко побѣда,—ты тлѣнье и прахъ.

* * *

Природѣ завидно, что дѣти земли
Въ тайникъ мірозданья проникнуть могли.
Хоть въ гнѣвѣ безсильномъ покорна она
Въ борьбѣ съ ненасытнымъ полетомъ ума,
Но ждетъ она чутко, не дрогнетъ ли строй—
И коситъ уставшихъ ревнивой рукой.

А. Ольхинъ.

СМЕРТЬ В. М. ГАРШИНА.

I.

Въ безконечной вереницѣ всякихъ степеней и качествъ тѣхъ психическихъ страданій, которыми изнурено почти все современное культурное общество, есть одинъ родъ такого психическаго недуда, особенности котораго, мнѣ кажется, весьма примѣтны въ жизни В. М., главное, въ его удивительной смерти. Этотъ родъ недуга, именуемый «параличомъ воли», выясненъ въ одномъ изъ научныхъ писемъ г. Эльпе [1]), въ его возникновеніи и послѣдствіяхъ, слѣдующимъ образомъ: «Всякое *психическое состояніе,* чѣмъ бы оно ни порождалось, *стремится перейдти* въ движеніе, *во внѣшнее дѣйствіе,* характеризующееся разнообразными измѣненіями во всѣхъ такъ называемыхъ физіологическихъ отправленіяхъ нашего организма». «Эти отправленія суть *внѣшніе показатели внутренняго психическаго состоянія.* Физіологическія внѣшнія отправленія понижаются или повышаются въ своей интенсивности сообразно съ интенсивностью психическаго настроенія, стремящагося перейдти во внѣшнее дѣйствіе. Но представьте себѣ,

[1]) «Нов. Вр.» 88 г., № 4294.

что вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ (о нихъ рѣчь будетъ ниже), это *стремленіе* (отразить психическое состояніе во внѣшнемъ движеніи, поступкѣ) сокращается до нуля, тогда становится невозможной и зависящая отъ психическаго стремленія, внѣшняя дѣятельность, напримѣръ дѣятельность мышечной системы. При этомъ какъ «*мышечная система, такъ и всѣ органы движенія могутъ пребывать въ совершенно нормальномъ состояніи, въ такомъ же нормальномъ состояніи могутъ находиться и умственныя способности*, но за отсутствіемъ *стремленія* выразить потребности психическаго настроенія въ дѣйствіи,—дѣйствія этого не будетъ». *Параличъ воли* есть поэтому прекращеніе, *смерть самого желанія выразить* въ дѣйствіи то, что наполняетъ душу, причемъ однако же «могутъ сохраняться всѣ умственныя способности въ совершенно нормальномъ состояніи».

Человѣкъ, захваченный этимъ недугомъ, можетъ переживать удивительно мучительныя минуты...

«Онъ желаетъ и внутренно стремится, какъ никогда прежде, исполнить то, что считаетъ возможнымъ, что считаетъ своей обязанностью, *но его умственная сила неизмѣримо превосходитъ не только* способность дѣйствовать, но даже *пытаться* дѣйствовать... онъ понимаетъ, онъ видитъ свой долгъ,—но не можетъ его выполнить»...

«Больной сознаетъ необходимость дѣятельности. Разсудокъ говоритъ ему, что это нужно сдѣлать», физическое состояніе организма нисколько тому не препятствуетъ, мышечная система здорова, органы движенія также, стоитъ только *попытаться*, но этого-то побужденія, *стремленія* и нѣтъ.

«Знаю, что это нужно,—говорилъ Эспиролю одинъ изъ его паціентовъ, страдавшій параличомъ воли,—и не могу! Ваши совѣты разумны и я желалъ бы послѣдовать имъ, *но заставьте меня хотѣть* это *сдѣлать*, такъ хотѣть, чтобы я не могъ этого не сдѣлать. Я вижу, что у меня не хватаетъ только *воли желать*, такъ какъ разсудокъ мой сохраненъ и я знаю, что я долженъ дѣлать».

...«Нѣкоторые изъ нерѣшительныхъ характеровъ, хоть и очень немногіе, бываютъ таковыми именно вслѣдствіе *богатства идей:* сравненія мотивовъ, разсужденіе, взвѣшиваніе послѣдствій обра-

зуютъ чрезвычайно сложную мозговую работу, въ которой стремленія къ дѣйствію задерживаются другъ другомъ»...

...«Нѣтъ такого ощущенія, чувствованія, такого наконецъ впечатлѣнія, которое бы не стремилось перейдти въ дѣйствіе, которое бы не отражалось на мышечной системѣ. Но если вслѣдствіе какой-нибудь причины соотношеніе это нарушено, тогда мышечная система, при самомъ нормальномъ, здоровомъ состояніи, мало того, что можетъ оказаться непригодной для самыхъ насущныхъ своихъ назначеній,—*но можетъ породить рядъ дѣйствій* въ высшей степени нецѣлесообразныхъ *и прямо противуположныхъ тѣмъ, которыя желательны и необходимы*».

Вотъ въ какомъ обликѣ рисуется намъ человѣкъ, отягченный недугомъ паралича воли, и если мы на минуту припомнимъ коекакія подробности ближайшихъ къ смерти Гаршина минутъ, то не можемъ не увидѣть, что въ обстоятельствахъ этой смерти есть всѣ признаки этого недуга. Какъ бы ни было неотразимо для Гаршина медленное упорное развитіе его пессимистическихъ идей,—сильныя впечатлѣнія его личной жизни были для него настолько благопріятны, что самое логическое развитіе въ немъ пессимистической мысли о суетѣ суетъ вообще не могло бы лично его убѣдить въ томъ, что онъ-то и долженъ отдать себя на жертву логически развившихся идей. Каждая написанная имъ строчка имѣла внимательнаго и любящаго читателя; общество, въ которомъ онъ жилъ, было общество, почти все состоявшее изъ людей, которые его понимали, общество лучшее и кромѣ того любящее его. Все это,—если мы вспомнимъ кое-что изъ характеристики описываемаго психическаго состоянія,—не только не звало его къ смерти, не доказывало ему, что все суета суетъ,—но напротивъ звало жить, обязывало дѣйствовать, переполняло его мысли обиліемъ идей и онъ,—какъ больной Эспироля,—зналъ, что нужно дѣлать, что дѣла много, но не могъ ощутить желанія, *хотѣнія,* утратилъ способность *стремленія* отражать въ какомъ нибудь дѣйствіи обиліе мыслей; мыслей была тьма, и сознаніе обязанностей огромное, но все это было какъ бы закупорено въ закупоренномъ сосудѣ; онъ не только не могъ логически додуматься и дойдти во имя пессимистическихъ идей до мысли о смерти,—но напротивъ зналъ, что ему надобно

откупорить самого себя, какъ больной жаждалъ поставить себя въ положеніе, которое бы разбило эти крѣпкія стѣнки бутылки. Въ убѣжденіи выйдти изъ такого положенія онъ собрался ѣхать на Кавказъ, и наканунѣ его смерти за нѣсколько часовъ до нея въ его квартирѣ было уже все уложено, завязано, упаковано. Онъ чувствовалъ, что его, какъ того же больного Эспироля, надо *заставить хотѣть,* надо взять, посадить въ вагонъ и увезти. Вотъ его желанія, *необходимыя ему,* желательныя ему всѣмъ обиліемъ мыслей, но недугъ заставляетъ его поступить прямо *противуположно* этимъ истиннымъ его желаніямъ. Онъ *знаетъ,* что ему надо жить, но нѣтъ въ немъ тѣни *хотѣть* жить; съ обиліемъ мыслей, съ обиліемъ доводовъ, убѣждающихъ его въ этой необходимости жить и исполнять свои обязанности, онъ падаетъ съ лѣстницы, какъ камень, не зная, что съ нимъ творится, и думая навѣрно о томъ, что надо жить, ѣхать на Кавказъ, что все готово. Это—какъ бы одна голова, живущая полною мыслей и желаній, намѣреній, но лишенная всего остальнаго аппарата человѣческаго организма, покоряющаяся внѣшнему толчку, двигающаяся сообразно его силѣ и катящаяся туда, куда влечетъ ее этотъ толчокъ, тогда какъ мысли, наполняющія голову, не имѣютъ съ этимъ толчкомъ ни малѣйшей связи.

Я знаю, что сравненіе, сдѣланное мною, грубо и непріятно,—но въ такомъ грубомъ видѣ я думаю легче удержать въ памяти общее представленіе объ этомъ недугѣ, а это необходимо въ виду того, что ниже мы попытаемся выяснить признаки именно этого недуга въ жизни и въ литературной дѣятельности В. М. Теперь обратимся къ выясненію вопроса о томъ,—какія именно причины могутъ довести нормальнаго, физически здороваго человѣка до такого невѣроятнаго психическаго состоянія?

Причинъ, перечисленныхъ г. Эльпе въ его научномъ обозрѣніи, указано великое множество—отъ неумѣреннаго употребленія опія до чуткости къ страху и т. д. Но мы здѣсь ихъ перечислять не будемъ, а остановимся только на одной, имѣющей для насъ самое существенное значеніе.

«Когда ребенокъ,—говоритъ г. Эльпе,—не знаетъ съ дѣтства себѣ другой клички кромѣ злого, гадкаго, когда отовсюду онъ слы-

шитъ себѣ предсказанія: «изъ него выйдетъ разбойникъ», «быть ему въ каторгѣ» и т. д., то нерѣдко онъ и дѣйствительно становится таковымъ: достаточно ничтожнаго повода, чтобы внушенная идея проложила себѣ путь въ жизни. Точно также бываетъ и тогда, когда ребенку внушается недовѣріе къ своимъ силамъ, способностямъ, когда это внушеніе поддерживается въ немъ всѣмъ ходомъ его воспитанія; въ душѣ ребенка зарождается сомнѣніе въ своихъ силахъ; ему кажется, что онъ дѣйствительно «не можетъ» и не способенъ, и затѣмъ является сознаніе безсилія, переходящее въ слабость дѣйствія». Указавъ, такимъ образомъ, значеніе внѣшнихъ вліяній на отдѣльную личность, г. Эльпе говоритъ и о значеніи такихъ же внѣшнихъ вліяній и въ психическомъ настроеніи общества и слѣдовательно каждаго живущаго въ этомъ обществѣ человѣка. «Когда обществу, устами его авторитетнѣйшихъ представителей внушается, на разные варіанты, но всегда *настойчиво*, мысль о его слабости, безпомощности; когда печатнымъ словомъ и иными способами съ особенными усердіемъ бракуется всякое начинаніе своего, родного; съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркивается и размазывается та или другая неудача; поднимается на смѣхъ малѣйшая попытка къ самостоятельности; когда атмосфера въ которой живетъ и дышетъ общество насыщается недовѣріемъ къ своимъ силамъ; когда только и слышится: куда намъ, гдѣ намъ; тогда это внушаемое недовѣріе исподоволь переходитъ *въ дѣйствительное безсиліе* и постепенно понижаетъ энергію общественной жизни—дѣятельности, пріучаетъ общество къ мысли, что оно дѣйствительно безпомощно, что оно не можетъ жить безъ помочей». Оставляя въ сторонѣ особенность и качества тѣхъ внушеній, которыя отмѣчаетъ г. Эльпе, и взявъ изъ вышеприведеннаго отрывка только то, что объясняетъ фактъ нравственнаго общественнаго безсилія,—мы увидимъ, что вообще тонъ общественной жизни, вліянія преобладающія въ немъ, однообразіе и главное *настойчивость* этихъ вліяній, *разнообразіе средствъ,* которыми они проводятся въ общество, *и* непрестанное *однообразіе въ сущности* этихъ вліяній,—все это можетъ развить въ человѣкѣ, живущемъ среди этихъ вліяній, точно такіе же симптомы психическаго недуга, точно также парализовать волю,

привести это разстройство къ тѣмъ самымъ послѣдствіямъ, къ которымъ приводятъ и другія перечисляемыя г. Эльпе причины недуга: опіумъ, страхъ и т. д. Всѣ эти выводы г. Эльпе дѣлаетъ ссылаясь на авторитетныя европейской наукѣ имена,—и мы, простые смертные, не можемъ сдѣлать ничего иного, какъ принять ихъ за выводы достовѣрные и для насъ поучительные. Попробуемъ же теперь, пересмотрѣвъ факты жизни и литературной дѣятельности В. М.—отмѣтить и въ томъ, и въ другомъ значеніе внѣшнихъ общественныхъ настроеній и вѣяній, которымъ онъ, какъ человѣкъ извѣстнаго времени, родившійся и жившій въ извѣстные годы, невольно долженъ былъ, какъ и всѣ его сверстники, подчиняться и покоряться. Не значатъ-ли что-нибудь эти вѣянія и внѣшнія вліянія *извѣстнаго времени,* въ развитіи въ немъ того недуга, который довелъ его до возможности *поступать совершенно противуположно желательному?*

II.

Вопросъ о наслѣдственности въ психическомъ разстройствѣ Гаршина не подлежитъ никакому сомнѣнію, и разстройство это играетъ какъ въ жизни, такъ и въ смерти В. М. весьма существенную роль. Спрашивается: какого же качества должно быть это нервное разстройство, если человѣкъ, подвергавшійся ему періодически, періодически же былъ совершенно нормаленъ и могъ быть даже вполнѣ здравомыслящимъ человѣкомъ, — да еще замѣчательнымъ писателемъ? Гдѣ и въ чемъ тотъ поворотный пунктъ въ сознательной жизни В. М., на которомъ здравомыслящій художникъ превращается въ нездравомышленнаго помѣшаннаго? Къ сожалѣнію, для уясненія этого вопроса у насъ нѣтъ подъ рукою надлежащаго матеріала и мы должны довольствоваться только небольшой замѣткой врача-психіатра д-ра Сиккорскаго, появившейся въ 1884 году въ редактируемомъ профессоромъ г. Мержеевскимъ журналѣ «Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи». Впрочемъ, замѣтка эта, хотя и составляетъ единственный матеріалъ, при помощи котораго мы можемъ добраться до уясненія себѣ *качества* нервнаго

разстройства В. М., но и ея намъ будетъ совершенно достаточно въ виду нашихъ соображеній, такъ какъ она прямо становитъ дѣло на надлежащую почву.

Въ этой замѣткѣ д-ръ Сиккорскій, вполнѣ компетентный врачъ-психіатръ, обращаетъ вниманіе врачей-товарищей на октябрьскую (1883 г.) книжку «Отеч. Записокъ» и на разсказъ В. М. «Красный цвѣтокъ», въ которомъ онъ нашелъ «чуждое аффектаціи и субъектизма, правдивое описаніе маніакальнаго состоянія, сдѣланное въ художественной формѣ». «Изображеніе общаго маніакальнаго возбужденія со смутными экспансивными идеями, которыя еще не приняли опредѣленной конкретной формы и представляются больному въ видѣ неясныхъ силуэтовъ», г. Сиккорскій называлъ *классическимъ*. «Въ особенности рельефно представлено совмѣстное существованіе двухъ сознаній,—нормальнаго и патологическаго». Нерѣдко можно встрѣтить отпечатокъ клинической правды въ «изображеніи свѣтлыхъ промежутковъ и перехода отъ нихъ къ болѣзненному приступу». «Общее, чувственно-двигательное возбужденіе маніака нарисовано мѣткими чертами». «Ассоціаціи болѣзненныхъ идей подмѣчены авторомъ и прослѣжены съ поразительною тонкостью. Эта сторона разсказа съ психіатрической точки зрѣнія имѣетъ высокія достоинства». «Но всего нагляднѣе раскрыта удивительная механика ассоціативныхъ репродукцій, при переходѣ больного изъ періода маніакальнаго возбужденія въ періодъ, выражающійся фиксированными идеями бреда». Вообще д-ръ Сиккорскій считаетъ разсказъ «Красный цвѣтокъ» замѣчательнымъ психологическимъ этюдомъ, прибавляя, что вообще описанія, сдѣланныя талантливыми людьми, имѣвшими несчастье перенести душевную болѣзнь, имѣютъ для науки особенную цѣнность. Точно также и разсказъ Гаршина: онъ «представляетъ собою *не просто сырой матеріалъ,* годный для исторіи болѣзни. Это скорѣе *картина болѣзненнаго самочувствія,* освѣщенная тонкимъ проницательнымъ анализомъ художественнаго таланта».

Этотъ коротенькій пересказъ статьи г. Сиккорскаго конечно не исчерпываетъ ея содержанія во всей полнотѣ, но и по этимъ незначительнымъ чертамъ, указаннымъ врачемъ-психіатромъ, мы уже можемъ до нѣкоторой степени судить о *качествѣ* психической

болѣзни Гаршина. Онъ, какъ оказывается, будучи психически боленъ, *можетъ удержать въ памяти* всѣ мельчайшія подробности переходныхъ ступеней недуга, т. е. *до точности помнить* весь ходъ собственной своей болѣзни, наблюдаетъ *самъ себя,* какъ самый лучшій врачъ-психіатръ. Уже одно это качество психическаго разстройства г. Сиккорскій цѣнитъ чрезвычайно и указываетъ какъ на рѣдкій случай, на профессора Лорда, который *впервые* смогъ сдѣлать опыты подобнаго самонаблюденія, «что пріобрѣло ему безсмертную извѣстность».

Но вѣдь Гаршинъ въ своемъ «Красномъ цвѣткѣ» съумѣлъ упомнить и удержать въ своемъ вниманіи переходные моменты *не только болѣзненнаго* состоянія.

Читая такую вещь, какъ «Красный цвѣтокъ», мы кромѣ тонкихъ наблюденій надъ симптомами психической *болѣзни,* видимъ, что источникъ страданія больного человѣка таится въ условіяхъ окружающей его жизни и что оттуда, изъ жизни, страданіе вошло въ его душу. Видимъ, что жизнь оскорбила въ немъ чувство справедливости, огорчила его, что мысль о жизненной неправдѣ есть главный корень душевнаго страданія и что нервное разстройство, физическая боль, физическое страданіе только осложняютъ напряженную работу совершенно опредѣленной мысли, внушенной впечатлѣніями живой жизни. Огорченная *жизнью* мысль бьется, какъ бьется перелетная птица съ вѣтромъ, съ туманомъ,—бьется съ симптомами физической болѣзни, но она, эта мысль, какъ птица знающая цѣль своего полета,—не искажается этими встрѣчными на пути ея полета препятствіями, а старается пробиться сквозь нихъ—устремляясь къ извѣстной цѣли, въ данномъ случаѣ къ похищенію цвѣтка, къ истребленію его какъ источника всякаго зла. Одно уже то обстоятельство, что психически больной сосредоточиваетъ свое вниманіе не просто на цвѣткѣ, а именно на *красномъ,* и что именно этотъ цвѣтъ обнаруживаетъ неразрывную связь просто физическаго страданія съ страданіемъ нравственнымъ, возбужденнымъ жизнью, впечатлѣніями пережитаго, окрашенными въ этотъ именно красный, кровавый цвѣтъ,—ужъ одно это доказываетъ, что живыя впечатлѣнія дѣйствительной жизни, извѣстнаго тона, свойства, смысла и качества,—имѣютъ въ психическомъ разстройствѣ

такого человѣка, какъ Гаршинъ, первенствующее передъ физическимъ разстройствомъ значеніе. Какъ на примѣръ того, что Гаршинъ не всегда повиновался тѣмъ пессимистическимъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ, и не всегда смотрѣлъ на окружающую жизнь какъ на прахъ и тлѣнъ, укажу на слѣдующій поступокъ В. М., сдѣланный имъ весною 1880 г.

Нѣсколько писателей собрались гдѣ-то въ Дмитровскомъ переулкѣ, въ только что нанятой квартиркѣ, не имѣвшей еще мебели, пустой и холодной, чтобы переговорить о возобновленіи стараго «Русскаго Богатства». Въ числѣ прочихъ былъ и В. М. Его ненормальное, возбужденное состояніе сразу обратило на себя всеобщее вниманіе. Никто не видалъ Гаршина въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ явился въ этотъ разъ. Охрипшій, съ глазами, налитыми кровью и постоянно затопляемыми слезами, онъ разсказывалъ какую-то ужасную исторію, но не договаривалъ, прерывалъ, плакалъ и бѣгалъ въ кухню подъ кранъ пить воду и мочить голову. На его бѣду, въ ту самую минуту, когда онъ только что съ жадностью наглотался холодной воды, въ кухню вошелъ матросъ съ мѣшкомъ на плечѣ и предложилъ купить рижскаго бальзама. Гаршинъ немедленно купилъ бутылку, откупорилъ ее, налилъ цѣлый стаканъ, опустошилъ его какъ воду, самъ очевидно не понимая, что такое съ нимъ творится, и видимо не зная, какъ развязаться съ ужаснѣйшимъ душевнымъ разстройствомъ. Все это происходило въ теченіи не болѣе пяти минутъ и только тогда, когда кто-то изъ знавшихъ Гаршина ближе меня, увезъ его домой, я могъ спросить: что такое съ нимъ случилось?

А съ Гаршинымъ было слѣдующее: наканунѣ того дня, когда я видѣлъ его въ новорождавшейся редакціи, онъ ночью въ три часа, также для храбрости, выпилъ вина (вообще онъ совершенно не пилъ вина), почти ворвался къ одному высокопоставленному лицу въ Петербургѣ, добился, что лицо это разбудили, и сталъ умолять его на колѣняхъ, въ слезахъ, отъ глубины души, съ воплями раздиравшагося на части сердца о снисхожденіи къ какому-то лицу, подлежавшему строгому наказанію. Говорятъ, что высокое лицо сказало ему нѣсколько успокоительныхъ словъ, и онъ ушелъ. Но онъ не спалъ всю ночь, быть можетъ весь предшествовавшій день;

онъ охрипъ именно отъ напряженной мольбы, отъ крика о милосердіи, и зная самъ, что, по тысячи причинъ, просьба его дѣло невыполнимое—сталъ уже хворать, болѣть, пилъ стаканами рижскій бальзамъ, плакалъ, потомъ скрылся изъ Петербурга, оказался гдѣ-то въ чьемъ-то имѣніи, въ Тульской губ., верхомъ на лошади, въ одномъ сюртукѣ, потомъ пѣшкомъ, по грязи доплелся до Ясной Поляны, потомъ еще куда-то ушелъ, словомъ поступалъ *«какъ сумасшедшій»*, пока не дошелъ до состоянія, въ которомъ больного кладутъ въ больницу.

Такимъ образомъ *«какъ сумасшедшимъ»* Гаршинъ сдѣлался и въ этотъ разъ не потому только, что онъ въ этомъ отношеніи уже испорченъ наслѣдственностью, что онъ только былъ *боленъ*, но потому, что его наслѣдственную *болѣзнь* питали впечатлѣнія дѣйствительной *жизни*...

III.

Теперь мы спросимъ: какія же именно и какого качества впечатлѣнія давала жизнь уму и совѣсти В. М.? Въ чемъ заключается сущность этихъ впечатлѣній и ихъ качество?

Два маленькихъ томика разсказовъ Гаршина весьма точно отвѣтятъ намъ на эти вопросы, такъ какъ въ его маленькихъ разсказахъ и сказкахъ, иногда въ нѣсколько страничекъ, положительно исчерпано *все содержаніе* нашей жизни, *въ условіяхъ которой пришлось жить и Гаршину, и всѣмъ его читателямъ*. Говоря—«все содержаніе жизни нашей», я не употребляю здѣсь какой-нибудь пышной и необдуманной фразы, — нѣтъ, именно *все*, что давала наиболѣе важнаго его уму и сердцу наша жизнь (наша—не значитъ только русская, — а жизнь людей нашего времени вообще), все до послѣдней черты пережито, перечувствовано имъ самымъ жгучимъ чувствомъ и именно потому-то и могло быть высказано только въ двухъ, да еще такихъ маленькихъ, книжкахъ.

Пристрастіе къ изложенію своихъ мыслей въ сказочной формѣ есть прямой признакъ необыкновенной чувствительности къ жизненнымъ впечатлѣніямъ. Написать о какомъ-либо явленіи жизни «обстоятельно», подробно и много,—было не по нервамъ Гаршина:

ему нужно было какъ можно скорѣе освобождать себя отъ угнетающаго впечатлѣнія переживаемыхъ фактовъ; они ясны ему до поразительности, и вотъ на помощь ему пришла сказка и аллегорія. Сказать: «Оселъ», «Соловей», «Роза», «Навозный жукъ» примѣнительно къ дѣйствующимъ лицамъ въ окружающей насъ жизни, — значитъ сразу опредѣлить ихъ типическія особенности, «расписывать» которыя подробно не позволяетъ чрезмѣрная чуткость нервовъ. Облегченіе же себя отъ жгучести ощущаемыхъ жизненныхъ фактовъ было необходимо Гаршину еще и потому, что единичный жизненный фактъ, поразившій его, никогда не могъ быть выдѣленъ его сознаніемъ изъ общаго строя жизни, ибо именно только такіе факты жизни, которые только связаны въ ея общимъ строемъ, и потрясали его нервы и завладѣвали всей его духовной дѣятельностью. Въ виду этого, каждый маленькій разсказикъ или сказка Гаршина всегда исчерпываютъ или по крайней мѣрѣ стремятся исчерпать всю массу явленій, соприкасающихся съ фактомъ жизни, давшимъ толчокъ для работы его мысли. Вотъ крошечная сказка: «То, чего не было». Въ ней всего пять—шесть страницъ, но попробуйте сосчитать по пальцамъ, какихъ сторонъ жизни хотѣлъ коснуться въ ней Гаршинъ: все, что составляетъ для всего общества насущнѣйшую заботу переживаемаго имъ времени, — все стремится Гаршинъ затронуть, поставить на свое мѣсто, указать связь между всею цѣпью явленій текущей дѣйствительности. Вотъ почему въ двухъ маленькихъ томикахъ могло быть передано Гаршинымъ,—иногда строчкой, иногда однимъ, какъ въ сказкѣ, словечкомъ, названіемъ — положительно *все*, что имъ пережито, передумано и перечувствовано, до конца, до полной невозможности развить свою чувствительность еще въ какую-нибудь сторону и въ какомъ бы то ни было направленіи.

Однако что же именно пережито и перечувствовано имъ? Для этого достаточно будетъ припомнить одни только названія его разсказовъ. «Четыре дня» — ужасная драма непостижимаго совѣстью и умомъ: убійство другъ друга людьми, не имѣющими къ этому ни тѣни надобности; фактъ огромной важности, тяготѣющій надъ всѣмъ человѣчествомъ и обязывающій не выдѣлять его изъ общаго строя неправдъ. Думая о связи этого непонятнаго явленія жизни,

есть отъ чего прійти въ отчаяніе и есть отъ чего помутиться умомъ. А вотъ вамъ простой *кочегаръ,* котораго также *общія* условія жизни терзаютъ и молотомъ, и огнемъ, и горемъ, и бѣдностью,—и опять *весь строй* жизни долженъ быть притянутъ къ отвѣту за это терзаемое несправедливостью человѣческое существо. Точно также *весь строй* жизни овладѣваетъ мыслью Гаршина, когда онъ пишетъ о женщинѣ легкаго поведенія, которая пришла къ необходимости броситься въ Неву, и тогда, когда онъ пишетъ о человѣкѣ, который всю ночь борется съ необходимостью пустить себѣ пулю въ лобъ и желаніемъ жить на свѣтѣ. И такъ все въ томъ же родѣ. Все это вокругъ насъ, все это обыкновенно, со всѣмъ этимъ мы, большинство, сжились, а еще бо̀льшее большинство даже и не думало, что можно обо всемъ этомъ безпокоиться. Но соберите всѣ эти обыкновеннѣйшіе «сюжеты»: война, самоубійство, каторжный трудъ невѣдомому богу, невольный развратъ, невольное убійство ближняго, — и вы увидите, что вся совокупность этихъ обыденныхъ явленій есть именно существеннѣйшія язвы современнаго строя жизни, что за ними не видно хорошаго, что времени, возможности даже нѣтъ выдѣлить это хорошее изъ неотразимо дѣйствующихъ фактовъ зла. Нельзя не мучить себя сознаніемъ, что все это страшный грѣхъ человѣка противъ человѣка, и что этотъ ужасный грѣхъ—наша жизнь, что мы привыкли жить среди него, что мы не можемъ не жить именно такъ, чтобы нашей страдающей отъ собственныхъ неправдъ душѣ не приносились эти безчисленныя жертвы.

IV.

Я только указалъ на четыре небольшихъ разсказа, но и они, какъ видите, охватываютъ явленія окружающей насъ жизни на огромнѣйшее пространство. Обыденный фактъ требуетъ отъ впечатлительнаго ума писателя огромной работы, анализа всего строя общества и неминуемо долженъ истерзать впечатлительнаго человѣка. Въ двухъ маленькихъ книжкахъ Гаршинъ пережилъ *все* окружающее насъ зло, пережилъ до послѣдней мелочи, и, принявъ

въ соображеніе размѣры этого пережитаго и чрезмѣрную впечатлительность нервовъ Гаршина, читатель не можетъ не видѣть, что жить и переживать то-же самое, и писать на тѣ же темы, т. е., какъ говорится, «разрабатывать» тѣ же самые ужасы жизни, которые ужъ пережиты до тла—было рѣшительно не по натурѣ, не по нервамъ Гаршина. Если бы какой-нибудь «прискорбный случай» удалилъ его изъ привычной обстановки жизни куда-нибудь въ глушь, поставилъ бы его въ условія совершенно иного строя жизни, отодвинулъ бы отъ нашего вѣка на два—три столѣтія,—несомнѣнно обновленіе мыслей новымъ матеріаломъ жизни оживило бы духовную дѣятельность Гаршина. Но помимо того, что Гаршинъ выросъ въ Петербургѣ, т. е. въ самомъ источникѣ вліяній, которымъ должно подчиняться общество,—онъ долженъ былъ всю свою жизнь испытывать ту неумолимую *настойчивость* въ неразрѣшимости всѣхъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые онъ уже пережилъ. Жизнь не только не сулила хотя бы малѣйшаго движенія отъ глубоко сознаннаго зла къ чему-нибудь... да, хоть къ чему-нибудь лучшему, но, напротивъ, какъ бы окаменѣла въ неподвижности, ожесточилась на малѣйшія попытки не только хорошо думать, но и хорошо дѣлать. Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ и цѣлые годы, и цѣлые десятки лѣтъ, каждое мгновеніе, остановившаяся въ своемъ теченіи жизнь била по тѣмъ же самымъ ранамъ и язвамъ, какія давно уже наложила та-же жизнь на мысль и сердце. Одинъ и тотъ-же ежедневный «слухъ»—и всегда мрачный и тревожный; одинъ и тотъже ударъ по одному и тому же больному мѣсту, и непремѣнно при томъ по больному, и непремѣнно по такому мѣсту, которому надобно «зажить», поправиться, отдохнуть отъ страданія; ударъ по сердцу, которое проситъ добраго ощущенія, ударъ по мысли, жаждущей права жить, ударъ по совѣсти, которая хочетъ ощущать себя. Десятками лѣтъ идетъ какое-то безпрерывное, непрестанное, неумолимо-настойчивое отталкиваніе человѣка отъ малѣйшей попытки «поступить» — вотъ что дала Гаршину жизнь послѣ того, какъ онъ уже жгуче перестрадалъ ея горе. Немудренно послѣ этого понять, что загипнотизированный окаменѣвшей на десятки лѣтъ дѣйствительностью, подавленный неподвижностью грозныхъ

вопросовъ жизни, онъ могъ, при *обиліи мыслей* о своихъ, къ этой дѣйствительности, *обязанностяхъ*, потерять даже тѣнь *хотѣнія* жить во имя *желательнаго,* и пришелъ къ возможности, думая объ одномъ, дѣлать совершенно ему *противуположное.*

Г. Успенскій.

Такъ тяжело, такъ горько мнѣ и больно,
Такъ много мукъ въ душѣ затаено,
Что мнѣ сказать ужъ хочется давно
Всему, что жизнью мы зовемъ: довольно!

***

Грядущее сулитъ лишь рядъ мученій,
Нужду, недугъ, заботы безъ конца...
Не сгонитъ тѣнь съ печальнаго лица
Своимъ крыломъ надежды свѣтлый геній.

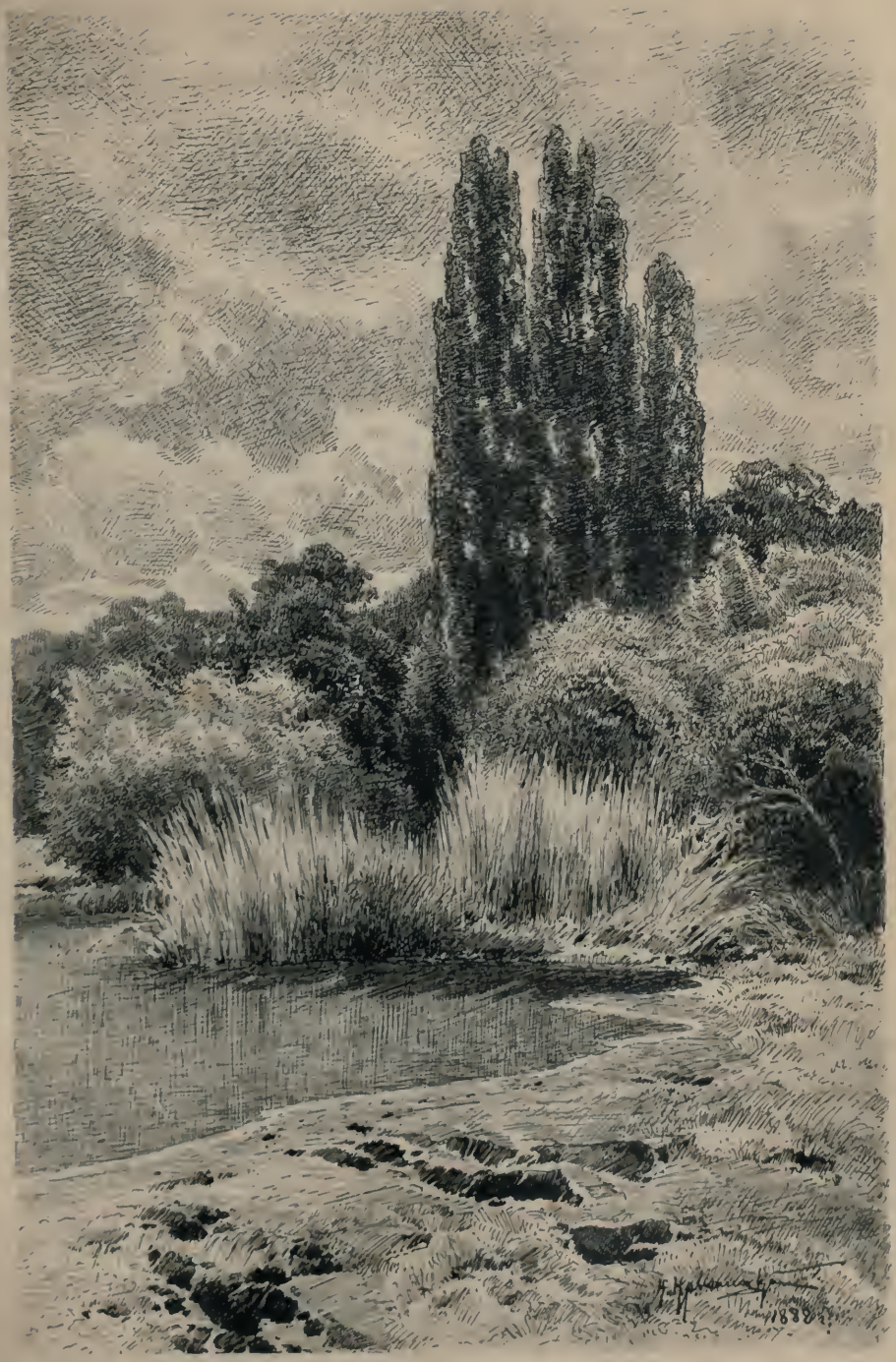
***

О! еслибы хоть мысль, что не безплодно
Растраченъ былъ запасъ духовныхъ силъ,
Что никогда я съ тѣмъ, чего не чтилъ,
Не примирялся гордый и свободный.

***

Но нѣтъ! Раба безсилье наложило
Свою печать на всѣ мои дѣла,
И лишь одно сознанье, что прошла
Безслѣдно жизнь—я унесу въ могилу.

1882. **А. Плещеевъ.**



ИЗЪ ДНЕВНИКА ЧИТАТЕЛЯ.

1885, декабрь.

I.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся къ 1868-му году, Тургеневъ мимоходомъ говоритъ о нѣкоторыхъ, въ то время еще молодыхъ нашихъ беллетристахъ. Онъ не отрицаетъ ихъ талантливости, но съ укоромъ и съ сожалѣніемъ спрашиваетъ: «гдѣ-же вымыселъ, сила воображенія, *выдумка* гдѣ? Они ничего выдумать не могутъ и пожалуй даже радуются тому: этакъ мы, полагаютъ они, ближе къ правдѣ».

Да, съ выдумкой было слабо въ ту пору, когда Тургеневъ писалъ эти слова, а съ той поры стало еще слабѣе. Около того времени молодые беллетристы еще пробовали себя въ «выдумкѣ». Г. Гирсъ замахнулся «Старой и Юной Россіей», но впрочемъ такъ и остался съ замахнувшейся рукой, не кончилъ романа, не довелъ своей выдумки до конца. Покойный Кущевскій написалъ «Николая Негорева», но больше ужъ ничего не выдумалъ. Г-жа Смирнова напечатала нѣсколько романовъ. А теперь...

Облетѣли цвѣты,
Догорѣли огни...

Будто однако въ самомъ дѣлѣ цвѣты облетѣли и огни догорѣли? «Отжившимъ и не жившимъ» не трудно признать этотъ печальный фактъ, даже примириться съ нимъ, даже пожалуй, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не безъ нѣкотораго злораднаго торжества къ нему относиться, или по крайней мѣрѣ подыскивать безъапелляціонныя объясненія. Въ другомъ письмѣ, позднѣйшемъ (1874 г.), Тургеневъ писалъ одной дамѣ: «Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума, ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго: нужно трудолюбіе, терпѣніе... Теперь смѣшно толковать о *герояхъ* или *художникахъ* труда. Блестящихъ натуръ въ литературѣ вѣроятно не проявится». Когда Тургеневъ писалъ эти пессимистическія строки, онъ несомнѣнно уже «отживалъ» и самъ понималъ это, но понималъ также и тутъ-же прибавлялъ, что «примириться съ этимъ фактомъ, съ этой сѣренькой средой, съ этой скромною рѣшительностью многіе не могутъ съ разу». Еще бы! Если и въ маленькихъ житейскихъ дѣлишкахъ надо семь разъ примѣрить прежде, чѣмъ одинъ разъ отрѣзать, такъ какъ-же возможно въ такомъ огромномъ дѣлѣ отрѣзать «съ разу!» Конечно, подумаешь, да и подумаешь прежде, чѣмъ признать обязательность такого сѣренькаго мрака впереди. И пусть-бы еще въ другихъ областяхъ дѣятельности, а какъ-же въ беллетристикѣ, въ поэзіи-то безъ «цвѣтовъ и огней»? Вѣдь это значитъ, что ея совсѣмъ не будетъ или уже теперь нѣтъ. Конечно, если фактъ будетъ безповоротно доказанъ, то придется его признать, хотя-бы съ болью въ сердцѣ. Но надо помнить, что подлежащій доказательству фактъ не только обиденъ, но и чрезвычайно сложенъ и обширенъ, такъ что справиться съ нимъ при помощи однихъ голословныхъ утвержденій или прорицаній довольно мудрено.

Несомнѣнно то, что съ выдумкой стало слабо. Слово «выдумка» имѣетъ здѣсь, конечно, чисто условное, почти техническое значеніе. Выдумка въ данномъ случаѣ не значитъ ложь,—объ отсутствіи лжи Тургеневъ не сѣтовалъ-бы. Подъ выдумкою онъ разумѣетъ созданіе фабулы, внѣшнихъ событій, и дѣйствительно именно по этой части слаба нынѣшняя беллетристика. Но, спрашивается, развѣ выдумка такое ужъ трудное дѣло? Бываютъ писатели, совершенно

исключительные спеціалисты по этой части, за которыми не угоняется никакой талантъ, никакой геній. Таковъ былъ, напримѣръ, Дюма-отецъ. У него «вымыселъ», «выдумка» достигали колоссальныхъ размѣровъ. Но, за вычетомъ подобныхъ исключительныхъ способностей, выдумка есть вещь довольно общедоступная. Мы и въ теперешней нашей беллетристикѣ имѣемъ писателей далеко не крупной художественной силы, которые однако очень горазды на выдумку. Недавно было заявлено въ газетахъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ *двѣнадцати* томовъ сочиненій покойнаго Болеслава Маркевича. Этотъ человѣкъ съ успѣхомъ выдумывалъ до самой той роковой минуты, когда легъ въ могилу. Г. Авсѣенко соперничалъ съ нимъ въ дѣлѣ выдумки до тѣхъ поръ, пока не улегся въ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Г. Боборыкинъ и посейчасъ выдумываетъ сверхъ всякой мѣры. Значитъ, выдумка не такое уже хитрое дѣло; значитъ, если цѣлый рядъ писателей, между которыми есть таланты, далеко превосходящіе гг. Маркевича, Авсѣенку, Боборыкина, уклоняется отъ выдумки, то надо думать, что эти люди дѣйствительно уклоняются, а не то, что «ничего выдумать *не могутъ*». Или, если ужъ непремѣнно нужно это выраженіе, такъ не въ томъ смыслѣ, что у нихъ не хватаетъ «силы», — потому что никакой особенной силы тутъ и не требуется, — а надо понимать дѣло такъ, что нѣчто, въ нихъ самихъ или внѣ ихъ лежащее, отодвигаетъ отъ нихъ выдумку, заставляетъ ихъ *не хотѣть* выдумывать. Это опять-же самъ Тургеневъ какъ будто отчасти понималъ, потому что заявивъ, что «они ничего выдумать не могутъ», онъ, прибавляетъ: «и пожалуй даже радуются тому». Безсилію своему никто не радуется.

Беллетристы наши мнѣ ни сватья, ни братья; самъ я тоже не беллетристъ, и никакое личное чувство мною въ данномъ случаѣ не руководитъ. Я просто въ качествѣ читателя говорю. Правда, у насъ, читателей, есть свои любимцы между писателями, но вѣдь мы ихъ любимъ не тою личною любовью, которая сама себѣ довлѣетъ и не даетъ и не можетъ давать никому отчета. *Онъ* любитъ *ее, она* любитъ *его* и никому, ниже имъ самимъ, неизвѣстно за что. Тутъ даже самый вопросъ «за что» не имѣетъ смысла, потому что сатана можетъ полюбиться пуще ясна сокола. Но писателя,

общественнаго дѣятеля вообще любятъ иначе, и именно непремѣнно за что-нибудь. Безотчетное личное чувство играетъ тутъ ничтожную роль, если только играетъ какую-нибудь.

Одинъ изъ нашихъ любимцевъ, г. Гаршинъ, собралъ недавно все, имъ написанное, и издалъ въ двухъ маленькихъ «книжкахъ разсказовъ». Воспользуемся этимъ случаемъ и постараемся дать себѣ отчетъ, за что мы его полюбили.

До какой степени г. Гаршинъ бываетъ иногда слабъ по части выдумки, видно изъ слѣдующаго мелкаго, но характернаго обстоятельства. Герой перваго его разсказа «Четыре дня» носитъ фамилію Ивановъ. Герой разсказа «Изъ воспоминаній рядового» тоже Ивановъ. Въ разсказѣ «Деньщикъ и офицеръ» деньщика зовутъ Никитой Ивановымъ. Герой «Происшествія» называется Иванъ Ивановичъ Никитинъ. Довольно-таки неизобрѣтателенъ г. Гаршинъ на имена! Точно та пренебрегающая кулинарной «выдумкой» хозяйка, которая заказываетъ обѣдъ на цѣлую недѣлю заразъ: чтобы всю, молъ, недѣлю были щи и котлеты. Именно щи и котлеты: Никита Ивановъ да Иванъ Никитинъ. Правда, попадаются у г. Гаршина и другія имена. Есть еще, напримѣръ, Стебельковъ, но фамилія эта повторяется въ двухъ разсказахъ («Деньщикъ и офицеръ», «Изъ воспоминаній рядового Иванова»). Имя «Василій Петровичъ» (довольно тоже, кажется, нехитрое имя) фигурируетъ тоже въ двухъ разсказахъ,—«Трусъ» и «Встрѣча». «Надежда Николаевна» тоже является два раза,—въ «Происшествіи» и въ большомъ разсказѣ, для котораго авторъ и заглавія не могъ придумать иного, какъ «Надежда Николаевна». Очень, очень неизобрѣтательно. То-ли дѣло г. Боборыкинъ, напримѣръ, который въ одну даже какую-нибудь свою повѣсть можетъ вдвинуть цѣлые святцы отъ Аввакума до Ѳомы и отъ Агапіи до Ѳомаиды. Г. Гаршинъ не заглядываетъ должно быть въ святцы.

Но «что имя? звукъ пустой!» Посмотримъ на содержаніе произведеній г. Гаршина. Впрочемъ, отмѣтимъ сначала еще одну внѣшнюю черту его писаній, а именно нѣкоторый художественный пріемъ, не то чтобы ему одному свойственный, но я не помню, чтобы кто-нибудь другой прибѣгалъ къ нему такъ часто. И любопытно, что въ пріемѣ этомъ г. Гаршинъ все утверждается, какъ-бы постепенно,

но рѣшительно приходя къ убѣжденію въ его правильности и цѣлесообразности и достигаетъ въ немъ все большей опредѣленности и силы.

Разсказъ «Происшествіе» написанъ въ формѣ двухъ чередующихся дневниковъ или записокъ нѣкоей Надежды Николаевны и влюбленнаго въ нее Ивана Ивановича. Надежда Николаевна записываетъ въ дневникъ разныя свои мысли и впечатлѣнія и главнымъ образомъ обстоятельства встрѣчъ съ Иваномъ Ивановичемъ, а тотъ въ свою очередь ведетъ дневникъ своихъ отношеній къ Надеждѣ Николаевнѣ. Выходитъ нѣчто въ родѣ діалога, съ тою разницей, что собесѣдники не непосредственно обмѣниваются мыслями и наблюденіями, а записываютъ все, ими пережитое, въ тетрадки. Но въ «Происшествіи» этотъ пріемъ далеко не выдержанъ во всей своей чистотѣ, авторъ постоянно вынужденъ дополнять собственнымъ разсказомъ показанія дѣйствующихъ лицъ. Разсказъ «Художники», появившійся позже, написанъ въ той-же quasi-діалогической формѣ двухъ дневниковъ Рябинина и Дѣдова, но отъ себя авторъ прибавляетъ уже гораздо меньше. Наконецъ въ «Надеждѣ Николаевнѣ» авторъ самолично нигдѣ не показывается и весь разсказъ (можетъ быть слишкомъ большой и сложный для того, чтобы называться разсказомъ) ведется исключительно при помощи параллельныхъ, чередующихся дневниковъ Лопатина и Безсонова. Пріемъ этотъ, самъ по себѣ вовсе неудобный, искусственный и довольно скучный, г. Гаршину удается, и если «Надежда Николаевна» не можетъ быть названа удачнымъ произведеніемъ, такъ отнюдь не потому, что написана въ формѣ двухъ чередующихся дневниковъ. Но почему г. Гаршину такъ полюбился этотъ неудобный пріемъ? Я думаю, что дѣло здѣсь опять таки въ томъ же уклоненіи отъ выдумки. Правда, «Надежда Николаевна», въ которой упомянутый пріемъ проведенъ всего послѣдовательнѣе и опредѣленнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ есть наиболѣе «выдуманное» изъ произведеній г. Гаршина, но выдумки потребовалось бы еще больше, если бы не эта форма параллельныхъ дневниковъ. Представьте себѣ, что вы хотите разсказать, ну, хоть «Происшествіе» г. Гаршина, то есть то происшествіе, которое составляетъ фабулу этого разсказа,—столкновеніе падшей женщины и маленькаго чиновника,

оканчивающееся самоубійствомъ послѣдняго. Вы хотите передать происшествіе во всѣхъ его существенныхъ подробностяхъ, обнять фактъ со всѣхъ сторонъ или по крайней мѣрѣ съ тѣхъ двухъ сторонъ, представителями которыхъ являются герой и героиня. И понятно, что, распредѣляя изложеніе по дневникамъ или запискамъ этихъ двухъ сторонъ, вы облегчаете себѣ по крайней мѣрѣ изложеніе выдумки, избѣгаете всей той доли вымысла или выдумки, которыя потребовалась бы, еслибы вы объективировали взаимныя отношенія героя и героини, еслибы вы ихъ непосредственно передъ глазами заставили сталкиваться. Пусть вы вложили нѣкоторую выдумку въ эти дневники, но это всетаки только дневники, полусырой матеріалъ, и нужна бы еще высшая выдумка для окончательной художественной обработки этого матеріала, но вы для этого можетъ быть слишкомъ робки, можетъ быть просто не любите выдумки. Для сравненія возьмите опять хоть г. Боборыкина. Можетъ быть и ему случалось прибѣгать къ дневникамъ (я не помню), но въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ поступаетъ съ дѣйствующими лицами, какъ хорошій маркеръ съ бильярдными шарами: отвернетъ рукавъ, помѣлитъ руку, поерзаетъ кіемъ и бацъ!—шаръ шаромъ желтаго въ среднюю лузу! Онъ именно такъже у себя въ области выдумки, какъ маркеръ на бильярдѣ. Сценарій, завязка, интрига, развязка до такой степени всегда къ его услугамъ, что ему нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ окольнымъ путямъ и къ робкому предъявленію полусырого матеріала. Хорошо ли онъ его претворитъ въ высшую форму творческой выдумки, это другой вопросъ, но претворитъ навѣрное и желтаго въ среднюю сдѣлаетъ...

Но не за это же мы полюбили г. Гаршина, что онъ подчуетъ насъ полусырьемъ и въ изобрѣтательности своей съ трудомъ поднимается выше Никиты Иванова и Ивана Никитина; не за то же, что онъ хуже гг. Боборыкина, Авсѣенки, Маркевича. Конечно, не за это, а должно быть за то, что онъ лучше этихъ господъ. Надо замѣтить, что г. Гаршинъ не всегда обходится безъ «выдумки», то есть безъ изобрѣтенія болѣе или менѣе сложной фабулы, болѣе или менѣе сложной сѣти событій, въ которыхъ приходится принимать участіе его дѣйствующимъ лицамъ. Напротивъ, онъ въ этомъ

направленіи обнаружилъ недюжинную силу воображенія, но достойно вниманія, что лучшія его вещи тѣ, въ которыхъ выдумки совсѣмъ нѣтъ или почти нѣтъ.

Мы полюбили г. Гаршина съ разу, за первый же его разсказъ «Четыре дня», напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ 1877 году. Помните, съ какимъ огромнымъ интересомъ прочли мы этотъ маленькій разсказъ, въ которомъ раненый человѣкъ лежитъ въ полѣ четыре дня, пока его не нашли санитары, и въ которомъ съ раненымъ за всѣ четыре дня буквально ничего не случается; онъ даже никого не видалъ за все это время, кромѣ трупа турка, имъ же убитаго. И несмотря на эту скудость и даже просто отсутствіе фабулы, авторъ съумѣлъ привлечь къ себѣ всѣ симпатіи читателей. Наоборотъ, въ послѣднемъ произведеніи г. Гаршина, въ «Надеждѣ Николаевнѣ», фабула чрезвычайно сложна: тутъ и неожиданныя встрѣчи, и возрожденіе падшей женщины, и образъ Шарлотты Корде, и два убійства и проч. А между тѣмъ мы съ нѣкоторымъ, не совсѣмъ пріятнымъ недоумѣніемъ остановились передъ этой повѣстью, не смотря на то, что въ ней есть прекрасно написанныя фигуры второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ (художникъ Гельфрейхъ, рисующій только кошекъ, но достигшій въ этомъ родѣ совершенства, капитанъ Грумъ-Скребицкій, выдающій себя за «бойца Мѣхова и Опатова»). Нельзя назвать удачными и другія вторженія г. Гаршина въ область выдумки, несмотря на ихъ оригинальность. Таковы его сказки, кромѣ «Краснаго цвѣтка», о которомъ рѣчь будетъ особо. Однимъ словомъ, уже никакъ не за выдумку полюбился намъ г. Гаршинъ.

Было уже отмѣчено вліяніе гр. Л. Н. Толстого на всю нынѣшнюю военную беллетристику. Не избѣгъ, да и не могъ избѣгнуть этого вліянія и г. Гаршинъ. Въ его трехъ-четырехъ военныхъ разсказахъ можно найдти прямыя, непосредственныя отраженія отдѣльныхъ сценъ и фигуръ изъ «Войны и мира» и севастопольскихъ и кавказскихъ разсказовъ. Такова, напримѣръ, въ «Воспоминаніяхъ рядового» сцена прохожденія войскъ передъ государемъ, весьма близкая къ подобной же сценѣ въ «Войнѣ и мирѣ». Такова также фигура звѣрски-жестокаго офицера Венцеля, неожиданно заливающагося слезами, какъ-будто вовсе къ нему неидущими; фи-

гура, несомнѣнно навѣянная образомъ наглаго и жестокаго Долохова, тоже совсѣмъ неожиданно плачущаго. Подобныя невольныя подражанія неизбѣжны, когда передъ глазами стоитъ такой образецъ, какъ Толстой, и можно навѣрное сказать, что они будутъ встрѣчаться у всякаго правописателя военнаго быта. Тѣ или другія сцены, тѣ или другія фигуры Толстого невольно, такъ сказать, всасываются творческимъ аппаратомъ всякаго, кого коснулся духъ простоты и правдивости, установленный для военной беллетристики камертономъ автора «Войны и мира». Но это нисколько не мѣшаетъ индивидуальности г. Гаршина. Онъ вноситъ нѣчто свое въ свои военные разсказы и это свое намъ можетъ быть особенно дорого.

II.

Вещи познаются сравненіемъ.

Недавно вышла книга А. В. Верещагина «Дома и на войнѣ», большую часть которой занимаютъ военныя воспоминанія. Г. Верещагинъ простъ и правдивъ на рѣдкость. Онъ не пытается скрыть ни одного своего ощущенія, ни одной мысли, ни одного поступка, хотя бы они завѣдомо не заслуживали Монтіоновской преміи за добродѣтель. Случится-ли ему струсить или прихвастнуть, мелькнетъ-ли у него мелочно-честолюбивая мысль о «крестишкѣ иль мѣстечкѣ», случится-ли ему просто на просто взять въ мирномъ турецко-болгарскомъ селеніи лучшихъ лошадей и потомъ которую подарить, которую продать—все это онъ разсказываетъ съ величайшею, почти наивною простотою и правдивостью. Но этимъ не ограничивается цѣнность его военныхъ воспоминаній. Онъ необыкновенный живописецъ и, читая его книгу, поневолѣ часто вспоминаешь его знаменитаго брата. Краски у г. Верещагина чрезвычайнаго яркія, кисть широкая, смѣлая. Это по истинѣ «блестящій» писатель. И тѣмъ не менѣе, если я сейчасъ сдѣлаю кое-какія параллельныя выписки изъ гг. Верещагина и Гаршина, такъ единственно затѣмъ, чтобы лучше оттѣнить, путемъ контраста, то именно, чѣмъ намъ, читателямъ, г. Гаршинъ любъ.

Г. Верещагинъ отправляется на войну. Онъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Въ ту минуту я какъ-то не сознавалъ того страшно-тяжелаго чувства, которое причинялъ отцу своимъ отъѣздомъ, хотя желаніе мое участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ было совершенно естественно. Въ то время я и не могъ очень грустить: новый синій бешметъ, черная черкеска съ серебряными гозырями, кинжалъ, шашка, надѣтые на мнѣ и такъ сильно обращавшіе на себя вниманіе публики, кромѣ того, рисовавшіяся въ воображеніи моемъ военныя отличія, все это сильно развлекало меня и уменьшало горечь разлуки. Прижался я въ уголъ вагона и собралъ всѣ силы, чтобы не расплакаться. Слезъ я стыдился въ эту минуту больше всего. «Какъ! — казакъ, съ виду такой воинственный, въ такой страшной шапкѣ, и вдругъ расплачется? Что подумаютъ обо мнѣ сосѣди? Всѣ они такъ удивленно на меня смотрятъ и съ любопытствомъ разглядываютъ мою форму!» Невольно отвернулся я къ окошку и задумался. Но вотъ первый свистокъ, подъѣзжаемъ къ станціи, выхожу,—и грусть начинаетъ понемногу разсѣяваться. Жандармъ на платформѣ вытягивается передо мной, барыни и барышни съ интересомъ смотрятъ на меня, все это легонько щекотитъ мое самолюбіе, на сердцѣ становится легче».

Не мѣшаетъ замѣтить, что, отправляясь на войну, г. Верещагинъ не былъ зеленымъ юношей, только что соскочившимъ со школьной скамейки и радующимся мундиру, какъ красивой штукѣ, во-первыхъ, и какъ символу новой, самостоятельной жизни, во-вторыхъ. Нѣтъ онъ уже служилъ передъ тѣмъ, былъ въ отставкѣ и уже отставнымъ поручикомъ вновь поступилъ на службу.

На ту же самую войну отправляется одинъ изъ героевъ г. Гаршина.

«Вотъ наконецъ и прощанье. Завтра утромъ, чуть свѣтъ, наша партія отправляется по желѣзной дорогѣ. Мнѣ позволили провести послѣднюю ночь дома и я сижу въ своей комнатѣ одинъ въ послѣдній разъ. Въ послѣдній разъ! Знаетъ ли кто-нибудь, не испытавшій такого послѣдняго раза, всю горечь этихъ двухъ словъ? Въ послѣдній разъ разошлась семья, въ послѣдній разъ я пришелъ въ эту маленькую комнату и сѣлъ къ столу, освѣщенному знакомой

низенькой лампой, заваленному книгами и бумагой. Цѣлый мѣсяцъ я не прикасался къ нимъ. Въ послѣдній разъ я беру въ руки и разсматриваю начатую работу. Она оборвалась и лежитъ мертвая, недоношенная, безсмысленная. Вмѣсто того, чтобы кончить ее, ты идешь, съ тысячами тебѣ подобныхъ, на край свѣта, потому что исторіи понадобились твои физическія силы. Объ умственныхъ забудь: онѣ никому не нужны. Что до того, что многіе годы ты воспитывалъ ихъ, готовился куда-то примѣнить ихъ? Огромному, невѣдомому тебѣ организму, котораго ты составляешь ничтожную честь, захотѣлось отрѣзать тебя и бросить. И что можешь сдѣлать противъ такого желанія ты,

...ты палецъ отъ ноги?!»

Разсказъ, изъ котораго я выписываю эти строки, называется «Трусъ». Но это названіе ироническое; человѣкъ, такъ не охотно идущій на войну, оказывается вовсе не трусомъ и умираетъ на полѣ битвы въ числѣ прочихъ храбрецовъ.

Разъ человѣкъ волей или неволей попалъ на войну, ему приходится не только щеголять синимъ бешметомъ и не только умирать. Приходится и другихъ убивать. Случилось это и съ г. Верещагинымъ, и вотъ какъ онъ разсказываетъ о своемъ первомъ убійствѣ:

«Увидавъ турка, въ первое мгновеніе я какъ будто оцѣпенѣлъ отъ неожиданности и до того забылся, что какъ сумасшедшій началъ кричать: «здѣсь, здѣсь, вотъ онъ гдѣ!» Въ то же время замахиваюсь на него плетью, вмѣсто шашки. Затѣмъ, когда уже опомнился, вынулъ шашку и нанесъ ударъ по плечу. А такъ какъ рубить человѣка мнѣ пришлось въ первый разъ въ жизни, къ тому же вѣтви дерева не давали размахнуться, то и ударъ мой вышелъ слабый, неумѣлый, и едва-едва прорубилъ на непріятелѣ толстую синюю куртку. Турокъ продолжалъ тяжело дышать и цѣлить изъ пистолета, который вѣроятно уже былъ разряженъ. Странное чувство испытывалъ я, когда наносилъ ударъ. Совѣсть шептала мнѣ: «брось, оставь, не руби, возьми лучше въ плѣнъ, срамъ рубить лежачаго». Но другое чувство, болѣе черствое, старалось заглушить первое. Пока я рубилъ турка, слышу позади

себя крики: «ваше благородіе, пожалуйте впередъ, мы съ нимъ ужъ тутъ раздѣляемся!». Смотрю, подскакиваютъ донцы. Я предоставилъ имъ распорядиться съ туркомъ, а самъ поскакалъ дальше».

Принималъ г. Верещагинъ участіе и въ текинской экспедиціи Скобелева. Передъ самымъ штурмомъ Геокъ-Тепэ онъ получилъ временно самостоятельное назначеніе — начальника небольшого укрѣпленія, «калы». Вдругъ показались текинцы, всего-то впрочемъ пять человѣкъ. Поднялась тревога. Дальше пусть разсказываетъ самъ г. Верещагинъ: «Когда я прибѣжалъ на свое мѣсто, то уже текинцы скакали въ разныя стороны; тотъ же, что былъ на сѣрой лошади, карьеромъ несся мимо калы, пригнувшись къ сѣдлу. Я высовываюсь изъ-за стѣны, цѣлю ему въ спину, стрѣляю,—текинецъ свертывается на бокъ, но затѣмъ понемногу опять взбирается на сѣдло и, испуганно озираясь въ нашу сторону, продолжаетъ скакать въ такомъ положеніи, пока не скрылся за дальними деревьями сада. Лицо этого текинца какъ сейчасъ у меня передъ глазами: бронзоваго цвѣта, съ черной бородой и блестящими черными глазами. Очень хорошо помню, что когда увидѣлъ я приближающихся текинцевъ, въ особенности когда они подъѣхали къ ручью и стали поить лошадей, сердце мое такъ сильно запрыгало, такъ застучало отъ радости, что я невольно схватился за бокъ, боясь, что оно выскочитъ; когда же они у насъ ускакали изъ подъ носу, то мною овладѣла такая тоска, апатія, что я пошелъ къ себѣ въ шалашикъ, устроенный подъ фургономъ, легъ и съ горя заснулъ». Между тѣмъ Скобелевъ возвращался изъ рекогносцировки, на время которой г. Верещагинъ назначенъ былъ защитникомъ укрѣпленьица, и дорогой говорилъ: «Ну, ежели у Верещагина есть убитые или раненые, то его надо немедленно представить къ георгіевскому кресту». «Когда я услышалъ это,—разсказываетъ г. Верещагинъ,—мнѣ еще болѣе стало досадно за тѣхъ пятерыхъ текинцевъ, которые ускакали у насъ изъ-подъ носу»...

Еще одна выписка изъ г. Верещагина, послѣдняя, pour la bonnè bouche. Встрѣчается г. Верещагину фельдфебель охотничьей команды и разсказываетъ, что онъ сейчасъ застрѣлилъ текинца. «При этихъ словахъ, фельдфебель, очень довольный, улыбается,

лѣзетъ къ себѣ въ правый карманъ шинели и вытаскиваетъ *отрубленное ухо текинца* (курсивъ мой: у г. Верещагина это напечатано тѣмъ же шрифтомъ, какъ и все прочее). Оно было еще совсѣмъ мягкое, но уже блѣдное, холодное. Я никакъ не ожидалъ такого нагляднаго доказательства: *взялъ въ руки ухо, осмотрѣлъ его, возвратилъ назадъ, похвалилъ фельдфебеля* (опять же мой курсивъ) и обѣщалъ при первой встрѣчѣ съ генераломъ доложить о немъ. Фельдфебель, радостный, пошелъ къ себѣ въ землянку»...

По приведеннымъ выпискамъ вы не должны судить о той яркости красокъ и искусной живописи г. Верещагина, о которой я говорилъ выше. На этотъ счетъ повѣрьте мнѣ на слово или сами посмотрите. Я выбиралъ цитаты съ другою цѣлью, за тѣмъ именно, чтобы показать ту наивно грубую точность, съ которою г. Верещагинъ разсказываетъ вещи по истинѣ ужасныя и возмутительныя. Конечно, назвался груздемъ, такъ и полѣзай въ кузовъ, пошелъ на войну, такъ и дерись и убивай. Но рубить непріятельскія уши, это ужъ кажется роскошь; это, сколько я понимаю, даже съ спеціально военной точки зрѣнія есть дѣйствіе постыдное и ненужно жестокое, такъ что фельдфебеля рѣшительно не за что было хвалить. Внутренній смыслъ этого возмутительнаго дѣянія очевидно совершенно исчезаетъ для г. Верещагина; зато обратите вниманіе на холодную точность, съ которою онъ описываетъ внѣшнюю сторону этого эпизода: солдатъ вынулъ ухо изъ *праваго* кармана... ухо было еще мягкое, но уже блѣдное и холодное... я взялъ его въ руки, осмотрѣлъ, отдалъ назадъ...

Полюбуйтесь еще немножко на это страшное, мягкое, но холодное и блѣдное текинское ухо, вынутое изъ праваго кармана, а потомъ постарайтесь отодвинуть его отъ своего воображенія настолько, чтобы оно не заслоняло того турка, котораго г. Верещагинъ рубилъ подъ деревомъ. Въ изображеніи этого эпизода г. Верещагинъ тоже не вдается въ анализъ внутренней, духовной стороны дѣла, только отмѣчаетъ борьбу совѣсти съ другимъ «болѣе черствымъ голосомъ», но за то какая опять удивительная точность внѣшняго описанія: такъ какъ я рубилъ человѣка въ первый разъ въ жизни... притомъ-же вѣтви мѣшали... ударъ пришелся по плечу...

Одинъ изъ героевъ г. Гаршина («Четыре дня») тоже убилъ турка. Это не блестящій братъ своего еще болѣе блестящаго брата, имѣющій золотую саблю за храбрость и состоящій въ короткихъ отношеніяхъ со Скобелевымъ. Это просто какой-то Ивановъ, «баринъ Ивановъ», какъ его называютъ солдаты. Но, подобно г. Верещагину, и онъ вдругъ увидалъ турка.

«Онъ былъ огромный, толстый турокъ, но я бѣжалъ прямо на него, хотя я слабъ и худъ. Что-то хлопнуло, что-то, какъ мнѣ показалось, огромное, пролетѣло мимо; въ ушахъ зазвенѣло. «Это онъ въ меня выстрѣлилъ», подумалъ я. А онъ съ воплемъ ужаса прижался спиною къ густому кусту боярышника. Можно было обойти кустъ, но отъ страха онъ не помнилъ ничего и лѣзъ на колючія вѣтви. Однимъ ударомъ я вышибъ у него ружье, другимъ воткнулъ куда-то свой штыкъ. Что-то не то зарычало, не то застонало. Потомъ я побѣжалъ дальше»... Но недалеко побѣжалъ Ивановъ. Онъ сейчасъ-же и упалъ, онъ былъ раненъ, а передъ нимъ лежалъ убитый имъ турокъ. «За что я его убилъ?—размышляетъ раненый. Онъ лежитъ здѣсь, мертвый, окровавленный. Зачѣмъ судьба пригнала его сюда? Кто онъ? Быть можетъ, и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекій сѣверъ: не идетъ-ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ. А я? И я также... Я-бы даже помѣнялся съ нимъ: онъ не слышитъ ничего, не чувствуетъ ни боли отъ раны, ни смертельной тоски, ни жажды. Штыкъ вошелъ ему прямо въ сердце... Вотъ на мундирѣ большая черная дыра: вокругъ нея кровь. *Это сдѣлалъ* я (курсивъ г. Гаршина), я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ».

III.

Довольно слагаемыхъ, надо подводить итоги. Вы впрочемъ, я думаю, и сами уже ихъ подвели. Я обнаружилъ-бы слишкомъ дурное

объ васъ мнѣніе, да и самъ унизился-бы въ собственныхъ глазахъ, если-бы долго распространялся о разницѣ между г. Верещагинымъ и Гаршинымъ. При томъ-же, если г. Гаршинъ (пусть ужъ онъ, удобства ради, самолично отвѣчаетъ за всѣхъ своихъ «Ивановыхъ») не жалѣетъ, что у него «нѣтъ убитыхъ и раненыхъ», потому что иначе онъ получилъ-бы георгіевскій крестъ; если онъ не ощупываетъ текинскаго уха, — такъ это еще не Богъ знаетъ какая заслуга и не Богъ знаетъ какое право на нашу симпатію. Г. Верещагинъ хорошо оттѣняетъ г. Гаршина, но, получивъ отъ него что намъ требуется, мы можемъ оставить его въ покоѣ и остаться наединѣ съ г. Гаршинымъ.

Можетъ показаться, что г. Гаршинъ, то есть сумма разныхъ Ивановыхъ, есть просто слезливый человѣкъ, который не видитъ ничего дальше своего маленькаго, спокойнаго семейнаго уголка, гдѣ старушка мать сидитъ и маленькая лампа на маленькомъ столикѣ горитъ, и неспособенъ подняться на высоту общественныхъ, пожалуй міровыхъ событій, какова война. Это, конечно, не такъ. Одинъ изъ Ивановыхъ не хочетъ идти на войну, вслѣдствіе чего неосновательно заподозрѣвается, да и самъ себя заподозрѣваетъ въ трусости. Но другой Ивановъ («Четыре дня») идетъ на войну по собственной охотѣ, у него связывается съ этой войной «идея», и тѣмъ не менѣе, убивъ турка, онъ съ испуганнымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя: «за что я его убилъ?» Третій Ивановъ («Изъ воспоминаній рядового») разсказываетъ о походѣ: «Насъ влекла невидимая тайная сила: нѣтъ силы большей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ-бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплинѣ, не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, не страху наказанія, а тому невидимому и безсознательному, что долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню, самую крупную причину всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій». Но тотъ-же Ивановъ свидѣтельствуетъ: «Никогда не было во мнѣ такого полнаго душевнаго спокойствія, мира съ самимъ собой и кроткаго отношенія къ жизни, какъ тогда, когда я испытывалъ эти невзгоды (невзгоды похода) и шелъ подъ пули убивать людей. Дико и странно можетъ показаться все это, но я пишу одну правду».

Изо всего этого слѣдуютъ, мнѣ кажется, такіе выводы. Война дѣло всегда страшное, но пока неизбѣжное. Какъ всякое страшное, но неизбѣжное дѣло, оно чревато противорѣчіями. Люди могутъ съ чистою совѣстью идти на войну во имя идеи, разбуженной войной или возбудившей войну. Но если они не деревянные люди или пока они не одеревѣнѣли отъ практики и зрѣлища убійства, они всетаки не могутъ видѣть убитаго человѣка безъ упрека совѣсти. Однако въ огромномъ большинствѣ случаевъ люди идутъ подъ пули убивать людей просто потому, что они «пальцы отъ ноги», части нѣкотораго огромнаго цѣлаго, которому захотѣлось «отрѣзать ихъ и бросить». Тогда страшный вопросъ: «за что я его убилъ?» становится еще страшнѣе, потому что вѣдь и этотъ убитый «непріятель», котораго я въ глаза никогда не видалъ и которому до меня никакого дѣла нѣтъ, есть тоже «палецъ отъ ноги», его также вышвырнуло огромное цѣлое и съ непреодолимою силою втянуло въ общій потокъ.

Мы сейчасъ увидимъ какое большое значеніе для характеристики писаній г. Гаршина имѣетъ цитируемое однимъ изъ Ивановыхъ шекспировское выраженіе «ты—палецъ отъ ноги». Я прошу васъ запомить его.

Всѣ военные разсказы г. Гаршина кончаются печально: увѣчьемъ или смертью, не украшенною ни георгіевскими крестами, ни золотымъ оружіемъ, ни даже просто какимъ-нибудь очень большимъ подвигомъ. Въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго. Не всѣмъже подвиги совершать, не всѣмъ георгіевскіе кресты получать, а что касается увѣчья, печали воздыханія, равно какъ и переселенія въ ту страну, идѣ-же ничего этого нѣтъ, то à la guerre comme à la gurre и опять-же, коли назвался груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ. Но и всѣ другія произведенія г. Гаршина оканчиваются болѣе или менѣе глубоко скорбно: если не смертью, то по крайней мѣрѣ воздыханіемъ. Правда, нынѣшняя беллетристика и вообще не склонна къ украшенію финала розами и лазурью. Благополучное соединеніе двухъ любящихъ сердецъ, достиженіе долго преслѣдуемой цѣли, торжество добродѣтели и казнь порока, лавры славному и позоръ безславному,—все это довольно рѣдкіе мотивы въ теперешней русской беллетристикѣ и (это стоитъ отмѣтить)

мы встрѣчаемся съ ними почти исключительно въ переводныхъ романахъ и повѣстяхъ. И не то чтобы непремѣнно какой-нибудь злобный духъ, летающій надъ нашей грѣшною землей, диктовалъ нашимъ писателямъ печальные финалы. Если-бы понадобилось разительное опроверженіе такого предположенія, то оно можетъ быть почерпнуто въ произведеніяхъ того-же г. Гаршина. Это писатель необыкновенно мягкій, беззлобный, преисполненный добрыхъ чувствъ и только съ печальнымъ раздумьемъ, а отнюдь не съ бурнымъ негодованіемъ останавливающійся передъ зломъ. Мало того, по мягкости своей онъ стремится и, благодаря его таланту, ему удается призывать иногда симпатію читателей къ несчастіямъ и горестямъ такого рода, которыя едва-ли заслуживаютъ столько теплаго участія. Таковъ его разсказъ «Медвѣди». Фабула разсказа очень проста, ея даже можно сказать нѣтъ. Вышло извѣстное распоряженіе, которымъ воспрещалось водить такъ называемыхъ «ученыхъ» медвѣдей, которые показываютъ, какъ старыя бабы ходятъ, какъ мальчишки горохъ воруютъ и проч. Черезъ пять лѣтъ послѣ изданія этого закона поводыри медвѣдей, преимущественно цыгане, должны были явиться въ опредѣленные сборные пункты вмѣстѣ со своими звѣрями и собственноручно перебить ихъ. Этотъ-то день разстрѣлянія медвѣдей и занимаетъ г. Гаршина. По его мнѣнію, сквозящему во всемъ разсказѣ, цыгане, лишившіеся вмѣстѣ съ своими медвѣдями хорошаго привычнаго заработка, должны обратиться, для возмѣщенія этой прорѣхи въ бюджетѣ, къ конокрадству. Можно сомнѣваться, чтобы это было соображеніе вполнѣ основательное, но мнѣніе мнѣніемъ, а дѣло въ томъ, что г. Гаршинъ пустилъ уже слишкомъ поэтическое и слишкомъ жалостное освѣщеніе на цыганъ, на медвѣдей и на весь этотъ промыселъ. Разсказъ такъ хорошъ въ художественномъ отношеніи и такъ много вложено въ него авторомъ добрыхъ чувствъ, что увлеченный читатель можетъ пожалуй забыть, что ученые медвѣди представляли грубѣйшую и жестокую забаву и что въ сей юдоли плача есть вещи, несравненно болѣе достойныя слезъ, чѣмъ разстрѣляніе медвѣдей.

Мнѣ вообще иногда кажется, что г. Гаршинъ не стальнымъ перомъ пишетъ, а какимъ-то другимъ, мягкимъ, нѣжнымъ, ласкаю-

14

щимъ,—сталь слишкомъ грубый и твердый матеріалъ. Но тѣмъ интереснѣе, что такое мягкое, нѣжное, ласкающее перо каждый разсказъ неизмѣнно заканчиваетъ горемъ, скорбью, смертью или цѣлою философскою перспективою безнадежности. Послѣднее особенно любопытно и вѣско. Если съ Иваномъ Никитинымъ или Никитой Ивановымъ случилось даже величайшее изъ несчастій, такъ вѣдь это можетъ быть именно только случилось, въ томъ смыслѣ, что это нѣчто единичное, обставленное такими и такими-то частными условіями. Другое дѣло философская перспектива безнадежности. Г. Гаршинъ, мягкій и беззлобный, почему-то не находитъ ничего такого, па чемъ можно было бы отдохнуть душой. Давайте, пересмотримъ эти не то что мрачные,—къ писаніямъ г. Гаршина это слово не идетъ,—а безнадежно печальные, безъисходно грустные разсказы. Военные оставимъ въ сторонѣ, мы ихъ уже видѣли.

«Происшествіе»,—разсказъ о томъ, какъ влюбился и самоубился Иванъ Ивановичъ. Влюбился онъ въ Надежду Николаевну, уличную женщину, когда-то знавшую лучшія времена, учившуюся, державшую экзамены, помнящую Пушкина и Лермонтова и проч. Несчастье толкнуло ее на грязную дорогу и она завязла въ грязи. Иванъ Ивановичъ предлагаетъ ей свою любовь, свой домъ, свою жизнь, но она боится наложить на себя эти правильныя узы, ей кажется, что Иванъ Ивановичъ, не смотря на всю свою любовь, не забудетъ ея страшнаго прошлаго, и что ей нѣтъ возврата. Иванъ Ивановичъ, послѣ нѣкоторыхъ, слишкомъ однако слабыхъ попытокъ разубѣдить ее, какъ будто соглашается съ нею, потому что застрѣливается.

Этотъ же самый мотивъ, только въ гораздо болѣе сложной и запутанной фабулѣ, повторяется въ «Надеждѣ Николаевнѣ». Эта Надежда Николаевна, какъ и первая, что фигурируетъ въ «Происшествіи», есть кокотка. Ей тоже встрѣчается свѣжая, искренняя любовь, ее одолѣваютъ тѣ же сомнѣнія и колебанія, но она уже склоняется къ полному возрожденію, когда пуля ревниваго бывшаго любовника и какое-то особенное оружіе того, кто зоветъ ее къ новой жизни, обрываютъ весь этотъ романъ двумя смертями.

«Встрѣча». Старые товарищи Василій Петровичъ и Николай Константиновичъ, давно упустившіе другъ друга изъ виду, неожи-

данно встрѣчаются. Василій Петровичъ когда-то мечталъ «о профессурѣ, о публицистикѣ, о громкомъ имени», но на все это его не хватило, и онъ мирится съ ролью учителя гимназіи. Мирится, но относится къ предстоящему ему новому амплуа, какъ безукоризненно честный человѣкъ: онъ будетъ образцовымъ учителемъ, будетъ сѣять сѣмена добра и правды, въ надеждѣ, что когда-нибудь подъ старость увидитъ въ своихъ ученикахъ воплощеніе собственныхъ юношескихъ мечтаній. Но тутъ онъ встрѣчается съ старымъ товарищемъ Николаемъ Константиновичемъ. Это совсѣмъ другого полета птица. Онъ строитъ какой-то молъ и около этой постройки такъ искусно грѣетъ руки, что при пустомъ жалованьи живетъ въ роскоши, даже мало вѣроятной (у него въ квартирѣ есть аквариумъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соперничающій съ берлинскимъ). Онъ нисколько не скрываетъ своей гадости. Напротивъ, открываетъ всѣ свои карты и съ наглостью человѣка, теоретически убѣжденнаго въ правомѣрности свинства, старается и Василія Петровича обратить въ свою вѣру. Нельзя сказать, чтобы его аргументація отличалась непреодолимой силой, но Василій Петровичъ парируетъ его доводы еще слабѣе. Такъ, что въ концѣ концовъ, хотя и вполнѣ обнаруживается свинство Николая Константиновича, но въ сознаніи читателя въ то же время твердо запечатлѣвается его безстыдное и безотрадное пророчество: «Три четверти изъ твоихъ воспитанниковъ выйдутъ такими же, какъ я, а одна четверть такими, какъ ты, то есть благонамѣренной размазней».

«Художники». Художникъ Дѣдовъ есть представитель чистаго искусства. Онъ любитъ искусство ради него самого и думаетъ, что вводить въ него жгучіе житейскіе мотивы, нарушающіе спокойствіе духа, значитъ волочить искусство по грязи. Онъ думаетъ (странная мысль!), что какъ въ музыкѣ не позволительны диссонансы, рѣжущіе ухо, непріятные звуки, такъ и въ живописи, въ искусствѣ вообще, нѣтъ мѣста непріятнымъ сюжетамъ. Но онъ даровитъ и идетъ благополучно къ дверямъ, ведущимъ въ храмъ славы, заказовъ и олимпійскаго душевнаго равновѣсія. Художникъ Рябининъ не таковъ. Онъ, повидимому, даровитѣе Дѣдова, но онъ не сотворилъ себѣ кумира изъ чистаго искусства, его занимаютъ и другія вещи. Натолкнувшись почти случайно на одну сцену

изъ быта заводскихъ рабочихъ или вѣрнѣе даже на одну фигуру только, онъ сталъ ее писать и такъ много пережилъ во время этой работы, такъ вошелъ въ положеніе своего сюжета, что пересталъ заниматься живописью, когда кончилъ картину. Его куда-то въ другія мѣста, на другую работу потянуло съ непреодолимою силою. На первый разъ онъ поступилъ въ учительскую семинарію. Что съ нимъ дальше было, неизвѣстно, но авторъ удостовѣряетъ, что Рябининъ «не преуспѣлъ»...

Какъ видите, цѣлый рядъ несчастій и цѣлыхъ перспективъ безнадежности: добрыя намѣренія остаются намѣреніями и то, чему авторъ по всѣмъ видимостямъ симпатизируетъ, остается за флагомъ:

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.

«Великаго» впрочемъ г. Гаршинъ не касается, онъ беретъ людей средняго, а иногда даже малаго роста,—Ивановъ Ивановичей и Василіевъ Петровичей, и тѣмъ еще разъ любопытнѣе его пессимистическое настроеніе. «Великому» бываетъ довольно часто тѣсно въ жизни и жизнь кладетъ его на Прокустово ложе и рубитъ ему ноги въ мѣру длины этого ложа. «Великое» hat man von je gekreuzigt und verbannt, хотя, конечно, великому случается и побѣждать. Но средняго роста хорошіе люди, — отчего бы имъ-то, съ ихъ сравнительно малымъ размахомъ и малыми требованіями, не жить, ну хоть не въ полное свое удовольствіе, но съ вѣрою и надеждою? Г. Гаршинъ не допускаетъ этого или, по крайней мѣрѣ, не интересуется случаями благополучнаго устройства судьбы хорошихъ людей и ихъ побѣды надъ зломъ. Даже поднимаясь въ сферы сказочнаго творчества, онъ не можетъ или не хочетъ дать своей фантазіи волю работать въ эту лазурно-розовую сторону. Въ сказкѣ «Attalea princeps» гордой и прекрасной пальмѣ удается ея честолюбивая и вольнолюбивая мечта пробить своей собственной вершиной крышу оранжереи, но за то она замерзла и ее срубили и выкинули. Въ сказкѣ «То, чего не было» (единственный опытъ, такъ сказать, ироническаго творчества г. Гаршина) собесѣдники гибнутъ подъ сапожищемъ кучера Антона. Въ «Сказкѣ о жабѣ и розѣ» роза спасается отъ злобной и безобразной жабы,

но спасается тѣмъ, что ее срѣзываютъ для утѣшенія умирающаго мальчика, и когда мальчикъ умеръ, то ее поцѣловала молодая дѣвушка, сестра мальчика; «маленькая слезинка упала съ ея щеки на цвѣтокъ, и это было самымъ лучшимъ происшествіемъ въ жизни розы»...

Но вѣдь это ужасно! Лучшимъ происшествіемъ въ жизни розы оказывается всетаки то, что ее срѣзали, хотя бы руками прекрасной дѣвушки для бѣднаго умирающаго мальчика! Да вѣдь жила же роза сама для себя, за свой собственный счетъ, вѣдь цвѣла же она, вѣдь пѣлъ-же ей, какъ гласитъ маловѣроятное старинное поэтическое преданіе, свои пѣсни соловей? И замѣтьте, что въ сказкахъ г. Гаршинъ покушается уже на «великое»: роза прекрасна, она «царица цвѣтовъ»; Attalea princeps была сильна и величава И всетаки скорбь, смерть, конецъ...

Еще ярче этотъ пессимизмъ въ сказкѣ «Красный цвѣтокъ». По формѣ это, собственно говоря, не сказка, а вполнѣ реальный и даже поражающій своею реальною правдивостью разсказъ,—разсказъ объ томъ, какъ одинъ душевно-больной рвалъ цвѣты мака; онъ думалъ, что въ этомъ «красномъ цвѣткѣ» сконцентрировалось все зло, какое только есть въ мірѣ, что его непремѣнно надо сорвать и уничтожить, но при этомъ самому насытиться его ядовитымъ дыханіемъ и тоже умереть: «онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ какъ честный боецъ и какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всѣмъ зломъ міра». Онъ сорвалъ цвѣтокъ и умеръ. «Когда его клали на носилки, попробовали разжать руку и вынуть красный цвѣтокъ, но рука закоченѣла и онъ унесъ свой трофей въ могилу».

Съ этимъ удивительнымъ разсказомъ вышло не совсѣмъ обыкновенное въ нашей литературѣ происшествіе: на него обратили вниманіе спеціалисты науки. Въ «Вѣстникѣ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи» профессора Мержеевскаго, г. Сиккорскій напечаталъ замѣтку, въ которой призналъ «Красный цвѣтокъ» образцовымъ произведеніемъ въ смыслѣ необыкновенной точности и вѣрности изображенія развитія душевной болѣзни. Мы, читатели, были, конечно, обрадованы и даже какъ будто польщены такимъ отзывомъ спеціалиста объ одномъ изъ нашихъ любимцевъ,

тѣмъ болѣе, что и до него, то есть до отзыва г. Сиккорскаго, чувствовали глубокую правдивость разсказа. Но мы не спеціалисты, для насъ «Красный цвѣтокъ» не только психіатрическій этюдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всетаки беллетристика и именно сказка, то есть нѣчто такое, въ чемъ надо искать аллегоріи, подкладки чего-то большого, общежитейскаго, не вмѣщающагося въ рамки той или другой спеціальной науки. Ну, и каковъ же житейскій субстратъ «Краснаго цвѣтка?» Здѣсь опять г. Гаршинъ покусился на «великое». Правда, онъ вставилъ его въ рамку безумной мечты, но на это была его добрая воля и мы опять отброшены къ своей исходной точкѣ: отчего такъ печально, такъ безнадежно и безотрадно заканчиваются произведенія г. Гаршина?

Вы понимаете истинный смыслъ и объемъ этого вопроса. Мы не вправѣ требовать отъ художника насилія надъ своей природой. Пусть онъ выбираетъ для поэтическаго воспроизведенія тѣ полосы жизни, которыя его больше занимаютъ, потому ли, что онѣ въ его глазахъ значительнѣе другихъ, или потому, что онѣ какъ-нибудь родственны самому характеру его творчества. Но если мы заинтересовались самимъ художникомъ, а тѣмъ паче, если мы его полюбили, какъ полюбили г. Гаршина, то съ нашей стороны весьма естественно желаніе добраться до той характерной, лично ему принадлежащей черты его творчества, которая сосредоточиваетъ его художественное вниманіе на такой-то именно полосѣ жизни, а не на другой какой-нибудь. И вотъ, я думаю, мы теперь подошли очень близко къ разрѣшенію этого вопроса относительно г. Гаршина. Намъ остается перечитать только одинъ еще его разсказъ— «Ночь».

IV.

Это очень недолгая исторія,—всего одна «ночь», гораздо даже, значитъ, меньше, чѣмъ «четыре дня», но это ночь самоубійства. Какой-то Алексѣй Петровичъ, рѣшившись покончить съ жизнью, полною лжи и притворства, цѣлую ночь терзаетъ себя мучительнымъ раскапываніемъ своей души, ища и подчеркивая въ ней ложь даже въ страшный канунъ самоубійства. Вдругъ раздаются звуки

колокола, звонятъ къ заутрени. Ассоціація идей навела на воспоминаніе объ одной сценѣ изъ дѣтства. И—«Колоколъ сдѣлалъ свое дѣло: онъ напомнилъ запутавшемуся человѣку, что есть еще что-то, кромѣ своего собственнаго узкаго мірка, который его измучилъ и довелъ до самоубійства. Неудержимой волной нахлынули на него воспоминанія, отрывочныя, безсвязныя, и всѣ какъ будто совершенно новыя для него. Въ эту ночь онъ многое уже передумалъ и многое вспомнилъ, и соображалъ, что вспомнилъ всю свою жизнь, что ясно видѣлъ самого себя. Теперь онъ почувствовалъ, что въ немъ есть другая сторона». Ему «захотѣлось той чистой и простой любви, которую знаютъ только дѣти, да развѣ очень ужъ чистыя, нетронутыя натуры изъ взрослыхъ... Господи! хоть бы какого нибудь настоящаго, неподдѣльнаго чувства, неумирающаго внутри моего *я!* Вѣдь есть же міръ!...» Надо «вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ; это отвратительное *я*, которое какъ глистъ сосетъ душу и требуетъ себѣ все новой пищи. Да откуда же я ее возьму? Ты уже все съѣлъ. Всѣ силы, все время были посвящены на служеніе тебѣ. То я кормилъ тебя, то поклонялся тебѣ; хоть ненавидѣлъ тебя, а всетаки поклонялся, принося тебѣ въ жертву все хорошее, что мнѣ было дано». «Онъ почувствовалъ теперь, что не все еще пожрано идоломъ, которому онъ столько лѣтъ поклонялся, что осталась еще любовь и даже самоотверженіе, что стоитъ жить для того, чтобы излить этотъ остатокъ. Куда, на какое дѣло—онъ не зналъ, да въ ту минуту ему и не нужно было знать, куда снести свою повинную голову. Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какое довелось ему видѣть въ жизни, настоящее, житейское горе, передъ которымъ всѣ его мученія въ одиночку ничего не значили, и понялъ, что ему нужно идти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его, и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ».

Но недологъ былъ этотъ переворотъ въ Алексѣѣ Петровичѣ: еще одинъ психическій толчекъ и онъ всетаки покончилъ съ собой...

Проповѣдь любви къ ближнему и презрѣнія къ узкому эгоизму есть проповѣдь очень старая по времени и хотя не старѣющая по результатамъ, то есть по слабости результатовъ, но всетаки очень элементарная. Не ради нея сдѣлалъ я выписку изъ «Ночи», а

ради нѣкотораго оттѣнка ея, несовсѣмъ зауряднаго. Алексѣй Петровичъ сознаетъ не только свой грѣхъ, мелочность и дрянность своей жизни, ея грѣховную мерзость. Этого было бы слишкомъ мало, ибо это азбучно. Онъ сознаетъ свое *несчастье*; онъ сознаетъ, что его «узкій міръ» его измучилъ, что, говоря вульгарнымъ языкомъ, *выгоднѣе* мучиться общимъ горемъ, чѣмъ «въ одиночку?» Это уже нѣсколько оригинальнѣе, чѣмъ простая мораль любви къ ближнему. Но героямъ г. Гаршина доступна и еще высшая оригинальность. Что это такое значитъ въ «одиночку?» Развѣ у каждаго изъ насъ нѣтъ или не можетъ быть близкихъ людей, чьи интересы близки нашимъ, нѣтъ семьи, товарищей по профессіи, соотечественниковъ и проч.? Все это есть вѣроятно и у Алексѣя Петровича, и однако онъ находитъ, что онъ никого настояще, неподдѣльно не любитъ, что тѣ узы, которыя его связываютъ съ людьми, ничего не стоятъ, они ложь, фальшь, онъ одинокъ. Художникъ Рябининъ тоже говоритъ о себѣ, что онъ «ходитъ одинокій среди толпы», что и искусство не налагаетъ никакихъ такихъ узъ, которыя онъ призналъ бы правильными. Узы искусства, повидимому, долженствующія связывать художника со всѣмъ міромъ, оставляютъ его одинокимъ, мало того «одинокимъ въ толпѣ», и ложатся на него только тяжкимъ, ненавистнымъ бременемъ. Онъ говоритъ: «Какъ локомотиву съ открытою паропроводною трубой предстоитъ одно изъ двухъ: катиться по рельсамъ, пока не истощится паръ, или, соскочивъ съ нихъ, превратиться изъ стройнаго желѣзнодорожнаго чудовища въ груду обломковъ, такъ и мнѣ... Я на рельсахъ; они плотно обхватываютъ мои колеса, и если я сойду съ нихъ, что тогда? Я долженъ во чтобы то ни стало докатиться до станціи, несмотря на то, что она, эта станція, представляется мнѣ какой-то черной дырой, въ которой ничего не разберешь».

Такой взглядъ на художественную дѣятельность уже и самъ по себѣ можетъ показаться страннымъ, а тѣмъ болѣе, когда высказывается художникомъ или даже двумя художниками: самимъ Рябининымъ и его поэтическимъ отцомъ, г. Гаршинымъ. Мы такъ привыкли смотрѣть на работу художника, какъ на дѣятельность свободную по преимуществу. А между тѣмъ въ словахъ Рябинина

заключается глубокій смыслъ. Антитеза Рябинина, художникъ Дѣдовъ, не чувствуетъ себя одинокимъ въ толпѣ и совершенно удовлетворенъ своею дѣятельностью. Онъ, какъ говорится, приспособился; онъ рисуетъ ходкій товаръ, такія именно картины, которыя въ спросѣ; онъ — машина для изготовленія живописныхъ произведеній. Онъ какъ будто служитъ «чистому искусству» и можетъ быть и самъ этому искренно вѣритъ, на томъ основаніи, что ему нравятся красивыя сочетанія линій и красокъ; но на самомъ-то дѣлѣ онъ служитъ какому-то огромному цѣлому, въ составъ котораго входятъ люди, дѣлающіе ему выраженные или невыраженные заказы. Употребляя метафору Рябинина, можно сказать, что Дѣдовъ дѣйствительно локомотивъ съ открытой паропроводной трубой и катится по рельсамъ и докатится по этому не имъ сдѣланному, прямолинейному, узкому, желѣзному пути до станціи, то есть до храма славы и вящихъ заказовъ. Рябинину эта самая станція представляется «какой-то черной дырой, въ которой ничего не разберешь». Для него жизнь шире и выше искусства. Онъ не одни красивыя комбинаціи красокъ и линій любитъ и потому натурально не можетъ сообразоваться въ своей дѣятельности съ заказами; ему не все равно какъ, на какую тему комбинировать линіи и краски; для него оскорбительна и ужасна мысль оказаться во власти того подавляющаго своей громадностью и сложностью цѣлаго, которое осыпаетъ или осыплетъ его товарища Дѣдова славой и деньгами, лишь бы онъ служилъ ему. Рябининъ готовъ служить, то есть работать, но не этой сложной громадѣ, въ которой «глухарь» (сюжетъ послѣдней картины Рябинина) долженъ надрываться и разбивать себѣ грудь, чтобы надѣлать чудовищныхъ котловъ, а котлы эти создадутъ средства, на которыя, между прочимъ, будутъ покупаться картины на «невинные сюжеты»: «полдни», «закаты», «дѣвочка съ кошкой» и проч. Рябининъ съ ужасомъ отступаетъ передъ этимъ сложнымъ клубкомъ отношеній и интересовъ, разъ запутавшись въ который, онъ долженъ оказаться безвольнымъ исполнителемъ заказовъ. Та спеціальная форма общенія съ людьми, въ которой Дѣдовъ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, претитъ Рябинину, онъ «одинокъ въ толпѣ». Онъ перестаетъ писать. И вотъ «облетѣли цвѣты, догорѣли огни», поскольку это зависитъ отъ Рябинина...

Не кажется-ли вамъ, что въ маленькій разсказъ «Художники» вложено отраженіе мыслей и чувствъ не только самого г. Гаршина, но и другихъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ? Вѣдь и у Рябинина пропала охота къ «выдумкѣ», а вотъ Дѣдовъ, такъ тотъ, подобно гг. Авсѣенкѣ, Боборыкину, Маркевичу, фабрикуетъ, фабрикуетъ и опять фабрикуетъ, «что прикажете». И если такова дѣйствительно причина ослабленія выдумки, то не кажется ли вамъ, что надо говорить: «зацвѣтутъ цвѣты, загорятся огни?»

Мысль объ «одинокомъ въ толпѣ», о безвольномъ орудіи нѣкотораго огромнаго сложнаго цѣлаго, постоянно преслѣдуетъ г. Гаршина и несомнѣнно составляетъ источникъ всего его пессимизма. Несчастія и скорби его героевъ зависятъ отъ того, что всѣ они ищутъ ближняго, жаждутъ любви, ищутъ такой формы общенія съ людьми, къ которой они могли бы прилѣпиться всей душой безъ остатка, *всей* душой, а не одной только какой-нибудь стороной души въ родѣ художественнаго творчества; *всей* душой и, значитъ, не въ качествѣ спеціальнаго орудія или инструмента, а въ качествѣ человѣка, съ сохраненіемъ всего человѣческаго достоинства. Всѣ они не находятъ этихъ узъ и оказываются въ положеніи «пальцевъ отъ ноги». Я просилъ васъ запомнить эту метафору шекспировскаго Мененія Агриппы, влагаемую г. Гаршинымъ въ уста «Труса». Оно очень характерно. Вы помните, что «Трусъ» вовсе не трусъ. Онъ не опасности или смерти боится, его гнететъ мысль, что онъ «палецъ отъ ноги», что нѣчто, внѣ его лежащее, намѣтило ему цѣль, дало ему сосѣда справа, сосѣда слѣва, и вдвинуло въ огромный, чуждый ему потокъ.

Для выраженія своей основной мысли г. Гаршинъ прибѣгаетъ еще къ одной, очень характерной тоже метафорѣ. Героиня «Происшествія», Надежда Николаевна, публичная женщина, знававшая когда-то лучшіе дни, вспоминаетъ въ своемъ дневникѣ одного изъ «гостей». Это былъ болтливый юноша, который прочиталъ ей наизусть страницу изъ какой-то философской книжки; тамъ говорилось, что она и ей подобныя несчастныя созданія суть «клапаны общественныхъ страстей». Надежда Николаевна, въ качествѣ уличной женщины, конечно, всякіе виды видала, но «клапанами» она оскорбилась: «слова гадкія, — говоритъ она, — и философъ

должно быть скверный, а хуже всего былъ этотъ мальчишка, повторявшій эти «клапаны». Но она тутъ-же должна признаться сама себѣ, что гадкія слова фактически справедливы, что скверный философъ и сквернѣйшій мальчишка совершенно правы, — она, «общественное животное», какъ назвалъ человѣка еще Аристотель, есть только «клапанъ общественныхъ страстей», орудіе, инструментъ. Иванъ Ивановичъ предлагаетъ ей выйдти изъ этого положенія, но она уже такъ плотно обхвачена, что не видитъ выхода. Та-же исторія, только въ болѣе сложномъ видѣ, повторяется съ другой «Надеждой Николаевной».

Доставьте себѣ удовольствіе, перечтите всѣ разсказы Гаршина и вездѣ или почти вездѣ вы найдете, можетъ быть не такъ ясно подчеркнутое, но все одно и то-же: лучи все той-же скорби о томъ спеціальномъ и высшемъ оскорбленіи, которое наносится человѣческому достоинству превращеніемъ человѣка въ тѣ или другіе клапаны, въ «пальцы отъ ноги». Вотъ за эту-то память о человѣческомъ достоинствѣ и за эту оригинальную, лично Гаршину принадлежащую скорбь мы его и полюбили. Мы хотѣли-бы только видѣть его болѣе бодрымъ, хотѣли-бы устранить преслѣдующія его безнадежныя перспективы. И наша, читательская, любовь чего-нибудь да стоитъ въ этомъ отношеніи. Мы вѣдь не безотчетною личною любовью любимъ: изъ нашей любви г. Гаршинъ долженъ почерпнуть вѣру и надежду...

1886, февраль.

Я долженъ вернуться на минуту къ г. Гаршину. Онъ обратилъ мое вниманіе на одну ошибку, въ которую я впалъ въ прошломъ (декабрьскомъ) дневникѣ, говоря о ого разсказѣ «Ночь». Передавая содержаніе этого маленькаго разсказа, я писалъ, что герой, рѣшившійся на самоубійство, но остановленный на нѣкоторое время напоромъ жизнерадостныхъ чувствъ, въ концѣ концовъ, однако, всетаки застрѣлился. В. М. Гаршинъ пояснилъ мнѣ, что я ошибся: Алексѣй Петровичъ (герой «Ночи») не застрѣлился; онъ умеръ отъ бурнаго прилива новаго чувства, физически выразившагося разрывомъ сердца. Разница, конечно, большая. Я думаю, однако,

что не одинъ я ошибался на этотъ счетъ, и потому вдвойнѣ спѣшу поправить свою ошибку. Но постараюсь также нѣсколько оправдаться.

Алексѣй Петровичъ, измученный ложью, не только окружающею его со всѣхъ сторонъ, но и въ его собственной душѣ, какъ онъ думаетъ, свившею себѣ прочное пожизненное гнѣздо, рѣшаетъ покончить съ собой и дѣлаетъ всѣ нужныя приготовленія: достаетъ у пріятеля обманнымъ образомъ револьверъ, заряжаетъ его, взводитъ курокъ. Передъ смертью онъ оглядывается назадъ, на свое прошлое, и вспоминаетъ дѣтскіе годы, когда лжи въ его жизни не было. Отчего же не было и чѣмъ положительнымъ выражалось это отсутствіе лжи? Алексѣй Петровичъ добирается до отвѣта на этотъ вопросъ: была настоящая, подлинная связь съ людьми, хоть бы съ нищими. И потомъ опять отрицательные результаты: не было «одиночества въ толпѣ», не сложился еще тотъ узкій личный мірокъ, то всепожирающее и въ то же время сиротливое «*я*», въ которомъ онъ потомъ погрязъ. Но не можетъ ли онъ и теперь расширить свое личное существованіе, связать себя съ общею жизнью, установить прочныя и настоящія, не лживыя связи съ людьми? Два голоса борятся въ душѣ Алексѣя Петровича. Одинъ говоритъ, что это не нужно и невозможно, другой обнадеживаетъ и зоветъ къ жизни. Алексѣй Петровичъ раздумываетъ:

«Нужно «отвергнуть себя», убить свое *я*, бросить на дорогу...

— Какая же польза тебѣ, безумный? шепталъ голосъ.

Но другой, когда-то робкій и неслышный, прогремѣлъ ему въ отвѣтъ:

— Молчи! Какая же польза будетъ ему, если онъ растерзаетъ себя?

Алексѣй Петровичъ вскочилъ на ноги и выпрямился во весь ростъ.

Этотъ доводъ привелъ его въ восторгъ. Такого восторга онъ никогда еще не испыталъ ни отъ жизненнаго успѣха, ни отъ женской любви. Восторгъ этотъ родился въ сердцѣ, вырвался изъ него, хлынулъ горячей, широкой волной, разлился по всѣмъ членамъ, на мгновенье согрѣлъ и оживилъ закоченѣвшее несчастное существо. Тысячи колоколовъ торжественно зазвонили. Солнце ослѣпительно вспыхнуло, освѣтило весь міръ и исчезло . .

. . . . . .

Лампа, выгорѣвшая въ долгую ночь, свѣтила все тусклѣе и тусклѣе и наконецъ совсѣмъ погасла. Но въ комнатѣ уже не было темно; начинался день. Его спокойный сѣрый свѣтъ понемногу вливался въ комнату и скудно

освѣщалъ заряженное оружіе и письмо съ безумными проклятіями, лежавшее на столѣ, а посреди комнаты—человѣческій трупъ съ мирнымъ и счастливымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ».

Я сдѣлалъ полную и точную выписку конца «Ночи»: строка точекъ имѣется и въ подлинникѣ, и въ ней-то я и прочелъ новый психическій толчокъ и затѣмъ трескъ и блескъ револьвера, моментъ выстрѣла. Правда, сѣрый свѣтъ утра освѣщаетъ «заряженное» оружіе, но этотъ единственный намекъ на то, что выстрѣла не было, я, каюсь, просмотрѣлъ, какъ, смѣю думать, большинство читателей г. Гаршина.

Смѣю думать также, что ошибка моя нисколько не колеблетъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ относительно писаній г. Гаршина вообще.

Алексѣй Петровичъ могъ бы сказать о себѣ, какъ Фаустъ: Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust. Два голоса явственно полемизируютъ въ немъ. Одинъ, не только ласковый и любящій, но и разумный, удостовѣряетъ, что не все потеряно, что возможна новая жизнь, свѣтлая, широкая, не изъ подъ палки какой-нибудь, а свободно сливающаяся съ жизнью другихъ людей. Это потому голосъ, не только любящій, а и разумный, что удостовѣряетъ, что и «пользы», выгоды нѣтъ жить такъ, какъ жилъ Алексѣй Петровичъ до сихъ поръ. Другой голосъ, злой и глупый, утверждаетъ, что все это вздоръ. Это злой голосъ, потому что, соблазняя человѣка, онъ обрекаетъ его на муки, которыхъ тотъ и безъ того принялъ сверхъ всякой мѣры; но вмѣстѣ съ тѣмъ это и глупый голосъ, потому что для Алексѣя Петровича все равно нѣтъ возврата на ту дорогу себялюбиваго и сиротливаго существованія, которую онъ пробѣжалъ всю, вплоть до ея естественнаго конца—самоубійства. Побѣда злого и глупаго голоса только и могла выразиться самоубійствомъ, и я прочиталъ эту побѣду въ строкѣ точекъ г. Гаршина. Оказывается, что я ошибся, побѣдилъ голосъ жизни и любви. Казалось бы, тѣмъ лучше. Но какою цѣною одержана эта побѣда? Такъ сильно охваченъ Алексѣй Петровичъ порывомъ жизнерадостнаго чувства, что не выдерживаетъ и умираетъ. Значитъ, въ концѣ концовъ всетаки смерть, и съ извѣстной точки зрѣнія такой финалъ еще безотраднѣе простого самоубійства.

Всѣ или почти всѣ произведенія г. Гаршина представляютъ художественный комментарій къ великому въ своей простотѣ: «не добро быть человѣку едину». Я бы не сказалъ, что это корень его пессимизма, но это почва, изъ которой корень беретъ нужные ему элементы. Не вообще страданіями занятъ нашъ авторъ; съ его точки зрѣнія отчего бы и не пострадать, но на людяхъ и съ людьми, а не въ одиночку. Однако и не буквально одинокихъ ставитъ передъ нами г. Гаршинъ. Напротивъ, его одинокіе окружены толпой и всетаки они одиноки, потому что узы, связывающія ихъ съ людьми, насильственны, лживы, и они вполнѣ сознаютъ эту лживость и оттого мучатся. Они ищутъ выхода, то есть такихъ формъ общенія съ людьми, которыя не налагали бы на нихъ ненавистнаго ярма, не дѣлали бы ихъ «пальцами отъ ноги», «клапанами», безвольными орудіями сложнаго цѣлаго, все большему дифференцированію котораго такъ радуются разные Спенсеровы дѣти. Въ этомъ процессѣ дифференцированія или, что то же, превращенія человѣка въ органъ, орудіе, многіе чувствуютъ себя прекрасно. Ихъ не смущаетъ то униженное положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ не тревожитъ лживость отношеній къ «ближнимъ», они не чувствуютъ своего уродства. Г. Гаршинъ представилъ нѣсколько экземпляровъ и этой породы «приспособившихся» живущихъ въ полное свое удовольствіе, для своего «я», но это «я» не человѣка, а «клапана». Таковъ Дѣдовъ въ «Художникахъ», таковъ инженеръ Кудряшевъ во «Встрѣчѣ». Но положеніе другихъ героевъ г. Гаршина совсѣмъ иное. Они понимаютъ, въ какую пропасть влечетъ или уже вовлекъ ихъ стихійный процессъ, но всѣ либо безпомощно бьются въ той клѣткѣ, въ которую ихъ загнала судьба, и въ концѣ концовъ погибаютъ, либо-же, какъ и Надежда Николаевна (въ повѣсти, озаглавленной этимъ именемъ), и Алексѣй Петровичъ, герой «Ночи», видятъ исходъ, рвутся къ нему, стоятъ уже на самомъ корнѣ новой жизни и счастья и всетаки погибаютъ, хотя и отъ постороннихъ причинъ: одна подъ выстрѣломъ ревнивца, другой отъ разрыва сердца. Мало того, значитъ, что люди изнемогаютъ, стоя лицомъ къ лицу съ давящею ихъ силою; мало того, что они, безсильно топорщась, всетаки втягиваются зубцами и колесами огромной машины и въ ней перемалываются; нѣтъ, даже

въ тѣхъ случаяхъ, когда голосъ крови и разума заглушаетъ собою голосъ глупый и злой, когда человѣческое достоинство готово праздновать побѣду, постороннія дѣлу обстоятельства точно заговоръ устраиваютъ и побѣды всетаки нѣтъ.

Я надѣюсь, что г. Гаршинъ когда-нибудь разрушитъ эту коалицію стихійнаго процесса, выражаемаго глупыми и злыми голосами, и постороннихъ дѣлу обстоятельствъ; что онъ предъявитъ намъ наконецъ побѣду истинно человѣческаго достоинства, хотя бы въ возможности, въ перспективѣ. Не потому мнѣ этого хочется, что человѣческое достоинство часто торжествуетъ въ сей юдоли плача и беззаконія, вслѣдствіе чего торжество это должно найти себѣ отраженіе и въ искусствѣ. Нѣтъ, вообще говоря, это торжество пока слишкомъ рѣдкое, но пусть же эта рѣдкость блеснетъ въ творческой фантазіи г. Гаршина, хотя бы только какъ возможность, и разгонитъ мрачныя тучи безнадежности, заволакивающія его горизонтъ.

Мы вправѣ ожидать отъ г. Гаршина многаго, потому что въ томъ немногомъ, что онъ до сихъ поръ написалъ, онъ, какъ говорятъ нѣмцы, хватаетъ быка за рога, сознательно выбираетъ центромъ своихъ картинъ и образовъ дѣйствительный центръ дѣйствительной жизни. Отъ преслѣдующей его скорби объ человѣкѣ, превращенномъ въ «палецъ отъ ноги» или въ «клапанъ», могутъ быть проведены радіусы рѣшительно во всѣ сферы жизни. И если это необыкновенно выгодное и въ то же время смѣлое положеніе, занятое г. Гаршинымъ, осталось до сихъ поръ не оцѣненнымъ по достоинству, такъ на это есть двѣ причины. Вопервыхъ, слишкомъ тонкая, я бы сказалъ—кружевная работа г. Гаршина. Я своевременно читалъ все, что г. Гаршинъ печаталъ, а принимаясь въ прошлый разъ писать объ немъ, все вновь перечиталъ съ особенною, спеціальною тщательностью, и однако впалъ въ вышеприведенную ошибку, потому что просмотрѣлъ буквально *одно* слово. Что же мудреннаго, если читатели, не обязанные читать съ такою спеціальною внимательностью, чувствуютъ себя охваченными чѣмъ то необыкновенно симпатично-скорбнымъ, но не могутъ разобраться въ произведеніяхъ г. Гаршина, какъ слѣдуетъ.

Другая причина нѣкоторой неясности положенія г. Гаршина въ литературѣ заключается въ обширности руководящей имъ идеи.

Не въ томъ только дѣло, что онъ сознательно приложилъ ее къ такимъ разнообразнымъ и, повидимому, трудно суммируемымъ общественнымъ положеніямъ, каковы положенія солдата, художника, публичной женщины и проч. Нѣтъ, такъ неотступно преслѣдующій его вопросъ—кто побѣдитъ: человѣческое достоинство или стихійный процессъ, превращающій человѣка въ клапанъ — это всѣмъ вопросамъ вопросъ. Всѣ наши маленькія житейскія драмы, а пожалуй и водевили, всѣ крупнѣйшія историческія событія укладываются въ рамки этого огромнаго и рокового вопроса. Но именно потому, что этотъ вопросъ до такой степени всеобъемлющъ, онъ, будучи заключенъ въ абстрактную формулу, кажется чѣмъ-то холоднымъ и далекимъ: пролившіяся изъ-за него въ теченіе вѣковъ и теперь льющіяся на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ слезы и кровь абстрагируются, совлекаются, и въ сферѣ мысли остается только своего рода «красный цвѣтокъ», который, помните, тоже впиталъ въ себя всю скорбь человѣчества. Но «красный цвѣтокъ»—яркій бредъ безумца, а передъ нами краткая, ясная, сухая формула. Воплощаясь въ жизни, наряжаясь въ разнообразнѣйшія сложныя одежды, отражаясь въ близкихъ намъ житейскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, она бываетъ подчасъ трудно узнаваема. И вотъ почему, между прочимъ, г. Гаршинъ рѣдко причисляется къ беллетристикѣ съ рѣзко опредѣленной тенденціей, къ «направленцамъ», какъ выразился недавно нѣкто, не имѣющій царя въ головѣ. Съ другой стороны однако старательные классификаторы не относятъ г. Гаршина и къ представителямъ чистаго искусства, которые singen wie der Vogel singt, кто соловьемъ, а кто сорокой, кого какимъ Богъ голосомъ надѣлилъ. Еще бы!

Ник. Михайловскій.

СМЕРТЬ.

(Средневѣковая каррикатура).

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя,
То короны и митры сметаетъ, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.

* * *

Смерть приходитъ къ шуту: «собирайся, дуракъ,
«Я возьму и тебя въ мою ношу,
«И къ вѣнцамъ и тіарамъ твой пестрый колпакъ
«Въ мою общую сумку я брошу».

* * *

Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ
И колотитъ онъ смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьетъ, что есть силъ,
И смѣется надъ бѣдной старушкой.

* * *

Стонетъ жалобно смерть: «ой, голубчикъ, постой!»
Но герой нашъ уняться не хочетъ,
Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ пустой
И кричитъ и безумно хохочетъ.
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя,
Жизнь и солнце и смѣхъ всей душою любя,
Буду жить-поживать, припѣвая.
Громъ побѣдъ отзвучитъ, красота отцвѣтетъ,
Но дуракъ никогда и нигдѣ не умретъ,—
Но безсмертна лишь глупость людская!»

Д. Мережковскій.

ГАРШИНЪ КАКЪ НАРОДНЫЙ И ДѢТСКІЙ ПИСАТЕЛЬ[1].

Четыре дня на полѣ сраженія. *В. М. Гаршина.* Москва. 1886 г. 35 стр. Ц. $1^1/_2$ к.

Отдавая лично должную справедливость художественному разсказу В. Гаршина и признавая даже, что онъ напоминаетъ своимъ реализмомъ сцены изъ «Войны и мира», мы тѣмъ не менѣе сильно сомнѣвались, что эта талантливо набросанная картинка, безъ всякой завязки и развязки, безъ всякихъ эффектовъ и происшествій, представитъ собою интересъ для неграмотнаго читателя. Насъ пугали именно эта ея простота и безъискусственность, которыя такъ цѣнитъ развитой вкусъ; но мы ошиблись. Съ первыхъ страницъ разсказъ захватилъ вниманіе нашихъ деревенскихъ слушателей. При чтеніи присутствовалъ интеллигентный мальчикъ 9-ти лѣтъ. По прочтеніи 2-хъ страницъ, онъ наклонился и сказалъ тихо: «я ничего не понимаю, кто это, гдѣ и кому говоритъ».

---

[1]) Предлагаемыя вниманію читателя пять рецензій на отдѣльныя произведенія В. М. Гаршина перепечатываются нами, съ любезнаго разрѣшенія автора рецензій, Х. Д. Алчевской, изъ второго тома книги «Что читать народу». Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приводимые въ рецензіяхъ разговоры слушателей и читателей произведеній Гаршина записаны въ малорусской деревнѣ, въ которой лѣтомъ устраивались систематическія чтенія для взрослыхъ крестьянъ (въ большинствѣ малограмотныхъ и безграмотныхъ), въ городской воскресной школѣ для взрослыхъ женщинъ и въ семейной школѣ для малолѣтнихъ. *Ред.*

Тогда одинъ изъ мужиковъ обязательно пояснилъ ему въ положительной формѣ, что это раненый солдатъ разсказываетъ въ больницѣ доктору. Почему именно онъ рѣшилъ такъ, мы не знаемъ, такъ какъ въ книгѣ этого нѣтъ, но мы не разъ замѣчали, какъ простолюдинъ, создавъ себѣ какой-либо варіантъ во время чтенія, всегда согласный съ правдой жизни, безусловно вѣритъ ему. Вѣроятно ему кажется, что иначе это и быть не могло.

Чтеніе сопровождалось почти безпрерывными вставками и замѣчаніями.—Він дума, що упàв, а не вдàрено. В чувствіе прийшòв... самъ до сèбе гомонѝть. Мислями назад іде. Сам себè до собàки рівня̀, и т. д. (Ему кажется, что онъ упалъ, а не ранили. Въ чувство пришелъ... самъ съ собой разговариваетъ. Вспоминаетъ о прошломъ. Самъ себя съ собакой равняетъ... и т. д.).

На стран. 13-й одинъ изъ слушателей высказалъ сомнѣніе, какъ это такъ могло случиться, чтобы солдата забыли въ полѣ. Онъ слышалъ, что на войнѣ послѣ сраженія бываетъ обходъ и убираютъ тѣла.

— Та мòже ще прѝйдуть (Да, можетъ быть, еще придутъ),— возразилъ ему въ утѣшеніе сосѣдъ. На стр. 14-й, гдѣ говорится: «я шелъ въ какомъ-то опьяненіи»... произошло недоразумѣніе: одинъ изъ слушателей, весьма щедрый на замѣчанія, сказалъ даже съ нѣкоторой долей сочувствія:—трòшки пьянѐнький! (Немножко выпивши!)

Раздумье по поводу войны и ея неизбѣжныхъ условій слушатели поняли какъ нельзя лучше.—Злòби в нёго не булò. Сам не зна як, він ёго вбѝв,—говорили они. (Злобы у него не было. Самъ не знаетъ, какъ онъ его убилъ).

Во время описанія разложенія трупа, всѣ принимали самое живое участіе въ опасеніяхъ раненаго и ужасались. Одинъ изъ мужиковъ даже плюнулъ въ сторону съ отвращеніемъ,—такъ живо представился ему, вѣроятно, этотъ гніющій трупъ.

— Ох, якѝй дух пішòв! Жарà ж яка! Напьѐтця тай одлизе. Ох, тай страшнѝй! Щò з ёго вдѐнь буде! А щѐ трѐба в ёго воду пѝти. Хоч би отповзти!!—Дѐ ж там отповзтѝ, колѝ він не мòже дѝхати, обізмýчивсь! (Охъ, какой запахъ пошелъ! Жара-жъ какая! Напьется, да и отползетъ. Охъ, да и страшный же! А еще при-

ходится у него воду пить. Хоть бы отползти! — Гдѣ ужъ тамъ отползти, когда онъ дышать не можетъ, измучился), —говорятъ вокругъ, а одна изъ бабъ замѣчаетъ съ соболѣзнованіемъ: — ôт як терплять на войні за нас грішнихъ, а ми тутъ тільки язикôм гріха̀ набіра̀емось, ла̀емось, та сва̀римось. (Вотъ какъ терпятъ на войнѣ за насъ грѣшныхъ, а мы здѣсь только грѣха набираемся, бранимся, да ссоримся).

На стр. 19-й одинъ изъ слушателей выразилъ сомнѣніе по поводу того, можно ли долго прожить безъ ѣды; тогда одна изъ молодыхъ женщинъ, бывшая когда то въ школѣ, разсказала исторію доктора Таннера, которую читалъ имъ тогда въ газетахъ учитель. Всѣ съ интересомъ выслушали эту исторію.

Женщинъ занималъ также вопросъ, кто была Маша, сестра или невѣста раненаго. Въ тщетныхъ ожиданіяхъ помощи слушатели тоже принимали самое живое участіе.

— Вода витіка̀... Він чу̀е, а ёго не чу̀ють (Вода вытекаетъ... Онъ слышитъ, а его не слышатъ)—замѣчаютъ кругомъ съ соболѣзнованіемъ.

— Мабуть такъ ду̀же крича̀в (Должно быть такъ громко кричалъ), — добавляетъ кто то съ горькой ироніей. А при словахъ: «Господи, еслибъ это наши!» одинъ изъ нихъ замѣтилъ: — так як Костылин,—и тутъ начались воспоминанія о «Кавказскомъ плѣнникѣ» Толстого и сравненіе положенія того и другого героя, пока кто-то не сказалъ, наконецъ:—та ну-бо, ці̇тьте! (Да, ну-те, перестаньте!).

При поданіи помощи раненому, лица присутствующихъ выражали искреннюю радость. Въ операціи слушатели тоже принимали самое живое участіе.—Він и не чув, бачить тільки ноги у крові. Тô-ж то не боль! (Онъ и не чувствовалъ, видитъ только—ноги въ крови. Это ли не боль!)—говорили они.

— Оду̀жав? (Выздоровѣлъ?)—спросила съ участіемъ своего сосѣда одна изъ женщинъ по окончаніи чтенія.

— Щѐ-б то не оду̀жав, —отвѣчалъ онъ увѣренно: — коли̇ петенбу̀рський дôхтур коло ёго справлявсь! (Еще бы не выздоровѣлъ, когда петербургскій докторъ его лечилъ!)

— Як-би він не оду̀жав, хтô-б цю стôрію росказав? (Если бъ

онъ не выздоровѣлъ, кто-бы эту исторію передалъ?) — добавилъ другой.

— Ох, боюсь, щоб мені тýрка цю ніч не приснивсь (Охъ, боюсь, чтобы мнѣ турокъ въ эту ночь не приснился), — сказала боязливо одна изъ женщинъ, а другая начала хвастать, что она ничего на свѣтѣ не боится и готова хоть сейчасъ ночью на кладбище одна идти. (Надо замѣтить, что мы читали этотъ разсказъ въ субботу вечеромъ подъ воскресенье—въ «святый вечіръ», какъ называютъ они).

Этотъ художественный разсказъ представляетъ собою прекрасное чтеніе и для подростковъ, и для взрослыхъ, и мы охотно рекомендуемъ его въ народно-школьную библіотеку.

Изъ записокъ рядового Иванова о походѣ 1877 года. *В. Гаршина.* Спб. 1887 г. 64 стр. Цѣна 5 к.

Насколько намъ извѣстно, описанія походовъ, поля сраженія и войны плохо читаются городскимъ женскимъ населеніемъ; подобныя темы онѣ считаютъ скучными и неинтересными. Но талантливый разсказъ рядового Иванова явился исключеніемъ изъ общаго правила: дѣвушки слушали его съ живымъ интересомъ и трепетно относились къ вопросу о предстоящей опасности героевъ, образы которыхъ такъ ярко и симпатично обрисованы талантливой рукой художника. Пониманіе характеристики всѣхъ дѣйствующихъ лицъ далось имъ какъ нельзя лучше, даже такой сложный и полный противорѣчій типъ, какъ Венцель, оказался истолкованнымъ какъ слѣдуетъ.—Душа у него двоилась,—произнесла выразительно одна изъ дѣвушекъ.

— Когда онъ солдатъ билъ, мнѣ такъ обидно было на него, что я подумала себѣ: хоть бы его убили! а послѣ, какъ командиръ объяснилъ, чтò онъ за человѣкъ, мнѣ жалко его стало, — добавила другая.

Картина надъ трупами (стр. 53) тронула слушательницъ до слезъ, и въ общемъ разсказъ произвелъ довольно сильное впечатлѣніе; но въ частностяхъ многое было непонятно, хотя предъ нами были дѣвушки, окончившія курсъ въ народной школѣ; такъ,

напримѣръ, никто изъ присутствующихъ не могъ объяснить намъ слѣдующихъ строкъ:

«Насъ влекла невѣдомая, тайная сила: нѣтъ силы бо̀льшей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь не дисциплинѣ, не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, не страху наказанія, а тому невѣдомому и безсознательному, что̀ долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню, самую крупную причину всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій».

Непонятнымъ оказался и слѣдующій разговоръ:

«— Зачѣмъ это «господинъ капитанъ?» Здѣсь, въ палаткѣ, свой между своими. Здѣсь вы просто интеллигентный человѣкъ между такими же»—тихо сказалъ онъ.

«— Интеллигентный, это вѣрно!—закричалъ Заикинъ:—студентъ! Люблю студентовъ, хоть они и бунтовщики». (Стр. 11).

Слова «интеллигентный» никто никогда не слыхалъ. Что же касается фразы «люблю студентовъ, хоть они и бунтовщики», добродушная иронія которой недоступна пониманію народа, то мы совѣтовали бы отнестись къ ней осторожнѣе и непремѣнно вычеркнуть ее въ слѣдующемъ изданіи [1]), дабы читатель-простолюдинъ не принялъ ее на вѣру, какъ несомнѣнный фактъ, подтвержденный книгой.

Не поняли также и слѣдующаго разговора:

«— Неужели вы дорожите мнѣніемъ этого мужичья?

«— Конечно дорожу, какъ мнѣніемъ всѣхъ, кого у меня нѣтъ причины не уважать.

«— Не имѣю причины вамъ не вѣрить. Да, впрочемъ, вѣдь теперь такая полоса нашла. И литература—и та возводитъ мужика въ какой-то перлъ творенія.

«— Кто говоритъ о перлахъ творенія, Петръ Николаевичъ? Признавали бы человѣка, и то ладно.

«— Ахъ, полноте, пожалуйста, съ жалкими словами! Кто его не признаетъ! Человѣкъ?—ну, пусть будетъ человѣкомъ; какой?—это другой вопросъ... Давайте, поговоримъ о другомъ». (Стр. 16).

---

[1]) Рѣчь идетъ о дешевомъ, народномъ изданіи. *Ред.*

Весьма курьезно объяснили слѣдующее мѣсто:

«— Когда я почти мальчикомъ поступилъ въ полкъ, я не думалъ того, что говорю вамъ теперь. Я старался дѣйствовать словомъ, я старался пріобрѣсти нравственное вліяніе. Но прошелъ годъ, и они вытянули изъ меня всѣ жилы. Все, что осталось отъ такъ называемыхъ хорошихъ книжекъ, столкнувшись съ дѣйствительностью, оказалось сантиментальнымъ вздоромъ. И теперь думаю, что единственный способъ быть понятнымъ— вотъ!

«Онъ сдѣлалъ какой-то жестъ рукою. Было такъ темно, что я не понялъ его.

«— Что-жъ это, Петръ Николаевичъ?

«— Кулакъ! отрѣзалъ онъ.—Прощайте, однако, пора спать». (Стр. 11).

— Это, значитъ, онъ прочелъ еще нѣсколько книжекъ и узналъ, что помочь можно только кулакомъ, — сказала молодая дѣвушка, напряженно вслушивавшаяся въ чтеніе. Остальныя молчали. И только одна изъ всѣхъ, наиболѣе смышленная, замѣтила вдумчиво:—онъ не съ такимъ мнѣніемъ поступалъ на службу.

Но, несмотря на всѣ эти мелкія недоразумѣнія, мы всетаки рекомендуемъ настоящій разсказъ въ народно-школьную библіотеку. Учителю онъ можетъ послужить темою для бесѣды о войнѣ и ея значеніи и кромѣ того при переспросѣ онъ можетъ потребовать отъ учениковъ опредѣленія характеровъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ деревнѣ разсказъ этотъ былъ прослушанъ еще съ бо̀льшимъ интересомъ и вниманіемъ, чѣмъ въ городѣ. Положеніе интеллигентнаго молодого человѣка, рядового Иванова, вызывало не меньше сочувствія и участія, чѣмъ и въ средѣ его сослуживцевъ-солдатъ.

— Мы вже попривика̀ли, а воно̀ зніжене; слава Богу, й начальство жаліе! (Мы ужъ привыкли, а онъ изнѣженъ; слава Богу, и начальство жалѣетъ!)—говорили они искренно.

Приглашеніе, полученное Ивановымъ отъ капитана, перебраться къ нему и покинуть солдатскую квартиру, вызвало обсужденія. Слушатели остались очень довольны, что онъ не принялъ его. — Піди̇ тай стісняйся, а тут ніякого стісненія. Вони̇ его по-

жаліютъ, а він шо-нѐбудь роскàже, або почитà. Той хохлів [1]) не любить, а цей любопитствуе, дорожить (Поди да и стѣсняйся, а здѣсь никакого стѣсненія. Они его пожалѣютъ, а онъ что-нибудь разскажетъ или почитаетъ. Тотъ хохловъ не любитъ, а этотъ дорожитъ, ему любопытно), говорили одни, вѣрно понимающіе отношенія дѣйствующихъ лицъ; но другіе думали объ этомъ иначе.— Там кланяйся, а тут сам старший — и почистять, и полàгодять (Тамъ кланяйся, а здѣсь самъ старшій, — и почистятъ, и починятъ),—резонировали они.

Жестокое обращеніе Венцеля съ подчиненными искренно возмущало ихъ. Выслушивая характеристику о немъ солдатъ, они говорили съ недоброжелательствомъ:—его вже дòбре знають, який він, позаідав усіх чисто! (Всѣ отлично знаютъ, каковъ онъ,— всѣхъ рѣшительно заѣлъ!)

Непріятность, случившаяся съ Венцелемъ, и присужденіе его къ аресту доставили всѣмъ истинное удовольствіе.—Хоч трòхи одпочити (Хоть немного отдохнуть),—говорили они вздыхая; но его новые жестокіе побои за куреніе табаку снова возмутили слушателей: — покàявсь дòбре! Собака! (Хорошо покаялся! Собака!)—волновались они. — А шо-б з іх булò, як-би не бити? (А что-бъ изъ нихъ вышло, еслибъ не бить?)—заступился одиночный голосъ за Венцеля.

— Під суд не оддàсть, а сам гірш засудить; хіба-б на суді за цигàрку так взискували-б? (Подъ судъ не отдастъ, а самъ хуже засудитъ; развѣ на судѣ такъ взыскивали бы за папиросу?) — продолжали осуждать его, и только рыданія Венцеля надъ убитыми солдатами примирили ихъ съ этимъ жестокимъ по виду человѣкомъ. — Він и сам не знав свогò карахтера. Він ім добрò мислив, тільки сердце булò стрòге, порядок любив (Онъ и самъ не зналъ своего характера. Онъ имъ всѣмъ добра желалъ, только сердце было строгое, порядокъ любилъ),—говорили о немъ, примирившись.

Описаніе проѣзда государя слушалось съ огромнымъ интересомъ и трепетомъ. Слезы его вызвали тоже слезы на глазахъ иныхъ изъ слушателей.—Жалостливий був, царство ему небѐсне! — говорили они съ чувствомъ.

---

[1]) Подъ словомъ «хохлй» подразумѣвалось, очевидно, простонародье вообще.

Разсказъ «*Изъ записокъ рядового Иванова*» мы рекомендуемъ для развитыхъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ.

Медвѣди. Соч. *В. Гаршина*. Рисунки Ел. Бёмъ. Изд. «Посредника». Птб. 1887 г. 16 стр. Цѣна 1 к.

Разсказъ «Медвѣди» начинается такъ:

«Въ 1875 году кончился пятилѣтній срокъ льготы, данной цыганамъ-вожакамъ медвѣдей для окончанія ихъ промысла. Они должны были явиться въ назначенныя для сбора мѣста и сами перебить своихъ звѣрей. Мнѣ случилось видѣть такую казнь въ Бѣльскѣ».

И затѣмъ съ художественной драматичностью, свойственной таланту В. Гаршина, нарисована картина этой тяжелой казни. Особенно драматиченъ старикъ-цыганъ передъ смертью друга своего и товарища, стараго медвѣдя. Его горячая рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе на слушателей изъ народа. Плакали не только женщины, плакалъ даже дѣдъ Бруско, не проронившій никогда, кажется, ни одной слезинки на чтеніи. Да и какъ же было ему не плакать, ему, одинокому, бездѣтному старику, сосредоточившему всю свою нѣжность на разныхъ несчастныхъ животныхъ. Ему вспомнилась, вѣроятно, при этомъ и жалкая калѣка-галка, которую онъ приручилъ настолько, что она скакала за нимъ неотлучно, куда бы онъ ни пошелъ, и приблудившаяся собака Мургелъ, и всѣ его друзья, вскормленные и вспоенные имъ изъ чувства состраданія и сожалѣнія. Слезы дѣда Бруска были такъ необычны, что всѣ обратили на нихъ вниманіе.

— От не дай Бòже, ще й за ведмідём плакати! (Вотъ, не дай Богъ, еще за медвѣдемъ плакать!)—замѣтила баба Параска съ свойственнымъ ей резонерствомъ, но остальные горячо вступились за Бруска: «падіж отъ Бòга був, а не од людей, и то жалко! Він, може, не за ведмідём, а за старим плаче! Хоч и проти звіря, а чувствительно» (Падежъ былъ отъ Бога, а не отъ людей, и то жаль! Онъ, можетъ, не о медвѣдѣ, а о старикѣ плачетъ! Хоть и про звѣря, а чувствительно),—говорили вокругъ и разсказали по этому поводу исторію, какъ на дняхъ старшина, желая отомстить

одной бѣдной женщинѣ, заперъ на замокъ ея овецъ, и какъ она, босая и оборванная, сбѣгала ночью за 30 верстъ къ исправнику и возвратилась къ утру съ запиской объ освобожденіи несчастныхъ овецъ. Разсказъ былъ полонъ такого глубокаго драматизма, что могъ-бы послужить прекрасной темой для кисти художника.

Воспоминанія о медвѣдяхъ живо сохранились еще въ памяти нашихъ деревенскихъ слушателей: одни изъ нихъ подвергались когда-то леченію цыганъ, ложась подъ медвѣдя, другіе вспоминали, въ чью именно избу не хотѣлъ войти медвѣдь, и признавали это вѣрнымъ признакомъ присутствія вѣдьмы, однимъ словомъ разсказъ какъ эхо отзывался въ душѣ слушателей. Описывалось-ли чувство тревоги, которое невольно сообщилось медвѣдямъ, въ толпѣ откликались: «а як-же! чувствують, де тревога, чувствують!» Произносилъ-ли цыганъ свою жгучую рѣчь, въ отвѣтъ на нее слышалось: «як дитину жаліе! Ой, Боже-ж мій, як-же его бити!» (Какъ ребенка жалѣетъ! Ахъ, Боже мой, какъ-же его убить!) Бросался-ли къ ружью съ отчаяніемъ сынъ старика, въ хатѣ тоже раздавалось порывистое—«бий» (бей). И по окончаніи чтенія слушатели долго не могли отдѣлаться отъ обуявшей ихъ душевной тревоги.

— Хто-ж старого годувàтиме, мòже в острòзі помрè? (Кто-жъ старика будетъ кормить, можетъ быть въ острогѣ умретъ?)—говорила баба Марья, соболѣзнуя.

— Ему не наживи жалко, а дружества, він его як семьянина любив (Ему не наживы жаль, а дружбы, онъ его какъ семьянина любилъ),—пояснила кому-то старостиха.

— Отце произвели, що и я плàкав,—говорилъ оправившійся дѣдъ Бруско.

Александра внимательно разсматривала картинки и поясняла, качая головой: «старий плàче!» (Старикъ плачетъ!)

Демьяна-же по обыкновенію занималъ вопросъ о сочинителѣ. «Будьте лàскові, ростолкуйте нам, хто це сочинив!» (Будьте такъ добры, объясните намъ, кто это сочинилъ!) — обратился онъ къ учительницѣ.

Учительница объяснила, что это авторъ «Четырехъ дней на полѣ сраженья», «Сигнала», и «Записокъ рядового Иванова», про-

читанныхъ уже ею въ деревнѣ.—«Тай дòбра-ж він, мàбудь, людина, що усè такè жалостливе описуе» (Да и добрый-же онъ, должно быть, человѣкъ, что все такое трогательное описываетъ),—замѣтилъ Демьянъ.

— Хоч-би здàлека ему поклонитися! (Хоть бы издалека ему поклониться!)—добавилъ кто-то еще болѣе восторженно.

Разсказъ «Медвѣди» можетъ читаться и пониматься всѣми возрастами. Мы знали 10-ти лѣтняго мальчика, который читалъ его такъ выразительно и прекрасно, что можно было заслушаться. Разсказъ этотъ слѣдуетъ отнести къ той серіи художественныхъ произведеній, которыя, не ставя себѣ задачею воспитательныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе воспитываютъ въ читателѣ гуманное чувство состраданія къ животнымъ, какъ напр. «Муму» Тургенева.

Сигналъ. Разсказъ *Всеволода Гаршина.* Изд. «Посредника». Петерб. 1887 г. 16 стран. Ц. 1½ к.

Разсказъ «Сигналъ» былъ прочтенъ нами въ деревнѣ и вызвалъ къ своему герою, желѣзнодорожному сторожу Семену, всеобщее расположеніе и симпатію. Еще вначалѣ, при описаніи того, какъ добросовѣстно относился онъ къ службѣ, слушатели говорили одобрительно: «бережè службу, гарнà людина!» (Хорошо относится къ службѣ, хорошій человѣкъ!) Не то было по отношенію къ сосѣду его, сторожу Василію. Мрачная фигура молчаливаго, скрытнаго и недовольнаго человѣка не выяснилась для нихъ даже и тогда, когда Василій началъ высказывать Семену открыто свои желчные взгляды на вещи.

— Як звірь! И того ще одібьè од міста (Точно звѣрь! И того еще отъ мѣста отобьетъ),—недоброжелательно говорили о немъ, и только кто-то одинъ замѣтилъ въ его оправданіе: «и òвсі він не одбивà, він тільки свої мислі виклàдà» (И вовсе онъ не отбиваетъ, онъ только сообщаетъ свои мысли). Особенно возмущалъ ихъ неумѣстный ропотъ Василія въ то время, какъ ему было тепло и уютно, и онъ получалъ жалованья 12 руб. Одинъ изъ слушателей, сравнивая это положеніе съ своимъ, говорилъ не безъ зависти: «и чогò таки Бога гнівить, — як-би мені самому таку должность

дали!»... (Къ чему Бога гнѣвить, — кабы мнѣ такую должность дали!)...

— Вони усі такі пасмурні (Всѣ они такіе пасмурные), — добавилъ его сосѣдъ, вспоминая сторожа сосѣдней будки.

Не расположившись, такимъ образомъ, къ этому желчному человѣку, они приняли почти равнодушно непріятность Василія, когда начальникъ дистанціи, взбѣшенный его жалобой, ударилъ его по физіономіи.—Хіба-ж з начальствомъ можна разговорювати!—Прогнали! Мабуть зуби повибивав — щока завьязана (Развѣ-жъ можно съ начальствомъ разговаривать!—Прогнали! Вѣрно зубы выбилъ—щека подвязана),—равнодушно говорили они, и только одинъ единственный защитникъ Василія возразилъ опять: «такъ ёму-ж желалося обличити» (вѣдь онъ-же хотѣлъ обличить), и когда Василій отправился въ городъ съ жалобой, онъ добавилъ съ сочувствіемъ: «обіду несе!» (обиду несетъ!)

Намѣреніе Василія снять рельсы и испортить путь вызвало въ слушателяхъ крайнее раздраженіе, но самаго мотива поступка никто не понялъ. «Під сусіда пакость робить. — На якому участку?—Та вже-ж на Семеновім, під жінку-ж не зробить. — Тай вредне-ж!» (Сосѣду на пакость дѣлаетъ. На какомъ участкѣ?—Да ужъ конечно на Семеновомъ, не сдѣлаетъ-же такъ, чтобъ на жену подумали.—Да и зловредный-же!)—волновались они, но никто изъ нихъ не остановился на мысли, что Василій мстилъ за оскорбленіе желѣзнодорожному начальству, все приписывалось его личной злобѣ и ожесточенію.

Великодушная рѣшимость Семена разрѣзать себѣ руку и смочить кровью платокъ тронула всѣхъ до слезъ. «Як Спаситель за мир хрещений.—От чоловік! памьятник-би ему постановить» (Какъ Спаситель за міръ крещеный.—Вотъ человѣкъ! памятникъ слѣдовало бы ему поставить!) — восторженно говорили о немъ, а одна изъ женщинъ окружила его даже ореоломъ мученичества и при словахъ: «чья-то рука подхватила знамя и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду»... — воскликнула съ энтузіазмомъ: «анголъ!»

Но когда этотъ воображаемый ангелъ оказался Василіемъ, ей видимо не хотѣлось помириться съ этой мыслью, и она продол-

жала находчиво: «та мòже ще й меж пассажирів праведні були, тим люде й спаслись» (можетъ быть между пассажирами праведники были, потому люди и спаслись).

— Все-ж такі піддержав товарища (Все-жъ таки поддержалъ товарища),—возвысилъ свой голосъ защитникъ Василія.—Він покаявсь вже на его кровь (Онъ покаялся уже, видя его кровь),—возразили ему.

— А чи помілують его, чи ні? (А помилуютъ его или нѣтъ?)—спросилъ онъ опять.

— Де-ж там его міловати, коли він такий зловредный (Какъ-же его миловать, когда онъ такой зловредный)—отвѣчали ему.

Чтеніе давно уже кончилось, а разговоры продолжались. «Який народ è на світі—свою руку пробив! За чужий путь смерть получив! У якòму місті він кинув крòв,—мòже ще опамьятуетца? Мало таких людей на білім світі. А мòже, як пошукàти, тò й знàйдеш. Менè й дòсі морòзить. И гарно, та мало, хоч-би запитàти сочинителя, чи живий він, чи ні» (Какіе люди есть на свѣтѣ—руку свою пробилъ! За чужой путь смерть получилъ! Въ какомъ мѣстѣ онъ пустилъ себѣ кровь, — можетъ быть еще придетъ въ себя? Мало такихъ людей на бѣломъ свѣтѣ. А можетъ быть, если поискать, то и найдешь. Меня и до сихъ поръ знобитъ. И хорошо, да мало, хоть-бы спросить у сочинителя, живъ онъ или нѣтъ), — говорили оживленно вокругъ, какъ-бы не наговорившись еще вволю до рѣшимости расходиться.

Сказка о жабѣ и розѣ. *В. Гаршина.*

Когда человѣкъ посвятитъ себя воспитанію дѣтей, не по неволѣ, а по призванію, онъ часто чувствуетъ потребность дѣлиться съ ними своими мыслями и впечатлѣніями. Встрѣчая художественно-литературное произведеніе, онъ невольно задается вопросомъ, какъ отнесутся къ нему дѣти, и доставитъ ли оно имъ то высокое наслажденіе, какое доставило оно лично ему. То же было съ нами по поводу сказки В. Гаршина «Жаба и роза».

Сказка эта помѣщена въ сборникѣ для взрослыхъ [1]) и, тѣмъ

---

[1]) См. «XXV лѣтъ. 1859—1884. Сборникъ, изданный Комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Спб. 1884 г.

не менѣе, мы не только прочли ее съ дѣтьми, но рѣшились даже отвести ей нѣсколько строкъ въ нашемъ Указателѣ съ цѣлью обратить на нее вниманіе составителей сборниковъ или вызвать изданіе отдѣльной брошюркой.

Содержаніе сказки таково: въ заброшенномъ цвѣтникѣ стариннаго сада расцвѣла прекрасная роза, и тутъ же сидѣла отвратительная жаба, почувствовавшая желаніе слопать ее. На этотъ цвѣтникъ еще ранѣе приходилъ задумчивый, блѣдный мальчикъ, но ему не суждено было увидать пышный расцвѣтъ прекрасной розы, и онъ лежалъ теперь въ постелькѣ исхудалый и больной. У изголовья его сидѣла печальная сестра и тихо читала ему любимую книгу. Вдругъ мальчикъ почувствовалъ желаніе вдохнуть въ себя еще разъ прекрасный запахъ розы. Сестра поспѣшила исполнить просьбу больного, и въ тотъ моментъ, какъ жаба была близка къ цѣли, дѣвушка отбросила ее ногою и бережно срѣзала цвѣтокъ.

Сказка кончается такъ: «Когда мальчикъ увидѣлъ сестру съ цвѣткомъ въ рукѣ, то въ первый разъ послѣ долгаго времени слабо улыбнулся и съ трудомъ сдѣлалъ движеніе худенькой рукой.

«— Дай ее мнѣ, —прошепталъ онъ:—я понюхаю.

«Сестра вложила стебелекъ ему въ руку и помогла подвинуть ее къ лицу. Онъ вдыхалъ въ себя нѣжный запахъ и, счастливо улыбаясь, прошепталъ:—ахъ, какъ хорошо...

«Потомъ его личико сдѣлалось серьезнымъ и неподвижнымъ, и онъ замолчалъ... навсегда.

«Роза хотя и была срѣзана прежде, чѣмъ начала осыпаться, чувствовала, что ее срѣзали не даромъ. Ее поставили въ отдѣльномъ бокалѣ у маленькаго гробика. Тутъ были цѣлые букеты и другихъ цвѣтовъ, но на нихъ, по правдѣ сказать, никто не обращалъ вниманія, а розу молодая дѣвушка, когда ставили ее на столъ, поднесла къ губамъ и поцѣловала. Маленькая слезинка упала съ ея щеки на цвѣтокъ, и это было самымъ лучшимъ происшествіемъ въ жизни розы. Когда она начала вянуть, ее положили въ толстую старую книгу и высушили, а потомъ, уже черезъ много лѣтъ, подарили мнѣ. Потому-то я и знаю всю эту исторію».

Мы прочли эту сказку въ семейной школѣ интеллигентнымъ дѣтямъ, возрастомъ отъ 8 до 10 лѣтъ. Дѣти прослушали ее съ начала до конца съ тѣмъ затаеннымъ дыханіемъ, которое служитъ первымъ признакомъ глубокаго впечатлѣнія (особенно въ классѣ маленькихъ дѣтей), и только по окончаніи чтенія послышались вопросы.

— Зачѣмъ здѣсь написано *сказка*, когда это *правда?*—сказалъ оживленно и горячо одинъ изъ мальчиковъ, вперивъ въ учительницу свои проницательные черные глаза.

— А гдѣ его родители?—перебилъ его другой:—отчего одна сестра сидитъ?

— Онъ долженъ знать,—подхватилъ третій:—если ему подарили цвѣтокъ. (Подъ словомъ «онъ» мальчикъ подразумѣвалъ сочинителя).

Очевидно, дѣти безгранично вѣрили происшествію, и только одинъ маленькій резонеръ, прослушавшій за свой короткій вѣкъ не мало произведеній съ аллегорической подкладкой, замѣтилъ вдумчиво: «увѣряю васъ, здѣсь что-то другое подразумѣвается, это не жаба и не роза, а, можетъ быть, добро и зло, я навѣрное не знаю».

Но дѣти не обратили на него вниманія и продолжали оживленно толковать о прочитанномъ. — Мнѣ понравилось про ежа, — говорилъ одинъ мальчикъ другому, быстро пересаживаясь къ нему на скамью безъ позволенія учительницы: — онъ сперва испугался Васи, а потомъ посмотрѣлъ, что онъ такой слабый, и развернулся.

— А мнѣ смѣшно на жабу, какъ она все грозила: — я тебя слопаю!

— Я такъ и зналъ, что она до нея не доберется, что нибудь да помѣшаетъ,—замѣтилъ другой.

— А я думалъ, что она ее съѣстъ, и мнѣ все время страшно было,—добавилъ третій.

— Ну, дѣти, полно разговаривать,—сказала учительница: — кто перескажетъ мнѣ всю сказку съ начала до конца?

Всѣ руки быстро поднялись въ знакъ согласія, одинъ только мальчикъ-резонеръ сидѣлъ задумавшись, не слыша, повидимому, вопроса учительницы.

Пересказы шли очень оживленно, ни малѣйшей подробности изъ жизни цвѣтника не было забыто, и главными героями въ пересказѣ дѣтей выступали роза и жаба, а о мальчикѣ упоминалось въ концѣ довольно коротко и блѣдно. Очевидно, борьба розы съ жабою произвела на дѣтей впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ образъ мечтательнаго ребенка и его преждевременная смерть.

Въ воскресной школѣ впечатлѣнія получились нѣсколько иныя. Чтеніе слушали развитые подростки отъ 12 до 14 лѣтъ и взрослыя дѣвушки. Въ моментъ смерти ребенка многія изъ нихъ тихо плакали, и по окончаніи чтенія нѣсколько минутъ въ классѣ царила глубокая тишина.

— Какъ хорошо! — сказала наконецъ вздохнувъ одна изъ взрослыхъ дѣвушекъ.

— Какъ жаль сестру!—замѣтила другая.

Въ пересказѣ онѣ детальнѣе всего останавливались на братѣ и сестрѣ и пропускали не мало подробностей, подмѣченныхъ дѣтьми въ цвѣтникѣ.

Прошло двѣ недѣли или, вѣрнѣе сказать, два учебныхъ воскресенья. Въ эти оба воскресенья мы читали сказки Андерсена «Она никуда не годилась» и «Подъ ивой». Обѣ вещи очень понравились нашимъ юнымъ слушательницамъ. Тѣмъ не менѣе, по окончаніи второго чтенія одна изъ нихъ подошла къ учительницѣ и сказала заискивающимъ тономъ: «позвольте узнать, сочинилъ-ли еще что-нибудь тотъ сочинитель, котораго вы читали намъ «Жабу и розу?»

— Сочинилъ, а что?

— Мы вотъ сговорились просить васъ (и она указала на своихъ сотоварищей по классу) еще почитать его сочиненій.

— Хорошо, прочту когда-нибудь, — отвѣчала учительница и задумалась надъ вопросомъ, какое изъ произведеній В. Гаршина можетъ быть доступно ученицамъ воскресной школы.

Х. Алчевская.

КРАСНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Разсказъ Всеволода Гаршина.

«Отеч. Зап.» 1883 г. Октябрь.

При недостаточности и несовершенствѣ симптоматологіи психозовъ, тщательное и подробное описаніе самочувствія больного можетъ имѣть большое значеніе. Въ особенности цѣнны описанія, сдѣланныя талантливыми людьми, имѣвшими несчастіе перенести душевную болѣзнь; такія описанія могутъ послужить высоко-поучительнымъ клиническимъ матеріаломъ. Изображеніе симптомовъ афазіи на основаніи самонаблюденія, впервые сдѣланное проф. *Лорда*, пріобрѣло ему безсмертную извѣстность. Въ свою очередь, такое же значеніе имѣютъ и описанія аффектовъ и патологическихъ душевныхъ состояній, сдѣланныя поэтами. Нѣкоторые изъ типовъ, созданныхъ творчествомъ Шекспира, оцѣнены психіатрической критикой только триста лѣтъ спустя послѣ смерти поэта; а Шекспировское изображеніе аффектовъ даже въ настоящее время во многихъ отношеніяхъ незамѣнимо. Эти мысли невольно возникаютъ въ умѣ при чтеніи разсказа, заглавіе котораго приведено выше. Мы находимъ въ немъ правдивое, чуждое аффектаціи и субъективизма, описаніе маніакальнаго состоянія, сдѣланное въ художественной формѣ. Разсказъ представляетъ собою не просто сырой матеріалъ, годный для исторіи болѣзни. Это скорѣе картина

В Макарьев
1886 г.

болѣзненнаго самочувствія, освѣщенная тонкимъ проницательнымъ анализомъ художественнаго таланта. Въ этомъ отношеніи коротенькій разсказъ *Гаршина* представляетъ интересъ для психіатра. Фабула разсказа проста. Больной въ состояніи маніакальнаго возбужденія помѣщается въ заведеніе для душевно-больныхъ; при сильномъ возбужденіи, аффектахъ, безпокойствѣ, безсонныхъ ночахъ болѣзнь принимаетъ дальнѣйшее развитіе, появляются опредѣленныя идеи бреда; при возростающемъ безпокойствѣ, больной постепенно слабѣетъ и умираетъ отъ истощенія силъ. Въ первый періодъ болѣзни еще нѣтъ установившихся идей бреда, существуютъ только разнообразные порывы экспансивнаго мышленія. Во второмъ періодѣ болѣзни появляются идеи бреда, и дѣятельность больного главнымъ образомъ связывается съ этими идеями. Вотъ бредъ больного и исторія его развитія.

Уже въ первый день послѣ своего вступленія въ больницу, больной замѣтилъ въ садикѣ два цвѣтка мака какой-то особой породы, отличавшейся необыкновенной яркостью своего цвѣта. Изо дня въ день на этихъ цвѣткахъ все болѣе и болѣе останавливалось вниманіе больного и наконецъ онъ пришелъ къ мысли, что въ этихъ цвѣткахъ сконцентрировано міровое зло и что, уничтоживъ ихъ, онъ сдѣлаетъ высокій подвигъ геройства. Къ этому направляется вся дальнѣйшая дѣятельность больного.

Изображеніе общаго маніакальнаго возбужденія со смутными экспансивными идеями, которыя еще не приняли опредѣленной конкретной формы и представляются сознанію больного въ видѣ неясныхъ силуэтовъ—это изображеніе съ полнымъ правомъ можно назвать классическимъ. Въ особенности рельефно представлено совмѣстное существованіе двухъ сознаній — *нормальнаго и патологическаго*. Приведемъ этотъ отрывокъ цѣликомъ.

«Онъ сознавалъ, что онъ въ сумасшедшемъ домѣ; онъ сознавалъ даже, что онъ боленъ. Иногда, какъ въ первую ночь, онъ просыпался среди тишины послѣ цѣлаго дня буйнаго движенія, чувствуя ломоту во всѣхъ членахъ и страшную тяжесть въ головѣ, но въ полномъ сознаніи. Можетъ быть отсутствіе впечатлѣній въ ночной тишинѣ и полусвѣтѣ, можетъ быть, слабая работа мозга только-что проснувшагося человѣка, дѣлали то, что въ такія

минуты онъ ясно понималъ свое положеніе и былъ какъ будто бы здоровъ. Но наступалъ день; вмѣстѣ со свѣтомъ и пробужденіемъ жизни въ больницѣ, его снова волною охватывали впечатлѣнія; больной мозгъ не могъ справиться съ ними, и онъ снова былъ безумнымъ. Его состояніе было странною смѣсью правильныхъ сужденій и нелѣпостей. Онъ понималъ, что вокругъ него всѣ больные, но въ то же время въ каждомъ изъ нихъ видѣлъ какое-нибудь тайно скрывающееся или скрытое лицо, которое онъ зналъ прежде или о которомъ читалъ или слыхалъ. Больница была населена людьми всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Тутъ были и живые, и мертвые. Тутъ были знаменитые и сильные міра, и солдаты, убитые въ послѣднюю войну, и воскресшіе. Онъ видѣлъ себя въ какомъ-то волшебномъ заколдованномъ кругѣ, собравшемъ въ себя всю силу земли, и въ горделивомъ изступленіи считалъ себя за центръ этого круга. Всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда затѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему гигантскимъ предпріятіемъ, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ. Онъ не зналъ, въ чемъ оно будетъ состоять, но чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для его исполненія» (стр. 303).

Нерѣдко можно встрѣтить въ обычныхъ описаніяхъ болѣзни указанія на фактъ борьбы *двухъ сознаній*. Эта борьба дѣйствительно существуетъ и наблюдается въ нѣкоторыхъ формахъ психическихъ болѣзней; въ острыхъ же быстро развивающихся маніакальныхъ состояніяхъ подобной борьбы не существуетъ; напротивъ того, здоровое сознаніе, здоровыя мысли являются совершенно безсильными на ряду съ безумнымъ сознаніемъ, бузумными идеями и дѣйствіями, которыя кажутся естественными, доставляютъ пріятное самочувствіе и тѣмъ самымъ исключаютъ всякій анализъ и критику. Именно это безсиліе здороваго сознанія съ неподражаемымъ искусствомъ передано авторомъ. Очевидно, здоровое сознаніе только существуетъ рядомъ съ патологическимъ, но никакой борьбы при этомъ нѣтъ.

Такой же отпечатокъ клинической правды носитъ изображеніе свѣтлыхъ промежутковъ и переходъ отъ нихъ къ болѣзненному приступу.

«Онъ очнулся ночью. Все было тихо; изъ сосѣдней большой комнаты слышалось дыханіе спящихъ больныхъ. Гдѣ-то далеко монотоннымъ, страннымъ голосомъ разговаривалъ самъ съ собою больной, посаженный на ночь въ темную комнату, да сверху, изъ женскаго отдѣленія, хриплый контральто пѣлъ какую-то дикую пѣсню. Больной прислушивался къ этимъ звукамъ. Онъ чувствовалъ страшную слабость и разбитость во всѣхъ членахъ; шея его сильно болѣла.—Гдѣ я? Что со мной? пришло ему въ голову. И вдругъ съ необыкновенной яркостью ему представился послѣдній мѣсяцъ его жизни, и онъ понялъ, что онъ боленъ и чѣмъ боленъ. Рядъ нелѣпыхъ мыслей, словъ и поступковъ вспомнился ему, заставляя содрогаться всѣмъ существомъ.—Но это кончено, слава Богу, это кончено! прошепталъ онъ и снова уснулъ... На нѣсколько мгновеній онъ проснулся въ полной памяти, и какъ будто-бы здоровымъ, затѣмъ, чтобы утромъ встать съ постели прежнимъ безумцемъ» (стр. 300).

Общее чувственно-двигательное возбужденіе маніака нарисовано мѣткими чертами. Всѣ периферическія впечатлѣнія представляются гораздо болѣе сильными (въ количественномъ отношеніи), чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ: теплая ванна кажется кипяткомъ (стр. 299), два красные цвѣтка мака кажутся ему необыкновенно яркими, какъ два красные уголька (стр. 305) и т. под. Общее чувство и иннерваціонныя чувства отличаются необыкновенной силой и яркостью: протягивая руку, больной чувствуетъ жаръ и колотье въ этой рукѣ, а потомъ во всемъ тѣлѣ, какъ будто бы какой-то сильный токъ пронизывалъ все его тѣло (стр. 304 — 305). Но въ то-же время болевая чувствительность видимо понижена во всѣ моменты, когда возрастаетъ возбужденіе. Во время свѣтлыхъ промежутковъ больной чувствуетъ страшную слабость, разбитость членовъ, боль (стр. 300), но какъ только начинается возбужденіе, боль и усталость исчезаютъ: *«съ шатающейся походкой и, часто спотыкаясь, больной продолжаетъ свою бѣшенную ходьбу и говоритъ, говоритъ безъ конца»*, производитъ отчаянное напряженіе силъ, дѣлаетъ себѣ обширныя ссадины на плечахъ, на локтяхъ, на ногахъ (стр. 310) и ничего этого не замѣчаетъ.

Ассоціаціи болѣзненныхъ идей подмѣчены и прослѣжены авторомъ съ поразительной тонкостью. Эта сторона разсказа съ психіатрической точки зрѣнія имѣетъ высокія достоинства. Приведемъ примѣры. Теплая ванна (стр. 299) показалась больному кипяткомъ, и въ безумной головѣ внезапно мелькнула безсвязная, отрывочная мысль объ испытаніи кипяткомъ и каленымъ желѣзомъ. Боль на затылкѣ отъ снятой мушки «показалась больному концомъ всего. Онъ отчаянно рванулся всѣмъ тѣломъ, вырвался изъ рукъ сторожей, и его нагое тѣло покатилось по каменнымъ плитамъ. Онъ думалъ, что ему отрубили голову».

Но всего нагляднѣе раскрыта удивительная механика ассоціативныхъ репродукцій при переходѣ больного изъ періода маніакальнаго возбужденія въ періодъ, выражающійся фиксированными идеями бреда. Больного поразилъ необыкновенно яркій цвѣтъ мака. Изъ этого впечатлѣнія возникаютъ слѣдующіе главные идейные ряды:

красный цвѣтъ—кровь;

макъ-опіумъ—ядъ;

ядъ—зло;

зло—его антитезы.

Впрочемъ лучше привести въ подлинникѣ это несравненное воспроизведеніе болѣзненныхъ ассоціацій.

«Онъ не спалъ всю ночь. Онъ сорвалъ этотъ цвѣтокъ, потому что видѣлъ въ такомъ поступкѣ подвигъ, который онъ обязанъ былъ сдѣлать. При первомъ взглядѣ сквозь стеклянную дверь алые лепестки привлекли его вниманіе, и ему показалось, что онъ съ этой минуты вполнѣ постигъ, что́ именно долженъ онъ совершить на землѣ. Въ этотъ яркій красный цвѣтъ собралось все зло міра. Онъ зналъ, что изъ мака дѣлается опіумъ; можетъ быть, эта мысль разростаясь и принимая чудовищныя формы, заставила его создать страшный фантастическій призракъ. Цвѣтокъ въ его глазахъ осуществлялъ собою все зло; онъ впиталъ въ себя всю невинно пролитую кровь (оттого онъ и былъ такъ красенъ), всѣ слезы, всю желчь человѣчества. Это было чванственное, страшное существо, противуположность Богу, Ариманъ, принявшій скромный и невинный видъ. Нужно сорвать его и убить, но этого мало. Нужно было не дать ему при издыханіи излить все свое зло въ міръ. Потому-то онъ и

спряталъ его у себя на груди. Онъ надѣялся, что къ утру цвѣтокъ потеряетъ всю свою силу. Его зло перейдетъ въ его грудь, его душу и тамъ будетъ побѣждено или побѣдитъ—тогда самъ онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ, какъ честный боецъ и какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всѣмъ зломъ міра» (стр. 307).

Аффекты, которые больной испытывалъ, отличаются необыкновенной силой. Когда свѣжіе росистые листья коснулись тѣла больного, *онъ поблѣднѣлъ какъ смерть и въ ужасѣ широко раскрылъ глаза, холодный потъ выступилъ у него на лбу* (стр. 305). Когда больной впервые увидѣлъ цвѣты мака и впился взоромъ въ это зрѣлище—то въ это время *столько дикой злобы и ненависти горѣло въ его безумныхъ глазахъ* (стр. 302), что фельдшеръ, увидѣвши его въ такомъ аффектѣ, чуть не отшатнулся въ испугѣ. Но и независимо отъ этихъ сильныхъ аффектовъ, больной находился безпрерывно въ состояніи сплошного аффективнаго возбужденія, совпадающаго съ идеями бреда. Эти аффекты истощаютъ его: онъ изнемогаетъ въ призрачной несуществующей борьбѣ, но всетаки изнемогаетъ (стр. 307).

Подъ вліяніемъ безпрерывнаго аффективнаго состоянія, мышленіе больного не перестаетъ быть крайне субъективнымъ при полномъ сохраненіи логики. Субъективированіе распространено не только на предметное мышленіе, но и на мышленіе символическое, на мышленіе словами: «Больной гулялъ по саду до самаго вечера, заводя знакомства и ведя странные разговоры, въ которыхъ каждый изъ собесѣдниковъ слышалъ только отвѣты на свои безумныя мысли, выражавшіяся нелѣпо-таинственными словами. Больной ходилъ то съ однимъ товарищемъ, то съ другимъ, и къ концу дня еще болѣе убѣдился, что «все готово», какъ онъ сказалъ самъ себѣ» (стр. 305).

Въ практическомъ отношеніи достойно упоминанія указаніе на то, до какой степени въ терапіи маніакальнаго состоянія имѣетъ значеніе безусловный покой больного и удаленіе всякихъ впечатлѣній. Незначительный шумъ, малѣйшее лишнее слово вызывали у больного цѣлый приступъ безумныхъ идей, аффекты и крайнее безпокойство. Дурное направленіе болѣзни съ исходомъ въ смерть

вѣроятно вызвано недостаточнымъ изолированіемъ больного отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Въ заключеніе разсказа мы встрѣчаемъ одну любопытную черту, хорошо знакомую только психіатрамъ. Больного, истощившаго всѣ свои силы подъ вліяніемъ великодушной, но безумной идеи бреда, нашли мертвымъ «съ свѣтлымъ, спокойнымъ выраженіемъ лица, его истощенныя черты выражали какое-то горделивое счастье». Не касаясь художественнаго значенія такого окончанія разсказа, мы укажемъ только на его клиническій смыслъ. Психіатры знаютъ, что душевная болѣзнь не обезличиваетъ человѣка, что высшая интеллигенція и благородныя черты характера остаются и среди болѣзни. Высшія и низшія натуры между больными отличаются такъ же, какъ и между здоровыми. Психіатрамъ давно извѣстно, что даже такіе тяжелые виды болѣзни, какъ прогрессивный параличъ, гдѣ болѣзненный процессъ доводитъ человѣка до крайняго безумія и почти изглаживаетъ всѣ слѣды человѣчности, даже въ этомъ состояніи, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ ли участія къ больному или при иныхъ условіяхъ— иногда на минуту можетъ вспыхнуть яркое проявленіе чувства и мысли, на которыя, казалось, больной уже болѣе не способенъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ ослабленія умственныхъ силъ—это начало сказывается съ полной силой и благородныя черты индивидуальности не уничтожаются, а только направляются въ иную сторону. Въ этомъ кроется причина того глубокаго участія, которое внушаютъ психіатру больные, лишенные разсудка, и за которое, въ свою очередь, эти больные платятъ психіатру довѣріемъ и уваженіемъ. «Никакое начальство не пользуется такимъ почтеніемъ отъ своихъ подчиненныхъ, какимъ докторъ-психіатръ отъ своихъ помѣшанныхъ», говоритъ авторъ (стр. 302).

Эти слова справедливы, какъ и все въ этомъ замѣчательномъ психологическомъ этюдѣ.

И. Сиккорскій.

ВПЕРЕДЪ!

(Поэма Ф. Коппе).

I.

Въ одеждѣ траурной, со скорбію во взорѣ
У хижины своей сидятъ, смотря на море:
Вдова погибшаго недавно моряка
И сынъ ея. Печаль обоихъ глубока...
Воспоминаніе о страшномъ ураганѣ,
Надѣлавшемъ бѣды у береговъ Бретани,
Преслѣдуетъ вдову. Теперь морская гладь
Недвижна и тиха, и кто бы могъ узнать
Въ ея поверхности спокойной и лазурной—
Могучій океанъ безжалостный и бурный,
Сгубившій осенью до двадцати судовъ,
Разбитыхъ бурею у самыхъ береговъ?
Но чѣмъ свѣтлѣе день и солнышко яснѣе,
Тѣмъ сердце у вдовы сжимается больнѣе
При мысли о быломъ.

***

«Мой бѣдный муженёкъ!—
Вздыхаетъ женщина;— а право, не въ упрекъ
Ему будь сказано, отчасти
И самъ онъ виноватъ... Обязаны въ несчастьи
Мы ближнимъ помогать—я знаю... Да къ чему
Бросаться въ омутъ самому
И Бога искушать? Давно такого шквала
Не видывали здѣсь; къ обѣду я сбирала,
Когда сказалъ, нахмуряся, Матвѣй:
—А жаль мнѣ тѣхъ, кто на̀ морѣ, ей-ей!—
И вышелъ. Несмотря на бурную погоду,
У пристани собра̀лося народу
Не мало. Рыбаки, толкуя межъ собой,
Смотрѣли издали на волнъ морскихъ прибой—
Какъ вдругъ, замѣтивъ судно,
Что̀ гибло на мели у Сенъ-Ромэнскихъ скалъ—
Матвѣй не выдержалъ и громко закричалъ:
— Эй, лодку!— Это безразсудно,—

Сказали многіе, а онъ на весь народъ
Какъ крикнетъ, разсердясь:— Кажися, между нами
Трусишекъ не было, а съ вѣтромъ да волнами
Мы знаемся давно! Спускайте же мой ботъ,
Не даромъ носитъ онъ прозваніе: «*Впередъ!*»—
Они отчалили... Блѣднѣя отъ волненья,
Мы ждали ихъ, но всѣ безъ исключенья,
Всѣ тамъ осталися—не спасся ни одинъ,
И ни куска отъ лодки злополучной
Найдти мы не могли!... Жано́, мой милый сынъ,
Ты обѣщался мнѣ остаться неотлучно
При матери, сказалъ, что морякомъ
Не сдѣлаешься ты!... Латинскимъ языкомъ
Займися съ батюшкой, какъ самъ онъ предлагаетъ,
Но въ море не ходи... Оно меня пугаетъ!
Учись прилежнѣе, а тамъ,
Богъ дастъ, священникомъ ты сдѣлаешься самъ!»

2.

Но сынъ молчитъ. И сумраченъ и тихъ—
Онъ думаетъ о сверстникахъ своихъ,
Которые, уѣхавъ на разсвѣтѣ,
Въ заливѣ, тамъ закидываютъ сѣти...
Онъ прежде былъ проворнѣйшимъ изъ нихъ,
За то теперь скучаетъ онъ жестоко!
Освободясь отъ длиннаго урока,
Какъ любитъ онъ на берегу морскомъ
Бродить одинъ, иль съ хохотомъ и визгомъ
Карабкаться на скалы босикомъ
И подставлять соленымъ, ѣдкимъ брызгамъ
Свое лицо! У сына моряка
Рождается глубокая тоска
По челнокамъ съ рыбацкими снастями,
Что̀ вдалекѣ бѣгутъ подъ парусами,
Гонимые попутнымъ вѣтеркомъ...
И все же онъ не будетъ морякомъ!

3.

А время все идетъ. Въ осеннее ненастье
Опять у береговъ случилося несчастье.

Когда замѣтили тонувшій въ морѣ бригъ—
Среди собравшихся раздался дружный крикъ:
— «Эй лодку! Да живѣй! Готовьтеся, ребята!»
И снова мать Жанò, тревогою объята,
Блѣднѣетъ вся: «Останься. Не ходи!»...
Не отвѣчая ей, съ отчаяньемъ въ груди,
Съ расширенными завистью зрачками
Ребенокъ, внѣ себя, слѣдитъ за рыбаками,
Колебляся... Но вдругъ огромная волна
На бѐрегъ хлынула, и въ массѣ пѣны бѣлой
Съ собою вынесла со дна
Обломокъ челнока—разбитый, почернѣлый,
Съ истертой надписью: «*Впередъ!*»
Сомнѣнья нѣтъ: отецъ его зоветъ!
И мальчикъ, вырвавшись съ рѣшимостію смѣлой,
Бѣжитъ къ челну, беретъ себѣ весло.
— «Отчаливай!» И лодку понесло.

Какъ бьются всѣ сердцà, отъ страха замирая!
Плывутъ... «Смотри! Ахъ, Дѣва Пресвятая!
На встрѣчу имъ—громадная волна!
Никакъ ихъ залило?... Нѣтъ, лодка все видна...
Подходитъ къ кораблю... Ну, вò время поспѣли!
Несчастный бригъ держался еле-еле...
Глядите-ка! Плывутъ уже назадъ,
А ботъ полнёхонекъ... Бросайте имъ канатъ!»
— «Что? Всѣ ли спасены?— Всѣ, братцы!—Неужели?—
Ну, слава Господу! Табаньте, молодцы!»

Когда спасенные, а съ ними и гребцы
Ступили нà берегъ, Жанò сказалъ рыдавшей
Отъ счастья матери, его благословлявшей
Своей дрожащею рукой:
«Родная, не горюй! Отецъ доволенъ мной!»

1888 г. Мартъ.

О. Чюмина.

БУДНИЧНЫЯ СЦЕНЫ.

(Наброски).

1.

Была весна. Стояло теплое, тихое и ясное утро воскреснаго дня. Съ церковныхъ колоколенъ неслись веселые звуки благовѣста. Солнце поднялось ужъ довольно высоко и заливало яркимъ свѣтомъ улицы, сады и дома. Его лучи проникли и въ небольшую комнату въ мезонинѣ одного изъ деревянныхъ домиковъ на Петербургской сторонѣ. Окно этой чистенькой, оклеенной свѣтленькими обоями, уютной комнатки выходило въ садъ, гдѣ уже давно цвѣли сирени. Въ ней, обставленной старой, но заботливо подновлявшейся новымъ лакомъ мебелью краснаго дерева, помѣщались между прочимъ двѣ кровати съ чистыми простынями, съ бѣлыми одѣялами изъ пикэ, съ украшенными прошивками наволочками на подушкахъ. На одной кровати спалъ сладкимъ утреннимъ сномъ румяный, полнолицый, курчавый блондинъ; на другой лежалъ только что проснувшійся нѣсколько худощавый, нѣсколько блѣдный, но отличавшійся красивыми правильными чертами лица брюнетъ. У обоихъ едва пробивались усики, оба походили скорѣе на школьниковъ, чѣмъ на взрослыхъ людей. Проснувшійся брюнетъ сладко потянулся и всталъ. Не одѣваясь, онъ

подошелъ къ окну, раздвинулъ дешевенькія, но ослѣпительно бѣлыя кисейныя занавѣси, заглянулъ въ садъ, посмотрѣлъ на спящаго товарища, какъ бы раздумывая, можно ли открыть окно или нельзя, наконецъ желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ и насладиться ароматомъ цвѣтущей сирени взяло верхъ и онъ распахнулъ окно, широко дохнувъ всею грудью. Онъ заглянулъ въ садъ, чтобы убѣдиться, что тамъ никого нѣтъ, и присѣлъ на подоконникъ. Въ саду было тихо и пусто. Только чирикали и суетились внизу на усыпанныхъ толченымъ кирпичемъ дорожкахъ воробьи, да слышалось, какъ гдѣ-то въ сторонѣ, на надворной голубятнѣ, ворковали голуби.

Блондинъ открылъ глаза.

— Экая весна-то стоитъ!—проговорилъ молодой человѣкъ, наслаждаясь прелестью затишья, свѣта, тепла.

— Что? развѣ ужъ пора вставать, Гриша?—спросилъ онъ.

— Десять часовъ,—отозвался брюнетъ.

Блондинъ зѣвнулъ и засмѣялся, показавъ два ряда бѣлыхъ зубовъ.

— А я бы цѣлый день спалъ, благо праздникъ. Нечего сказать, люблю поспать.

— Ахъ, ты байбакъ! Недаромъ Мишкой назвали,—пошутилъ Григорій.—Взгляни, что за утро-то. Восторгъ!

— То-то ты и сидишь въ одной рубашкѣ на окнѣ,—опять засмѣялся блондинъ.—Погоди, вотъ Кирила Ивановичъ или Анисья Петровна увидятъ, скажутъ, что ихъ Марью Кириловну компрометируешь.

Сидящій на подоконникѣ товарищъ отвѣтилъ:

— Они всѣ теперь у обѣдни. Сестра Соня тоже вѣрно ушла къ обѣднѣ.

— Да, а вотъ мы съ тобой, Гриша, давно не были у обѣдни,—сказалъ блондинъ.—Исакій, жаль, далеко, а тамъ хорошо поютъ. Тоже въ Почтамтской и въ Конюшенной церквахъ хорошіе хоры. Люблю я хорошее пѣніе. Особенно, когда Херувимскую...

Гриша вздохнулъ, проговорилъ разсѣянно: — Кто хорошаго не любитъ!

Онъ сидѣлъ теперь, опустивъ голову, смотря внизъ на садикъ,

задумчивый, грустный. Густые черные волосы безпорядочно падали на его блѣдный лобъ. Черные глаза безцѣльно опустились внизъ и слѣдили за прыгающими на аллейкахъ садика воробьями. Лежавшій на постели блондинъ всматривался въ него и наконецъ окликнулъ:

— Гриша!

Тотъ нервно вздрогнулъ.

— А? что?

— Опять задумался. О чемъ?

— Такъ... самъ не знаю... вдругъ вотъ защемитъ иногда сердце... и съ чего, кто его знаетъ...

— Къ чорту всякую михлюдію! Чего намъ носы вѣшать? Слава Богу, живемъ себѣ: молоды, при мѣстѣ, устроились не дурно.

Онъ осмотрѣлся кругомъ, какъ бы мысленно провѣряя свои слова о томъ, что они устроились недурно.

— У иной барышни нѣтъ такой спальни. Свѣтло, чисто, франтовато, — продолжалъ онъ. — Право, наша квартира точно игрушечка...

Григорій усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— А я вотъ только что о томъ-же думалъ: у Топорковыхъ садъ тоже точно игрушечка... Да, все игрушечное: и садъ, и домъ, и наша квартира... Ужъ и сами-то мы со своимъ счастьемъ не игрушки-ли?...

Его товарищъ засмѣялся.

— Ну, зафилософствовалъ!.. Нѣтъ, я, право, доволенъ жизнью. Да ужъ одно то, что мы вмѣстѣ, какъ братья, живемъ, чего стоитъ! Ей Богу!

Онъ поднялся съ постели, сильный, здоровый, немного толстоватый, и, весело улыбаясь, расправился, потянувшись широко руками. Онъ отыскалъ портсигаръ, досталъ папиросу, закурилъ и подошелъ къ Гришѣ.

— Мы съ тобой при сестричкѣ Софьѣ Аркадьевнѣ, какъ у Христа за пазухой живемъ,—проговорилъ онъ, похлопавъ по плечу Гришу.—Я, знаешь, никогда и во снѣ не видѣлъ, что жизнь можетъ сложиться такъ хорошо. Это я тебѣ и твоей сестрѣ обязанъ.

Онъ протянулъ руку Гришѣ и крѣпко сжалъ его руку.

— Спасибо, другъ!

— Ну, вотъ еще, есть за что благодарить. Ѣшь и пьешь за свои деньги, а если мы хорошо относимся къ тебѣ, такъ ты самъ знаешь, какъ любимъ мы, я и сестра, тебя. Не будь тебя съ нами, намъ просто стало бы странно, пусто въ домѣ...

Въ сосѣдней комнатѣ раздался звонъ посуды, послышались женскіе шаги. Кто-то тамъ говорилъ осторожнымъ шопотомъ и одна изъ разговаривающихъ тихо покашливала, видимо стараясь пересилить этотъ кашель.

— Софья Аркадьевна вернулась,—сказалъ Миша.

— Да,—отвѣтилъ Григорій и тихо прибавилъ:—Все кашляетъ... тревожитъ меня этотъ кашель...

— Ну, вотъ! Простудилась она немного,—отозвался Миша.

Гриша взглянулъ на него выразительными черными глазами.

— А если это не простуда, а начало чахотки?

— Ну-у! протянулъ тотъ.

Григорій вздохнулъ и махнулъ рукою.

— Что-жъ, хорошаго я могу не ждать, а дурного...

Онъ оборвалъ рѣчь, по его лицу скользнула горькая усмѣшка и онъ отрывисто закончилъ:

— Макаромъ меня надо было-бы назвать, а не Григорьемъ.

Въ двери послышался легкій стукъ.

— Молодежь, вставать пора!—раздался ласковый по тону, но слегка осипнувшій женскій голосъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, сестричка!—весело крикнулъ Миша.— Мы уже встали. Философствуемъ вотъ.

Онъ торопливо пошелъ къ постели и сталъ одѣваться. Григорій медленно послѣдовалъ его примѣру.

2.

Въ столовой, игравшей роль и гостинной, и зала уже были поданы кофе и завтракъ. Около стола стояла стройная дѣвушка лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Это была Софья Аркадьевна Живаго. Сразу можно было угадать, что она родная сестра Григорія. Они были, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. Ее можно-бы было назвать красавицей, если бы она не была такъ

худощава. Одѣтая въ сѣрое гладкое платье съ пунцовымъ бантомъ спереди у шеи, она по фигурѣ производила впечатлѣніе очень молоденькой дѣвушки, но, всматриваясь въ ея лице, можно было замѣтить морщинки около глазъ, тонкія черточки на лбу, безчисленные меленькіе слѣды безчисленныхъ меленькихъ невзгодъ, печалей и огорченій. Въ ея движеніяхъ была непринужденная грація и нѣкоторая, усвоенная въ послѣднее время усиленная подвижность. Казалось, она упорно старалась быть развязною и подвижною, чтобы показать, что она вполнѣ здорова, бодра, весела. Сила воли, энергія характера или настойчивое упрямство—назовите это какъ угодно—заставляли ее не падать духомъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда умеръ ея отецъ, не ныть, когда около трехъ лѣтъ ея мать пролежала въ постели и наконецъ скончалась, не отпустить рукъ, когда ей пришлось остаться вдвоемъ съ братомъ, еще не кончившимъ гимназическаго курса, и ходить за больной теткой. Мало того, она чуть не поссорилась съ братомъ за то, что онъ тотчасъ по окончаніи гимназіи взялъ мѣсто въ банкѣ, а не пошелъ въ университетъ. Долго она доказывала ему, что онъ можетъ перебиться уроками, а она перебьется шитьемъ. Но онъ былъ не менѣе настойчивымъ, чѣмъ она: онъ уже понималъ, что шитьемъ она только окончательно загубитъ свое здоровье, разстроенное и безъ того, а онъ самъ, учась и уча, будетъ только жить въ проголодь, будучи плохимъ студентомъ и плохимъ учителемъ. Можетъ быть, онъ рѣшилъ бы иначе, еслибы кромѣ ихъ двухъ ртовъ у нихъ не было еще третьяго рта—сестры ихъ матери, медленно угасавшей старухи, жившей на ихъ счетъ. Его соображеніе оказалось вѣрнымъ. Не смотря на упорный трудъ сестры, не смотря на получаемое имъ жалованье, не смотря на даваемые имъ уроки, они едва сводили концы съ концами: въ домѣ былъ лишній ротъ и его приходилось кормить. Больная старуха чувствовала, что она связала ихъ по рукамъ и ногамъ. Она молилась о своей смерти, но освободить отъ себя племянника и племянницу не могла, такъ какъ въ больницу ее, какъ неизлечимую, не принимали, а въ богадѣльнѣ она числилась уже пятый годъ кандидаткой. Но если старушка мучилась мыслью, что она заѣдаетъ вѣкъ племянника и племянницы, то они сами никогда еще даже на минуту не останавливались на

этой мысли. Тетка когда-то вынянчила ихъ; они ее любили, какъ мать; тяготило ихъ не ея присутствіе у нихъ, а ея страданія; когда ея ревматизмъ дѣлался нестерпимымъ, они бѣжали къ доктору, въ аптеку, дѣлали ей разные компрессы, ухаживали за нею, не думая о какихъ нибудь «жертвахъ», а только заботясь, чтобы ей стало легче. Какъ ни тяжело имъ было возиться съ нею, но если бы она умерла—въ ихъ квартирѣ имъ показалось-бы пусто, въ ихъ жизни потерялась-бы цѣль, такъ какъ они привыкли оба съ кѣмъ нибудь нянчиться, съ отцомъ, съ матерью, съ теткою. Скоро послѣ поступленія Гриши на службу случилось неожиданное обстоятельство. У Григорія былъ въ гимназіи одинъ изъ любимыхъ друзей, Михаилъ Александровичъ Яковлевъ. Яковлевъ былъ однимъ изъ безпечнѣйшихъ людей: байбакъ, увалень, лѣнтяй по натурѣ, благодушный простякъ, онъ шелъ въ гимназіи плохо и наконецъ его исключили. Онъ обратился къ Григорію, прося мѣста. Григорій пристроилъ его въ банкъ и предложилъ ему жить вмѣстѣ съ нимъ и съ его сестрой. Яковлевъ обрадовался. Онъ могъ жить, не думая и не заботясь ни о чемъ: ни о столѣ, ни о чистотѣ, ни о бѣльѣ, ни объ одеждѣ. Такая жизнь была идеаломъ его счастія. Рады были его переѣзду въ ихъ квартиру и Живаго: ихъ тетка по большей части не являлась даже въ общей комнатѣ, не завтракала, не обѣдала съ племянникомъ и племянницей; въ квартирѣ было нѣсколько тоскливо, казалось, гдѣ-то тутъ стоитъ покойникъ; Яковлевъ долженъ былъ внести въ домъ нѣкоторое оживленіе. Такъ и случилось. Вотъ уже слишкомъ полтора года, какъ они живутъ всѣ вмѣстѣ, вполнѣ довольные судьбой, повидимому счастливые, не требовательные. Иногда, правда, у Софьи Аркадьевны вдругъ сожмется сердце при мысли, что ея братъ, бывшій первымъ ученикомъ въ гимназіи, испортилъ свою карьеру для нея и для старухи-тетки. Порой Григорій Аркадьевичъ вдругъ опечалится и омрачится, заслышавъ зловѣщее покашливанье сестры. Но эти тучки проходятъ, какъ только появляется Михаилъ Александровичъ; безпечный и благодушный, онъ развлекаетъ и смѣшитъ брата и сестру, ласкается къ нему и цѣлуетъ у нея руки. При дѣтяхъ мы невольно стараемся улыбаться, а Михаилъ Александровичъ—дитя, большое дитя по характеру, развитію, образованію.

— А вы ужъ и у обѣдни побывали, сестричка?—раздался его веселый голосъ въ столовой и онъ наклонился, чтобы поцѣловать руку Софьи Аркадьевны.

На ея щекахъ выступилъ легкій румянецъ, когда она нагнулась, чтобы поцѣловать его въ голову.

— Нѣтъ, Миша, я сегодня тоже проспала. Только на рынокъ сходила, — отвѣтила она, не распространяясь о томъ что у нея ночью были страшные приступы кашля. — А Гриша всталъ?

— Онъ раньше меня поднялся, изволилъ все природой любоваться, а можетъ быть, и подкарауливалъ кого-нибудь. Тоже тихоня-тихоня, а пальца въ ротъ ему не клади.

Онъ плутовато улыбнулся. Она погрозила ему.

— Чужія тайны выдаете!

— Чьи это тайны онъ выдаетъ?—спросилъ вошедшій при этихъ словахъ Григорій Аркадьевичъ.

Сестра, цѣлуясь съ братомъ, отвѣтила:

— Чьи-же, какъ не твои. Говоритъ, что ты кого-то подкарауливалъ въ саду. Ужъ не Марью ли Кириловну?

— Вотъ выдумали!—съ усмѣшкой сказалъ Гриша.

— Что-жъ, я желала бы тебѣ такую хорошенькую невѣсту,— ласково замѣтила сестра.

— Ну, развѣ въ лицѣ дѣло? И какой я женихъ!

— А мнѣ что же вы не посовѣтуете за ней пріударить?

— Вамъ, Миша, еще рано,—отвѣтила Софья Аркадьевна и ея щеки опять покрылись румянцемъ.—Вы еще мальчикъ и было-бы жаль, если-бы вы женились теперь...

Онъ безпечно засмѣялся.

— Да я и не женюсь! Ужъ потому не женюсь, что пришлось-бы уѣхать отсюда...

Она ласково взглянула на него.

— Баловать васъ было-бы некому?

— Ну да, сестрички не было-бы... Вѣдь за женой-то самому пришлось бы ухаживать. А ужъ на это меня не хватитъ...

— Ахъ, ты байбакъ!—шутливо сказалъ Григорій Аркадьевичъ.—Еще хорошо, что откровенно сознаешься въ своихъ грѣхахъ... Смотри, жизнь не проспи...

— Ну, толкуй!—отозвался Яковлевъ и спросилъ:

— Кстати, что мы сегодня вечеромъ намѣрены дѣлать? Хорошо бы послѣ обѣда махнуть на Крестовскій. Погода отличная.

— Что-жъ, можно,—согласился Гриша.—Не все же у Зоологическаго сада сидѣть.

— Да въ воскресенье и нельзя. Очень ужъ много народу въ паркѣ.

Они очень часто весною и лѣтомъ проводили вечерніе часы въ паркѣ около Зоологическаго сада, слушая музыку, долетавшую оттуда. Иногда они видѣли даже, какъ ходили тамъ акробаты по высоко натянутому канату. Въ самый садъ заходили они рѣдко: девяносто копѣекъ на удовольствіе въ хозяйскомъ бюджетѣ бывали не всегда.

Окончивъ утренній кофе, Софья Аркадьевна пошла заглянуть въ кухню, потомъ въ комнату тетки, затѣмъ вернулась снова въ столовую и усѣлась у открытаго окна за шитье. Молодые люди прошли въ свою комнату, Гриша взялъ книгу, пріютился у окна, а Миша, побродивъ безцѣльно по комнатѣ, захватилъ легкую фуражку и пошелъ въ садъ.

3.

Садикъ при домѣ титулярнаго совѣтника Кирила Ивановича Топоркова былъ не великъ, но въ немъ было всего понемножку: были тутъ и кусты сирени, и лѣтніе цвѣты въ клумбахъ и кусты смородины и кружовника, и пара яблоней, и грядка огурцовъ, и бесѣдка, и качель. Все это было въ миніатюрныхъ размѣрахъ, казалось игрушечнымъ, тѣмъ не менѣе всѣмъ этимъ гордились Топорковъ и его жена нисколько ни меньше, чѣмъ онъ гордился своимъ Станиславомъ на шеѣ, носившимся даже при отправленіяхъ въ баню, а она своею бѣлою турецкою шалью, надѣвавшеюся исключительно на свадьбы и къ обѣднямъ въ большіе праздники. Жильцы «чистой» половины дома, т. е. Софья Аркадьевна Живаго и ея братъ и Михаилъ Александровичъ Яковлевъ пользовались правомъ «гулять» въ этомъ садикѣ, чего не дозволялось жильцамъ

съ «черной» половины дома Топорковыхъ, то есть содержавшей въ подвалѣ «углы» прачкѣ, сапожнику изъ надворнаго флигеля, бывшему на ножахъ съ домохозяиномъ ради своихъ семерыхъ дѣтей, и двумъ престарѣлымъ дочерямъ статскаго совѣтника Каратаевымъ, жившимъ въ томъ же флигелѣ и бывшимъ на ножахъ съ Анисьей Петровной. Софья Аркадьевна и Григорій Аркадьевичъ почти не пользовались своимъ правомъ—она не могла шить въ саду, онъ не могъ тамъ читать, за то Михаилъ Александровичъ нерѣдко проводилъ здѣсь цѣлые часы въ свободное время весной, лѣтомъ и осенью. И теперь по обыкновенію онъ пробрался на свое любимое мѣсто, къ качелямъ, прилегъ на доску, закурилъ папиросу и сталъ тихо покачиваться, подталкивая качель легкимъ прикосновеніемъ опущенной ноги къ землѣ. Больше всего любилъ онъ это полудремотное состояніе: качель немного убаюкиваетъ, солнце сильно грѣетъ спину, глаза безцѣльно смотрятъ, какъ проползаетъ по дорожкѣ какая-нибудь козявка, какъ вдругъ слетитъ на песокъ воробей, осмотрится кругомъ, проскачетъ быстро-быстро впередъ и вдругъ чего-то смертельно испугается и разомъ упорхнетъ въ кусты; въ головѣ нѣтъ никакихъ думъ, надеждъ, сомнѣній, а только стоитъ одно неподвижное сознаніе; «хорошо жить на свѣтѣ».

— У-у!—вдругъ раздалось надъ самымъ его ухомъ.

Онъ даже не пошевельнулся, только лѣниво проговорилъ:

— Меня-то ужъ не испугаете!

Потомъ не спѣшно выпрямился и протянулъ руку молоденькой дѣвушкѣ въ малороссійскомъ костюмѣ.

— Вотъ вѣдь вы какой, воскликнула она немного капризнымъ тономъ,—никогда, никогда васъ не испугаешь!

Онъ усмѣхнулся.

— А вы, Марья Кириловна, и не пугайте, потому все равно не испугаюсь.

Онъ сталъ закуривать снова потухнувшую папиросу. Молодая дѣвушка спросила:

— Хотите качаться?

— Лѣнь,—отвѣтилъ онъ.

Она сдѣлала гримасу и сѣла на скамью противъ качель, сорвала листикъ березы и начала его покусывать.

Михаилъ Александровичъ уперся локтями въ колѣни, опустилъ на ладони голову, уставился голубыми глазами въ землю и, кажется, забылъ о существованіи молодой дѣвушки, не разговаривалъ съ ней, не смотрѣлъ на нее. Впрочемъ, что же ему было и смотрѣть на нее, когда онъ ее зналъ, какъ самого себя. Ничѣмъ не отличалась она отъ сотенъ и сотенъ шестнадцати и семнадцати лѣтнихъ дочерей титулярныхъ и не титулярныхъ совѣтниковъ, — дочерей, носящихъ дома вышитые, дома сшитые малороссійскіе костюмы, то есть какіе-то сшитые вмѣстѣ, какъ у арлекиновъ, бумажные и холщевые лоскутья разныхъ цвѣтовъ съ пестрыми узорами, разнокалиберныя и разноцвѣтныя стеклянныя бусы, намотанныя на шею, и вороха разнообразныхъ лентъ и ленточекъ на шеѣ и въ висящей сзади, не слишкомъ пышной, не слишкомъ длинной косѣ петербургской барышни. «Ростъ средній, лице круглое, ротъ умѣренный, глаза свѣтлые, волосы русые», можно написать въ паспортахъ этихъ барышенъ и въ графѣ особыхъ примѣтъ выставить: «особыхъ примѣтъ нѣтъ». Къ этому можно-бы прибавить: «голосокъ щебещущій, манеры умѣренно свободныя, рѣчи пустяшныя, но мило капризныя, мысли всегда однѣ и тѣ же: «онъ въ меня долженъ влюбиться», «онъ въ меня влюбился», «противный, когда же онъ въ меня влюбится». Страстей нѣтъ никакихъ, кромѣ одного страстнаго желанія выйдти замужъ законнымъ бракомъ «за него», т. е. за перваго встрѣченнаго мужчину, у котораго хватитъ храбрости жениться. Михаилъ Александровичъ, не смотря на свою молодость, зналъ до двадцати подобныхъ дѣвушекъ, только видѣлъ ихъ рѣже, чѣмъ Марью Кириловну.

— Васъ, вѣрно, и изъ гимназіи потому исключили, что вы такой лѣнтяй,—сердито проговорила Марья Кириловна.

— Да, за лѣность,—равнодушно отвѣтилъ Яковлевъ.

— Какъ это хорошо!—съ гримасой оказала она.

— Мнѣ что-жъ, служу вотъ...

— За то чина никакого нѣтъ...

— На что мнѣ чинъ? Я дворянинъ. Жалованья хватаетъ. Послужу—еще прибавятъ. Да у меня еще въ будущемъ бабка въ Астрахани умретъ, кое-какія крохи оставитъ. Тетка тоже въ Казани есть, для меня копитъ... Въ университетъ я, все равно, не пошелъ-бы.

— Отчего это?

— А вы отчего не пошли на курсы?

Она сдѣлала гримасу.

— Мнѣ не въ гувернантки готовиться.

— А куда же?

— Вотъ вопросъ! Замужъ выйду.

Онъ ничего не возразилъ. Оба помолчали немного.

— А Григорій Аркадьевичъ, вѣрно, ужъ за книгой сидитъ?— спросила она.

— Да.

— Люблю я молодыхъ людей, когда ихъ все такъ интересуетъ. Онъ, должно быть, очень умный!

— О, да, онъ хорошій человѣкъ, и онъ, и сестра,—искренно прибавилъ Михаилъ Александровичъ.

— Ну, въ нее-то вы влюблены!—воскликнула она.—Какъ-же вамъ не хвалить ее.

Онъ поднялъ голову и взглянулъ прямо ей въ лице.

— Что вы выдумываете, барышня?

— Это не я, а всѣ говорятъ.

— Кто же всѣ?

— Папа, мама. Извѣстно, если дѣвушка и молодой человѣкъ вмѣстѣ живутъ, сейчасъ влюбятся.

Онъ покачалъ головой.

— Глупости это! Софьѣ Аркадьевнѣ тридцать слишкомъ лѣтъ, а мнѣ двадцать одинъ годъ...

— Потому-то вы и влюблены другъ въ друга. Мальчики всегда влюбляются сперва въ старухъ, а старухи въ мальчиковъ.

— Ишь какая вы опытная.

— А вы несмысленочекъ!

На дворѣ раздался крикъ. Сиповатый басъ кричалъ на кого-то:

— Ахъ, вы пострѣлы, опять грязнымъ ковшемъ въ кадку лѣзите! Да я вамъ вихры натрясу! Подождите вы у меня. Всѣхъ васъ и съ отцомъ, и съ матерью вышвырну изъ дому!

— Ахъ, папа опять воюетъ съ ребятишками сапожника. Вотъ-то воевода!—воскликнула, заливаясь смѣхомъ, Марья Кириловна.—Комедія просто! Нашелъ тоже себѣ развлеченіе!

Калиточка въ садъ со двора отворилась и въ садъ вошелъ приземистый, плотный, съ большимъ брюшкомъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ измятой коломянковой парѣ, съ орденомъ на шеѣ. Это былъ самъ Кирила Ивановичъ Топорковъ.

— Нѣтъ, каковы разбойники, каковы разбойники!—волнуясь, заговорилъ онъ, кивнувъ головой Яковлеву.—Кадку съ водой опять опакостили. Грязный ковшъ, а они изъ нея воду черпаютъ, лакаютъ сами изъ ковша и потомъ остатки опять въ кадку же льютъ. Чортъ ихъ знаетъ, можетъ, еще наплюютъ въ ковшъ-то, а мы потомъ пей эту воду. Негодяи! И опять удрали!

Онъ присѣлъ на скамью, разгоряченный, красный, отдувающійся, и сталъ клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ отирать потъ со лба и съ блестящей, точно лакированной лысины.

— Что-жъ ты ихъ не выгонишь?—спросила дочь, поддразнивая его.—Я бы минуты ихъ не держала въ домѣ.

— А ты, матушка, прежде найди мнѣ другихъ жильцовъ, тогда я и выгоню ихъ,—внушительно отвѣтилъ Топорковъ, сдвигая для острастки густыя брови.

И обратился къ Яковлеву.

— Въ могилу они меня сведутъ, въ могилу!—А что вы станете дѣлать? Вонъ у насъ теперь, даже на Петербургской сторонѣ въ каждой улицѣ есть пустыя квартиры, ну, значитъ и терпи отъ всякаго жильца. Дома-то у насъ, у домохозяевъ, теперь вотъ-съ гдѣ сидятъ.

Онъ показалъ на жирный затылокъ лысой головы.

Дочь засмѣялась и замѣтила:

— Вотъ и мама на ножахъ съ Каратаевыми, а тоже держитъ ихъ въ домѣ.

Топорковъ серьезно и строго сказалъ:

— То бабьи дрязги, въ церкви впереди другъ передъ дружкой хочется встать, вотъ и все. А этотъ ракалья наплодилъ семерыхъ разбойниковъ, и либо отравятъ насъ они, либо подожгутъ домъ, либо окна у всѣхъ перебьютъ. Тутъ дѣло не въ томъ, кто старше: дочери-ли статскаго совѣтника или жена титулярнаго совѣтника?

Онъ вдругъ благодушно засмѣялся.

— Ахъ, ужъ эти женщины! Препираются изъ за глупостей, а сути понять не могутъ. Да по мнѣ, будь онѣ хоть дочерями министра — чихать на это хотѣлъ. Да-съ! Домохозяинъ я, домохозяинъ, а онѣ жилицы—вотъ въ чемъ моя привилегія! Вотъ не позволилъ имъ ходить въ садъ — и сидятъ въ четырехъ стѣнахъ у окошечка подгорюнясь, на сапожницкихъ поросятъ любуясь, и ничего подѣлать не могутъ.

Дочь опять засмѣялась звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ.

— Ну, еще что?—строго спросилъ отецъ, бросая на нее устрашающій взглядъ.

— Да ты значитъ не знаешь, папа? воскликнула она. — Ха, ха, ха! Не знаешь! Онѣ сегодня объявили черезъ Ивана мамѣ, что онѣ желаютъ лѣтомъ пользоваться садомъ...

— А вотъ когда я былъ на службѣ, такъ мнѣ все хотѣлось затесаться въ кабинетъ господина министра,—перебилъ ее съ ироніей въ голосѣ отецъ и укоризненно покачалъ головой:

— Ахъ, ты вѣтрогонка, вѣтрогонка! Мало-ли что кому желательно.

— Да онѣ велѣли сказать Ивану, что имъ Фомичевъ предлагаетъ квартиру у себя въ домѣ съ правомъ посѣщать его садъ,— поясняла дочь.

— Фомичевъ?—переспросилъ Топорковъ, сдвигая брови.—Фомичевъ? Вотъ-то подлецъ! Въ одномъ министерствѣ служили, а каверзу подпущаетъ своему-же брату!—И онѣ-то дуры! У Фомичева мезонинъ-то хуже рогоженной палатки. Снѣгъ тамъ по угламъ не таетъ.

— Лѣтомъ-то?—вставила дочь.

— Не лѣтомъ, а зимою!—сердито возразилъ отецъ и спросилъ:—что же мать сказала?

— Велѣла сказать, что никогда этого не будетъ, а потомъ, когда Иванъ ушелъ...

Она, кусая губы, чтобы удержаться отъ смѣха, замолчала на полусловѣ.

— Ну, что же потомъ?—спросилъ отецъ, сурово смотря на нее.

— Ха, ха, ха! не могу я!—залилась смѣхомъ дочь.—Мама... мама сказала, что жить она болѣе не можетъ отъ этихъ обидъ... и... и уйдетъ въ монастырь...

Она опять залилась смѣхомъ.

— Не смѣй вышучивать мать!—крикнулъ Топорковъ и обратился къ Яковлеву:—Вотъ-съ она жизнь домохозяина.—Тутъ-съ тебя самого допекаетъ какой-нибудь сапожникъ со своими семью поросятами, а съ другой стороны твоей женѣ садятся на шею какія-то полуумныя, старыя дѣвы, дочери статскаго совѣтника, госпожи Каратаевы. И что прикажете дѣлать: пляши по ихъ дудкѣ или не досчитывайся десятковъ, сотенъ рублей въ карманѣ. Лавируйте-съ тутъ. Вы-съ тутъ такъ сказать онеръ, а васъ вотъ возьмутъ да о козырной двойкой и прихлопнутъ. И молчите, и ни гу-гу, и покоряйтесь...

Онъ, разводя коротенькими руками, въ волненіи всталъ съ мѣста и, отдуваясь, мелкими шажками направился къ дому, бормоча подъ носъ:

— Надо обсудить, надо рѣшить...

Марья Кириловна пожала плечами.

— Смѣшитъ меня все это. Стоитъ заниматься такими мелочами. Ну, выйдутъ жильцы—другіе явятся.

— А убытки?—сказалъ Яковлевъ.

— Мы не разоримся отъ потери какой-нибудь сотни рублей. Слава Богу, мы не на какое-нибудь грошовое жалованье живемъ. Папаша и мамаша просто это отъ скуки развлекаютъ себя...

Ея лицо, съ вздернутымъ носикомъ приняло высокомѣрное презрительное выраженіе. Яковлевъ лѣниво всталъ.

— Куда вы? По Софьѣ Аркадьевнѣ соскучились? — насмѣшливо спросила Марья Кириловна.

И, не дожидаясь отвѣта, сказала.

— А какъ нѣжно она цѣлуетъ васъ въ голову...

Онъ отрубилъ:

— Что вы за вздоръ говорите!

— Да, да, ужъ я видѣла. Вы къ ней къ ручкѣ, а она васъ въ голову нѣжно такъ...

Она кокетливо улыбнулась.

— Что-жъ, вы не дурны собой, только увалень вы... вотъ ужъ я никогда не обратила-бы на такого вниманія.

Онъ усмѣхнулся и, ничего не отвѣчая ей, направился къ дому. Она посмотрѣла ему въ слѣдъ и топнула по песку ногой.

— Ахъ, противный байбакъ! Ничего не понимаетъ. А вотъ захочу и заставлю ухаживать за собой!

Она улыбнулась и стала напѣвать:

«Мы всѣ невинны отъ рожденья
И нашей честью дорожимъ»...

4.

Часовъ въ пять Софья Аркадьевна, ея братъ и Яковлевъ отправились на прогулку по островамъ. Сперва пошли прямо въ Петровскій паркъ и сразу очутились среди зелени, уже не напоминавшей о городѣ. Кругомъ на травѣ сидѣли группы людей, раздавался звонкій смѣхъ дѣтей, кое-гдѣ молодежь играла въ горѣлки. И сестру и брата, и ихъ спутника, охватило свѣтлое праздничное настроеніе; они, небогатые люди, стоявшіе, можетъ быть, только на одну ступень выше этой толпы, любили эти петербургскія картины: простой рабочій людъ, отдыхающій на лысыхъ лужайкахъ; молодую трудящуюся бѣдноту, наслаждающуюся этими невинными развлеченіями; томящихся по цѣлымъ мѣсяцамъ въ тѣсныхъ квартиренкахъ дѣтей, привѣтствующихъ весну какъ освободительницу изъ тюрьмы. Они нѣсколько разъ присаживались на скамьи, смотрѣли на эти оживленныя группы, прислушивались къ говору и смѣху, обмѣнивались впечатлѣніями, тихо смѣялись сами.

— Люблю я смотрѣть на этотъ людъ,—задумчиво замѣтилъ Гриша.—И хорошо, и какъ-то грустно становится на душѣ: чувствуешь, что они искренно веселятся, и сознаешь, что нѣтъ у нихъ ничего отраднаго въ жизни, кромѣ этого скуднаго веселья.

— Ну, ну, не пускайся въ философію!—весело перебилъ его Яковлевъ.—Весело имъ—и слава Богу! Еслибы жизнь дала только минуту счастья, я и тогда-бы ее любилъ. Право, хорошая эта штука—жизнь. Такъ, Софья Аркадьевна?

Она сидѣла безмолвно и думала въ эту минуту, какъ тяжело умирать молодой, какъ хотѣлось-бы пожить. На вопросъ Яковлева она молча кивнула головой и тихо сжала его руку.

— Да, и я люблю жизнь,—тихо сказала она.

Ея безсознательное движеніе или ея грустный тонъ заставили Яковлева взглянуть на нее. Она сидѣла съ задумчивымъ выраженіемъ лица, придававшимъ этому лицу особенную прелесть, что-то мягкое, что-то привлекающее, какъ материнская ласка; въ то-же время это лицо, раскраснѣвшееся отъ ходьбы и жара, казалось теперь особенно моложавымъ, дѣвически свѣжимъ. Она показалась Яковлеву почти красавицей.

Гриша поднялся съ мѣста, чтобы идти дальше. Спутники послѣдовали его примѣру. Михаилъ Александровичъ предложилъ руку Софьѣ Аркадьевнѣ. Она пошла подъ руку съ нимъ.

— Нѣтъ — философствовать тутъ нечего, когда живется хорошо,—оживленно проговорилъ Яковлевъ,—когда даже желанія нѣтъ лучшей жизни.

— А вамъ именно такъ хорошо живется? Да?—спросила Софья Аркадьевна съ лаской.

— Съ вами-то? Еще-бы!

Онъ безсознательно положилъ свою лѣвую руку на ея руку.

— Ахъ, вы милый юноша!—съ улыбкой проговорила она.

Они свернули на Крестовскій, прошли къ мосту на Елагинъ островъ и остановились.

Куда теперь идти: на Елагинъ, чтобы взглянуть на взморье, или къ крестовскому трактиру, чтобы посидѣть около него, послушать издали музыку и сѣсть на конку для возвращенія домой? На Елагинъ далеко, лучше свернуть къ трактиру, посидѣть тамъ и потомъ ѣхать домой.

— А что если зайдти въ садъ?—замѣтилъ вскользь Михаилъ Александровичъ.

— А финансы?—съ улыбкой сказала Софья Аркадьевна.

— Ну, пятьдесятъ-то копѣекъ!—возразилъ онъ.

— А прошлый мѣсяцъ сколько не хватило?

— Рубля.

— Значитъ теперь не хватаетъ еще болѣе.

Онъ вздохнулъ. Григорій Аркадьевичъ засмѣялся.

— Что-же ты не прославляешь жизнь за то, что не смѣешь пятьдесятъ копѣекъ бросить на удовольствіе?—спросилъ онъ.

Софья Аркадьевна вступилась за жизнь:

— Да развѣ это лишенія,—не видѣть аккробатовъ, не слышать шансонетокъ? Тутъ и простору больше и...

Гриша перебилъ ее:

— Не на одно это не достаетъ полтинниковъ!

Михаилъ Александровичъ уже повеселѣлъ снова и шутливо проговорилъ:

— Оставьте его, съ его философіей, а сами будемъ любить жизнь и наслаждаться всѣмъ, чѣмъ можемъ.

Онъ слегка прижалъ ея руку ближе къ себѣ, невольно, безъ всякой задней мысли. И она, и онъ, оба мягкіе, оба нуждающіеся въ ласкѣ, оба братски любящіе другъ друга, были счастливы въ эту минуту. Десятки разъ они ходили такъ рука объ руку, пожимали другъ другу руки, говорили, что они любятъ другъ друга. Никогда не искали они во всемъ этомъ двусмысленности, чего-нибудь недосказаннаго.

Послушавъ музыку, они сѣли въ конку и поѣхали домой. Михаилъ Александровичъ стоялъ на платформѣ и курилъ. Около него стояли какіе-то молодые люди и болтали о пассажирахъ.

— Вонъ у старушки красный носъ, вѣрно, клюкнуть бабушка не дура. А этотъ господинъ нахохлился, какъ индюкъ, вѣрно, какой-нибудь столоначальникъ отъ подчиненнаго съ имянинъ ѣдетъ и сознаетъ что онъ «оказалъ честь».

— Нѣтъ, ты взгляни, что за глаза!—шепнулъ одинъ изъ нихъ пріятелю.

Тотъ сталъ всматриваться.

— Да, братъ, отдай все и то мало.

— Тутъ ужъ не подкрашено ничего.

— Худовата только.

— Это-то и смакъ. Страстныя женщины рѣдко бываютъ коровами. Мнѣ теперь всю ночь будутъ сниться эти глаза.

— А это, вѣрно, ея братъ, тоже такіе глаза.

— Должно быть, только у нея они выразительнѣе...

Михаилъ Александровичъ угадалъ, о комъ говорили два пріятеля. Дѣйствительно, ни у кого не видалъ онъ такихъ глазъ, большихъ, черныхъ, съ поволокой, съ немного желтоватыми бѣлками, съ длинными и густыми черными рѣсницами. Онъ былъ почти

гордъ тѣмъ, что эти глаза восхищаютъ постороннихъ. Пусть-ка разсмотрятъ эти посторонніе всю ее; ея грація, ея зубы, ея брови, ея носъ, ея руки, все это въ своемъ родѣ совершенство. Не въ дѣвушкахъ-бы ей оставаться, а за первымъ богачемъ быть-бы замужемъ. Съума-бы отъ нея всѣ тогда сходили. А вотъ пришлось остаться въ дѣвушкахъ, ради того, что всю молодость отдала уходу за отцомъ, за матерью, за теткой, за братомъ, за нимъ. Добрая, она способна пригрѣть каждаго, кто нуждается въ ея заботахъ. Вотъ и его пригрѣла.

— Старыя дѣвы всегда влюбляются въ молодыхъ, а мальчики въ старыхъ дѣвъ.

Эти слова Топорковой вдругъ вспомнились ему и ему стало даже гадко на минуту. Дѣвчонка еще, а ужъ всякую мерзость знаетъ и ищетъ вездѣ. Потомъ онъ разсудилъ, что въ данномъ случаѣ не было-бы даже ничего гадкаго и смѣшного, если-бы онъ влюбился въ Софью Аркадьевну. Вонъ и посторонніе удивляются ея красотѣ. Конечно, она-то не влюбится въ него и не можетъ влюбиться, потому что она его за мальчика считаетъ. А если она его любитъ какъ брата, такъ онъ ей за это благодаренъ.

— Пора выходить, послышался около него голосъ Софьи Аркадьевны.

Онъ позвонилъ. Конка пріостановилась и онъ помогъ Софьѣ Аркадьевнѣ сойдти со ступеньки. Всѣ трое направились къ дому, Михаилъ Александровичъ велъ свою спутницу подъ руку и искоса любовался ея разгорѣвшимися лицомъ, ея блестящими глазами.

«Ну, сегодня и мнѣ всю ночь будутъ сниться ея глаза», невольно подумалъ онъ, вспомнивъ слова своихъ сосѣдей по конкѣ.

Вернувшись съ прогулки, Миша сбросилъ съ себя пиджакъ, взялъ гитару и, подсѣвъ къ окну, началъ мечтательно подбирать какой-то мотивъ чувствительнаго романса. Григорій прошелъ съ сестрою къ теткѣ. Минутъ десять спустя, онъ вернулся въ свою комнату, озабоченный и пасмурный, тоже сбросилъ пиджакъ и, взявъ первую попавшуюся книгу, сталъ читать, запустивъ пальцы въ волосы и облокотясь на столъ. Михаилъ Александровичъ искоса поглядывалъ на него, смутно угадывая, что Григорій чѣмъ-то встревоженъ.

Они давно сжились другъ съ другомъ и каждый угадывалъ по выраженію лица, что дѣлалось въ душѣ другого.

— Что нибудь случилось?—спросилъ наконецъ Яковлевъ.

— Теткѣ опять хуже стало,—отрывисто отвѣтилъ Живаго.

Оба смолкли. Наконецъ Григорій Аркадьевичъ не выдержалъ, отодвинулъ книгу, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Опять Соня всю ночь проведетъ безъ сна,—въ волненіи заговорилъ онъ. — А и у самой здоровье надорвано. Того и жди, что свалится съ ногъ. Вотъ ты жизнь восхвалялъ. Нечего сказать, хороша она. Пытка какая-то! — Тетка страдаетъ страшно и терзается, что изъ-за нея Соня мучится. Соня выбивается изъ силъ, чтобы помочь ей, и въ то же время ее безпокоитъ, что мнѣ приходится каждый лишній грошъ тратить на докторовъ и лекарства,— тратить и сознавать, что все это дѣлается только для отсрочки дня смерти. А я? Не могу я увѣрить тетку и сестру, что ихъ тревога—пустяки, что ходить года и года за больной весело для сестры, что я только для того и желаю гнуть горбъ, чтобы покупать лекарства и платить докторамъ. Начни я разсказывать эту чепуху, конечно, ни тетка, ни сестра не повѣрятъ. Ну, выйди изъ этого заколдованнаго круга... Чортъ бы его побралъ!

Онъ горько усмѣхнулся.

— Вонъ въ Китаѣ, говорятъ, стариковъ, когда они въ тягость, вывозятъ куда-то умирать, въ лѣсъ, что-ли... И чортъ знаетъ что за характеры у насъ: ну, вотъ дѣлаемъ все, что можемъ, а все кажется, что еще мало заботишься, упрекаешь за что-то себя, точно не все сдѣлалъ, что могъ...

Онъ махнулъ рукой.

— Эхъ, счастливы тѣ, у кого нѣтъ сердечныхъ привязанностей, кто ихъ ставитъ на послѣдній планъ, а на первый дѣло выдвигаетъ. Вонъ я читалъ про Эдисона, что онъ поѣхалъ съ женой въ свадебное путешествіе да зашелъ на свой заводъ, заинтересовался какимъ-то новымъ изобрѣтеніемъ, забылъ о женѣ и пробылъ на заводѣ нѣсколько недѣль. Счастливецъ! Мать умирай у него— онъ все же будетъ думать не о ней, а о своемъ дѣлѣ...

Миша задумчиво произнесъ:

— Какое-же у насъ дѣло?

Гриша оживился.

— Да, да, точно, какое-же у насъ дѣло! Гимназію ради семейныхъ обстоятельствъ бросаемъ, книги къ чорту бросили, потому надо на жратву добывать денегъ. Вонъ сестра меня за это распекала, а сама... всю молодость, всю жизнь загубила ради тѣхъ-же заботъ о родныхъ...

Онъ снова сѣлъ къ столу, облокотился на него и опустилъ голову на руки.

Миша задумался, понуривъ голову и безсознательно беря какіе-то чуть слышные аккорды на гитарѣ. Слова Гриши о Софьѣ Аркадьевнѣ навели его мысль на эту бѣдную дѣвушку. Красавица, умная, образованная, и вотъ гибнетъ ни за грошъ, ни за денежку, ради родныхъ. Ему даже захотѣлось, чтобы тетка Софьи Аркадьевны умерла поскорѣе. Руки бы она развязала.

— Господа, чай поданъ!—раздался голосъ Софьи Аркадьевны.

Молодые люди встрепенулись, надѣли пиджаки, пошли въ столовую. Софья Аркадьевна разливала чай и старалась побольше двигаться, казаться бодрою. Все это плохо удавалось ей и чѣмъ болѣе она чувствовала, что это ей удается плохо, тѣмъ болѣе развязности напускала она на себя.

— Сегодняшняя прогулка у меня изъ ума не выходитъ! — говорила она.—Такіе дни, какъ нынче, и весною даже на рѣдкость.

— Да, день хорошій, — замѣтилъ Михаилъ Александровичъ, немного озадаченный ея веселымъ тономъ.

— Я имъ вполнѣ довольна, — продолжала она. — Кажется, съ улицы не сошла-бы! И что за зелень на островахъ весною. Дачи не нужно. Вотъ ужъ я за одно это наши края люблю, что захотѣлось погулять—сейчасъ и въ паркъ.

— Это правда. Зимой далеконько въ должность ходить, — сказалъ Михаилъ Александровичъ. — За то лѣтомъ дачи не надо. Я сначала не могъ сразу привыкнуть къ ходьбѣ въ должность...

— Ахъ, лѣнтяй, лѣнтяй! Да вамъ непремѣнно нуженъ моціонъ, а то совсѣмъ жиромъ заплывете.

Григорій Аркадьевичъ слушалъ и все соображалъ: «кого она обманываетъ—меня? себя? Мишу? И зачѣмъ?» Наконецъ онъ допилъ чай, всталъ и пошелъ.

— Куда ты? Ужъ не спать-ли? Ахъ, соня этакій!

— Къ теткѣ, — коротко отвѣтилъ онъ и ушелъ изъ комнаты.

Она вдругъ смолкла, опустила на грудь голову, какъ-бы съежилась.

— Плоха она?—тихо спросилъ Михаилъ Александровичъ.

Софья Аркадьевна очнулась.

— Плоха... можетъ завтра-же умереть... и можетъ прожить нѣсколько лѣтъ,—отвѣтила она глухо. — О, пусть живетъ, пусть живетъ, но Гриша... Ахъ, хоть бы бросилъ онъ насъ, ее и меня! Смотрѣть я на него не могу. За что онъ губитъ лучшіе годы изъ-за двухъ старухъ.

— Софья Аркадьевна! — воскликнулъ Михаилъ Александровичъ.—Что вы говорите!

— Ну да, ну да! Двѣ старухи, обѣ въ гробъ смотрятъ, а онъ губитъ себя изъ-за нихъ. Ея дни сочтены, а мои — кто знаетъ, сколько протяну, а жизнь все же кончена. А онъ ради насъ губитъ себя. Вы думаете, я не понимаю, каково было ему бросить гимназію, отказаться отъ карьеры? Я все знаю. Онъ самолюбивъ, онъ сознаетъ свои силы, онъ въ душѣ долженъ проклинать свое рѣшеніе отдать все будущее на поддержаніе двухъ ненужныхъ жизней.

Она встала, подошла къ окну, чтобы скрыть слезы. Михаилъ Александровичъ послѣдовалъ за ней. Онъ былъ растроганъ, чувствительный, мягкосердечный.

— Полноте, голубушка, — заговорилъ онъ, остановившись около нея.—Не мучьте себя этими сомнѣніями. Гриша такъ любитъ васъ, что никогда ему и въ голову не придетъ, что онъ губитъ себя для васъ. Да и чѣмъ онъ губитъ? Въ университетъ не пошелъ? Экая бѣда! И безъ универеитета приняли на службу. Онъ радъ, что онъ можетъ быть полезнымъ вамъ. Да иначе и быть не можетъ. Я чужой, а я все отдалъ-бы ради васъ. Развѣ можно васъ не любить, зная васъ близко? Я такихъ-то дѣвушекъ и не видалъ, какъ вы...

Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

— Ну, не плачьте! А то еще Гриша вернется, увидитъ! Зачѣмъ его огорчать! Это его огорчитъ, если онъ узнаетъ, о чемъ вы плачете...

— Да, вы правы!—тихо сказала она, стараясь улыбнуться. — Добрый вы мальчикъ!

Онъ опять началъ цѣловать ея руку, не зная, что сдѣлать, чтобы успокоить ее. Его почти дѣтскіе добродушные глаза заглядывали ей въ лицо съ такой братской любовью, съ такой нѣжностью, что она невольно улыбнулась.

— Милая моя сестричка, на рукахъ-бы я васъ носилъ, только-бы вы были счастливы!—порывисто сказалъ онъ и прибавилъ: — Вы и не знаете, какъ мы васъ оба любимъ, и я, и Гриша...

Ему хотѣлось ее обнять, расцѣловать, прижать къ своей груди, только-бы она не плакала, только-бы ея лицо прояснилось улыбкой. Онъ былъ въ эту минуту и чувствительнымъ братомъ, утѣшающимъ сестру, и влюбленнымъ мальчуганомъ, не рѣшающимся приласкать обожаемую женщину. Его заботливость, его нѣжность, его мягкость отрадно подѣйствовали на нее, нуждающуюся въ ласкѣ. На землѣ у нея не было никого, кто могъ-бы приласкать ее: больной теткѣ было не до ласкъ; братъ относился къ ней мягко, любовно, но, слишкомъ серьезный, вѣчно озабоченный, никогда не допускалъ какихъ-бы то ни было чувствительныхъ сценъ; подруги по гимназіи давно уже отстали отъ нея, вѣчно возившейся съ больными родственниками, не появлявшейся въ обществѣ. Михаилъ Александровичъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который по праву мальчика, съ десяти-лѣтняго возраста пребывавшаго въ домѣ въ качествѣ близкаго знакомаго, могъ ласкаться къ ней, не смущая ее, не возбуждая въ ея душѣ вопроса о приличіи и неприличіи. Эти ласки въ тяжелую минуту были для нея тѣмъ же, чѣмъ являются для плачущей матери ласки ребенка, и она, не стѣсняясь, называла его:

— Мой милый мальчикъ! Хорошій мой мальчикъ!

Мужчины въ немъ она не чувствовала.

Вошелъ Григорій и озабоченно проговорилъ:

— Завтра надо доктора позвать.

— Зачѣмъ же?—замѣтила Софья Аркадьевна. — Я знаю всѣ средства, которыя нужно употребить. Докторъ не поможетъ. То же пропишетъ.

— Но все-же надо позвать, — отвѣтилъ онъ. — Помнишь, что

было во время смерти отца! Не на что было позвать доктора и онъ умеръ, а мать потомъ покоя не знала. «Заложить себя надо было,—говорила,—а все же пригласить доктора».

— Папа и такъ умеръ-бы, это-же и докторъ послѣ его смерти призналъ,—замѣтила Софья Аркадьевна.

— А все же мать мучили упреки совѣсти. Нѣтъ, другъ мой, тутъ ужъ нечего финтить: надо дѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать, если есть душа и совѣсть...

Онъ поцѣловалъ сестру и проговорилъ:

— Спокойной ночи не желаю, потому что знаю, что это напрасное желаніе...

Софья Аркадьевна попробовала пошутить, что она будетъ отлично спать, но шутка не удалась. Григорій и Яковлевъ прошли въ свою комнату, перекинулись нѣсколькими незначительными фразами и Яковлевъ улегся, сладко потягиваясь и позѣвывая. Онъ чувствовалъ себя необыкновенно хорошо, какъ можетъ только чувствовать юноша, вполнѣ здоровый, довольный жизнью, не требующій отъ нея больше, чѣмъ она даетъ. Все вызывало въ немъ пріятныя ощущенія: прикосновеніе къ тѣлу свѣжаго, чистаго постельнаго бѣлья, уютность комнатки съ свѣтлыми обоями, мягкій свѣтъ отъ лампы, прикрытой абажуромъ, красивая фигура Гриши, читающаго, облокотясь на столъ, книгу. Взглядъ Яковлева остановился на этомъ блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ. Какія длинныя черныя рѣсницы у Гриши; у нея тоже такія. Похожъ онъ на нее, но она еще красивѣе. Можетъ быть, она теперь тоже такъ сидитъ и читаетъ. На минуту Гриша поднялъ голову, чтобы закурить папиросу. Какія у него чудесные глаза, а у нея еще лучше. Какъ хороша, должно быть, она теперь, въ бѣломъ ночномъ туалетѣ. Миша зажмурилъ глаза, представляя въ своемъ воображеніи ее и улыбаясь уже полудремотной улыбкой влюбленнаго, которому снится любимая дѣвушка.

5.

Слѣдующій день былъ будничный, понедѣльникъ. Предстояло шесть дней однообразнаго образа жизни: утромъ отправленіе въ банкъ,

въ четыре часа возвращеніе домой, обѣдъ, потомъ часъ лежанья на постели, далѣе прогулка въ паркъ, сидѣнье около Зоологическаго сада, вечерній чай, затѣмъ сонъ въ ожиданіи слѣдующаго утра, съ которымъ начиналось тоже, что было вчера. Михаила Александровича эта жизнь не тяготила, онъ любилъ даже ее именно за то, что не объ чемъ было думать. Мало того, иногда ему даже бывало безконечно весело: товарищи по службѣ приносили порой холостые анекдоты, заставлявшіе хохотать до упаду; подчасъ въ паркѣ случалось натыкаться на интересныя сцены; бывали случаи мелкихъ интрижекъ, завязывавшихся сегодня, забывавшихся завтра. Григорій Аркадьевичъ обыкновенно не принималъ участія ни въ этихъ анекдотахъ, ни въ этихъ наблюденіяхъ въ паркѣ, ни въ этихъ интрижкахъ, нѣсколько презрительно называя за все это Яковлева и другихъ молодыхъ товарищей «юбошниками»; теперь-же ему и подавно было некогда заниматься этими пустяками, такъ какъ уроковъ у него было набрано не мало и хотѣлось ему набрать ихъ еще больше, чтобы покрыть экстренные расходы въ домѣ, связанные съ обострившеюся болѣзнью тетки. Болѣзнь тетки прибавила работы и Софьѣ Аркадьевнѣ; ей нужно было хозяйничать, шить и ходить за больною. Съ Яковлевымъ и братомъ она сходилась только за обѣдомъ, за чаемъ, на нѣсколько минутъ. Молодые люди обмѣнивались нѣсколькими фразами о здоровьи, о мелкихъ домашнихъ событіяхъ, о новостяхъ дня. Порой, видя, что лице Софьи Аркадьевны утомленно, Яковлевъ украдкой совѣтовалъ ей беречь себя; подчасъ на это получался горькій отвѣтъ, чтой ей не для кого себя беречь; тогда онъ упрекалъ ее и крѣпко сжималъ ея руку или прикасался къ этой рукѣ губами. Разъ какъ-то онъ даже замѣтилъ въ увлеченіи:

— Вы и не знаете, какъ я васъ люблю!

— Нѣтъ знаю, отвѣтила оне просто,—и очень благодарна вамъ, Миша, за это.

Она даже погладила его по головѣ, и онъ на лету поцѣловалъ ея руку въ ладонь. Въ эту минуту ее позвали къ теткѣ и она, озабоченная, вышла изъ комнаты.

— Ей Богу, я бы жениться готовъ на ней, невольно проговорилъ Яковлевъ, охваченный восхищеніемъ передъ этой дѣвушкой,

не походившей ни на одну изъ тѣхъ, съ которыми ему приходилось сближаться.

Онъ въ мечтахъ о ней вышелъ въ садъ, присѣлъ на качель и встрѣтилъ тамъ Марью Кириловну. Они поздоровались. Она заговорила о пустякахъ, ненужныхъ, необдуманныхъ, лишь бы щебетать. Онъ слушалъ разсѣянно, не сознавая, что она говоритъ, перешелъ отъ думъ о Софьѣ Аркадьевнѣ къ думамъ о дѣвушкахъ вообще, о мелкихъ интрижкахъ. Наконецъ всталъ, чтобы идти. Топоркова подтрунила надъ нимъ, что онъ при прощаніи цѣлуетъ руку у Софьи Аркадьевны.

— Что-жъ тутъ такого, что я подхожу къ ней къ рукѣ?—лѣниво сказалъ Михаилъ Александровичъ. — Мужчины очень часто цѣлуютъ руки у дамъ.

— Что-же вы ко мнѣ не подходите къ рукѣ?—вызывающимъ тономъ спросила Марья Кириловна.

Яковлевъ разсмѣялся.

— А вамъ-бы хотѣлось?—спросилъ онъ.

— А если бы и такъ?—задорно произнесла она.

— Что-жъ, я пожалуй...

Онъ всталъ съ мѣста, взялъ и поднесъ къ губамъ ея маленькую, почти еще дѣтскую руку, обнажавшуюся почти до локтя, и засмотрѣлся на нее. Марья Кириловна засмѣялась.

— Вы думали, что я васъ поцѣлую въ голову, какъ Софья Аркадьевна, и ошиблись.

— Да я же ничего не думалъ,—отвѣтилъ онъ.

И невольно улыбнулся, взглянувъ на ея румяное личико съ полуоткрытымъ ртомъ. На минуту въ немъ проснулось желаніе взять ее и поцѣловать въ губы. Но онъ удержался отъ этого и только замѣтилъ:

— Охъ, бойкая вы барышня!

— А вы хомякъ! Васъ еще учить надо обращенію съ молодыми дѣвушками.

— Вы учить будете?

— Я.

— Посмотримъ.

Онъ пошелъ домой, усмѣхаясь. Ему вспомнилось, какъ года

четыре тому назадъ его учила одна горничная, какъ надо обращаться съ дѣвушками, и научила. Потомъ другія горничныя брались за ту же роль и убѣждались, что онъ уже обученъ давно всякому маленькому развратцу.

— Ну, эта не горничная, съ ней нужно ухо востро держать,— подумалъ онъ,—а жаль. Рожица плутоватая.

Онъ пошелъ домой, привалился на постель. Ему показалось душно. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Онъ поднялся съ постели, захватилъ фуражку.

— Куда?—спросилъ Григорій Аркадьевичъ.

— Пошляться,—отвѣтилъ Яковлевъ.—Провѣтриться надо.

Живаго взглянулъ на него.

— Нездоровъ, что ли?

— Нѣтъ такъ, кровь приливаетъ къ головѣ.

Григорій Аркадьевичъ усмѣхнулся.

— Еще бы: ѣшь, пьешь, спишь и только, тутъ и до кондрашки достукаешься, а не то съ жиру бѣситься станешь...

— Ну, толкуй!—шутливо отвѣтилъ Яковлевъ и вышелъ.

Съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе начала забавлять Марью Кириловну игра съ Яковлевымъ. Она прозвала его медвѣженкомъ и со смѣхомъ говорила, что она его заставляетъ ходить по канату. Уронитъ она нарочно тамбурный крючекъ и заставитъ Михаила Александровича поднять его, а потомъ, когда онъ лѣниво подаетъ ей оброненную вещь, приказываетъ ему же поцѣловать ей ручку.

Весь красный, онъ повинуется и самъ не знаетъ, почему долго не выпускаетъ изъ своихъ рукъ ея руки—отъ лѣни, или оттого, что ему пріятно пожимать эту ручку. Порой она сядетъ на доску качели и прикажетъ ему встать на конецъ доски и качать ее. Онъ повинуется и покачиваетъ головой, смотря внизъ на ея полненькую шейку, на ея плечи, сквозящія изъ подъ прошивокъ малороссійскаго костюма. Но всего веселѣе ей становится тогда, когда она подставляетъ свои руки къ его губамъ въ то время, когда въ пяти шагахъ отъ нихъ ея отецъ, весь красный, пыхтящій, возится около цвѣтовъ.

— Страшно?—шепчетъ она насмѣшливо Михаилу Александровичу.

— Чего же страшно?—спрашиваетъ онъ.

— А вдругъ папа обернется и увидитъ! подшучиваетъ она.

Но Топоркову не до нея: его жизнь въ послѣднее время и такъ полна треволненій. Дочерей статскаго совѣтника Каратаевыхъ ему удалось побѣдить хитростью. Имъ не было дано ни согласія, ни несогласія на посѣщеніе сада, а въ это время у Фомичева заняли надворный мезонинъ. Тогда дѣвицамъ Каратаевымъ было объявлено, что сада посѣщать имъ не позволятъ. На нѣсколько дней это доставило болшую радость Топоркову и его женѣ и въ ихъ кватирѣ поднимался смѣхъ, какъ только заговаривали о Каратаевыхъ, а говорили о нихъ въ домѣ постоянно. Но съ семерыми ребятишками сапожника сладить было труднѣе. Они продолжали безчинствовать самымъ неистовымъ образомъ: вѣшались на палисадники сада, лазили на крышу помойной ямы, скатываясь съ нея, какъ съ горы, играли въ бабки и въ лошадки, поднимая на дворѣ невообразимый визгъ, ходили въ буквальномъ смыслѣ слова на головахъ и колесомъ по двору, наконецъ распугивали хозяйскихъ голубей и обливали водой хозяйскую кошку. Баталія изъ-за нихъ была ежедневная. Но что хуже всего, такъ это то, что дѣвицы Каратаевы начали принимать живое участіе въ дѣтяхъ сапожника. Выражалось это тѣмъ, что жена сапожника подъ вечеръ становилась передъ окнами барышенъ и, подгорюнясь рукой, жаловалась барышнямъ: «забиждаютъ ея дѣтокъ малыхъ». Она мать, она имъ вихры треплетъ, но чужимъ ихъ въ обиду не дастъ. Барышни Каратаевы сочувственно вздыхали и поддакивали ей въ пику домохозяевамъ. Эти бесѣды не ускользали ни отъ дворниковъ, ни отъ кухарки Топорковыхъ и слуги аккуратно докладывали объ этомъ господамъ, съ одной стороны желая показать свою преданность, а съ другой для того, чтобы господа знали, какъ за глаза-то ихъ честятъ. Впрочемъ, однимъ домомъ дѣло не могло ограничиться и перешло въ сосѣднія лавки, гдѣ оно и трактовалось на всѣ лады лавочниками и лавочницами весьма охотно, такъ какъ плохія дѣла оставляли очень много свободнаго времени для бесѣдъ, и бесѣдовалось охотнѣе всего про какую-нибудь пакость. Бывали минуты, когда Топорковъ, узнавъ отъ дворника, кухарки или жены о лавочныхъ сплетняхъ, просто «сатанѣлъ», какъ онъ самъ говорилъ, и готовъ былъ

исколотить всю семью сапожника и выругать дѣвицъ Каратаевыхъ такими словами, какихъ онѣ по своему благородству и по своей невинности даже и не слыхивали. Но выгнать сапожника или Каратаевыхъ онъ все же не рѣшался и притомъ лѣтомъ. Сапожникъ платилъ за квартиру хорошую цѣну и не требовалъ ремонта, хотя квартира давно уже напоминала скорѣе хлѣвъ для свиней, чѣмъ человѣческое жилище. Одно это чего стоило. Каратаевы тоже были дорогими жилицами, такъ какъ деньги у нихъ были вѣрныя и ни разу съ ними дѣло не доходило до мирового. Всѣ эти соображенія удерживали его отъ крутыхъ мѣръ, но чѣмъ сильнѣе было сознаніе, что къ крутымъ мѣрамъ нельзя прибѣгнуть, тѣмъ яростнѣе былъ гнѣвъ въ душѣ Топоркова. А тутъ еще какъ нарочно подвертывались разныя мелочи: какой-то острякъ изъ знакомыхъ съ Топорковымъ чиновниковъ замѣтилъ:

— А сапогъ-то у тебя подгулялъ!

— Какой сапогъ?—спросилъ Топорковъ, смотря себѣ на ноги.

— А на вывѣскѣ-то у воротъ. Такъ и видно, что пьяный сапожникъ въ домѣ живетъ: сапогъ и тотъ съ пьяна валится.

Топорковъ разсердился и замѣтилъ пріятелю, что тотъ вздоръ мелетъ. Тѣмъ не менѣе въ тотъ же день, подходя къ своему дому, онъ остановился передъ вывѣской у воротъ. Вывѣска была домодѣльная и изображенный на ней черный сапогъ на бѣломъ фонѣ былъ не только уродливъ, но и кривъ—совершенно пьяный, тыкающійся носомъ въ стѣну. Разсматривая его, Топорковъ поморщился и тутъ-же былъ пораженъ новымъ открытіемъ: на дощечкѣ синяго цвѣта золотыми литерами было написано: «Домъ отставнаго титулярнаго совѣтника Кирила Петровича Топоркова»: а тотчасъ подъ нею была бѣлая вывѣска съ пянымъ сапогомъ и съ надписью: «сапожникъ».

— Это чертъ знаетъ, что такое!— проворчалъ Топорковъ.—Еще кто нибудь подумаетъ, что это я сапожникъ. Надо заставить его фамилію выставить и перемѣстить куда-нибудь вывѣску. А то, изволите видѣть, нашелъ мѣсто, куда ее повѣсить.

Въ такомъ настроеніи, конечно, Топоркову было не до того, что происходило за его спиною между его дочерью и Михаиломъ Александровичемъ. Не видалъ онъ, какъ его дочь подставляла къ

губамъ Яковлева свои ручки, не замѣчалъ и того, когда она дулась на противнаго медвѣдя... «Противный медвѣдь» между тѣмъ испытывалъ нѣчто странное. Онъ въ послѣднее время находился постоянно въ какомъ-то возбужденномъ состояніи и только и мечталъ о красотѣ Софьи Аркадьевны, представляя себѣ, что было-бы, если бы она была молоденькой дѣвушкой, — да о шаловливыхъ выходкахъ Марьи Кириловны, представляя себѣ, что было-бы, если-бы она была не барышней, а горничной.—Софья Аркадьевна, если-бы у нея не было спѣшной работы, тревогъ за больную тетку, печали о надрывавшемся въ трудѣ братѣ, могла-бы замѣтить, что Михаилъ Александровичъ сталъ какъ-то особенно нѣженъ съ нею; но она объ этомъ вовсе не думала, а только была благодарна ему за то, что онъ такой «добрый мальчикъ». Марья Кириловна съ своей стороны замѣчала, что ея «противный медвѣдь» сталъ болѣе развязнымъ и даже черезчуръ иногда смѣлымъ, такъ что ей приходилось съ притворнымъ неудовольствіемъ ради приличія надувать губки, тѣ самыя губки, которыя только-что были обожжены поцѣлуемъ Михаила Александровича. Въ то же время Григорій Аркадьевичъ замѣтилъ, что Яковлевъ, этотъ байбакъ, уваленъ, лежебокъ, сталъ какъ-то непосѣдливъ, куда-то все бѣгалъ, чего-то искалъ, метался, какъ охотничья собака, потерявшая слѣдъ. Иногда вечеромъ, когда Григорій Аркадьевичъ садился у лампы почитать передъ сномъ, онъ слышалъ, какъ лежавшій въ постели Яковлевъ восклицалъ:

— Эхъ-ма!

— Что ты?—спрашивалъ Григорій.

Яковлевъ конфузился, отвѣчалъ:

— Такъ, ничего!

Или начиналъ жаловаться на глупую холостяцкую жизнь.

— Бѣгаешь, какъ соврасъ безъ узды... Въ каждую женскую юбку, кажется, влюбленъ... И неудачи мнѣ все... нынче ни одной интрижки не удается завязать...

Потомъ, легкомысленный, не способный къ глубокимъ впечатлѣніямъ, онъ уже со смѣхомъ разсказывалъ о своихъ ловеласническихъ неудачахъ за послѣднее время и вспоминалъ объ успѣхахъ прошлыхъ лѣтъ, когда онъ жилъ еще не у Живаго, а у разныхъ

«квартирныхъ хозяекъ», гдѣ всегда были подъ рукой разныя горничныя. Григорій Аркадьевичъ морщился, замѣчая коротко:

— Пошлости все это у тебя на умѣ!

— Буду старикомъ, тогда другое дѣло. А въ мои годы всѣ такъ живутъ волей-неволей.

— Пакостники вы, — отзывался Григорій Аркадьевичъ и, уткнувшись въ книгу, читалъ еще усерднѣе, чѣмъ прежде.

Интимная жизнь пріятеля очень мало интересовала его за послѣднее время. Онъ былъ весь поглощенъ службой, уроками, заботами о деньгахъ на леченье тетки и горькими соображеніями о томъ, что никогда не сбудутся его мечты. Мечты эти были: такъ или иначе добиться возможности поступить въ университетъ, кончить тамъ курсъ. Какъ это сдѣлать — этого онъ не зналъ; не зналъ онъ даже и того, что влекло его въ университетъ: наука, дипломъ или что нибудь иное, тѣмъ не менѣе онъ страстно желалъ этого, смутно недовольный жизнью. Но влеченіе поступить въ университетъ оставалось покуда не осуществимымъ: поступить въ университетъ — значило бросить службу или отказаться отъ большей части уроковъ, а безъ этого нельзя просуществовать въ его положеніи съ сестрой и теткой на рукахъ.

Приходила между тѣмъ осень. Вечера стали длиннѣе и темнѣе. Михаилъ Александровичъ иногда просиживалъ цѣлые часы въ эти вечера въ саду. Въ темнотѣ и онъ, и Марья Кириловна стали нѣсколько развязнѣе, смѣлѣе и въ то же время чаще происходили между ними довольно странныя сцены: то Марья Кириловна называла его «противнымъ» и дулась на него; то онъ вдругъ отрывался отъ нея и, какъ сумасшедшій, убѣгалъ изъ сада, сердито говоря ей, что «хорошо ей играть въ кошки и мышки, а каково ему».

Вдругъ однажды совершенно неожиданно онъ засталъ Марью Кириловну въ слезахъ.

— Что съ вами?—спросилъ онъ ее.

— Да, вотъ вы говорили, что я играю въ кошки и мышки,— заговорила, она плача.—А выходитъ, что это вы играли въ кошки и мышки.

— Что вы чепуху говорите!—воскликнулъ онъ.

— Нѣтъ, не чепуху! Теперь вотъ всѣ говорятъ, что вы цѣловали меня, и Богъ вѣсть что выдумываютъ. Весь городъ знаетъ...

— Да говорите толкомъ, что случилось!—прервалъ онъ ее.

— А вотъ то-же, что всѣ узнали все!...

Она стала разсказывать. Жена сапожника разъ говорила съ Каратаевыми и тѣ замѣтили, что въ садъ Топорковы не пускаютъ никого изъ жильцовъ, потому что имъ хотѣлось бы однихъ жениховъ туда напустить. Ужъ если такъ, то и отдавали бы квартиры только молодымъ людямъ. Сапожница на это замѣтила, что не для чего имъ имѣть нѣсколькихъ жениховъ, довольно и одного. Потомъ таинственно передала, что ея ребятишки видѣли, какъ Михаилъ Александровичъ цѣловалъ Марью Кириловну.

— Мамашу у обѣдни съ женихомъ поздравляли!—продолжала всхлипывая, Марья Кириловна,—а мама сегодня меня съ утра пилитъ. Что-жъ, я дѣвочка еще, я дурачилась, а теперь вотъ вся Петербургская знаетъ. Вамъ хорошо, вы подурачились и конецъ, а меня теперь никто замужъ не возьметъ...

— Вотъ бѣда-то!—задумчиво проговорилъ Михаилъ Александровичъ, покусывая ногти.

— Да, бѣда, только не для васъ!—капризно сказала Топоркова.

— Ну, вотъ еще! Мнѣ это очень непріятно! — отвѣтилъ Яковлевъ.

— Было-бы непріятно, такъ не то-бы говорили,—сказала она и отвернулась.

Онъ въ полутьмѣ взглянулъ на нее, полненькую, бѣленькую, румяненькую, съ вздернутымъ носикомъ.

— Вы сердитесь? — спросилъ онъ и хотѣлъ ее привлечь къ себѣ.

Она отодвинулась и проговорила:

— Оставьте, противный!

— Вотъ какъ! противный! А я думалъ, что вы меня любите.

— За что мнѣ васъ любить теперь? За то, что ославили? Если бы вы точно женихомъ были, такъ конечно никто-бы не смѣлъ говорить...

Яковлевъ разсмѣялся. Никогда ему не приходило въ голову, что онъ ея женихъ. Теперь-же ему даже смѣшно стало отъ того,

что онъ прежде не думалъ объ этомъ. Что можетъ быть естественнѣе, какъ сдѣлаться ея женихомъ? Онъ молодъ, она тоже, они давно цѣлуются тайкомъ, станетъ онъ ея женихомъ—можно будетъ цѣловаться при всѣхъ, не надо будетъ искать интрижекъ. Вдругъ ему представилось, какъ онъ заживетъ въ этомъ-же домѣ, будетъ обниматься въ этомъ-же саду съ женою. Онъ, все еще продолжая смѣяться, спросилъ:

— А вы-бы пошли за меня?

Она промолчала. Онъ потянулъ ее къ себѣ.

— Оставьте!—оттолкнула она его.—Я не дурочка, чтобы надо мной смѣяться.

— Да я не надъ вами смѣюсь, а отъ радости.

— Отъ какой это?

— Отъ радости при мысли, что вы согласитесь выйдти за меня замужъ.

Она лукаво взглянула на него однимъ глазомъ.

— Вы въ правду?

— Ей Богу!

Онъ хотѣлъ ее обнять.

— Нѣтъ! нѣтъ!—крикнула она отшатываясь.

Онъ опечалился, недоумѣвая.

— Отказываете!—проговорилъ онъ. — За что-же?.. А я ужъ совсѣмъ ожилъ... Боитесь, можетъ быть, что у меня малы средства? Такъ на первое время хватитъ, а тамъ... Бабушка у меня въ Кіевѣ, она все мнѣ оставитъ. Сама ни пьетъ, ни ѣстъ, а все копитъ деньги...

— И отдастъ все монахамъ!—закончила Марья Кириловна.

— Она монаховъ не любитъ, — протестовалъ онъ. — Она для меня копитъ. Я ее два года тому назадъ видѣлъ, она мнѣ сказала, что все для меня копитъ. Тетка еще есть, по гувернанткамъ живетъ. Та тоже кое-что скопила для меня-же. Меня онѣ любятъ. Правда, онѣ меня только два раза и видѣли. Ну, да это что. Понравился я имъ лицемъ. Карточки мои у нихъ въ рамкахъ на столахъ стоятъ.

— Удивительный красавецъ! — съ пренебреженіемъ сказала Марья Кириловна.

— Вы прежде тоже говорили,—началъ онъ.

— Ничего не говорила! Гадкій! Противный! подите прочь!

Она съ гримасой отвернулась отъ него. Онъ всталъ, нѣсколько растерявшійся, недоумѣвающій:

— Подите прочь, гадкій, гадкій хвастунишка!..

Онъ вздохнулъ и пошелъ, лѣнивый, неповоротливый. Вдругъ раздался громкій смѣхъ и двѣ руки обвили его шею.

— Не пущу! не пущу! — раздался голосъ смѣющейся Марьи Кириловны и она поцѣловала его въ самое ухо звонкимъ поцѣлуемъ.

Онъ повернулся, поднялъ ее, какъ ребенка, и перенесъ опять къ скамейкѣ, гдѣ они только что сидѣли.

— Ахъ, какія мы дѣти, какія мы дѣти!—восхищалась она.— Цѣлое лѣто были влюблены другъ въ друга и ничего не понимали! Что теперь Каратаевы будутъ говорить! А папа, а мама! Я ихъ обману, буду притворяться огорченной и вдругъ объявлю: «Мы женихъ и невѣста!» Господи! Господи! какъ весело!

Онъ тоже былъ вполнѣ счастливъ, такъ какъ теперь у него уже не будетъ никакихъ хлопотъ по части интрижекъ, можно будетъ жить еще спокойнѣе, чѣмъ прежде. Онъ уже и теперь на правахъ жениха могъ фамильярничать съ нею, она тоже въ сознаніи, что она его невѣста, не противилась ему.

6.

Михаилъ Александровичъ не хотѣлъ ничего разсказывать прежде времени дома и всетаки долженъ былъ разсказать все. Его лице приняло такое глупо-блаженное выраженіе, оно сдѣлалось такимъ широкимъ и маслянымъ, что его на слѣдующій-же день спросила Софья Аркадьевна, что съ нимъ случилось. Онъ хотѣлъ сказать: «ничего» и сказалъ: «я женюсь».

— Вы?—воскликнула она и засмѣялась: — Миша, не смѣшите! Вы-же еще мальчикъ!

— Мнѣ двадцать второй годъ!—отвѣтилъ онъ.

— Да у васъ еще усовъ нѣтъ.

— Я подстригаю, — наивно пояснилъ онъ и тотчасъ-же поправился: — Это что-же, у иныхъ до тридцати лѣтъ нѣтъ усовъ, у блондиновъ. Развѣ это причина не жениться?

Она сдѣлалась серьезною.

— Да вы не шутите? Точно хотите сдѣлать эту глупость? Полноте! Подумайте.

— Теперь уже поздно,—отвѣтилъ онъ и сдѣлалъ лице взрослаго, говорящаго, что корабли уже сожжены.

Она испугалась за него. Бѣдный мальчикъ попался вѣрно на удочку, въ ловушку.

— На комъ-же женитесь?—спросила она.

— На Марьѣ Кириловнѣ!

— Господи! двое дѣтей! — воскликнула она. — Она еще, кажется, въ коротенькомъ платьицѣ ходитъ.

— Вы-же сами желали Гришѣ такую невѣсту.

— Я-же шутила, говорила, что у нея смазливая рожица, вотъ и все. Но серьезно — развѣ можно такимъ жениться, какъ вы и она.

Онъ опять повторилъ:

— Теперь уже поздно!

Ему хотѣлось этой фразой отдѣлаться отъ дальнѣйшихъ наставленій и намекнуть на то, что они, онъ и его невѣста, уже вполнѣ взрослые, рѣшившіе все безъ всякихъ чужихъ совѣтовъ. Дѣйствительно Софья Аркадьевна не могла ничего возражать на его фразу и только съ искреннимъ сожалѣніемъ сказала:

— Бѣдный вы мальчикъ!

Онъ немного обидѣлся и сказалъ:

— Я вполнѣ счастливъ! Вы не знаете, какое счастіе любить и быть любимымъ!

Она промолчала. Когда пришелъ Григорій Аркадьевичъ и остался съ нею наединѣ, она передала ему новость. Онъ не изумился и только сказалъ, что этого нужно было ждать.

— Подцѣпили бѣднаго мальчика на удочку,—горячо проговорила она.—Это навѣрное сами Топорковы подстроили. Они такіе люди...

— Глупости!—прервалъ онъ.—Всегда у него только юбки и были на умѣ. Работалъ-бы, какъ я, такъ шашни не шли-бы въ голову.

Она вступилась за своего любимца.

— Ну, зачѣмъ-же обвинять его. Онъ такой чистый мальчикъ...

— Ахъ, что ты мнѣ говоришь! Не было горничной, за которой онъ не бѣгалъ-бы. Только о томъ и думалъ, гдѣ-бы поцѣлуй сорвать...

Она смутилась отъ неожиданности, поблѣднѣла.

— Что ты говоришь?—тихо, съ испугомъ сказала она.

— Конечно, такъ! Всѣ они, эти вербные херувимы, только о томъ и думаютъ еще со школьной скамьи. Горничная такъ горничная, чужая жена такъ чужая жена, имъ все равно, лишь-бы свести интрижку.

— Позволь, позволь!—запротестовала она.—Ты этого объ немъ никогда мнѣ не говорилъ! Ты сердишься на него теперь и потому...

— Да за что мнѣ сердиться на него?—съ изумленіемъ спросилъ братъ.—Дочь у меня есть, невѣста для него? Вотъ глупости! А не говорилъ я объ этомъ, такъ ты знаешь, Соня, что я не охотникъ говорить объ этой грязи, да особенно еще съ тобою. Теперь къ слову пришлось, а то — намъ-то что за дѣло до чужой жизни? И своихъ заботъ у насъ по горло.

Онъ перемѣнилъ разговоръ, заговорилъ о теткѣ, о томъ, что сказалъ докторъ. Софья Аркадьевна отвѣчала ему, какъ во снѣ. Мысль о томъ, что Михаилъ Александровичъ только о томъ и думалъ, какъ бы гдѣ-нибудь горничную поцѣловать, теперь не покидала ее и впервые она почти со злобой думала о томъ, что онъ цѣловалъ ей руки, обнималъ ее, какъ братъ, принималъ ея поцѣлуи въ голову, — онъ, не мальчикъ, не Миша, а взрослый мужчина, юбошникъ, пакостникъ. Она не выдержала и, отвѣчая на вопросы брата, неожиданно замѣтила:

— Все-же ты долженъ былъ предупредить меня, что это далеко не наивный мальчикъ.

И сама сконфузилась, что сказала это. Братъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее:

— Предупредить? тебя? Соня, вѣдь ты-же...

Онъ не кончилъ, не желая обижать ее фразой о томъ, что она старая дѣва. Но она договорила за него:

— Старая дѣва?—хотѣлъ ты сказать. Ну да, старая дѣва, но все же... я смотрѣла на него, какъ на мальчика, я иногда...

Она стиснула зубы и отрывисто проговорила:

— Да я, можетъ быть, не захотѣла-бы, чтобы такой развращенный мальчишка видѣлъ меня одѣтой по домашнему, въ какой нибудь блузѣ... ночной кофтѣ...

Гриша ничего не понималъ. Съ чего она волнуется? Не все ли ей равно, въ какомъ нарядѣ видѣлъ ее Яковлевъ? Онъ судилъ объ этомъ, какъ юноша, какъ молодой мужчина. Въ какихъ нарядахъ ни видятъ другъ друга мужчины, чего они не разсказываютъ другъ другу, ничему не придаютъ значенія. Впрочемъ онъ даже и не вдумывался въ слова сестры. Безъ того есть заботы, посерьезнѣе этихъ пустяковъ. Не обратилъ онъ вниманія и на то, что сестра за обѣдомъ была суха и сдержана въ разговорахъ съ Яковлевымъ. Напротивъ того, Михаилъ Александровичъ это отлично подмѣтилъ и въ душѣ ему стало смѣшно. Въ это утро Марья Кириловна въ болтовнѣ съ нимъ спросила его:

— А Софья Аркадьевна позволяетъ тебѣ жениться?

Онъ засмѣялся.

— Да развѣ она мое начальство?

— Влюблена она въ тебя!—пояснила Марья Кириловна.— Узнаетъ, расплачется и станетъ отговаривать.

— Она и пробовала отговаривать, сказалъ онъ и засмѣялся.— Да я сказалъ, что уже поздно.

— Ну, что же, надулась на тебя?

— Вотъ еще? Просто пожалѣла, что я женюсь, такъ какъ я молодъ и ты тоже молода.

— Не засиживаться же, подобно ей, въ старыхъ дѣвахъ.— А ты, признайся, былъ въ нее влюбленъ?—Да?

— Нѣтъ!

— Лжешь, лжешь, лжешь! По глазамъ вижу! Поди тоже, цѣловалъ?—Да, да? Признавайся!

Онъ покаялся, привралъ немного, дразня ее, хвастая, что и другія были влюблены въ него по уши.

— Противный!—Теперь ты и думать о ней не смѣй, а то я глаза ей выцарапаю!—Ей Богу! Она на тебя станетъ дуться и ты тоже дуйся на нее. Слышишь!

Онъ вспомнилъ теперь этотъ разговоръ и ему было смѣшно.

Вѣдь и точно она дуется. Маня угадала, что она была влюблена въ него. Ну, да и онъ немножко мечталъ о ней. Не то чтобы влюбленъ былъ, а чувствовалъ что-то странное, волненіе какое-то при видѣ ея. Въ послѣднее время каждая женщина приводила его въ волненіе, потому что онъ безсознательно уже былъ влюбленъ въ Маню. А что еслибы онъ серьезно пріударилъ за Софьей Аркадьевной? Она-бы окончательно сошла съ ума. Пожалуй, на все-бы пошла, даромъ что кажется неприступной. Охъ, ужъ эти старыя дѣвы, никакъ не могутъ примириться съ мыслью, что ихъ пѣсенка спѣта. Чуть что—сейчасъ размякнутъ, пойдутъ нѣжности. Ему было немножко смѣшно, немножко жалко ее. Ему не хотѣлось, еслибы она на него дулась.

— Вы сердитесь на меня?—нѣжно спросилъ онъ ее послѣ обѣда.

Она смутилась.

— Съ чего вы взяли! За что?

— Что я женюсь,—неловко пояснилъ онъ.

Она разсердилась.

— Это ваше дѣло, не касающееся до меня,—сухо отвѣтила она.

Онъ безтактно началъ пояснять:

— Я молодъ,—нельзя-же не любить; влюбился...

— Зачѣмъ вы мнѣ это разсказываете? прервала она его. — Вы все это уже сказали мнѣ. Вы счастливы и слава Богу.

— Добрая вы дѣвушка!—проговорилъ онъ и хотѣлъ поцѣловать ея руку.

Она почти пугливо отшатнулась.

— Что это у васъ за привычка, Михаилъ Александровичъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ цѣловать женскія ручки?—сказала она насмѣшливо.

— Михаилъ Александровичъ?—съ упрекомъ проговорилъ онъ.

— Не могу-же я васъ звать Мишей! Вы уже не мальчикъ, а женихъ.

— Для васъ я всегда останусь Мишей,—съ чувствомъ проговорилъ онъ.

— Ахъ да, я и забыла, что я такая старуха, что могу называть такъ молодыхъ людей вашихъ лѣтъ, сказала она и разсердилась на себя за эту фразу.

Она сознавала, что ей нужно уйдти, чтобы не наговорить еще какихъ-нибудь глупостей.

7.

Михаилъ Александровичъ и Марья Кириловна не могли запомнить въ своей жизни болѣе пріятнаго времени, чѣмъ время передъ свадьбой. Бѣготня по магазинамъ и шитье приданнаго, толки о томъ, какъ Каратаевы остались съ носами со своими сплетнями, комическіе и шутливые разговоры о Софьѣ Аркадьевнѣ, причемъ Миша начиналъ немного бахвалиться и привирать, что онъ давно видѣлъ влюбленность Софьи Аркадьевны, но «не обрѣзалъ ее», а Марья Кириловна съ безпощадностью счастливой дѣвушки, выходящей замужъ, совсѣмъ злорадно смѣялась надъ старой дѣвой, и наконецъ свиданья въ саду, гдѣ нибудь въ сѣняхъ съ безцеремонными нѣжностями, съ сознаніемъ, что теперь все можно, все это такъ разнообразило жизнь, что ни женихъ, ни невѣста не торопились свадьбой, не стремились приблизить то время, когда о нихъ перестанутъ судачить ближніе и они сами не будутъ интересоваться ихъ судаченьемъ, а заживутъ «какъ папа съ мамой». Настала глухая осень, теплые вечера смѣнялись холодомъ, въ саду встрѣчаться было не удобно, видѣться только при папѣ и мамѣ было не особенно интересно и Марья Кириловна стала забѣгать къ Михаилу Александровичу. Увидитъ, что Григорій Аркадьевичъ ушелъ, и забѣжитъ къ Мишѣ. Тутъ начинался смѣхъ, визгъ, возня. Софья Аркадьевна даже не повѣрила служанкѣ, когда та въ первый разъ доложила ей, что къ молодому барину пришла хозяйская дочь. Но она тотчасъ же убѣдилась въ истинѣ этихъ словъ, услышавъ звонкій хохотъ въ комнатѣ Яковлева. Странное чувство проснулось въ ея душѣ. Она сконфузилась за эту дѣвушку. Потомъ ее охватило злость при звукахъ этого визга, бѣготни, криковъ. Ей точно личное оскорбленіе было нанесено этимъ посѣщеніемъ и когда оно повторилось, она не выдержала, расплакалась, а потомъ пожаловалась брату.

— Это Богъ знаетъ что такое!—говорила она.—Эта дѣвочка стала бѣгать сюда, хохочетъ, возится.

— Намъ-то что за дѣло!—сказалъ братъ.

— Да вѣдь это у насъ въ квартирѣ! Ты долженъ сказать ему, что это просто неделикатно.

— Ну, нечего ссориться изъ-за такихъ пустяковъ. И такъ онъ скоро переѣдетъ. Тогда и кончится все.

— Ахъ, какъ это ты не можешь понять, что это просто неуваженіе, неделикатность, невѣжество! Ты, какъ товарищъ, можешь это сказать ему. Не мнѣ-же говорить...

— Ну, хорошо! хорошо!—сказалъ Григорій Аркадьевичъ. — Нервною ты стала, Соня, въ послѣднее время.

— Ахъ, побылъ-бы ты на моемъ мѣстѣ, тогда и узналъ-бы, почему я нервною стала.

— И мнѣ не легко,—коротко отвѣтилъ онъ.

Она смолкла, тревожно взглянувъ на его лице, исхудалое, блѣдное, болѣзненное. На время она забывала о себѣ и думала снова только о немъ. Всю жизнь онъ испортитъ себѣ ради нея и больной тетки. Проклятое положеніе! Она всю молодость убила для родныхъ, теперь онъ всю будущность изъ за того-же губитъ.

Григорій Аркадьевичъ между тѣмъ вечеромъ мелькомъ замѣтилъ Михаилу Александровичу, что неловко, что его невѣста ходитъ къ нему. Онъ говорилъ осторожно, разъясняя товарищу, что эти посѣщенія могутъ вызвать дурные толки. Яковлевъ слушалъ его спокойно, разсѣянно, не считая даже нужнымъ возражать на «глупости». Въ тотъ же день онъ со смѣхомъ разсказывалъ Марьѣ Кириловнѣ, какъ Григорій Аркадьевичъ его «приличіямъ» учитъ, и прибавилъ:

— Намъ цѣловаться хочется, а онъ о приличіяхъ толкуетъ. Плевать намъ на людей, пусть брешутъ изъ зависти.

— Да, да, это изъ зависти!—воскликнула Марья Кириловна.— Лопнуть готовы отъ зависти. Это ты знаешь, кто его настроилъ? Она, Софья Аркадьевна! Старая дѣва! Ахъ, какъ я рада, какъ я рада, что всѣ мнѣ завидуютъ! Теперь меня озолоти, такъ я тебя никому не уступлю. Ей Богу!

— Ну, а двѣсти тысячъ-бы дали отступного—отдала-бы? шутилъ Яковлевъ.

— Двѣсти тысячъ? Да кто-жъ бы далъ за тебя двѣсти тысячъ?— воскликнула она съ изумленіемъ.

— А если-бы дали?—допрашивалъ онъ.

На минуту она задумалась, потомъ засмѣялась:

— Знаешь, что! Я взяла-бы двѣсти тысячъ, а тебя-бы не уступила все-же!

Онъ началъ ее цѣловать, смѣясь и дурачась.

На другой день она встрѣтилась на лѣстницѣ съ Софьей Аркадьевной и, поздоровавшись съ нею, замѣтила:

— А вы сердитесь, что я бываю у Миши?

Этотъ въ упоръ сдѣланный вопросъ заставилъ Софью Аркадьевну смутиться и покраснѣть.

— Не сержусь, сказала она,—но мнѣ жаль васъ. Мало-ли что могутъ говорить дурные люди про васъ.

— Очень меня это безпокоитъ!—воскликнула Топоркова. И что же могутъ говорить? Я его невѣста! Вѣдь вы-же вотъ бывали въ его комнатѣ, жили съ нимъ.

Софья Аркадьевна еще болѣе смутилась отъ этого развязнаго тона.

— Онъ былъ жильцомъ у насъ, сказала она. — Тутъ нѣтъ ничего компрометирующаго. И притомъ я уже немолодая дѣвушка.

— Ну, да, положимъ, вы уже старая дѣвушка, но людямъ-то все равно, про кого сплетки дѣлать, про молодую или про старую. Да и старыя могутъ дурить не хуже молодыхъ. Пословица-то не даромъ говоритъ: «сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро».

Она засмѣялась.

— А ужъ про жениха и невѣсту, что ни говори — ихъ не убудетъ. Коли и говорятъ, такъ съ зависти. Конечно, есть чему и завидовать. Мой Миша — отдай все и то мало! Да вы сами знаете, какой онъ. Онъ говорилъ мнѣ, что вы симпатію къ нему чувствуете...

Софья Аркадьевна въ смущеніи поспѣшила проститься съ нею. Никогда она не испытывала того, что испытала теперь. Оскорбленіе, злоба, горечь душили ее. Поразили не слова, а тонъ, взгляды, улыбки. На дерзость можно-бы отвѣтить дерзостями. На эти насмѣшливые взгляды и улыбки нечѣмъ было отвѣтить. Вернувшись домой, она услышала шумный смѣхъ въ комнатѣ Яковлева. Звонкій женскій голосъ говорилъ:

— Знаю я, знаю, у кого ты ручки цѣловалъ! Всѣхъ старыхъ дѣвъ приворожилъ! Теперь конецъ, ни у кого, кромѣ меня, не будешь ихъ цѣловать.

— А вотъ пойду и разцѣлую!—отвѣчалъ со смѣхомъ Михаилъ Александровичъ.

— А я скандалъ произведу!

— А я тебя запру здѣсь!

Кто-то побѣжалъ къ дверямъ вынимать ключъ, начали бѣгать, возиться.

— Господи! Это-же Богъ знаетъ что! — воскликнула Софья Аркадьевна въ своей столовой и залилась слезами.

И некуда было бѣжать. Въ комнатѣ, служившей спальнею ей и ея теткѣ, было тяжело дышать отъ запаха лекарствъ, было тяжело слушать вздохи старухи; здѣсь-же было слышно каждое слово, произнесенное въ комнатѣ брата и Яковлева. Вечеромъ, когда вернулся братъ, Софья Аркадьевна сказала ему:

— Нѣтъ, это переходитъ всякую мѣру терпѣнія! Намъ просто надо переѣхать отсюда.

— Что еще случилось?—спросилъ онъ, усталый, изнурившійся.

Она разсказала все подробно. Онъ поморщился.

— Пошляки!

— Да, да, именно пошляки!—согласилась она.

— Но какъ-же переѣхать? — въ раздумьи началъ онъ. — Во первыхъ, мѣсяцъ въ началѣ. Потомъ какъ перевезти тетку въ эти холода? Какую квартиру еще найдемъ. Наконецъ лишніе расходы.

— Да вѣдь все равно переѣзжать придется,—торопливо проговорила она.—Вѣдь нельзя-же здѣсь остаться, когда онъ женится. Ты не забудь, что тогда убавятся получки. Трехъ комнатъ мы не можемъ нанимать. Двѣ нужно нанять. Да наконецъ если-бы и можно было нанимать три, то намъ жизнь отравили-бы эти люди...

— Ну, это пустяки!

— А семью сапожника, а Каратаевыхъ не изводятъ они? — запальчиво произнесла она.—Ахъ эти проклятыя чернильныя души!

Онъ молча ходилъ по комнатѣ, соображая, какъ поступить, гдѣ взять денегъ. Въ головѣ мелькали мысли: «пальто теплое надо сдѣлать; калоши купить; панталоны легкіе дольше нельзя

носить. А у сестры—все-ли у нея есть? Ей еще не нужно-ли чего-нибудь?» Она вдругъ подъ вліяніемъ того-же самаго процесса мыслей, громко проговорила:

— И еще тетя привередничаетъ за послѣднее время. Того не ѣстъ, другого не хочетъ!

Онъ даже остановился отъ неожиданности и только проговорилъ съ упрекомъ:

— Соня!

— Ну да, ну да! — запальчиво отвѣтила она. — Вѣдь я же хозяйничаю, я знаю, чего стоятъ всѣ эти рябчики. Ты выбиваешься изъ силъ, ты на себя не похожъ, а тутъ...

— Я не жалуюсь, Соня!

Она желчно засмѣялась, съ желчной ироніей проговорила:

— Взгляни въ зеркало: ты ходячая жалоба!

Онъ вспылилъ.

— Ты нестерпима въ послѣднее время. Развѣ я виноватъ, что я худощавъ, что я не вербный херувимъ, не откормленный теленокъ? Вѣдь этакъ жить нельзя, если мы будемъ считать за жалобы и упреки со стороны человѣка даже и то, что онъ не толстъ, не красенъ...

Она смотрѣла на него пристальнымъ, безпощаднымъ взглядомъ и не прерывала его рѣчи.

Когда онъ смолкъ, она спросила:

— Ну, все ты сказалъ? Да?

И тутъ-же прибавила:

— И все это ложь, ложь и ложь! Или ты станешь увѣрять меня, что ты пошлякъ въ родѣ Михаила Александровича, довольный своей жизнью рабочаго вола? Ну, скажи, что такъ, скажи! Да если-бы ты такимъ былъ, я бы тебя презирала! Что мы, мѣщанскія или чиновническія дѣти? У насъ отецъ учитель былъ. Меня въ учительницы готовили. Тебѣ съ пеленокъ о наукѣ толковали, въ профессора съ дѣтства готовили, общественнаго дѣятеля изъ тебя хотѣли сдѣлать. А ты хочешь меня увѣрить, что ты не жалуешься, что тебѣ не на что жаловаться! Ахъ, ты!

Она закашлялась и долго не могла начать говорить. Онъ болѣзненно стиснулъ зубы и наконецъ съ усиліемъ сказалъ:

— Можно быть недовольнымъ жизнью и въ тоже время имѣть настолько ума и характера, что-бы не ныть о томъ, что недостижимо. Этакъ, пожалуй, пришлось-бы жаловаться на судьбу и за то, что нѣтъ двухсотъ тысячъ...

Она уже перестала кашлять и рѣзко сказала:

— Тутъ не о двухстахъ тысячахъ рѣчь, а объ университетскомъ образованіи. Не можешь ты не думать о немъ и не знать, что будь у тебя развязаны руки, поступилъ-бы ты въ университетъ, вышелъ бы изъ этой засасывающей тины. Тутъ по неволѣ пожелаешь, чтобы Богъ прибралъ поскорѣе лишніе рты.

Ему точно страшно стало. Никогда онъ не думалъ объ этомъ. Но онъ ежедневно мечталъ объ университетѣ, не додумываясь до того, когда можетъ исполниться его желаніе. Могло оно исполниться только тогда, когда умрутъ тетка и сестра. Именно это покуда еще не приходило ему въ голову. Онъ какъ-то досадливо проговорилъ:

— Богъ тебя знаетъ, что съ тобой дѣлается въ послѣднее время! Никогда я не думалъ перешагнуть черезъ чьи-нибудь трупы къ счастію. И что такое счастіе?

Онъ остановился передъ нею:

— Или ты думаешь, что тетка не была счастлива, когда няньчилась, не досыпая ночей, съ тобою и со мною, когда она слѣпла надъ шитьемъ, чтобы помогать нашимъ отцу и матери поднять насъ на ноги? А ты сама: несчастною себя чувствовала, что ли, ходя за любимымъ больнымъ отцемъ, за доброю больною матерью, когда твои сверстницы рыскали по баламъ, завязывали интрижки, ловили жениховъ? Что-жъ ты не послѣдовала ихъ примѣру, не бросила семью ради того, чтобы быть счастливой? Или счастіемъ по твоимъ понятіямъ было нѣчто другое? Говори-же, если ужъ начала!

На его вопросы не слышалось отвѣта. Онъ взглянулъ на сестру. Она сидѣла, опустивъ голову и закрывъ лице руками, слегка вздрагивая всѣмъ тѣломъ отъ беззвучныхъ рыданій. Онъ подошелъ къ ней, ласковый, растроганный, смущенный, и заговорилъ:

— Соня, Соня, полно!.. Оставимъ этотъ разговоръ...

Онъ поцѣловалъ ее въ голову, гладя по волосамъ, какъ ре-

бенка. Она быстро вытащила платокъ, торопливо отерла слезы и опять заговорила энергично, возбужденная, прерываясь на каждомъ словѣ:

— Ну да, да, и для тетки, и для меня было счастіемъ жертвовать собой для другихъ... Да въ чемъ счастіе-то было? Въ томъ, что вотъ мы отдадимъ свою жизнь, чтобы поднять, выхолить кого-то, любимаго, дорогого... Такъ тетка думала, няньчясь со мною, такъ думала я, когда ты росъ... Помнишь, ты первое сочиненіе написалъ, еще готовясь въ гимназію—отецъ, уже больной, улыбнулся и сказалъ: «профессоромъ ты у меня будешь, не то, что мы учителишки»... Оно, это сочиненіе, и теперь у меня, я его сто разъ перечитывала тогда... думала: «сама погибну — тебя спасу... отъ жертвъ»...

Онъ хотѣлъ остановить ее, она почти съ негодованіемъ перебила его.

— Мы не мѣщане, не чернильныя души, думающія только, какъ-бы набить карманъ... У насъ есть свое честолюбіе, свои идеалы... Это наслѣдственное, съ молокомъ матери мы это всосали... Да, я-бы въ кухаркахъ была счастлива, еслибы могла сказать: «мой братъ профессоръ; это я его профессоромъ сдѣлала»... И что-же, вотъ какой-нибудь пошлякъ,—ему какая-то бабушка, какая-то тетенька, видѣвшія его два раза въ жизни, за его смазливую рожицу наслѣдство оставятъ... Онъ вотъ ради этой рожицы невѣсту нашелъ съ домомъ... а мы жертвуемъ другъ другу жизнью и заѣдаемъ вѣкъ того, кому жертвовали жизнью... и просвѣта нѣтъ впереди... Что тебѣ-то выпадетъ на долю? Насъ съ теткой докормить и остаться измызганной тряпкой, одинокому, не видя даже цѣли для чего жить...

Онъ снова хотѣлъ заговорить. Она не дала ему времени сказать слово.

— Я вотъ цѣлыя ночи объ этомъ думаю... какія мысли приходятъ иногда въ голову... «Когда-же, когда-же будетъ конецъ?»— проносится въ головѣ и почти ненависть поднимается къ теткѣ: «зачѣмъ живетъ?»... Стыдно станетъ иной разъ передъ старухой, а не могу, не могу переломить себя...

Онъ тихо сказалъ:

— Полно! Вѣдь не думала-же ты этого прежде? Съ чего теперь приходитъ въ голову?

— Моложе была, потому и смотрѣла на все легкомысленнѣе!— отвѣтила она глухо.

— И вдругъ состарилась?—ласково пошутилъ онъ, стараясь, казаться веселымъ.

— Да, вдругъ!—отвѣтила она.—Люди напомнили, что я старая дѣва... обстоятельства заставили оглядѣться кругомъ...

Въ комнату прибѣжала служанка.

— Барышня, васъ зовутъ,—сказала она.—Старая барыня... худо имъ...

— Худо? Ахъ, Господи, что случилось!—воскликнула Софья Аркадьевна съ испугомъ и на ходу замѣтила брату: Ты не уходи, голубчикъ. Можетъ быть, за докторомъ надо будетъ сходить. Ахъ, бѣдная, что съ ней опять...

Она быстро, покашливая, пошла изъ комнаты. Не прошло и четверти часа какъ она тревожно вернулась въ столовую и заторопила брата ѣхать за докторомъ. Скорѣе надо привезти его; душитъ старушку; дышать несчастная не можетъ. На лицѣ Софьи Аркадьевны выражались испугъ, печаль, горе. Братъ поцѣловалъ ее въ лобъ и тихо проговорилъ:

— Береги себя!

— Что я! — коротко отвѣтила она. — На ея муки страшно смотрѣть! Поторопись!...

8.

У Топорковыхъ все было уже готово къ свадьбѣ и уже шли безконечные толки о томъ, какъ устроить свадебный вечеръ—дома или въ кухмистерской, кого позвать и кого не звать. Марья Кириловна готова была созвать весь городъ на свадьбу: пусть всѣ смотрятъ, за какого красавца она выходитъ. Она настаивала даже, чтобы позвали сестеръ Каратаевыхъ: пусть лопнутъ отъ зависти, когда увидятъ, какой балъ задаютъ они, Топорковы. А ужъ что брата и сестру Живаго надо пригласить — объ этомъ и толковать нечего: пусть этотъ выжатый лимонъ, господинъ ученый, посмот-

ритъ, какъ весело тѣмъ, кого любятъ, за кого выходятъ молоденькія дѣвушки замужъ, да кстати пусть и сестрица его полюбуется на чужое счастье, чахлая злючка, чопорная барышня.

— Три года въ домѣ жили и познакомиться не умѣли! Чѣмъ чванятся?—волновалась Марья Кириловна.—Что они думали, что за ними бѣгать будутъ? Или боялась сестричка, что ея братца-кормильца похитятъ у нея, да что ей по міру придется идти? Очень нуженъ ея братецъ кому-нибудь! Его откормить прежде надо а ужъ потомъ заводить съ нимъ разговоры о любви. Зачахъ.

— Да ты ужъ не была-ли въ него влюблена, что такъ сердишься на него?—пошутилъ Михаилъ Александровичъ.—Я ревновать стану.

Она сдѣлала гримасу.

— Была-бы влюблена, заставила-бы и его влюбиться! Будто ужъ такъ трудно вашего брата влюбить!

— Ну, не всякаго.

— Давай пари держать, что влюблю его въ себя.

— А какъ же я-то? Въ отставку? Я не хочу!

— А, испугался! Ну, такъ и не спорь!

Среди этого веселья вдругъ случилась непріятность. За три дня передъ свадьбой разнесся по дому слухъ, что кто-то умеръ въ домѣ. Кто? У Живаго въ квартирѣ. Да кто? Старушка какая-то, жила она у нихъ... «Какая старушка?» съ недоумѣніемъ спрашивали всѣ. Въ домѣ почти никто не зналъ ее, никогда никто ее не видалъ, многіе даже не знали о ея существованіи. Три года не выходила она изъ своей комнаты. Три года за ней ходила одна Софья Аркадьевна, да заглядывалъ къ ней Григорій Аркадьевичъ. Даже кухаркѣ нечего было сплетничать о ней, да, впрочемъ, кухарка Живаго и не любила сплетничать, была похожа на своихъ господъ, серьезная, суровая, молчаливая. Про нее въ околодкѣ такъ и говорили, что «на ней чортъ верхомъ ѣздитъ». Но чѣмъ менѣе знали о существованіи этой умершей старушки, тѣмъ болѣе произвела толковъ ея смерть. Кто она? какова была? что оставила? Квартира Живаго съ первой-же панихиды превратилась въ нѣчто въ родѣ «толкучки»: всѣ кумушки изъ окрестныхъ жительницъ шли взглянуть на покойницу и разсматривали ее, какъ какое-то чудо.

— Да въ чемъ у нея душа-то держалась? Одни кости да кожа!— разсуждали бабы, всматриваясь въ темное, маленькое, какъ кулакъ, морщинистое лице.

— И росту-то, ровно дите малое! Совсѣмъ карлица была, должно быть,—разсуждали другія посѣтительницы.

— Ахъ, мать моя, малъ золотникъ да дорогъ,—философствовали въ третьей группѣ.

— Что говорить: мала птичка да ноготокъ востеръ,—соглашались слушательницы.—Небось мала была, а ѣла, какъ и большіе.

— Ну, да какъ ни какъ, а все же слава Богу, что руки развязала,—замѣчали наиболѣе практическія созданія.—Старый человѣкъ всегда въ тягость... Коли деньги—не въ тягость!

— Нѣтъ, ты не говори. И съ деньгами въ тягость, потому лучше имѣть эти деньги да безъ старой бабки тамъ либо тетки въ придачу.

— Вотъ видишь, никто о ней и не убивается,—подтверждали наблюдательныя сосѣдки, глядя на брата и сестру Живаго.

Они стояли на панихидѣ, какъ статуи, почти не крестясь, не двигаясь, опустивъ руки съ горящими свѣчами, понуривъ головы. Оба эти исхудалыя лица были блѣдны, точно выточены изъ мрамора. Какое-то тупое выраженіе безсмысленности, одервенѣлости застыло на нихъ. Черные большіе глаза смотрѣли въ одну точку, какъ бы недоумѣвая, что происходитъ вокругъ нихъ. Вотъ лежитъ маленькій трупъ, похожій на скелетъ. Неужели это именно та женщина, которая помогла имъ вырости, воспитаться, образоваться? Неужели это та женщина, про которую говорила еще недавно Софья Аркадьевна, что она заѣдаетъ вѣкъ Гриши? Неужели это та женщина, которая три года молила Бога о смерти, чтобы развязать руки племяннику и племянницѣ и въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ съ черствостью и эгоизмомъ умирающей мучила капризами и прихотями этихъ-же любимыхъ ею людей?

— Не надо-ли тебѣ денегъ? — участливо спросилъ Яковлевъ послѣ панихиды, подходя къ Григорію Аркадьевичу и Софьѣ Аркадьевнѣ. — У меня хотя и много расходовъ, но мнѣ тетка и бабка прислали на свадьбу.

— Благодаримъ, мы справимся, — отвѣтила за брата Софья Аркадьевна.

Григорій Аркадьевичъ ничего не отвѣтилъ на это и только спросилъ потомъ у сестры:

— Но какъ мы вывернемся?

— Ну, ужъ ты не безпокойся!—отвѣтила она.—Это мое дѣло. У этихъ господъ не попросимъ.

Она ушла въ свою комнату и стала собирать все, что можно было заложить или продать, свое, теткино.

— Тоже наслѣдство! — съ горечью бормотала она, отбирая вещи покойной тетки.

Стоя на колѣняхъ и торопливо выбирая изъ нижняго ящика вещи старушки, старомодные платки, распоротыя платья, лоскутки, она все бросала въ кучу на полъ, почти не глядя на этотъ хламъ. На самомъ днѣ ящика ей попалось что-то завернутое тщательно въ бумагу и перевязанное розовой ленточкой. Помимо ея воли въ ея головѣ мелькнуло слово «деньги». У нея дрогнули руки, когда она начала развязывать ленту. Развязавъ ее, она развернула бумагу; въ бумагѣ было нѣчто странное, приведшее ее въ недоумѣніе. Тамъ лежалъ крошечный дѣтскій чепчичекъ и въ немъ уже высохшіе тонкіе дѣтскіе волосы. Софья Аркадьевна, присѣвъ на полъ, смотрѣла на эти вещи и силилась что-то вспомнить, наконецъ ея глаза впились въ кружевца на чепчикѣ, и она, закрывъ лицо руками, горько зарыдала. Она не слыхала, какъ вошелъ къ ней братъ. Онъ на минуту остановился, пораженный безпорядкомъ, потомъ замѣтилъ, что сестра плачетъ, подошелъ къ ней, окликнулъ ее.

— Полно, Соня, полно!

— Взгляни! взгляни!—прошептала она, указывая ему на вещи, лежавшія у ней на колѣняхъ.—Твой первый чепчичекъ... я и кружева вязала... твои волосы, когда первый разъ тебя остригли... Какъ святыню берегла она... тетя... а мы рады, что вотъ... освободила...

Онъ хотѣлъ что-то сказать. Она замахала рукой.

— Ступай, ступай, милый!.. Поплакать мнѣ надо... легче будетъ... Ступай!

Онъ молча повиновался ей.

Черезъ три дня по одной и той же лѣстницѣ утромъ спусти-

лась похоронная процессія, а вечеромъ сошли женихъ и невѣста, отправляясь вѣнчаться. Во всемъ околоткѣ шли толки—«къ добру это или къ худу». Рѣшили, что къ добру: попа встрѣтить — къ худу, покойника — къ добру; ну, значитъ и тутъ къ добру, а не къ худу. Впрочемъ, сами Топорковы и женихъ съ невѣстой оставались вполнѣ равнодушными къ этому событію: они знали, что у нихъ все идетъ къ добру; они любятъ другъ друга; у родителей есть домъ, который потомъ имъ достанется; бабка и тетка Миши прислали деньги на свадьбу и послѣ смерти оставятъ все ему, потому что имъ и невѣста его понравилась лицомъ, какъ онѣ рѣшили, увидавъ посланную имъ фотографическую карточку; балъ въ кухмистерской удался на славу и даже маленькая непріятность доставила удовольствіе — къ закускѣ не подали икру, а въ счетъ ее поставили, вслѣдствіе чего кухмистеръ сдѣлалъ нѣкоторую скидку, т. е. осталась маленькая экономія противъ смѣты, безъ особенной обиды гостямъ, не замѣтившимъ даже, что икры не было за закуской. На слѣдующій день молодыхъ не тревожили до двѣнадцати часовъ и позвали ихъ только къ завтраку, съ котораго и началась вполнѣ семейная жизнь: Топорковъ и Михаилъ Александровичъ явились въ столовую въ туфляхъ и халатахъ; Топоркова и Марья Кириловна явились въ чепцахъ и въ капотахъ, только у послѣдней капотъ былъ распашной; раздались поцѣлуи и веселый говоръ, напоминавшій немного о вчерашнемъ кутежѣ и ужинѣ; зять и тесть похлопывали другъ друга по колѣнкамъ, мать и дочь, обѣ особенно оживленныя въ это утро, неумолкаемо тарантили о вчерашнихъ событіяхъ, о нарядахъ гостей, о чьихъ-то поддѣльныхъ брилліантахъ, о какой-то безстыдницѣ, нарумянившейся и набѣлившейся такъ, что штукатурка валилась съ лица. День-ли былъ такой свѣтлый или сонъ былъ такой сладкій, но всѣ четверо были совсѣмъ розовыми и точно смазанными масломъ. Еще завтракъ не былъ конченъ, когда къ обществу присоединился «крестный» Павлинъ Павлиновичъ Черемисовъ, сухой и длинный, довольно неряшливый старикъ. Ему очень обрадовались, не смотря на то, что онъ приходилъ всегда въ домъ только поѣсть. Всѣ знали, что онъ былъ пятнадцать лѣтъ экзекуторомъ и что у него есть духовное завѣщаніе, гдѣ онъ не забылъ «крестницу»...

9.

— Соня, ты не пріискала еще квартиру?—спрашивалъ Григорій Аркадьевичъ возвращаясь съ уроковъ.

— Нѣтъ еще!—отвѣтила Софья Аркадьевна.

— Я нашелъ двѣ.—Сходи, взгляни.

— Хорошо, хорошо.

Эти разговоры происходили ежедневно въ квартирѣ Живаго и ежедневно Софья Аркадьевна медлила съ наймомъ новаго помѣщенія. За какія-нибудь двѣ недѣли она перемѣнилась до неузнаваемости. Кашляла страшно, исхудала, глаза ввалились. Братъ толковалъ о докторѣ—она отговаривалась, что все это пустяки, или лгала, что была у доктора. По вечерамъ, когда братъ приходилъ домой, онъ, несмотря на усталость, проводилъ время съ нею, стараясь развлечь ее разсказами о должности, объ урокахъ, о новостяхъ дня. Она слушала, а въ концѣ концевъ какъ-то случайно сводила разговоръ на одну и ту же тему.

— Какъ это ужасно, что человѣкъ въ болѣзни совершенно измѣняется. Помнишь, я тебѣ говорила о теткѣ въ послѣдніе дни ея жизни. Вѣдь ужъ какъ она насъ любила, а въ послѣднее время капризы и прихоти стали просто невозможными. То не хорошо, другое дурно, угодить нельзя...

— Мозгъ ненормально дѣйствовалъ,—нервы разстроились,—замѣчалъ онъ.

— Да, да! Это ужасно!—Любимый человѣкъ и можетъ сдѣлаться въ тягость.

— Ну, не всегда-же это бываетъ.

— Конечно, при скоропостижной смерти...

— Да и не только при скоропостижной. Иногда человѣкъ до послѣдней минуты сохраняетъ вполнѣ умственныя способности...

— Рѣдко это, должно быть, бываетъ.—И какъ поручиться, что именно на твою долю выпадетъ это счастье...

Онъ перемѣнялъ разговоръ. Но она снова возвращалась къ той-же темѣ.

— Теперь вотъ мнѣ часто вспоминаются мелочи недавняго

прошлаго. Я тебѣ говорила, какъ привередничала тетя. Но ты всего не знаешь. Разъ я сказала ей, что не могу исполнить ея желанія, что денегъ нѣтъ. Она заплакала: «Когда вы были малы и хворали, я вамъ этого не говорила». Какъ ножемъ меня ударили въ сердце эти слова.

— Бѣдная Соня, много ты вынесла,—ласково сказалъ онъ.—А ты еще говорила, что мнѣ хуже, чѣмъ тебѣ.

— Ты не такъ понялъ, замѣтила она.—Я только говорила, что моя жизнь—невозвратное прошлое, а твоя жизнь—поправимое будущее.

Онъ начиналъ читать, чтобы развлечь ее.

Она слушала разсѣянно, смотря сосредоточнено.—Наконецъ она замѣчала:

— Какое страшное чувство эгоизмъ. Ради него человѣкъ готовъ погубить сотни ближнихъ...

— Да, но это-же чувство первый стимулъ къ движенію впередъ,—вставилъ онъ.

— Черезъ трупы другихъ.

Чтеніе продолжалось. Какъ-то въ романѣ встрѣтилось описаніе старой дѣвы.

— Ужасное положеніе этихъ несчастныхъ, — сказала Софья Аркадьевна.

— Легкій предметъ для пошлыхъ каррикатурныхъ очерковъ,— сквозь зубы проговорилъ братъ.

— Нѣтъ, вѣдь онѣ точно смѣшны. Помнишь, какъ я шила галстучки изъ остатковъ и сама повязывала ихъ Михаилу Александровичу?

— Что-жь тутъ смѣшного? Добродушіе,—досадливо сказалъ онъ.

— Ну, чего хитрить? Личико смазливое подкупило, нравилось, что онъ называетъ сестричкой и ручки цѣлуетъ.

— Зачѣмъ ты клевещешь на себя!—почти сердито сказалъ Гриша.

Она усмѣхнулась.

— Это не клевета, а правда, мой другъ. Да я и не стыжусь этого. Всѣ мы такія, однѣ почище, другія погрязнѣе. Что-жъ дѣлать? Это меня теперь не волнуетъ. Когда есть серьезныя заботы и тревоги, къ пустякамъ относишься равнодушно.

Она начала въ это время опять давать уроки, упорно желая пріобрѣсти крупную практику, но здоровье измѣняло, да она и не берегла его. Какъ-то братъ замѣтилъ, что она сильно кашляетъ; бывшая въ комнатѣ кухарка сварливо и грубо сказала:

— Еще-бы, не берегутъ себя, такъ здоровой не будутъ. Точно на зло кому!

— Ну, не вмѣшивайся не въ свое дѣло,—сердито отвѣтила Софья Аркадьевна.

— Не мое дѣло?—А захвораете, тогда чье дѣло будетъ ходить за вами?—еще болѣе рѣзко сказала кухарка.

— Тебя не попросятъ ходить.

— Такъ что-же, изъ своей квартиры при родномъ братѣ да при своей служанкѣ въ больницу барышню повезти, что ли?

Она почти съ гнѣвомъ взглянула на Софью Аркадьевну и, удаляясь, проговорила:

— Выдумаютъ тоже!

Григорій Аркадьвичъ тоже пожурилъ сестру за то, что она не бережетъ себя.

Оказалось, что кухарка и братъ правы: беречь себя было нужно. Она захворала сильнѣе и слегла.

— Докторъ, скоро это кончится?—тревожно спрашивала она доктора.

— Трудно опредѣлить заранѣе день выздоровленія,—началъ онъ

— Я не о выздоровленіи,—перебила она.—Когда умру?

— О, вы умирать собираетесь!—улыбнулся онъ.—Нѣтъ, отъ этого не умираютъ...

По уходѣ доктора кухарка не удержалась и сдѣлала ей выговоръ:

— Что, достукались? Вотъ теперь и лечитесь! Этакъ и въ могилу можно угодить.

— Я смерти не боюсь!

— Ну, боитесь, не боитесь, а придетъ она, когда ей часъ назначенъ, васъ не спроситъ.

«Когда часъ назначенъ». Эти слова засѣли въ голову Софьи Аркадьевны. Когда часъ назначенъ, не раньше — не позже. Это ужасно! Можетъ быть, придется его ждать цѣлые годы. «Не бе-

речь себя, такъ до могилы достукатся можно», опять вспомнились слова кухарки. Да, можно достукаться до могилы, но прежде хворать, хворать, хворать, какъ теперь, разорять еще и еще брата. Нѣтъ, надо кончить разомъ. Но какъ? Ждать выздоровленія? Утопиться? Отравиться чѣмъ-нибудь? Нѣтъ, ждать нельзя... Надо теперь. Ну, а если она отравится, а ее спасутъ? Нѣтъ, надо какъ-нибудь иначе. Потомъ ей стало вдругъ тяжко при мысли, какъ это отзовется на братѣ. Плакать онъ будетъ, захвораетъ, можетъ быть. Бѣдный, бѣдный! Но все же легче это перенести, чѣмъ всю жизнь загубить для нея. И кому она нужна? Она металась на постели и при каждомъ ея сильномъ движеніи въ комнатѣ появлялась кухарка.

— Что тебѣ?—спрашивала больная нетерпѣливо.

— Ничего, такъ зашла. Можетъ, что надо,—грубовато отвѣчала та.

— Ничего мнѣ не надо! Оставь меня!

— Нельзя же, какъ чуркѣ, лежать,—отрывисто произносила кухарка.—Вонъ старая барыня была больна, вы, почитай, по недѣлямъ не спали.

— Такъ это я.

— Ну, а это я. Взялась служить, такъ и надо служить,— коротко отвѣчала та, уходя.

Разъ Софья Аркадьевна остановила ее.

— Добрая ты женщина!

— Я то?—съ удивленіемъ спросила кухарка.

— Да вотъ заботишься обо мнѣ.

— Я служу у васъ, такъ кому-же и заботиться о васъ? Не съ улицы-же народъ брать! Баринъ на занятіяхъ.

— Тяжело ему, бѣдному.

— Всѣмъ тяжела служба, пока молодъ. Привыкнетъ потомъ.

Опять эти слова поразили Софью Аркадьевну. «Привыкнетъ потомъ», не станетъ никуда стремиться, затянется въ лямкѣ отупляющей работы. Да, да, надо скорѣе кончить. Она еще думала, какъ покончить съ собою, когда до нея долетѣли веселые звуки фортепіано снизу отъ Топорковыхъ. Тамъ была вечеринка. «Веселятся», мелькнуло въ головѣ Софьи Аркадьевны. Эти уже втяну-

лись, ничего имъ больше не надо. Опошлились и счастливы. Тина засосала. И онъ опошлится и будетъ счастливъ. Она торопливо встала, обвела комнату мутными глазами, замѣтила какой-то крючекъ на стѣнѣ, обрадовалась, направилась къ нему, потомъ вдругъ опомнилась, что она не одѣта, сконфузилась и торопливо стала одѣваться. Вошла кухарка, заслышавъ движеніе въ комнатѣ барышни.

— Что это вы?

— Одѣться хочу, платье надѣть,—прерывисто сказала больная.

— Да что вы,—запротестовала та.

— Нѣтъ, нѣтъ, ступай! Я одѣнусь, позову тебя, если надо...

Кухарка ушла, ворча и качая головой. Нѣкоторое время она слушала, какъ возилась больная, потомъ та закашляла, послышалось что-то въ родѣ хрипѣнія. Кухарка остановилась въ раздумьи: «идти или не идти къ барышнѣ?» Наконецъ, она рѣшилась войти къ ней, пораженная наступившей тишиной. Она вошла и остолбенѣла: барышня стояла у стѣны съ поникшей головой, съ висящими вдоль тѣла руками. Не долго думая, рѣшительнымъ движеніемъ кухарка бросилась вынимать изъ петли несчастную. Та уже холодѣла. Она едва успѣла ее положить на постель, какъ послышался звонокъ. Кухарка побѣжала отпирать дверь. Пришелъ Григорій Аркадьевичъ. Кухарка бросилась къ нему.

— Несчастіе у насъ! Сестрица повѣсилась!

— Что, — крикнулъ онъ, какъ безумный, и бросился въ спальню сестры.

Онъ подбѣжалъ къ ней, началъ ее щупать. Холодна.

— За докторомъ! за докторомъ!—крикнулъ онъ.

— Срамъ-то, батюшка, срамъ-то! — воскликнула служанка. — Съ чего позорить бѣдную! Людишки-то что будутъ болтать про нее, голубушку? При собственной квартирѣ, брата имѣя, служанку держа, и вдругъ на этакой грѣхъ пошла. Молчать ужъ лучше.

Онъ, присѣвъ на полу около постели, не понималъ, что говоритъ служанка, и машинально повторялъ:

— Идите, идите, родная... доктора надо... доктора... нельзя-же такъ...

Она, качая головой, неохотно повиновалась.

Онъ остался одинъ передъ трупомъ. Въ мертвой тишинѣ ясно

и отчетливо проносились звуки фортепіано. Кто-то сильно откалачивалъ галопъ. Григорій Аркадьевичъ, не выпуская изъ рукъ руки сестры, даже сталъ прислушиваться, какъ-бы во снѣ, къ музыкѣ. Онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается, обводя комнату безсмысленнымъ взглядомъ. На глаза случайно попалась лежавшая на столѣ бумажка — бѣлое пятно, озаренное свѣтомъ лампы. Машинально онъ потянулъ бумажку со стола и прочелъ четко написанныя на ней слова:

«Гриша, прости меня! Болѣзнь такъ мучительна, что дольше не могу выносить этихъ мукъ. Не вини меня, голубчикъ, за недостатокъ терпѣнія. Будь счастливъ. Твоя любящая сестра Соня».

Григорій Аркадьевичъ прочелъ эти строки, упалъ на бездыханный трупъ сестры съ крикомъ:

— И ты думала, что я повѣрю этой лжи! Я-то, я-то! Никогда, не повѣрю! Никогда! Мученница моя святая!

Охваченный отчаяніемъ, онъ цѣловалъ, какъ безумный, ея глаза, ея губы, ея руки, приподнималъ ея голову, какъ бы желая вызвать ее къ жизни...

Когда пришелъ докторъ, онъ засталъ Григорія Аркадьевича повидимому спокойнымъ, сидящимъ уже на постели около трупа Софьи Аркадьевны. На колѣняхъ у него лежалъ дѣтскій чепчичекъ, полный дѣтскихъ волосъ: этотъ чепчичекъ минутъ за пять передъ тѣмъ нашелъ Григорій Аркадьевичъ рядомъ съ письмомъ на столикѣ у сестры, весь смоченный слезами. Въ послѣднія минуты она цѣловала его.

А. Михайловъ.

C. W. Reiming
1888.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Была пора уборки хлѣба,
Пора въ поляхъ работы страдной.
Садилось солнце; меркло небо,
И вѣтерокъ подулъ прохладный.

***

Ужъ бабы съ граблями толпою
Ушли съ оконченной работы;
И ихъ напѣва подъ горою
Чуть слышны тающія ноты.

***

Ушли крестьяне молчаливо;
А между тѣмъ ужъ солнце сѣло,
Когда покинутая нива
Еще не вовсе опустѣла.

***

Въ телѣгѣ кормитъ мать ребенка;
Отецъ и мальчикъ расторопный
Ужъ запрягли; а лошаденка
Туда все тянется, гдѣ копны.

***

И вдругъ, за этой кучкой черни,
Надъ скуднымъ бытомъ темныхъ міра
Зажглись огни зари вечерней
И развернулася порфира.

***

Я ихъ узрѣлъ, съ ихъ нищетою,
Съ ихъ видомъ кроткимъ и усталымъ,
Парчей убранныхъ золотою,
Среди лучей подъ сводомъ алымъ.

***

И мнилось мнѣ, что съ небосклона
Въ юдоль труда и воздыханья
Сошла явленная икона
Въ вѣнцѣ небеснаго сіянья.

Алексѣй Жемчужниковъ.

СЧАСТЛИВОЕ ОТКРЫТІЕ.

(РАЗСКАЗЪ).

За востокѣ еще не показалось и бѣлой полоски свѣта, какъ уже Никита всталъ, чтобы привести въ исполненіе свое страшное рѣшеніе.

Тихо онъ надѣлъ на плечи кафтанъ, отыскалъ шапку и взялъ припасенную за ночь котомку для дальней дороги. Чтобы не разбудить дѣтей и не возбудить подозрѣнія въ Варварѣ, онъ не зашелъ въ сѣни, гдѣ они спали, а прямо прошелъ мимо.

Совсѣмъ темно еще было на дворѣ; только одна безпокойная курица упала съ насѣста и слѣпо бродила по двору. Посреди двора спали двое телятъ; неподалеку отъ нихъ лежала корова и тяжело вздыхала. Изъ конюшни слышалось хрустѣнье сѣна на зубахъ лошадей. Въ воздухѣ послышался вдругъ торопливый свистъ крыльевъ дикихъ утокъ, улетавшихъ съ хлѣбовъ.

Грустнымъ, послѣднимъ взглядомъ оглядѣлъ Никита весь свой дворъ, когда проходилъ черезъ него, и дрожащей рукой отворилъ калитку. Калитка запищала, и этотъ пискъ отозвался въ его измученномъ сердцѣ рѣзкой болью; онъ же ему напомнилъ, что надо торопиться, иначе проснется Варвара. И перекрестившись, онъ вышелъ на улицу.

Нельзя ему больше оставаться въ своемъ домѣ и жить съ

Варварой, а черезъ нее и дѣтей приходится бросать. И прежде они дрались, каждую недѣлю изъ-за всего дрались. Но хуже вчерашняго дня еще не бывало. Она ему покарябала руки и правую щеку, когда онъ хотѣлъ связать ее. Оба послѣ того выбѣжали на дворъ, а тамъ ужъ со всей улицы сосѣди сбѣжались и облѣпили заплоты; мужики и бабы черезъ заплотъ глядятъ, мальчишки же сидятъ между кольями, какъ воробьи. Что такое? Обыкновенно что,—Никита съ Варварой дерутся.

Утренній холодъ пронизывалъ насквозь Никиту; онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, но продолжалъ идти по темной улицѣ вонъ изъ деревни. И припоминалъ весь срамъ своей домашней жизни, припоминалъ, быть можетъ, больше затѣмъ, чтобы его намѣреніе—совсѣмъ уйдти изъ дому—не ослабло.

Обыкновенно они дрались по праздникамъ, въ будни-же только невзначай, чѣмъ попало. Вчерась она объ его високъ расколотила обливную латку въ пятнадцать копѣекъ, а въ прошлый праздникъ угодила ему въ самое темя ушкомъ отъ подойника. Сосѣдямъ забавно смотрѣть на такую подлость. Вчерась даже старыя бабы, которыя ужъ скрючившись, и тѣ полѣзли на плетень смотрѣть. Даже изъ дальняго конца прибѣгали мужики.

При этомъ воспоминаніи гнѣвъ закипѣлъ въ сердцѣ Никиты. Поправивъ на плечѣ котомку, онъ быстрѣе зашагалъ по темной улицѣ. Вдругъ взглядъ его упалъ на дворъ, мимо котораго онъ проходилъ; дворъ тотъ былъ загороженъ прясломъ изъ жердей и принадлежалъ старому тестю Никиты. Здѣсь, бывало, Никита, въ поздній вечеръ подлѣзалъ тихонько подъ прясло и около колодца цѣловался съ Варварой; а когда, бывало, старикъ взойдетъ на крыльцо и скажетъ: «ты что тамъ, Варюшка, дѣлаешь?» она отвѣчала: «Я воду пью, тятька». Слѣпой старикъ безпрестанно удивлялся, какъ много воды пьетъ Варюшка по вечерамъ... Эти нѣжныя воспоминанія вызвали теперь горечь и тоску.

— И что-же вышло апосля!—сказалъ онъ вслухъ. Голосъ его громко раздался въ спящей улицѣ и заставилъ его опомниться.

Онъ зашагалъ дальше, не останавливаясь около избы тестя. Нѣжныя воспоминанія только разбередили его рану, но не поколебали рѣшенія. А гнѣвъ овладѣлъ имъ, когда онъ припомнилъ, что

было вслѣдъ за тѣмъ, какъ черезъ прясло и въ подворотню не нужно ужъ было лазить.

Она непокорная и гордая. Черезъ два мѣсяца послѣ вѣнца она ужъ разсѣкла ему бровь косыремъ около питейнаго заведенія. А что дальше пошло — не приведи Богъ никому. Черезъ полгода сосѣди ужъ облѣпляли заборы, ребята садились между кольями у плетней, и даже вся улица сбѣгалась смотрѣть, какъ они цапаются. Обыкновенно Варвара не разбирала, какая домашность ей попадетъ въ руки и отбивалась чѣмъ попало. Озлится какъ вѣдьма и воетъ на всю деревню. Никогда она не желала покориться. Въ полѣ разъ они начали цапаться, а она схватила съ огня котелъ, гдѣ варилась каша со свинымъ саломъ, и обварила ему всю шею, плечи и даже по спинѣ за рубаху каша потекла. Чуть, было, въ ту пору онъ не убилъ ее.

При этомъ воспоминаніи Никита замеръ отъ ужаса.

На востокѣ показалась слабая полоска свѣта; середина ея окрасилась розовымъ оттѣнкомъ. Кое-гдѣ пѣли уже пѣтухи. Никита быстрѣе зашагалъ и вышелъ за деревню.

Только на мгновеніе гнѣвъ его уступилъ мѣсто нѣжной мысли о двухъ ребятишкахъ, которыхъ онъ навсегда покинулъ; но когда ему припомнилось, какъ эти ребятишки дрожали при дракахъ отца съ матерью, гнѣвъ снова вернулся въ измученное сердце его.

Ребята вчерась попрятались въ курятникъ, когда онъ съ Варварой полосовался на дворѣ при многолюдномъ стеченіи. А то бывало и хуже. Однажды Варвара держала Митьку за руки, а онъ ухватилъ его за ноги и тащили каждый къ себѣ. Только ужъ сосѣди розняли. А Сеньку Варвара то и дѣло хлопала по головешкѣ, изъ-за того, что отецъ любитъ крошку. Просто звѣри.

Утреннія сумерки закрывали поля; дальній лѣсъ виднѣлся только какъ темная стѣна, загородившая свѣтъ. Вокругъ стояла мертвая тишина. Все живое еще непробудно спало. Одинъ только Никита не зналъ покоя. Онъ шелъ по дорогѣ и мрачныя мысли изнуряли его. Когда гнѣвныя воспоминанія его утихли, на него напали слабость и отчаяніе. Добровольно покинувъ домъ, поля, дѣтей, жену, онъ теперь, среди сумерекъ, почувствовалъ себя пропадающимъ.

Быть можетъ поэтому онъ очень обрадовался, когда за собой вдругъ услыхалъ стукъ телѣги. Сперва нельзя было разобрать, откуда раздается стукъ, но скоро позади Никиты показалась лошадь съ телѣгой; въ телѣгѣ виднѣлись вилы и грабли, а на передкѣ сидѣлъ Иванъ Николаичъ, молоканинъ. При видѣ Ивана Николаича, Никита еще болѣе обрадовался: хотя они были разной вѣры, но уважали другъ друга и жили въ дружбѣ. Поздоровавшись, они отправились вмѣстѣ. Иванъ Николаичъ сидѣлъ на передкѣ, Никита шагалъ подлѣ него.

— Далеко-ли идешь, Никита? — спросилъ Иванъ Николаичъ.

— За тыщи верстъ, Иванъ Николаичъ, — сказалъ Никита слабымъ голосомъ.

— Надолго-ли?

— Навсегда, Иванъ Николаичъ.

И не дожидаясь разспросовъ друга, Никита во всемъ открылся ему. Онъ навсегда покидаетъ деревню и бѣжитъ за тысячи верстъ, чтобы уже никогда не вернуться. Больше силъ его нѣтъ терпѣть домашній срамъ.

— Отъ страму и ухожу, Иванъ Николаичъ. Знаешь самъ мое житье, страмитъ она меня и въ будни, и въ праздникъ, изъ дальняго конца даже прибѣгаютъ смотрѣть наши драки. Все я перепробовалъ,—уговаривалъ и честью, и сурьезно училъ,—нѣтъ, не покоряется... Да что разсказывать,—самъ знаешь житье мое.

Слушая Никиту, Иванъ Николаичъ задумался.

Долго они молчали; Иванъ Николаичъ сидѣлъ на облучкѣ, Никита понуро шагалъ возлѣ него.

— Все ты перепробовалъ говоришь?—наконецъ спросилъ Иванъ Николаичъ.

— Какъ есть все! и честью, и сурьезно—ничто не беретъ.

Иванъ Николаичъ покачалъ головой задумчиво.

— Да, Никита, знаю я твое житье. На деревнѣ всѣ съ уваженіемъ къ тебѣ, а вотъ дома порядку у тебя нѣтъ... Такъ все перепробовалъ—говоришь?

— То есть какъ есть всѣ способы!—съ отчаяніемъ возразилъ Никита.

Но Иванъ Николаичъ опять покачалъ головой.

— А не пробовалъ ты уваженіе? Очень тоже хорошее средство,—задумчиво возразилъ Иванъ Николаичъ.

— Это въ какомъ же родѣ?—спросилъ Никита съ изумленіемъ, и лучъ надежды освѣтилъ его темную душу.

— А это вотъ въ какомъ родѣ. Варвара твоя умная и потому ты попробуй съ ней поумнѣе. По нашему, по деревенски мужъ завсегда желаетъ лупить жену свою, и которая баба силы не имѣетъ, та покоряется. Варвара же твоя умная, съ ней нельзя сурьезно...

— А какъ-же?

— Съ ней надо съ уваженіемъ, — твердо проговорилъ Иванъ Николаичъ.

— Это, стало быть, мнѣ покориться?—спросилъ съ недоумѣніемъ Никита.

— Совсѣмъ даже не туда ты... Не покоряйся, а только отдай ей все, чего самъ отъ нея желаешь. Тебѣ хочется, чтобы она не бранилась? А ты возьми, да самъ первый не бранись. Тебѣ желательно, чтобы она чугуномъ не дралась? Не дерись и ты первый кнутовищемъ. А напротивъ, уважь и полюби, яко Христосъ возлюби церковь свою.

Никита недовѣрчиво слушалъ этотъ монотонный голосъ друга.

— А ежели она сама зачнетъ брехать, либо карябать?

— Не зачнетъ, ежели ты не пожелаешь. Истинно тебѣ говорю, не зачнетъ въ морду тебѣ заѣзжать, ежели ты первый не зачнешь. Ну, только прямо тебѣ скажу, кнутовища и прочіе сурьезные предметы надо ужъ совсѣмъ бросить, не годятся они въ этомъ случаѣ.

— Бросить?—недовѣрчиво, но уже съ признакомъ радости спросилъ Никита.

— Навсегда, чистосердечно оставь. Не зачинай первый страмиться и страмъ уйдетъ изъ твоего дому, и миръ посѣтитъ тебя,— говорилъ монотонномъ голосомъ Иванъ Николаичъ.

Здѣсь дорога раздваивалась; Иванъ Николаичъ долженъ былъ свернуть налѣво. Никитѣ же слѣдовало идти направо. Но онъ въ нерѣшительности остановился. Въ свою очередь Иванъ Николаичъ, прежде чѣмъ совсѣмъ свернуть за уголъ перелѣска, еще разъ обратился къ пораженному Никитѣ:

— Послушайся меня, Никита, ступай домой и будешь благодарить меня съ теченіемъ времени.

На этомъ они разстались.

Никита проводилъ его взглядомъ и не трогался съ мѣста. Твердое рѣшеніе его уйти изъ дома навсегда разбилось теперь объ удивительныя, таинственныя слова друга. Но онъ не смѣлъ вѣрить въ счастье, которое тотъ предсказывалъ ему, потому что совѣтъ былъ чудной, небывалый. Семейная каторга была такимъ общимъ въ деревнѣ порядкомъ, что никто не зналъ ничего иного. Не зналъ и Никита. До этой минуты онъ наивно вѣрилъ въ свое полное право учить жену кнутовищемъ и другими хозяйственными предметами; когда же Варвара воспротивилась такому воспитанію, то онъ счелъ себя несчастнымъ человѣкомъ; а когда Варвара въ ихъ борьбѣ завоевала себѣ право воюющей стороны и на кнутовище отвѣчала «нечѣмъ попало», то Никита увидѣлъ себя окончательно посрамленнымъ.

Прошло много времени съ той минуты, какъ Иванъ Николаичъ скрылся за лѣсомъ, а Никита все стоялъ на одномъ мѣстѣ, терзаемый сомнѣніями, мыслями, нерѣшительностью.

Между тѣмъ востокъ вспыхнулъ пожаромъ восходящаго солнца; брызги свѣта окропили поля и лѣса, проникли въ темные овраги и засверкали на соломенныхъ крышахъ покинутой деревни, играя въ дымовыхъ столбахъ, поднявшихся надъ сотней домовъ. Слышался скрипъ колодезныхъ журавлей, лай собакъ и пѣнье пѣтуховъ, переливавшееся изъ конца въ конецъ.

Никита посмотрѣлъ на всю эту знакомую картину и почувствовалъ, что убѣжать отсюда онъ не можетъ. Силъ его на это не хватитъ, убѣжать-то.

Онъ тихо направился обратно къ деревнѣ, такъ тихо, какъ будто кто тянулъ его на веревкѣ. Лучъ надежды проникъ въ его сердце, но онъ не смѣлъ вѣрить, чтобы съ Варварой возможно было сладить.

Больно ужъ они разозлившись другъ на друга. Еще не прошло двухъ мѣсяцевъ со свадьбы, а ужъ они поцапались. Это произошло около питейнаго заведенія. Никита былъ на веселѣ, а тутъ она подвернулась и давай его срамить. Ну, онъ разгнѣвался, схватилъ

изъ плетня пучекъ хворосту и давай ее лупить. А она его косыремъ. Злющая она.

Никита продолжалъ слабо подвигаться по дорогѣ въ деревню и со стыдомъ опять припоминалъ.

Нынче на Святой онъ также попилъ съ пріятелями въ кабакѣ, а Варварѣ это не понравилось. Когда онъ пришелъ домой, то она начала ему говорить все поперекъ, и такъ его разгнѣвала, что онъ ухватилъ ее за сарафанъ и разодралъ его до самаго низу. Платокъ же сшибъ съ головы и растопталъ ногами. Когда Варвара выбѣжала на дворъ, онъ погнался за ней съ лопатой. Тутъ скоро сбѣжались сосѣди и облѣпили заборъ. Срамъ.

Никита при этомъ воспоминаніи снялъ шапку и обтеръ рукавомъ холодный потъ со лба. Ему сдѣлалось отчего-то такъ совѣстно, что онъ еле двигался ногами по направленію къ деревнѣ. Но солнце уже поднялось высоко; многіе выѣзжали въ поле; изъ деревни слышалось ржанье лошадей и стукъ телѣгъ. Никита ускорилъ шагъ, скоро прошелъ вплоть до околицы и снова очутился на улицѣ. Но сердце его страшно щемило какое-то новое чувство при воспоминаніи о вчерашнемъ случаѣ.

Вчерась она разбила латку въ пятнадцать копѣекъ объ его високъ и покарябала ему руки. Но онъ-то развѣ истуканомъ стоялъ? Съ утра они стали браниться, и до тѣхъ поръ бранились, пока онъ взялъ кнутовище, и хотя послѣ она выдернула у него изъ рукъ кнутовище, но онъ кулаками могъ ее бить сколько угодно. А когда сбѣжался народъ, то онъ уже отдѣлалъ ее въ кровь.

Никита былъ уже недалеко отъ дома; краска стыда залила вдругъ его лицо, когда онъ шелъ мимо тестя. Что онъ сдѣлалъ съ Варварой!

— Вѣдь вѣрно, что я первый зачиналъ страмиться!—вдругъ раздалась небывалая мысль въ его головѣ и облила его сердце стыдомъ и жалостью. Это было открытіе, столько же позорное, сколько и неожиданное. Всю жизнь вести какъ чистый звѣрь и считать себя въ полномъ правѣ!

А всю вину валить на Варвару!

— Страмникъ, больше ничего!—раздавались еще слова въ головѣ Никиты, когда онъ вошелъ съ котомкой за плечами въ свой дворъ и увидалъ жену.

Варвара давно встала и работала на дворѣ связки изъ осоки для сноповъ. Красивое лицо ея послѣ вчерашняго дня узнать было нельзя. Щеки опухли; подъ глазами синяки; лобъ сверху до низу и съ права на лѣво покрытъ шишками. Когда она увидала входившаго Никиту, она ничего не сказала и не спросила, куда онъ собрался уходить; бросила только одинъ бѣглый взглядъ своими большими, прекрасными глазами; но въ этомъ взглядѣ была смертельная ненависть.

Никиту этотъ взглядъ облилъ такимъ ужасомъ, что онъ готовъ былъ въ порывѣ раскаянія, вызваннаго чудными мыслями, пасть ей въ ноги и попросить прощенія за погубленную жизнь. Но вмѣсто этого онъ молча прошелъ на задній дворъ, впрягъ въ рыдванъ лошадей и поѣхалъ со двора за сѣномъ. Она также должна была ѣхать съ нимъ, но онъ не позвалъ ее и не могъ сказать ей ни слова.

Только садясь на передній рыдванъ, онъ тихо проговорилъ:

— Оставайся, Варвара, дома... Одинъ управлюсь. — Это онъ выговорилъ сурово, хотя внутри у него были нѣжныя слова.

Но съ этой поры круто измѣнился Никита. Чудная мысль, случайно брошенная ему, глубоко запала въ его голову. Онъ сдѣлался задумчивымъ и тихимъ.

Также круто измѣнилась и вся его жизнь. Онъ твердо держался чудной мысли, которая измѣнила весь его внутренній міръ. О кнутовищѣ и прочихъ земледѣльческихъ орудіяхъ не было и помину. Его отношенія къ Варварѣ сдѣлались какъ разъ обратными. Онъ старался никогда не употреблять браннаго слова. Если же какое дѣло ей было не подъ силу, онъ помогалъ ей.

Но трудно забывается прошлое. Еще труднѣе укрощаются звѣри.

Сначала новое обращеніе Никиты вызвало у Варвары только подозрительность и испугъ. Она съ ужасомъ смотрѣла на него и подозрѣвала, что онъ придумываетъ ей какую-нибудь особенную, еще небывалую каверзу.

— Чистый изуитъ сталъ! — думала она со страхомъ и ежедневно ждала чего-то страшнаго. Ни въ доброту, ни въ услужливость, ни въ ласковыя слова его она не вѣрила. Когда же Никита

сталъ грустить отъ такой неудачи, то грусть его она также объяснила по звѣриному:

— Должно быть, тоскуетъ, что не можетъ мнѣ досадить.

Прекрасное лицо ея сдѣлалось пугливымъ и хитрымъ.

Больше полгода прошло такъ. На Никиту уже стало находить отчаяніе. И однажды, въ порывѣ этого отчаянія, онъ не выдержалъ.

— Варвара! Ты чего боишься меня? — сказалъ онъ разъ въ сумерки.

Когда Варвара на это промолчала, выразивъ на лицѣ только ужасъ, онъ еще разъ повторилъ свои слова. Она опять промолчала, только задрожала.

— Не бойся меня, Христа ради!.. Вѣдь это ужъ вѣрно, что больше пальцемъ я тебя не трону. И ты худого мнѣ не дѣлай. Бросимъ, давай старое-то...

Онъ хотѣлъ еще многое сказать, но отъ тоски не могъ. Варвара съ страшнымъ испугомъ повернула лицо въ его сторону и хотѣла сказать что-нибудь поперекъ, но силъ на это у ней больше не было. Она молча вышла на крыльцо и заплакала.

Но зато въ эту ночь они проговорили до самаго разсвѣта, какъ будто послѣ долгой разлуки.

Съ той поры сосѣди и мужики изъ дальняго конца перестали облѣплять заплоты у двора Никиты; они долго ждали, когда будетъ драка, и сначала удивлялись, не видя ее, но мало по малу привыкли къ такому необычайному обстоятельству. Не удивлялся только одинъ Иванъ Николаичъ.

Каронинъ.

ИЗЪ ДАЛЕКА.

Ахъ, хотѣлось-бы мнѣ, братья, повидаться съ вами
И, какъ прежде, подѣлиться думой и мечтами!
Много, много разсказалъ-бы что въ глуши далекой
Перечувствовалъ ночами въ тишинѣ глубокой;

***

Что манило, что томило, что меня терзало
И которое больнѣе у невзгоды жало...
Всю-бы душу безъ утайки распахнулъ предъ вами,
Всѣхъ-бы обнялъ, заливаясь добрыми слезами.

МЕЧТА.

Не гони надежды вдохновенной!
Пускай она лишь призракъ золотой;
Но въ этой лжи—прекрасной и святой—
Я слышу голосъ правды сокровенной.

***

Заря—не день, но все-жъ грядущій свѣтъ;
Улыбка—не любовь, но сколько счастья
Больной душѣ, изнывшей безъ участья,
Даритъ ея ласкающій привѣтъ...

***

Такъ и мечта. На крыльяхъ позлащенныхъ
Она летитъ къ лазурнымъ небесамъ
И, падая, усталая, къ ногамъ
Сыновъ земли, тоской отягощенныхъ,

***

Приноситъ имъ животворящій лучъ
Изъ дальняго заоблачнаго міра,
И ей въ отвѣтъ звучитъ поэта лира,
И гимнъ ея пророчески могучъ.

А. Ольхинъ.

НА ВОЛГѢ.

(отрывокъ).

I

Выйдя на верхнюю палубу парохода, Дмитрій Парфентьевичъ вздохнулъ полной грудью. День кончался, солнце висѣло надъ лѣсистой горой. Картина рѣки была величава и спокойна. Гдѣ-то далеко свистѣлъ пароходъ, бѣляна разсѣлась на стрежкѣ широко и грузно и, казалось, не движется, точно сонная купчиха. На плотахъ зажигались огоньки костровъ, — плотовщики варили себѣ ужинъ. Двѣ небольшія барки, сцѣпившись бортъ о бортъ и поставленныя наискось къ теченію, шли сплавомъ, чуть-чуть покачиваясь надъ зеркальною гладью рѣки, и подъ ними, зыблясь и колыхаясь, повисло ихъ отраженіе въ синѣющей глубинѣ. Когда струя отъ парохода, широко разбѣжавшись, коснулась этого отраженія, оно вдругъ изломалось и разлетѣлось. Казалось, будто зеркало разбилось внезапно и долго шевелились и сверкали его осколки...

— Хорошо, Груня?...—сказалъ Дмитрій Парфентьевичъ, садясь рядомъ съ дочерью.

— Да, — коротко отвѣтила она. — Дѣвушка была одѣта въ темное. Надвинутый назадъ платокъ покрывалъ тѣнью блѣдное

молодое лицо; большіе глаза глядѣли изъ-подъ платка мечтательно и задумчиво.

— Главное дѣло, благодать и спокой...—сказалъ опять Дмитрій Парфентьевичъ нравоучительно. Его собственная жизнь тоже склонялась къ закату, и ему казалось, что ничего не можетъ быть лучше спокойствія при угасающемъ днѣ... Только спокойствіе и молитвы послѣ грѣшной суеты и утомленія... Храни Богъ отъ новыхъ желаній, храни Богъ отъ новаго искушенія.

— А? Груня?...—взглянулъ Дмитрій Парфентьевичъ на дочь, спрашивая о собственныхъ мысляхъ.

— Да, — потупилась дѣвушка. Но глаза ея, такъ-же мечтательно убѣгавшіе туда, гдѣ золотилась рѣчная даль, а горы тихо закутывались синеватою мглою,—казалось, искали чего-то другого.

Публика на палубѣ была настроена такъ-же тихо и полумечтательно. Кой-гдѣ слышались отдѣльные разговоры, кое-кто собирался пить чай у столиковъ; на кормѣ виднѣлась кучка татаръ. Они ѣхали изъ Астрахани, возвращаясь домой. Это былъ старикъ-патріархъ съ тремя сыновьями. Четвертаго, любимца, похоронили въ чужомъ городѣ. Невѣдомо съ чего захворалъ. Ахметзянъ похворалъ съ недѣлю и померъ. Все въ волѣ Аллаха, — говорило суровое лицо старика, но ему предстояло еще сообщить матери о смерти любимаго сына...

Все дышало тишиной и миромъ и не подозрѣвалъ въ эту минуту Дмитрій Парфентьевъ, что ему этотъ тихій вечеръ готовитъ искушеніе.

II.

Невдалекѣ отъ нихъ частью на скамьѣ у столика, частью на палубѣ, на узлахъ расположилась кучка пассажировъ. Тутъ было нѣсколько плотовыхъ съ Унжи, какая-то толстая и добродушная мѣщанка, старикъ, тоже повидимому изъ мелкихъ мѣщанъ. Центромъ кучки въ данную минуту служилъ пароходный лакей третьяго класса, молодой еще парень, родственникъ добродушной старухи. Одѣтъ онъ былъ въ потертомъ и засаленномъ сюртукѣ, на лѣвомъ борту котораго болтался жетонъ съ надписью—№ 2-й.

Черезъ плечо у него висѣла салфетка, которою онъ съ одинаковымъ успѣхомъ вытиралъ и залитые столы, и стаканы. Онъ только-что пронесъ по палубѣ подносъ съ приборами, широко разставляя локти врозь и глядя въ одно время и передъ собой, и подъ ноги. Поставивъ подносъ и отряхнувъ вокругъ него пыль со столика салфеткой, онъ направился къ упомянутой кучкѣ своихъ знакомыхъ, сѣлъ на кончикъ скамьи и прямо приступилъ къ начатому ранѣе разговору.

— На этотъ случай я вотъ что скажу, — произнесъ онъ съ видомъ человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ томъ, что собирается сказать... Я кулакомъ перекрещусь и то дѣйствуетъ. Да, вотъ такъ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Все равно, дѣйствуетъ. Вы какъ думали?

И онъ оглянулся на своихъ слушателей, какъ человѣкъ, предложившій на разрѣшеніе остроумную загадку.

— Кулакомъ говоришь? — въ изумленіи переспросилъ одинъ изъ унженскихъ мужиковъ.

— Да, кулакомъ.

Слушатели мотаютъ головами съ видомъ сомнѣнія и укоризны. Мѣщанинъ строго обращается къ парню.

— Н-ну, ужъ это оставь. Ужъ это ты заговорилъ свыше Бога...

— Что такое?

— А то, что напримѣръ тебѣ такъ дозволено, чтобы кулакомъ крестное знаменіе творить. Не можетъ быть. Это никогда не дѣйствуетъ.

— Анъ дѣйствуетъ.

Парень окинулъ слушателей радостно сіяющимъ взглядомъ и только что хотѣлъ дать рѣшеніе загадки, какъ отъ одного изъ столовъ послышался нетерпѣливый стукъ ложечки по стакану.

Парня точно подкинуло пружиной. Въ одно мгновеніе онъ былъ на другомъ концѣ палубы, схватывалъ чайники, сбѣгалъ къ машинѣ и обратно, уставлялъ, отряхивалъ, опять бѣгалъ внизъ, приносилъ заказанное, извивался вокругъ столовъ, подаваясь впередъ туловищемъ и подбирая животъ, въ галантной позѣ лакея, знающаго хорошія манеры.

— Ну, это онъ сверхъ ума,—шумѣли между тѣмъ въ кучкѣ.

— Навралъ малый, что говоритъ.

— Это не можетъ быть, чтобы кулакомъ... Это не дѣйствуетъ...

— Нѣтъ, дѣйствуетъ,—подбѣгаетъ опять парень и присаживается на край скамейки.

— Нѣтъ, это неправильно,—поднимается нѣсколько голосовъ. Это озорство, болѣе ничего...

— Какъ можно!...

— Кто тебѣ этакое позволилъ?...

— А вы вотъ послушайте, что я вамъ скажу. Можетъ, и не озорство. Теперичe былъ у насъ на фабрикѣ, на суконной, гдѣ я жилъ, парень одинъ. Такъ ему, этому парню машиной всю пятерню отхватило, какъ есть, даже вовсе... Вотъ теперь и думайте: какъ тому парню быть, ежели у него одна култышка осталась...

Публика озадачена.

— Вотъ ты куда гнешь...

— Ишь ты. А вѣдь это, братцы, какже... Вѣдь ужъ если ему, парню-то этому, самому лѣвой рукой кститься...

— Что ты, что ты, — замахалъ рукой мѣщанинъ. — Нѣшто лѣвой-то рукой возможно...

— Ну, а на правой какъ-ты тутъ персты сложишь, ежели на ней одна култышка?

— Вотъ, то-то, и есть,—торжествовалъ парень.

Его задача пріобрѣла мгновенно популярность. Ближайшіе пассажиры прислушивались, дальніе вставали и подходили къ говорившимъ. Даже молодой купчикъ Сидоровъ, очень авторитетно бесѣдовавшій о политикѣ за чайнымъ столикомъ съ какимъ-то толстымъ господиномъ, удостоилъ обратить благосклонное вниманіе на ловкую задачу. Онъ постучалъ ложечкой и помапилъ парня.

— Эй, услужающій. Сколько съ насъ?... Э-э-э, тово... Какъ ты это говоришь: култышкой?

— Такъ мы себѣ, ваше здоровье,—промежду себя...

— Нѣтъ, а ловко, не правда-ли?

Толстый господинъ отвѣчалъ невнятно, потому-что справлялся въ это время съ бутербродомъ.

Одни татары сидѣли на кормѣ, не принимая участія въ общемъ

разговорѣ. Они молчали или изрѣдка перекидывались короткими замѣчаніями на родномъ языкѣ.

III.

Дмитрій Парфентьевъ насторожился, какъ боевой конь при звукахъ трубы. Груня не отрывала глазъ отъ дальней перспективы горъ и рѣки, но легко было догадаться, что она уже ея не видитъ. Не поворачивая головы, она внимательно слушала то, что говорили сосѣди.

Дмитрій Парфентьевъ искоса поглядѣлъ на нее. Прежде, когда-то, она непремѣнно обратилась бы къ нему съ довѣрчивымъ вопросомъ: какъ-же, тятенька, это? Но теперь ей какъ будто не было дѣла до мнѣнія отца.

А между тѣмъ, онъ былъ выше всей этой темной толпы, которая теряется отъ такихъ пустыхъ преткновеній въ дѣлѣ вѣры. Онъ поднялся и подошелъ къ разговаривающимъ. Его крупная, сухая фигура, вся какъ-то сурово-чистая, въ платьѣ стариннаго покроя, сразу обратила на себя общее вниманіе.

— Сомнѣваетесь?—спросилъ Дмитрій Парфентьевъ.

— Такъ точно, господинъ купецъ. Потому что, видите-ли... Вотъ малый говоритъ: кулакомъ кститься могу.

— Слыхалъ, не разсказывай! Малый дуракъ.

— То-то вотъ... всѣ мы темные.

— Это вѣрно... темные вы. А ежели разсудить какъ слѣдоваетъ, по писанію значитъ и по руководству, то здѣсь удивительнаго нѣтъ нисколько.

Кучка слушателей сразу увеличилась. Теперь всѣ уже заинтересовались высокимъ старикомъ съ спокойными и величаво-суровыми манерами. Дмитрій Парфентьевъ не сконфузился отъ всеобщаго вниманія. Ему не впервой. Одна только слушательница интересовала его во всей этой толпѣ; это его начетчица, его непокорная молельщица Груня. Онъ по своему любилъ дочь и его суровое сердце надрывалось отъ ея взгляда «ушибенной пташки». Онъ страстно желалъ ей благодатнаго успокоенія, къ которому такъ

„На войну."
К. Гавриский

близко уже было его собственное сердце. Но ея непокорство подымало въ его строгой душѣ цѣлую бурю сдержанной ярости, которая боролась съ любовью и привыкла ее побѣждать.

Груня сидѣла одна на своемъ мѣстѣ, неподвижная и сдержанно-внимательная.

— Вотъ послушайте,—доносился до нея увѣренный и жосткій голосъ отца. Вотъ есть какой правильный крестъ и этому кресту мы держимся во спасеніе.

— Раскольникъ, — пронеслось въ толпѣ. — Два-три человѣка изъ купцовъ, очевидно охотники до религіозныхъ состязаній, уже проталкивались впередъ, готовые вмѣшаться.

— Мы не раскольники,—продолжалъ Дмитрій Парфентьевъ,— и исповѣдуемъ правую вѣру. Этому кресту вѣрили святые отцы и патріархи. Потому-что такъ научаетъ святый Ѳеодоритъ.

Онъ высоко поднялъ руку съ двойнымъ перстосложеніемъ.

— Большой палецъ теперича пригни къ мизинному и безымянному. Стало быть въ ознаменованіе святыя Троицы. Три лица воедино. Два пальца подыми кверху: божество и человѣчество, два естества. И еще Ѳеодоритъ говоритъ: пригни одинъ палецъ средній. Значитъ: человѣчество предъ Божествомъ преклонилося. Вотъ.

— Погоди!—вмѣшался одинъ изъ пробившихся впередъ купцовъ. А св. Кириллъ говоритъ иначе.

— Св. Кириллъ говоритъ тоже самое. Только оба пальца велитъ держать прямо.

— Стало быть, выходитъ разность.

— Погоди, ваше степенство, не мѣшай,—остановили взражателя. Дай кончить... Какъ насчетъ култышки-то.

— А на этотъ счетъ вотъ какъ: ежели ему оторвало пальцы, онъ тутъ невиновенъ. Значитъ такъ попустилъ Господь. А безъ крестнаго знамени ему жить невозможно. Стало быть обязанъ онъ креститься правой рукой, а персты слагать мысленно, по указанію святыхъ отецъ.

— Вотъ это такъ,—правильно.

— Чего вѣрнѣе!—слышались одобренія.

Дмитрій Парфентьевъ оглянулся на дочь. Что ему эти одобренія, что эти похвалы. А она, Груня, опять смотрѣла прямо

передъ собой и на ея лицѣ виднѣлось равнодушіе: какъ будто отецъ сказалъ то, что ей давно было извѣстно, чего она ожидала и что ей давно надоѣло.

Брови старика сдвинулись и въ голосѣ зазвучала угроза.

— А ежели онъ и мысленно сложитъ персты щепотью — и то неправильно. Щепотникъ повиненъ есть геенне огненной... Проклятъ въ сей жизни и въ будущей...

Какъ потокъ, внезапно прорвавшій плотину,—толпа слушателей заволновалась и зашумѣла. Въ этой на первый взглядъ однородной и однообразной кучкѣ чуекъ, сибирокъ, мужицкихъ самодѣльныхъ азямовъ—какъ-то сразу обозначились двѣ партіи. Одни одобряли Дмитрія Парфентьева,—другіе нападали на него, подступая и протискиваясь съ разныхъ сторонъ.

— Нѣтъ, погоди! А вы зачѣмъ раздѣляете три ипостаса? Гдѣ у васъ первые-то персты?...

— А ты, ваше степенство, сто-пятое слово читалъ?..

— Читалъ сто-пятое слово о свѣтопреставленіи.

Дмитрій Парфентьевъ стоялъ въ серединѣ, непотерявшійся и спокойный. Только каждый разъ, когда онъ обращался къ кому-нибудь изъ нападавшихъ,—онъ пронизывалъ его взглядомъ упорнымъ и злымъ.

А пароходъ, шлепая колесами и разбивая синюю гладь рѣки, все дальше уносилъ мимо зеленыхъ горъ и буераковъ эту кучку ожесточенно спорившихъ людей. Онъ обогнулъ песчаную косу и когда крутая гора, скрывавшая поворотъ, уплыла назадъ и уменьшилась, изъ-за нея опять открылась широкая рѣчная даль. Солнце краснымъ шаромъ повисло уже надъ самой водой, а съ востока будто легкими взмахами вечернихъ тѣней бѣжали по лугамъ сумерки, все замѣтнѣе налегая на Волгу.

IV.

Вдругъ молчаливая кучка татаръ поднялась со своихъ мѣстъ на кормѣ и ровной походкой направилась на край верхней палубы къ кожухамъ. Тамъ они сняли верхнія одежды и разостлали ихъ на полу. Затѣмъ, скинувъ туфли и поставивъ ихъ около подстилки,

сами благоговѣйно ступили на халаты. Отблескъ заката заигралъ на строгихъ татарскихъ лицахъ. Ихъ рослыя фигуры рѣзко выступали на свѣтломъ похолодѣвшемъ небѣ.

— Молятся...—тихо сказалъ кто-то и нѣсколько человѣкъ, отдѣлившись отъ спорящей кучки, приблизились къ перилам. За ними послѣдовали другіе; споры стали стихать.

Татары стояли, зажмуривъ глаза, высоко поднявъ брови и будто возносясь мыслью туда, гдѣ, въ вышинѣ, угасали лучи дневного свѣта. По временамъ они разжимали сложенныя подъ грудью руки, прикладывали ихъ кистями къ колѣнямъ, и тогда головы въ бараньихъ, широкихъ кверху шапкахъ низко, низко опускались. Затѣмъ они подымались опять, протягивая къ свѣту распростертыя ладони.

И губы басурманъ шептали слова невѣдомой и непонятной, но видимо благоговѣйной молитвы.

— Тоже вотъ,—сказалъ какой-то мужикъ и замолкъ нерѣшительно, не досказавъ своей мысли.

— Свой обрядъ тоже сполняютъ,—прибавилъ другой.

— Да, молются тоже.

Всѣ татары припали вдругъ къ полу, прикасаясь челами къ палубѣ, и затѣмъ быстро поднялись. Трое молодыхъ взяли свои халаты и туфли и опять прошли на прежнія мѣста на кормѣ. Старикъ остался одинъ.

Онъ усѣлся, поджавъ подъ себя ноги, и губы его шевелились, а на красивомъ лицѣ съ сѣдой бородой виднѣлось странное и трогательное выраженіе: смѣсь глубокаго страданія, смягченнаго благоговѣніемъ передъ высшею волею. Рука его быстро перебирала четки.

— Вишь ты, и четки у него,—раздался тихій голосъ изъ кучки зрителей.

— Радѣтельный старичокъ.

— Объ сынѣ онъ это... Сынъ у него въ Астрахани померъ,—пояснилъ какой-то купецъ, ѣхавшій снизу вмѣстѣ съ татарами.

—Охъ-хо-хо...—философски вздохнулъ кто-то.—Всякому человѣку хочется спастися. Ни одному не хочется погибнуть, какой-бы онъ ни былъ, хошь, скажемъ, и татаринъ...

Теперь уже трудно было разглядѣть, кто говоритъ въ неопредѣленно-темнѣвшей кучкѣ зрителей. Всѣ лица сливались, только от-

дѣльная фигура молящагося старика виднѣлась на краю обноса, надъ водой. Онъ тихо покачивался взадъ и впередъ.

— Какъ-же теперь, тятя?... послышался вдругъ тихій вопросъ. Это Груня обращалась къ отцу, который подошелъ къ ней, но не садился, смотря поверхъ головъ въ сторону татарина.

— Какъ-же теперь думать: дойдетъ-ли эта молитва?

Груня говорила тихо, но этотъ молодой и уже изстрадавшійся голосъ ясно слышали всѣ и у всѣхъ онъ отозвался тѣмъ-же вопросомъ: «дойдетъ-ли?»

Водворилось молчаніе. Глаза невольно подымались кверху, какъ бы стараясь уловить среди синевы вечерняго неба невидимый полетъ хотя и чуждой и непонятной, но исполненной живого чувства, молитвы...

— Какъ, чай, не дойти... опять нерѣшительно мягко произноситъ прежній добродушный голосъ мужика. Чай, тоже некому другому молятся. Все Богу-же.

— Все ему, батюшкѣ. Видишь, на небо смотрятъ.

— Кто знаетъ, кто знаетъ... раздаются задумчиво голоса въ темнотѣ.

— Охъ, трудное дѣло—пути-то Господни.

И опять водворилось молчаніе.

На носу заскрипѣлъ блокъ, фонарь золотой звѣздой взлетѣлъ на верхушку мачты; волна плескалась гдѣ-то глубоко въ сумракѣ, отдаленный свистокъ чуть виднаго парохода тихо прозвенѣлъ надъ засыпающей рѣкою. Въ небѣ одна за другой зажигались яркія звѣзды, и синяя ночь безшумно неслась надъ лугами, горами и оврагами Волги.

И Грунѣ казалось, что земля спрашиваетъ о чемъ-то, а небо молчитъ, исполненное вопроса и тайны.

Дмитрій Парфентьевъ тоже молчалъ. Быть можетъ, и ему хоть на мгновеніе казалось тоже самое, что и Грунѣ. Но вдругъ его суровый голосъ нарушилъ очарованіе минуты:

— Ну, ступай внизъ, Грунька... Ступай. Нечего здѣсь дѣлать. Сонма это нечестивая. Одинъ соблазнъ...

Груня безропотно встала...

Октябрь 1888 г. **Влад. Короленко.**

КАМЕНОТЕСЪ.

(ЯПОНСКАЯ СКАЗКА).

Жилъ-былъ въ японскомъ царствѣ бѣднякъ-каменотесъ,
Работалъ много, иго нужды тяжелой несъ
И сталъ роптать. «Ахъ, если-бъ,—взывалъ онъ къ небесамъ,—
Разбогатѣть! Лежалъ бы по цѣлымъ я часамъ
На дорогихъ цыновкахъ, всегда-бъ ходилъ въ шелку»...
Мольбу такую слыша, Духъ добрый бѣдняку
Желанное богатство далъ сразу. О нуждѣ
Забылъ разбогатѣвшій работникъ, о трудѣ
Не помышлялъ, на мягкихъ цыновкахъ возлежалъ
И нѣжился подъ шелкомъ и пухомъ одѣялъ.
На улицѣ однажды кортежъ увидѣлъ онъ:
Шелъ мимо императоръ, который окруженъ
Былъ свитою блестящей своею; впереди
Шуты и скороходы бѣжали; назади
Надъ головой владыки громадный зонтъ несли;
Прохожіе съ поклономъ склонялись до земли
Передъ его особой.—«Ахъ, что въ богатствѣ мнѣ,—
Каменотесъ воскликнулъ:—когда въ родной странѣ
Со свитою, по царски, ходить я не могу!
Зачѣмъ не царь я?»—«Въ этомъ тебѣ я помогу»,—
Шепнулъ ему Духъ добрый, и въ ту-жъ минуту вдругъ
Въ царя преобразился работникъ бывшій. Вкругъ
Его толпилась свита, молчаніе храня,
И зонтъ несли роскошный надъ нимъ въ сіяньи дня.
А солнце сильно грѣло и жаръ былъ нестерпимъ.
—«Я царь, но велика ли мнѣ честь назваться имъ,—
Замѣтилъ императоръ,—когда я изнемогъ
Отъ зноя, обезсилѣлъ отъ головы до ногъ...
Не лучше-ли быть солнцемъ!»—«Такъ будь имъ», Духъ сказалъ,
И, обратившись въ солнце, царь въ небѣ засіялъ
Лучами золотыми,—какъ ласку и привѣтъ,
На землю проливая живительный свой свѣтъ.
Вдругъ набѣжала туча и стала въ вышинѣ
Между землей и солнцемъ.—«Какая дерзость! мнѣ
Свѣтить она мѣшаетъ,—воскликнулъ свѣточъ дня:—
Ужъ если такъ, быть тучей удобнѣй для меня».

И духъ сказалъ: «Пусть будетъ по твоему!» Тогда
Свершилось превращенье. Надменна и горда,
Въ лазури неба туча мгновенно разрослась,
Грозою разразилась, на землю пролилась
Такимъ дождемъ, что скоро изъ береговъ своихъ
Озера, рѣки вышли и съ ревомъ волны ихъ
Окрестность затопили. Стоялъ одинъ утесъ
Незыблемо: могучій потокъ его не снесъ
Въ своемъ напорѣ грозномъ.—«Хорошій мнѣ урокъ!—
Сказала туча гнѣвно:—сопротивляться могъ
Грозѣ моей какой-то ничтожный камень! Съ нимъ
Не лучше-ль помѣняться мнѣ жребіемъ своимъ?»
—«Твою исполню волю», отвѣтилъ духъ. Въ гранитъ
Преобразилась туча, принявъ утеса видъ.
И тотъ утесъ недвижный, холодный и нѣмой,
Не чувствовалъ ни бури, ни холода зимой,
Ни солнца жаркимъ лѣтомъ, ни града, ни дождя.
Утесъ однажды только былъ изумленъ, слѣдя
За тѣмъ, какъ у подножья его одинъ бѣднякъ
То молотомъ, то ломомъ работать началъ такъ
Усердно, что кусками гранитъ летѣлъ кругомъ.
—«Такъ вотъ кого назвать я могу своимъ врагомъ,
Врагомъ опаснымъ!—гнѣвно проговорилъ утесъ:—
Онъ, человѣкъ ничтожный, простой каменотесъ,
Изъ нѣдръ моихъ рвать можетъ куски большихъ камней!
О, если при сравненьи со мною, онъ сильнѣй,
То лучше человѣкомъ мнѣ быть!»—И не былъ глухъ
Къ желанію утеса ему покорный Духъ.
И вновь въ каменотеса бѣднякъ былъ превращенъ,
Опять въ каменоломнѣ работать началъ онъ,
Въ поту лица насущный хлѣбъ добывалъ опять
И пересталъ на жребій тяжелый свой роптать.

Дмитрій Минаевъ.

ПРИПАДОКЪ.

I.

Студентъ-медикъ Майеръ и ученикъ московскаго училища живописи, ваянія и зодчества Рыбниковъ пришли какъ-то вечеромъ къ своему пріятелю студенту-юристу Васильеву и предложили ему сходить съ ними въ С—въ переулокъ. Васильевъ сначала долго не соглашался, но потомъ одѣлся и пошелъ съ ними.

Падшихъ женщинъ онъ зналъ только по наслышкѣ и изъ книгъ и въ тѣхъ домахъ, гдѣ онѣ живутъ, не былъ ни разу въ жизни. Онъ зналъ, что есть такія безнравственныя женщины, которыя подъ давленіемъ роковыхъ обстоятельствъ—среды, дурного воспитанія, нужды и т. п., вынуждены бываютъ продавать за деньги свою честь. Онѣ не знаютъ чистой любви, не имѣютъ дѣтей, не правоспособны; матери и сестры оплакиваютъ ихъ, какъ мертвыхъ, наука третируетъ ихъ какъ зло, мужчины говорятъ имъ *ты*. Но не смотря на все это, онѣ не теряютъ образа и подобія Божія. Всѣ онѣ сознаютъ свой грѣхъ и надѣются на спасеніе. Средствами, которыя ведутъ къ спасенію, онѣ могутъ пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Правда, общество не прощаетъ людямъ прошлаго, но у Бога святая Марія Египетская считается не ниже другихъ святыхъ. Когда Васильеву приходилось по костюму или по манерамъ узнавать на улицѣ падшую женщину,

или видѣть ея изображеніе въ юмористическомъ журналѣ, то всякій разъ онъ вспоминалъ одну исторію, гдѣ-то и когда-то имъ вычитанную: какой-то молодой человѣкъ, чистый и самоотверженный, полюбилъ падшую женщину и предложилъ ей стать его женою, она же, считая себя недостойною такого счастья, отравилась.

Васильевъ жилъ въ одномъ изъ переулковъ, выходящихъ на Тверской бульваръ. Когда онъ вышелъ съ пріятелями изъ дому, было около 11 часовъ. Недавно шолъ первый снѣгъ и все въ природѣ находилось подъ властью этого молодого снѣга. Въ воздухѣ пахло снѣгомъ, подъ ногами мягко хрустѣлъ снѣгъ, земля, крыши, деревья, скамьи на бульварахъ—все было мягко, бѣло, молодо, и отъ этого дома выглядывали иначе, чѣмъ вчера, фонари горѣли ярче, воздухъ былъ прозрачнѣй, экипажи стучали глуше, и въ душу вмѣстѣ со свѣжимъ, легкимъ морознымъ воздухомъ просилось чувство, похожее на бѣлый, молодой, пушистый снѣгъ.

— Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ,—запѣлъ медикъ пріятнымъ теноромъ,—меня влечетъ невѣдомая сила...

— Вотъ мельница...—подтянулъ ему художникъ.—Она ужъ развалилась...

— Вотъ мельница... Она ужъ развалилась...—повторилъ медикъ, поднимая брови и грустно покачивая головою.

Онъ помолчалъ, потеръ лобъ, припоминая слова, и запѣлъ громко и такъ хорошо, что на него оглянулись прохожіе:

— Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала свободнаго свободная любовь...

Всѣ трое зашли въ ресторанъ и, не снимая пальто, выпили у буфета по двѣ рюмки водки. Передъ тѣмъ, какъ выпить по второй, Васильевъ замѣтилъ у себя въ водкѣ кусочекъ пробки, поднесъ рюмку къ глазамъ, долго глядѣлъ въ нее и близоруко хмурился. Медикъ не понялъ его выраженія и сказалъ:

— Ну что глядишь? Пожалуйста, безъ философіи! Водка дана, чтобы пить ее, осетрина—чтобы ѣсть, женщины—чтобы бывать у нихъ, снѣгъ—чтобы ходить по немъ. Хоть одинъ вечеръ поживи по человѣчески!

— Да я ничего... —сказалъ Васильевъ смѣясь. Развѣ, я отказываюсь.

Отъ водки у него потеплѣло въ груди. Онъ съ умиленіемъ

глядѣлъ на своихъ пріятелей, любовался ими и завидовалъ. Какъ у этихъ здоровыхъ, сильныхъ, веселыхъ людей все уравновѣшено, какъ въ ихъ умахъ и душахъ все закончено и гладко! Они и поютъ, и страстно любятъ театръ, и рисуютъ, и много говорятъ, и пьютъ и голова у нихъ не болитъ на другой день послѣ этого; они и поэтичны, и распутны, и нѣжны, и дерзки; они умѣютъ и работать, и возмущаться, и хохотать безъ причины, и говоритъ глупости; они горячи, честны, самоотвержены и, какъ люди, ничѣмъ не хуже его, Васильева, который сторожитъ каждый свой шагъ и каждое свое слово, мнителенъ, остороженъ, и малѣйшій пустякъ готовъ возводить на степень вопроса. И ему захотѣлось хоть одинъ вечеръ пожить такъ, какъ живутъ пріятели, развернуться, освободить себя отъ собственнаго контроля. Понадобится водку пить? Онъ будетъ пить, хотя бы завтра у него лопнула голова отъ боли. Его ведутъ къ женщинамъ? Онъ идетъ. Онъ будетъ хохотать, дурачиться, весело отвѣчать на затрогиванья прохожихъ...

Вышелъ онъ изъ ресторана со смѣхомъ. Ему нравились его пріятели—одинъ въ помятой широкополой шляпѣ съ претензіей на художественный безпорядокъ, другой въ котиковой шапочкѣ, человѣкъ не бѣдный, но съ претензіей на принадлежность къ ученой богемѣ; нравился ему снѣгъ, блѣдные фонарные огни, рѣзкіе, черные слѣды, какіе оставляли по первому снѣгу подошвы прохожихъ; нравился ему воздухъ и особенно этотъ прозрачный, нѣжный, наивный, точно дѣвственный тонъ, какой въ природѣ можно наблюдать только два раза въ году: когда все покрыто первымъ снѣгомъ и весною въ ясные дни, или въ лунные вечера, когда на рѣкѣ ломаетъ ледъ.

— Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ, запѣлъ онъ вполголоса,—меня влечетъ невѣдомая сила...

И всю дорогу почему-то у него и у его пріятелей не сходилъ съ языка этотъ мотивъ, и всѣ трое напѣвали его машинально, не въ тактъ другъ другу.

Воображеніе Васильева рисовало, какъ минутъ черезъ десять онъ и его пріятели постучатся въ дверь, какъ они по темнымъ корридорчикамъ и по темнымъ комнатамъ будутъ красться къ жен-

щинамъ, какъ онъ, воспользовавшись потемками, чиркнетъ спичкой, и вдругъ освѣтитъ и увидитъ страдальческое лицо и виноватую улыбку. Невѣдомая блондинка или брюнетка навѣрное будетъ съ распущенными волосами и въ бѣлой ночной кофточкѣ; она испугается свѣта, страшно сконфузится и скажетъ: —«Ради Бога, что вы дѣлаете! Потушите!» Все это страшно, но любопытно и ново.

II.

Пріятели съ Трубной площади повернули на Грачевку и скоро вошли въ переулокъ, о которомъ Васильевъ зналъ только по наслышкѣ. Увидѣвъ два ряда домовъ съ ярко-освѣщенными окнами и съ настежъ открытыми дверями, услышавъ веселые звуки роялей и скрипокъ—звуки, которые вылетали изъ всѣхъ дверей и мѣшались въ странную путаницу, похожую на то, какъ будто гдѣ-то въ потемкахъ надъ крышами настраивался невидимый оркестръ, Васильевъ удивился и сказалъ:

— Какъ много домовъ!

— Это что! — сказалъ медикъ.—Въ Лондонѣ въ десять разъ больше. Тамъ около ста тысячъ такихъ женщинъ.

Извощики сидѣли на козлахъ такъ-же покойно и равнодушно, какъ и во всѣхъ переулкахъ; по тротуарамъ шли такіе же прохожіе, какъ и на другихъ улицахъ. Никто не торопился, никто не пряталъ въ воротникъ своего лица, никто не покачивалъ укоризненно головой... И въ этомъ равнодушіи, въ звуковой путаницѣ роялей и скрипокъ, въ яркихъ окнахъ, въ настежъ открытыхъ дверяхъ чувствовалось что-то очень откровенное, наглое, удалое и размашистое. Должно быть, во время оно на рабовладѣльческихъ рынкахъ было такъ же весело и шумно, и лица и походка людей выражали то же равнодушіе.

— Начнемъ съ самаго начала,—сказалъ художникъ.

Пріятели вошли въ узкій корридорчикъ, освѣщенный лампою съ рефлекторомъ. Когда они отворили дверь, то въ передней съ желтаго дивана лѣниво поднялся человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, съ небритымъ лакейскимъ лицомъ и съ заспанными глазами. Тутъ

пахло какъ въ прачешной и уксусомъ. Изъ передней вела дверь въ ярко-освѣщенную комнату. Медикъ и художникъ остановились въ этой двери и, вытянувъ шеи, оба разомъ заглянули въ комнату.

— Бона-сера, сеньеры, риголетто—гугеноты—травіата!—началъ художникъ, театрально раскланиваясь.

— Гаванна — таракано — пистолето! — сказалъ медикъ, прижимая къ груди свою шапочку и низко кланяясь.

Васильевъ стоялъ позади нихъ. Ему тоже хотѣлось театрально раскланяться и сказать что-нибудь глупое, но онъ только улыбался, чувствовалъ неловкость, похожую на стыдъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, что будетъ дальше. Въ дверяхъ показалась маленькая блондинка лѣтъ 17—18, стриженная, въ короткомъ голубомъ платьѣ и съ бѣлымъ эксельбантомъ на груди.

— Что-жъ вы въ дверяхъ стоите? — сказала она.—Снимайте ваши пальты и входите въ залу.

Медикъ и художникъ, продолжая говорить по итальянски, вошли въ залу. Васильевъ нерѣшительно пошелъ за ними.

— Господа, снимайте ваши пальты!—сказалъ строго лакей.— Такъ нельзя!

Кромѣ блондинки, въ залѣ была еще одна женщина, очень полная и высокая, съ нерусскимъ лицомъ и съ обнаженными руками. Она сидѣла около рояля и раскладывала у себя на колѣняхъ пасьянсъ. На гостей она не обратила никакого вниманія.

— Гдѣ же остальныя барышни?—спросилъ медикъ.

— Онѣ чай пьютъ...—сказала блондинка.—Степанъ,—крикнула она,—пойди скажи барышнямъ, что студенты пришли!

Немного погодя, въ залу вошла третья барышня. Эта была въ ярко-красномъ платьѣ съ синими полосами. Лицо ея было густо и неумѣло накрашено, лобъ прятался за волосами, глаза глядѣли не мигая и испуганно. Войдя, она тотчасъ-же запѣла сильнымъ, грубымъ контральто какую-то пѣсню. За нею показалась четвертая барышня, за нею пятая...

Во всемъ этомъ Васильевъ не видѣлъ ничего ни новаго, ни любопытнаго. Ему казалось, что эту залу, рояль, зеркало въ дешевой золотой рамѣ, эксельбантъ, платье съ синими полосами и тупыя, равнодушныя лица онъ видѣлъ уже гдѣ-то и не одинъ

разъ. Потемокъ же, тишины, тайны, виноватой улыбки, всего того, что ожидалъ онъ здѣсь встрѣтить и что пугало его, онъ не видѣлъ даже тѣни.

Все было обыкновенно, прозаично и неинтересно. Одно только слегка раздражало его любопытство—это страшная, словно нарочно придуманная безвкусица, какая видна была въ карнизахъ, въ нелѣпыхъ картинахъ, въ платьяхъ, въ эксельбантѣ... Въ этой безвкусицѣ было что-то характерное, специфическое.

— Какъ все бѣдно и глупо!—думалъ Васильевъ.—Что во всей этой чепухѣ, которую я теперь вижу, можетъ искусить нормальнаго человѣка, побудить его совершить страшный грѣхъ—купить за рубль живого человѣка? Я понимаю любой грѣхъ ради блеска, красоты, граціи, страсти, вкуса, но тутъ-то что? Ради чего тутъ грѣшатъ? Впрочемъ... не надо думать!

— Борода, угостите портеромъ! — обратилась къ нему блондинка.

Васильевъ вдругъ сконфузился.

— Съ удовольствіемъ... — сказалъ онъ, вѣжливо кланяясь. — Только извините, сударыня, я... я съ вами пить не буду... Я не пью...

Минутъ черезъ пять пріятели шли уже въ другой домъ.

— Ну зачѣмъ ты потребовалъ портеру?—сердился медикъ. — Милліонщикъ какой! Бросилъ шесть рублей такъ здорово-живешь, на вѣтеръ!

— Если она хочетъ, то отчего же не сдѣлать ей этого удовольствія?—оправдывался Васильевъ.

— Ты доставилъ удовольствіе не ей, а хозяйкѣ. Требовать отъ гостей угощенія приказываютъ имъ хозяйки, которымъ это выгодно.

— Вотъ мельница... — запѣлъ художникъ.—Она ужъ развалилась...

Прійдя въ другой домъ, пріятели постояли только въ передней, но въ залу не входили. Такъ-же, какъ и въ первомъ домѣ, въ передней съ дивана поднялась фигура въ сюртукѣ и съ заспаннымъ лакейскимъ лицомъ. Глядя на этого лакея, на его лицо и поношенный сюртукъ, Васильевъ подумалъ: — «Сколько долженъ

пережить обыкновенный, простой русскій человѣкъ, прежде чѣмъ судьба забрасываетъ его сюда въ лакеи? Гдѣ онъ былъ раньше и что дѣлалъ? Что ждетъ его? Женатъ ли онъ? Гдѣ его мать и знаетъ ли она, что онъ служитъ тутъ въ лакеяхъ?» И ужъ Васильевъ невольно въ каждомъ домѣ обращалъ свое вниманіе прежде всего на лакея. Въ одномъ изъ домовъ, кажется, въ четвертомъ по счету, былъ лакей маленькій, тщедушный, сухой, съ цѣпочкой на жилеткѣ. Онъ читалъ «Листокъ» и не обратилъ никакого вниманія на вошедшихъ. Поглядѣвъ на его лицо, Васильевъ почему-то подумалъ, что человѣкъ съ такимъ лицомъ можетъ и украсть, и убить, и дать ложную клятву. А лице въ самомъ дѣлѣ было интересное: большой лобъ, сѣрые глаза, приплюснутый носикъ, мелкія, стиснутыя губы, а выраженіе тупое и въ то же время наглое, какъ у молодой гончей собаки, когда она догоняетъ зайца. Васильевъ подумалъ, что хорошо бы потрогать этого лакея за волосы: жесткіе они или мягкіе? Должно быть, жесткіе, какъ у собаки.

III.

Художникъ оттого, что выпилъ два стакана портеру, какъ-то вдругъ опьянѣлъ и неестественно оживился.

— Пойдемте въ другой! — командовалъ онъ, размахивая руками.—Я васъ поведу въ самый лучшій!

Приведя пріятелей въ тотъ домъ, который по его мнѣнію былъ самымъ лучшимъ, онъ изъявилъ настойчивое желаніе плясать кадриль. Медикъ сталъ ворчать на то, что музыкантамъ прійдется платить рубль, но согласился быть vis-à-vis. Кадриль начался.

Въ самомъ лучшемъ было такъ же не хорошо, какъ и въ самомъ худшемъ. Тутъ были точно такія же зеркала и картины, такія же прически и платья. Осматривая обстановку и костюмы, Васильевъ уже понималъ, что это не безвкусица, а нѣчто такое, что можно назвать вкусомъ и даже стилемъ С—ва переулка и чего нельзя найти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, нѣчто цѣльное въ своемъ безобразіи, не случайное, выработанное временемъ. Послѣ того, какъ онъ побывалъ въ восьми домахъ, его ужъ не удивляли ни цвѣта

платьевъ, ни длинные шлейфы, ни яркіе банты, ни матросскіе костюмы, ни густая фіолетовая окраска щекъ; онъ понималъ, что все это здѣсь такъ и нужно, что еслибы хоть одна изъ женщинъ одѣлась по человѣчески, или еслибы на стѣнѣ повѣсили порядочную гравюру, то отъ этого пострадалъ бы общій тонъ всего переулка.

— Какъ неумѣло онѣ продаютъ себя! — думалъ онъ. — Неужели онѣ не могутъ понять, что порокъ только тогда обаятеленъ, когда онъ красивъ и прячется, когда онъ носитъ оболочку добродѣтели? Скромныя черныя платья, блѣдныя лица, печальныя улыбки и потемки сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ эта аляповатая мишура. Глупыя! Если онѣ сами не понимаютъ этого, то гости бы ихъ поучили, что-ли...

Барышня въ польскомъ костюмѣ съ бѣлой мѣховой опушкой подошла къ нему и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Симпатишный брюнетъ, что-жъ вы не танцуете?—спросила она.—Отчего вы такой скучный?

— Потому что скучно.

— А вы угостите лафитомъ. Тогда не будетъ скучно.

Васильевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ помолчалъ и спросилъ:

— Вы въ которомъ часу ложитесь спать?

— Въ шестомъ.

— А встаете когда?

— Когда въ два, а когда и въ три.

— А вставши, что дѣлаете?

— Кофій пьемъ, въ седьмомъ часу обѣдаемъ.

— А что вы обѣдаете?

— Обыкновенно... Супъ или щи, биштексъ, дессертъ. Наша мадамъ хорошо содержитъ дѣвушекъ. Да для чего вы все это спрашиваете?

— Такъ, чтобъ поговорить...

Васильеву хотѣлось поговорить съ барышней о многомъ. Онъ чувствовалъ сильное желаніе узнать, откуда она родомъ, живы ли ея родители и знаютъ ли они, что она здѣсь, какъ она попала въ этотъ домъ, весела ли и довольна, или же печальна и угнетена мрачными мыслями, надѣется ли выйти когда-нибудь изъ своего

настоящаго положенія... Но никакъ онъ не могъ придумать, съ чего начать и какую форму придать вопросу, чтобъ не показаться нескромнымъ. Онъ долго думалъ и спросилъ:

— Вамъ сколько лѣтъ?

— Восемьдесятъ,—съострила барышня, глядя со смѣхомъ на фокусы, какіе выдѣлывалъ руками и ногами плясавшій художникъ.

Вдругъ она чему-то захохотала и сказала громко такъ, что всѣ слышали, длинную циническую фразу. Васильевъ оторопѣлъ и, не зная, какое выраженіе придать своему лицу, напряженно улыбнулся. Улыбнулся только одинъ онъ, всѣ же остальные—его пріятели, музыканты и женщины даже и не взглянули на его сосѣдку, точно не слышали цинической фразы.

— Угостите лафитомъ!—опять сказала сосѣдка.

Васильевъ почувствовалъ отвращеніе къ ея бѣлой опушкѣ и къ голосу и отошелъ отъ нея. Ему ужъ казалось душно и жарко, и сердце начинало биться медленно, но сильно, какъ молотъ: разъ!-два!-три!

— Пойдемъ отсюда!—сказалъ онъ, дернувъ художника за рукавъ.

— Погоди, дай кончить.

Пока художникъ и медикъ кончали кадриль, Васильевъ, чтобы не глядѣть на женщинъ, осматривалъ музыкантовъ. На рояли игралъ благородный старикъ въ очкахъ, похожій лицомъ на маршала Базена; на скрипкѣ—молодой человѣкъ съ русой бородкой, одѣтый по послѣдней модѣ. У молодого человѣка было лицо не глупое, не испитое, а наоборотъ, умное, молодое, свѣжее и вполнѣ интеллигентное. Одѣтъ онъ былъ прихотливо и со вкусомъ, игралъ съ чувствомъ. Задача: какъ онъ и приличный, благообразный старикъ попали сюда? отчего имъ не стыдно сидѣть здѣсь? о чемъ они думаютъ, когда глядятъ на женщинъ?

Если бы на рояли и на скрипкѣ играли люди оборванные, голодные, мрачные, пьяные, съ испитыми или тупыми лицами, тогда присутствіе ихъ было бы понятно. Теперь же Васильевъ ничего не понималъ. Онъ вспоминалъ исторію падшей женщины, которую когда то вычиталъ, и находилъ, что этотъ человѣческій образъ съ виноватой улыбкой не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ,

что онъ топерь видитъ. Ему казалось, что онъ видитъ не падшихъ женщинъ, а какой то другой, совершенно особый міръ, ему чуждый и непонятный; если-бы раньше онъ увидѣлъ этотъ міръ въ театрѣ на сценѣ или прочелъ-бы о немъ въ книгѣ, то не повѣрилъ-бы...

Женщина съ бѣлой опушкой опять захохотала и громко произнесла длинную циническую фразу. Гадливое чувство овладѣло имъ, онъ покраснѣлъ и вышелъ.

— Постой, и мы идемъ!—крикнулъ ему художникъ.

IV.

— Сейчасъ у меня съ моей дамой, пока мы плясали, былъ разговоръ,—разсказывалъ медикъ, когда всѣ трое вышли на улицу.— Рѣчь шла о ея первомъ романѣ. *Онъ*, герой—какой-то бухгалтеръ въ Смоленскѣ, имѣющій жену и пятерыхъ ребятъ. Ей было 17 лѣтъ и жила она у папаши и мамаши, торгующихъ мыломъ и свѣчами.

— Чѣмъ же онъ побѣдилъ ея сердце?—спросилъ Васильевъ.

— Тѣмъ, что купилъ ей бѣлья на пятьдесятъ рублей. Чертъ знаетъ что!

«Однако-же вотъ онъ съумѣлъ выпытать у своей дамы ея романъ,—подумалъ Васильевъ про медика.—А я не умѣю»...—Господа, я ухожу домой!—сказалъ онъ.

— Почему?

— Потому что я не умѣю держать себя здѣсь. Къ тому же мнѣ скучно и противно. Что тутъ веселаго? Хоть бы люди были, а то дикари и животныя. Я ухожу, какъ угодно!

— Ну, Гриша, Григорій, голубчикъ... — сказалъ плачущимъ голосомъ художникъ, прижимаясь къ Васильеву.—Пойдемъ! Сходимъ еще въ одинъ и будь они прокляты... Пожалуйста! Григоріанцъ!

Васильева уговорили и повели вверхъ по лѣстницѣ. Въ коврѣ и въ золоченыхъ перилахъ, въ швейцарѣ, отворившемъ дверь, и въ пано, украшавшихъ переднюю, чувствовался все тотъ же стиль С—ва переулка, но усовершенствованный, импонирующій...

— Право, я пойду домой!—сказалъ Васильевъ, снимая пальто.

— Ну, ну, голубчикъ... — сказалъ художникъ и поцѣловалъ

его въ шею.—Не капризничай... Гри-Гри, будь товарищемъ! Вмѣстѣ пришли, вмѣстѣ и уйдемъ. Какой ты скотъ, право...

— Я могу подождать васъ на улицѣ. Ей Богу, мнѣ здѣсь противно!

— Ну, ну, Гриша... Противно, а ты наблюдай! Понимаешь? Наблюдай!

— Надо смотрѣть объективно на вещи,—сказалъ серьезно медикъ.

Васильевъ вошелъ въ залу и сѣлъ. Кромѣ него и пріятелей въ залѣ было еще много гостей: два пѣхотныхъ офицера, какой-то сѣдой и лысый господинъ въ золотыхъ очкахъ, два безусыхъ студента изъ межевого института и очень пьяный человѣкъ съ актерской физіономіей. Всѣ барышни были заняты этими гостями и не обратили на Васильева никакого вниманія. Только одна изъ нихъ, одѣтая Аидой, искоса взглянула на него, чему-то улыбнулась и сказала зѣвая:

— Брюнетъ пришелъ...

У Васильева стучало сердце и горѣло лице. Ему было и стыдно передъ гостями за свое присутствіе здѣсь, и гадко, и мучительно. Его мучила мысль, что онъ, порядочный и любящій человѣкъ (такимъ онъ до сихъ поръ считалъ себя), ненавидитъ этихъ женщинъ и ничего не чувствуетъ къ нимъ кромѣ отвращенія. Ему не было жаль ни этихъ женщинъ, ни музыкантовъ, ни лакеевъ.

— Это оттого, что я не стараюсь понять ихъ,—думалъ онъ.— Всѣ они похожи на животныхъ больше, чѣмъ на людей, но вѣдь они всетаки люди, у нихъ есть души. Надо ихъ понять и тогда ужъ судить...

— Гриша, ты же не уходи, насъ подожди!—крикнулъ ему художникъ и исчезъ куда-то.

Скоро исчезъ и медикъ.

— Да, надо постараться понять, а такъ нельзя...—продолжалъ думать Васильевъ.

И онъ сталъ напряженно вглядываться въ лице каждой женщины и искать виноватой улыбки. Но—или онъ былъ плохимъ физіономистомъ, или же ни одна женщина не чувствовала себя виноватою—на каждомъ лицѣ онъ читалъ только тупое выраженіе

обыденной скуки и довольства. Глупые глаза, глупыя улыбки, рѣзкіе голоса, наглыя движенія—и ничего больше. Повидимому у каждой въ прошломъ былъ романъ съ бухгалтеромъ и съ бѣльемъ на пятьдесятъ рублей, а въ настоящемъ нѣтъ другой прелести въ жизни, кромѣ кофе, обѣда изъ трехъ блюдъ, вина, кадрили, спанья до двухъ часовъ...

Не найдя ни одной виноватой улыбки, Васильевъ сталъ искать самаго умнаго лица. И вниманіе его остановилось на одномъ блѣдномъ, немножко сонномъ, утомленномъ лицѣ, которое показалось ему умнѣе всѣхъ. Обладательница этого лица, не молодая брюнетка, одѣтая въ костюмъ, усыпанный блестками, сидѣла въ креслѣ, глядѣла въ полъ и о чемъ-то думала. Васильевъ прошелся изъ угла въ уголъ и точно нечаянно сѣлъ рядомъ съ нею.

— «Нужно начать съ чего нибудь пошлаго,—думалъ онъ,—а потомъ постепенно перейти къ серьезному»...—А какой у васъ хорошенькій костюмчикъ!—сказалъ онъ и коснулся пальцемъ золотой бахромы на косынкѣ.

— Какой есть...—сказала вяло брюнетка.

— Вы изъ какой губерніи?

— Я? Дальняя... Изъ Черниговской...

— Хорошая губернія. Тамъ хорошо.

— Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

— «Жаль, что я не умѣю природу описывать,—подумалъ Васильевъ.—Можно было бы тронуть ее описаніями черниговской природы. Небось вѣдь любитъ, коли родилась тамъ. Экій я неумѣлый, Господи!»—Вамъ здѣсь скучно?—спросилъ онъ.

— Извѣстно, скучно.

— Отчего же вы не уходите отсюда, если вамъ скучно?

— Куда жъ я уйду? Милостыню просить, что ли?

— Милостыню просить лучше, чѣмъ жить здѣсь.

— А вы откуда знаете? Нешто вы просили?

— Просилъ, когда нечѣмъ было платить за ученье. Хотя бы даже не просилъ, это такъ понятно. Нищій свободный человѣкъ, а вы раба.

Брюнетка потянулась и проводила сонными глазами лакея, который несъ на подносѣ стаканы и зельтерскую воду.

— Угостите портеромъ...—сказала она и опять зѣвнула.

— «Портеромъ...—подумалъ Васильевъ.—А что если бы сейчасъ вошелъ сюда твой братъ или твоя мать? Что-бы ты сказала? А что сказали бы они? Былъ бы тогда портеръ, воображаю...»

Вдругъ послышался плачъ. Изъ сосѣдней комнаты, куда лакей понесъ зельтерскую воду, быстро вышелъ какой-то блондинъ съ краснымъ лицомъ и сердитыми глазами. За нимъ шла высокая, полная хозяйка и кричала визгливымъ голосомъ:

— Никто вамъ не позволялъ бить дѣвушекъ по щекамъ! У насъ бываютъ гости получше васъ, да не дерутся! Шарлатанъ!

Поднялся шумъ. Васильевъ испугался и поблѣднѣлъ. Въ сосѣдней комнатѣ плакали навзрыдъ, искренно, какъ плачутъ оскорбленные. И онъ понялъ, что въ самомъ дѣлѣ тутъ живутъ *люди*, настоящіе люди, которые, какъ вездѣ, оскорбляются, страдаютъ, плачутъ, просятъ помощи... Тяжелая ненависть и гадливое чувство уступили свое мѣсто острому чувству жалости и злобы на обидчика. Онъ бросился въ ту комнату, гдѣ плакали; сквозь ряды бутылокъ, стоявшихъ на мраморной доскѣ стола, онъ разглядѣлъ страдальческое, мокрое отъ слезъ лицо, протянулъ къ этому лицу руки, сдѣлалъ шагъ къ столу, но тотчасъ же въ ужасѣ отскочилъ назадъ. Плачущая была пьяна...

Пробираясь сквозь шумную толпу, собравшуюся вокругъ блондина, онъ палъ духомъ, струсилъ, какъ мальчикъ, и ему казалось, что въ этомъ чужомъ, непонятномъ для него мірѣ хотятъ гнаться за нимъ, бить его, осыпать циническими фразами... Онъ сорвалъ съ вѣшалки свое пальто и бросился опрометью внизъ по лѣстницѣ.

V.

Прижавшись къ забору, онъ стоялъ около дома и ждалъ, когда выйдутъ его товарищи. Звуки роялей и скрипокъ, веселые, удалые, наглые и грустные путались въ воздухѣ въ какой-то хаосъ и эта путаница попрежнему походила на то, какъ будто въ потемкахъ надъ крышами настраивался невидимый оркестръ. Если взглянуть вверхъ на эти потемки, то весь черный фонъ былъ усыпанъ бѣлыми дви-

жущимися точками: это шелъ снѣгъ. Хлопья его, попавъ въ свѣтъ, лѣниво кружились въ воздухѣ, какъ пухъ, и еще лѣнивѣе падали на землю. Снѣжинки кружились толпой около Васильева и висли на его бородѣ, рѣсницахъ, бровяхъ... Извощики, лошади и прохожіе были бѣлы.

— И какъ не стыдно снѣгу падать въ этотъ переулокъ!—думалъ Васильевъ.—Будь прокляты эти дома!

Оттого, что онъ сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, ноги подгибались отъ усталости, онъ задыхался, точно взбирался на гору, сердце стучало такъ, что было слышно. Его томило желаніе скорѣе выбраться изъ переулка и идти домой, но еще сильнѣе хотѣлось дождаться товарищей и сорвать на нихъ свое тяжелое чувство.

Онъ многаго не понялъ въ домахъ, души погибающихъ женщинъ остались для него по прежнему тайной, но для него ясно было, что дѣло гораздо хуже, чѣмъ можно было думать. Если та виноватая женщина, которая отравилась, называлась падшею, то для всѣхъ этихъ, которыя плясали теперь подъ звуковую путаницу и говорили длинныя циническія фразы, трудно было подобрать подходящее названіе.

— «Порокъ есть,—думалъ онъ,—но нѣтъ ни сознанія вины, ни надежды на спасеніе. Ихъ продаютъ, покупаютъ, топятъ въ винѣ и въ мерзостяхъ, а онѣ, какъ овцы, тупы, равнодушны и не понимаютъ. Боже мой, Боже мой!

Для него также ясно было, что все то, что называется человѣческимъ достоинствомъ, личностью, образомъ и подобіемъ Божіимъ, осквернено тутъ до основанія, «въ дрызгъ», какъ говорятъ пьяницы, что виноваты въ этомъ не одинъ только переулокъ да тупыя женщины. И новыя, мрачныя мысли, какихъ раньше онъ не зналъ, стали мучить его...

Толпа студентовъ, бѣлыхъ отъ снѣга, весело разговаривая и со смѣхомъ, прошла мимо него. Одинъ изъ нихъ, высокій и тонкій остановился, заглянулъ Васильеву въ лице и сказалъ пьянымъ голосомъ:

— Нашъ! Налимонился, братъ? Ага-га, братъ! Ничего, гуляй! Валяй! Не унывай, дядя!

Онъ взялъ Васильева за плечи и прижался къ его щекѣ мок-

рыми холодными усами, потомъ поскользнулся, покачнулся и, взмахнувъ обѣими руками, крикнулъ:

— Держись! Не падай!

И засмѣявшись, побѣжалъ догонять своихъ товарищей. Сквозь звуковую путаницу послышался голосъ художника:

— Вы не смѣете бить женщинъ! Я вамъ не позволю, чертъ васъ подери! Негодяи вы этакіе!

Въ дверяхъ дома показался медикъ. Онъ поглядѣлъ по сторонамъ и, увидѣвъ Васильева, сказалъ встревоженно:

— Ты здѣсь?—Послушай, ей Богу, съ Егоромъ положительно невозможно никуда ходить! Что это за человѣкъ, не понимаю! Скандалъ затѣялъ! Слышишь? Егоръ!—крикнулъ онъ въ дверь.— Егоръ!

— Я вамъ не позволю бить женщинъ! раздался на верху пронзительный голосъ художника.

Что-то тяжелое и громоздкое покатилось внизъ по лѣстницѣ.

Это художникъ летѣлъ кубыремъ внизъ. Его очевидно вытолкали.

Онъ поднялся съ земли, отряхнулъ шляпу и со злымъ, негодующимъ лицомъ погрозилъ вверхъ кулакомъ и крикнулъ:

— Подлецы! Живодеры! Кровопійцы! Я не позволю вамъ бить! Бить слабую, пьяную женщину! Ахъ вы...

— Егоръ... Ну, Егоръ... началъ умолять медикъ. Даю тебѣ честное слово, что ужъ больше никогда не пойду съ тобой въ другой разъ. Честное слово!

Художникъ мало по малу успокоился, и пріятели пошли домой.

— Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ, запѣлъ медикъ, меня влечетъ невѣдомая сила...

— Вотъ мельница...—подтянулъ немного погодя художникъ.— Она ужъ развалилась... Экій снѣгъ валитъ, Мать Пресвятая! Гришка, отчего ты ушолъ? Трусъ ты, баба и больше ничего...

Васильевъ шолъ позади пріятелей, глядѣлъ имъ въ спины и думалъ:

— «Что нибудь изъ двухъ: или человѣчество представляется, что проституція—зло, и преувеличиваетъ, или же, если проституція въ самомъ дѣлѣ такое зло, какъ принято думать, то эти мои ми-

лые пріятели такіе же рабовладѣльцы, насильники и убійцы, какъ тѣ жители Сиріи и Каира, которыхъ рисуютъ въ «Нивѣ». Они теперь поютъ, хохочутъ, здраво разсуждаютъ, но развѣ не они сейчасъ эксплоатировали голодъ, невѣжество и тупость? Они—я былъ свидѣтелемъ. При чемъ же тутъ ихъ гуманность, медицина, живопись? Науки, искусства и возвышенныя чувства этихъ душегубовъ напоминаютъ мнѣ сало въ одномъ анекдотѣ. Два разбойника зарѣзали въ лѣсу нищаго; стали дѣлить между собою его одежду и нашли въ сумкѣ кусокъ свиного сала. «Очень кстати,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—давай закусимъ».—«Что ты, какъ можно?—ужаснулся другой.—Развѣ ты забылъ, что сегодня среда?» И не стали ѣсть. Они, зарѣзавши человѣка, вышли изъ лѣсу съ увѣренностью, что они постники. Такъ и эти, купивши женщинъ, идутъ и думаютъ теперь, что они художники и ученые»...

— Послушайте, вы!—сказалъ онъ сердито и рѣзко.—Зачѣмъ вы сюда ходите? Рабовладѣльцы! Мясники! Неужели... неужели вы не понимаете, какъ это ужасно? Ну, будьте ради Бога умны, разсуждайте... Ваша медицина говоритъ, что каждая изъ этихъ женщинъ умираетъ преждевременно отъ чахотки, или чего нибудь другого; искусства говорятъ, что морально она умираетъ еще раньше. Каждая изъ нихъ умираетъ оттого, что на своемъ вѣку принимаетъ среднимъ числомъ, допустимъ, пятьсотъ человѣкъ. Каждую убиваетъ пятьсотъ человѣкъ. Въ числѣ этихъ пятисотъ—вы! Теперь, если вы оба за всю жизнь побываете здѣсь и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ по двѣсти пятьдесятъ разъ, то, значитъ, на обоихъ васъ прійдется одна убитая женщина! Развѣ это не понятно? Развѣ не ужасно? Убить вдвоемъ, втроемъ, впятеромъ одну глупую, голодную женщину! Ахъ да развѣ это не ужасно, Боже мой?

— Ужасно,—согласился медикъ.—Мы, конечно, не правы, но ты, другъ, забываешь соціальныя условія. Жениться нельзя, такъ что-жъ тутъ разговаривать.

— Нечего врать про женитьбу! Вы бѣжите отъ непродажной любви, потому что она налагаетъ обязанности! Гадко! Стыдно!

— Такъ и зналъ, что этимъ кончится,—сказалъ художникъ, морщась.—Не слѣдовало бы связываться съ этимъ дуракомъ и болваномъ! Ты думаешь, что теперь у тебя въ головы великія мысли,

идеи? Нѣтъ, чертъ знаетъ что, а не идеи! Ты сейчасъ смотришь на меня съ ненавистью и съ отвращеніемъ, а по моему лучше бы ты построилъ еще двадцать такихъ домовъ, чѣмъ глядѣть такъ. Въ этомъ твоемъ взглядѣ больше порока, чѣмъ во всемъ переулкѣ! Пойдемъ, Володя, чертъ съ нимъ! Дуракъ, болванъ и больше ничего...

— Мы, люди, убиваемъ взаимно другъ друга,—сказалъ медикъ.—Это конечно безнравственно, но философіей тутъ не поможешь. Прощай!

На Трубной площади пріятели простились и разошлись. Оставшись одинъ, Васильевъ быстро зашагалъ по бульвару. Ему было страшно потемокъ, страшно снѣга, который хлопьями валилъ на землю и, казалось, хотѣлъ засыпать весь міръ; страшно было фонарныхъ огней, блѣдно мерцавшихъ сквозь снѣговыя облака. Душою его овладѣвалъ безотчетный, малодушный страхъ. Попадались изрѣдка навстрѣчу прохожіе, но онъ пугливо сторонился отъ нихъ. Ему казалось, что отовсюду идутъ и отовсюду глядятъ на него женщины, только женщины...

— Начинается у меня... — думалъ онъ. — Припадокъ начинается...

VI.

Дома лежалъ онъ на кровати и говорилъ, содрогаясь всѣмъ тѣломъ:

— Живыя! Живыя! Боже мой, онѣ живыя!

Онъ всячески изощрялъ свою фантазію и воображалъ себя самого то братомъ падшей женщины, то отцомъ ея, то самою падшею женщиною съ намазанными щеками, и все это приводило его въ ужасъ.

Ему почему-то казалось, что онъ долженъ рѣшить вопросъ немедленно, во что бы то ни стало, и что вопросъ этотъ не чужой, а его собственный. Онъ напрягъ силы, поборолъ въ себѣ отчаяніе и, сѣвши на кровать, обнявъ руками голову, сталъ рѣшать: какъ спасти всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ сегодня видѣлъ? Порядокъ рѣшенія всякихъ вопросовъ ему, какъ человѣку ученому,

былъ хорошо извѣстенъ. И онъ, какъ ни былъ возбужденъ, строго держался этого порядка. Онъ припомнилъ исторію вопроса, его литературу, а въ четвертомъ часу шагалъ изъ угла въ уголъ и старался вспомнить всѣ тѣ опыты, какіе въ настоящее время практикуются для спасенія женщинъ. У него было очень много хорошихъ пріятелей и друзей, жившихъ въ номерахъ Фальцфейнъ, Голяшкина, Нечаева, Ечкина... Между ними не мало людей честныхъ и самоотверженныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ пытались спасать женщинъ...

— «Всѣ эти немногочисленныя попытки,—думалъ Васильевъ, можно раздѣлить на три группы. Одни, выкупивъ изъ притона женщину, нанимали для нея номеръ, покупали ей швейную машинку и она дѣлалась швеей. И выкупившій вольно или невольно дѣлалъ ее своей содержанкой, потомъ, кончивъ курсъ, уѣзжалъ и сдавалъ ее на руки другому порядочному человѣку, какъ какую-нибудь вещь. И падшая оставалась падшею. Другіе, выкупивъ, тоже нанимали для нея отдѣльный номеръ, покупали неизбѣжную швейную машинку, пускали въ ходъ грамоту, проповѣди, чтеніе книжекъ. Женщина жила и шила, пока это для нея было интересно и ново, потомъ же, соскучившись, начинала тайкомъ отъ проповѣдниковъ принимать мужчинъ, или же убѣгала назадъ туда, гдѣ можно спать до трехъ часовъ, пить кофе и сытно обѣдать. Третьи, самые горячіе и самоотверженные, дѣлали смѣлый, рѣшительный шагъ. Они женились. И когда наглое, избалованное или тупое, забитое животное становилось женою, хозяйкой и потомъ матерью, то это переворачивало вверхъ дномъ ея жизнь и міровоззрѣніе, такъ что потомъ въ женѣ и въ матери трудно было узнать бывшую падшую женщину. Да, женитьба лучшее и пожалуй единственное средство.

— Но невозможное!—сказалъ вслухъ Васильевъ и повалился въ постель. Я первый не могъ бы жениться! Для этого надо быть святымъ, не умѣть ненавидѣть и не знать отвращенія. Но допустимъ, что я, медикъ и художникъ пересилимъ себя и женимся, что всѣ *онѣ* выйдутъ замужъ. Но какой же выводъ? Выводъ какой? А тотъ выводъ, что пока здѣсь въ Москвѣ онѣ будутъ выходить замужъ, смоленскій бухгалтеръ развратитъ новую партію и

эта партія хлынетъ сюда на вакантныя мѣста съ саратовскими, нижегородскими, варшавскими... А куда дѣвать сто тысячъ лондонскихъ? Куда дѣвать гамбургскихъ?

Лампа, въ которой выгорѣлъ керосинъ, стала чадить. Васильевъ не замѣтилъ этого. Онъ опять зашагалъ, продолжая думать. Теперь ужъ онъ поставилъ вопросъ иначе: что нужно сдѣлать, чтобы падшія женщины перестали быть нужны? Для этого необходимо, чтобы мужчины, которые ихъ покупаютъ и убиваютъ, почувствовали всю безнравственность своей рабовладѣльческой роли и ужаснулись. Надо спасать мужчинъ.

— «Наукой и искусствами ничего не подѣлаешь... думалъ Васильевъ.—Какъ бы высоки ни казались науки и искусства, они всетаки составляютъ дѣла рукъ человѣческихъ, они плоть отъ плоти нашей, кровь отъ крови. Они больны тѣмъ же, чѣмъ и мы, и на нихъ прежде всего отражается наша порча. Развѣ литература и живопись не эксплоатируютъ нагого тѣла и продажной любви? Развѣ наука не учитъ глядѣть на падшихъ женщинъ только какъ на товаръ, который въ случаѣ негодности слѣдуетъ браковать? Для нравственныхъ вопросовъ единственный выходъ—это апостольство.

И онъ сталъ мечтать о томъ, какъ завтра же вечеромъ онъ будетъ стоять на углу переулка и говорить каждому прохожему:

— Куда и зачѣмъ вы идете? Побойтесь вы Бога!

Онъ обратится къ равнодушнымъ извощикамъ и имъ скажетъ:

— Зачѣмъ вы тутъ стоите? Отчего вы не возмущаетесь, не негодуете? Вѣдь вы вѣруете въ Бога и знаете, что это грѣшно, что за это люди пойдутъ въ адъ! Отчего же вы молчите? Правда, онѣ вамъ чужія, но вѣдь и у нихъ есть отцы, братья, точно такіе же, какъ вы...

И безумная радость, счастье, что онъ наконецъ рѣшилъ для себя вопросъ, овладѣли Васильевымъ...

Кто-то изъ пріятелей сказалъ однажды про него, что онъ талантливый человѣкъ. Есть таланты писательскіе, сценическіе, художническіе, у него же особый талантъ—*человѣческій*. Онъ обладаетъ тонкимъ, великолѣпнымъ чутьемъ къ боли вообще. Какъ хорошій актеръ отражаетъ въ себѣ чужія движенія и голосъ, такъ Васильевъ умѣетъ отражать въ своей душѣ чужую боль. Увидѣвъ

слезы, онъ плачетъ; около больного онъ самъ становится больнымъ и стонетъ; если видитъ насиліе, то ему кажется, что насиліе совершается надъ нимъ, онъ труситъ, какъ мальчикъ, и, струсивъ, бѣжитъ на помощь. Чужая боль раздражаетъ его, возбуждаетъ, приводитъ въ состояніе экстаза и т. п.

Правъ-ли пріятель, не знаю, но то, что переживалъ Васильевъ, когда ему казалось, что вопросъ рѣшенъ, было очень похоже на вдохновеніе. Онъ плакалъ, смѣялся, говорилъ вслухъ тѣ слова, какія онъ скажетъ завтра, чувствовалъ горячую любовь къ тѣмъ людямъ, которые послушаются его и станутъ рядомъ съ нимъ на углу переулка, чтобы проповѣдывать; онъ садился писать письма, давалъ себѣ клятвы...

Все это было похоже на вдохновеніе ужъ и потому, что оно продолжалось не долго. Васильевъ скоро усталъ и когда началъ опять обдумывать вопросъ и ставить его иначе, то палъ духомъ. Лондонскія, гамбургскія, варшавскія своею массою давили его, какъ горы давятъ землю; онъ робѣлъ передъ этой массой, терялся; вспоминалъ онъ, что у него нѣтъ дара слова, что онъ трусливъ и малодушенъ, что равнодушные люди едва-ли захотятъ слушать и понимать его, студента-юриста третьяго курса, человѣка робкаго и ничтожнаго, что истинное апостольство заключается не въ одной только проповѣди, но и въ дѣлахъ... Если въ дѣлахъ, то что-же дѣлать? Что?

Когда было свѣтло и на улицѣ уже стучали экипажи, Васильевъ лежалъ неподвижно на диванѣ и смотрѣлъ въ одну точку. Онъ ужъ не думалъ ни о женщинахъ, ни о мужчинахъ, ни объ апостольствѣ. Все вниманіе его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Это была боль тупая, безпредметная, неопредѣленная, похожая и на тоску, и на страхъ въ высочайшей степени, и на отчаяніе. Указать, гдѣ она, онъ могъ: въ груди подъ сердцемъ; но сравнить ее нельзя было ни съ чѣмъ. Раньше у него бывала сильная зубная боль, бывали плевритъ и невралгія, но все это въ сравненіи съ душевной болью было ничтожно. При этой боли жизнь представлялась отвратительной. Диссертація, отличное сочиненіе, уже написанное имъ, любимые люди, спасеніе погибающихъ женщинъ—все то, что вчера еще онъ любилъ, или къ чему

былъ равнодушенъ, теперь при воспоминаніи раздражало его наравнѣ съ шумомъ экипажей, бѣготней корридорныхъ, дневнымъ свѣтомъ... Если бы теперь кто-нибудь на его глазахъ совершилъ подвигъ милосердія или возмутительное насиліе, то на него то и другое произвело бы одинаково отвратительное впечатлѣніе. Изъ всѣхъ мыслей, лѣниво бродившихъ въ его головѣ, только двѣ не раздражали его: одна—что онъ каждую минуту имѣетъ власть убить себя, другая — что боль не будетъ продолжаться дольше трехъ дней. Второе онъ зналъ по опыту.

Полежавъ, онъ всталъ и, ломая руки, прошелся не изъ угла въ уголъ, какъ обыкновенно, а по квадрату, вдоль стѣнъ. Мелькомъ онъ поглядѣлъ на себя въ зеркало. Лицо его было блѣдно и осунулось, виски впали, глаза были больше, темнѣе, неподвижнѣе, точно чужіе, и выражали невыносимое душевное страданіе.

Въ полдень въ дверь постучался художникъ.

— Григорій, ты дома?—спросилъ онъ.

Не получивъ отвѣта, онъ постоялъ минуту, подумалъ и отвѣтилъ себѣ по хохлацки:

— Нема. Въ невырситетъ пійшовъ треклятый хлопецъ.

И ушелъ. Васильевъ легъ на кровать и, спрятавъ голову подъ подушку, сталъ плакать отъ боли. Плакалъ онъ такимъ образомъ до самаго вечера и чѣмъ обильнѣй лились слезы, тѣмъ ужаснѣе становилась душевная боль. Когда потемнѣло, онъ вспомнилъ о той мучительной ночи, которая ожидаетъ его, и страшное отчаяніе овладѣло имъ. Онъ быстро одѣлся, выбѣжалъ изъ номера и, оставивъ свою дверь настежъ, безъ всякой надобности и цѣли вышелъ на улицу... Не спрашивая себя, куда идти, онъ быстро зашагалъ къ Садовой улицѣ.

Снѣгъ валилъ по вчерашнему; была оттепель. Засунувъ руки въ рукава, дрожа и пугаясь стуковъ, звонковъ конки и прохожихъ, Васильевъ прошелъ по Садовой до Сухаревой башни, потомъ до Красныхъ воротъ, отсюда свернулъ на Басманную. Онъ зашелъ въ кабакъ и выпилъ большой стаканъ водки, но отъ этого не стало легче. Дойдя до Разгуляя, онъ повернулъ вправо и зашагалъ по переулкамъ, въ какихъ не былъ раньше ни разу въ жизни. Онъ дошелъ до того стараго моста, гдѣ шумитъ Яуза и откуда видны

длинные ряды огней въ окнахъ Красныхъ Казармъ. Чтобы отвлечь свою душевную боль какимъ-нибудь новымъ ощущеніемъ или другою болью, не зная, что дѣлать, плача и дрожа, Васильевъ разстегнулъ пальто и сюртукъ и подставилъ свою голую грудь сырому снѣгу и вѣтру. Но и это не уменьшило боли. Тогда онъ нагнулся черезъ перила моста и поглядѣлъ внизъ на черную, бурливую Яузу, и ему захотѣлось броситься внизъ головой, не изъ отвращенія къ жизни, не ради самоубійства, а чтобы хотя ушибиться и одною болью отвлечь другую. Но черная вода, потемки, пустынные берега, покрытые снѣгомъ, были страшны. Онъ содрогнулся и зашагалъ дальше. Прошелся онъ вдоль Красныхъ Казармъ, потомъ назадъ и спустился въ какую-то рощу, изъ рощи опять на мостъ...

— «Нѣтъ, домой, домой!—думалъ онъ.—Дома, кажется, легче»...

И онъ пошелъ назадъ... Вернувшись домой, онъ сорвалъ съ себя мокрое пальто и шапку, зашагалъ вдоль стѣнъ и неутомимо шагалъ до самаго утра.

VII.

Когда на другой день утромъ пришли къ нему художникъ и медикъ, онъ въ разодранной рубахѣ и съ искусанными руками метался по комнатѣ и стоналъ отъ боли.

— Ради Бога! зарыдалъ онъ, увидѣвъ пріятелей. Ведите меня куда хотите, дѣлайте, что знаете, но Бога ради скорѣе спасайте меня! Я убью себя!

Художникъ поблѣднѣлъ и растерялся. Медикъ тоже едва не заплакалъ, но полагая, что медики во всѣхъ случаяхъ жизни обязаны быть хладнокровны и серьезны, сказалъ холодно:

— Это у тебя припадокъ. Но это ничего. Пойдемъ сейчасъ къ доктору.

— Куда хотите, только ради Бога скорѣй!

— Ты не волнуйся. Нужно бороться съ собой.

Художникъ и медикъ дрожащими руками одѣли Васильева и вывели его на улицу.

— Михаилъ Сергѣичъ давно уже хочетъ съ тобой познакомиться, говорилъ дорогою медикъ. Онъ очень милый человѣкъ

и отлично знаетъ свое дѣло. Кончилъ онъ въ 82 году, а практика уже громадная. Со студентами держитъ себя по товарищески.

— Скорѣе, скорѣе...—торопилъ Васильевъ.

Михаилъ Сергѣичъ, полный, бѣлокурый докторъ встрѣтилъ пріятелей учтиво, солидно, холодно и улыбнулся одной только щекой.

— Мнѣ художникъ и Майеръ говорили уже о вашей болѣзни, сказалъ онъ, пытливо поглядѣвъ въ лицо Васильеву.—Очень радъ служить. Ну-съ? Садитесь, покорнѣйше прошу...

Онъ усадилъ Васильева въ большое кресло около стола и придвинулъ къ нему ящикъ съ папиросами.

— Ну-съ?—началъ онъ, поглаживая колѣни. Приступимъ къ дѣлу... Сколько вамъ лѣтъ?

Онъ задавалъ вопросы, а медикъ отвѣчалъ. Онъ спросилъ, не былъ ли отецъ Васильева боленъ какими нибудь особенными болѣзнями, не пилъ ли запоемъ, не отличался ли жестокостью или какими либо странностями... То же самое спросилъ о его дѣдѣ, матери, сестрахъ и братьяхъ. Узнавъ, что его мать имѣла отличный голосъ и играла иногда въ театрѣ, онъ вдругъ оживился и спросилъ:

— Виноватъ-съ, а не припомните-ли, не былъ ли театръ у вашей матушки страстью?

Прошло минутъ двадцать. Васильеву наскучило, что докторъ поглаживаетъ колѣни и говоритъ все объ одномъ и томъ же.

— Насколько я понимаю ваши вопросы, докторъ,—сказалъ онъ, вы хотите знать, наслѣдственна моя болѣзнь, или нѣтъ. Она не наслѣдственна.

Далѣе докторъ спросилъ, не было ли у Васильева въ молодости какихъ-либо тайныхъ пороковъ, ушибовъ головы, увлеченій, странностей, исключительныхъ пристрастій. На половину вопросовъ, какіе обыкновенно задаются старательными докторами, можно не отвѣчать безъ всякаго ущерба для здоровья, но у Михаила Сергѣича, у медика и художника были такія лица, какъ будто, если бы Васильевъ не отвѣтилъ хотя бы на одинъ вопросъ, то все бы погибло. Получая отвѣты, докторъ для чего то записывалъ ихъ на бумажкѣ. Узнавъ, что Васильевъ кончилъ уже на естественномъ факультетѣ и теперь на юридическомъ, докторъ задумался...

— Въ прошломъ году онъ написалъ отличное сочиненіе... — сказалъ медикъ.

— Виноватъ, не перебивайте меня, вы мѣшаете мнѣ сосредоточиться...—сказалъ докторъ и улыбнулся одной щекой.—Да, конечно, и это играетъ роль въ анамнезѣ! Форсированная умственная работа, переутомленіе.. Да, да... А водку вы пьете? обратился онъ къ Васильеву.

— Очень рѣдко.

Прошло еще двадцать минутъ. Медикъ сталъ вполголоса высказывать свое мнѣніе о ближайшихъ причинахъ припадка и разсказалъ, какъ третьяго дня онъ, художникъ и Васильевъ ходили въ С—въ переулокъ.

— «Они забыли, зачѣмъ привели меня сюда...—думалъ Васильевъ.—Дома мнѣ, кажется, легче, чѣмъ здѣсь... Уйду».

Равнодушный, игриво-сдержанный тонъ, какимъ его пріятели и докторъ говорили о женщинахъ и о несчастномъ переулкѣ, показался ему въ высшей степени отвратительнымъ.

— Докторъ, скажите мнѣ только одно, сдерживая себя, чтобы не быть грубымъ, сказалъ онъ: проституція зло, или нѣтъ?

— Голубчикъ, кто-жъ споритъ?—сказалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто давно уже рѣшилъ для себя всѣ вопросы.—Кто споритъ?

— Вы психіатръ?—спросилъ грубо Васильевъ.

— Да-съ, психіатръ.

— Можетъ быть, всѣ вы и правы!—сказалъ Васильевъ, поднимаясь и начиная быстро шагать изъ угла въ уголъ. Можетъ быть! Но мнѣ все это кажется удивительнымъ! Что я былъ на двухъ факультетахъ—въ этомъ видятъ подвигъ; за то, что я написалъ сочиненіе, которое черезъ три года будетъ брошено и забудется, меня превозносятъ до небесъ, а за то, что у меня душа болитъ, за то, что о падшихъ женщинахъ я не могу говорить такъ-же хладнокровно, какъ объ этихъ стульяхъ, меня лечатъ, называютъ сумасшедшимъ, сожалѣютъ!

Васильеву вдругъ стало невыносимо жаль себя, онъ заплакалъ и упалъ въ кресло. Одна боль отвлекла другую и ему полегчало.

Люди, которыхъ онъ видѣлъ третьяго дня, живо промелькнули въ его воображеніи.

— Живыя, живыя!—сказалъ онъ, въ отчаяніи хватая себя за голову.—Если я разобью эту лампу, то вамъ станетъ жаль, но вѣдь тамъ не лампы, а люди! Живыя!

Пріятели вопросительно глядѣли на доктора. Тотъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто отлично понималъ и слезы, и отчаяніе, и слова паціента, какъ будто чувствовалъ себя спеціалистомъ по этой части, подошелъ къ Васильеву и молча далъ ему выпить какихъ-то капель, а потомъ, когда онъ успокоился, раздѣлъ его и сталъ измѣрять чѣмъ-то въ родѣ циркуля чувствительность его кожи.

Отъ злобы на доктора, отъ жалости къ самому себѣ и слезъ, Васильеву въ самомъ дѣлѣ полегчало. Когда онъ выходилъ отъ доктора, ему уже было совѣстно, шумъ экипажей не казался раздражительнымъ и тяжесть подъ сердцемъ становилась все легче и легче, точно таяла. Въ рукахъ у него было два рецепта: на одномъ былъ прописанъ бромистый калій, на другомъ морфій... Все это принималъ онъ и раньше!

На улицѣ онъ постоялъ немного, подумалъ и, простившись съ пріятелями, лѣниво поплелся къ университету.

Антонъ Чеховъ.

Въ разсвѣтной полночи надъ ясною столицей
Исакій чуть блеститъ огнемъ своей главы,
Дворцы задумались волшебной вереницей
Надъ гладью чистою затихнувшей Невы.

***

Неуловимый свѣтъ, сиренево-жемчужный,
Бѣлѣетъ въ поздній часъ въ аллеяхъ островов,
Пестрѣющихъ толпой, нарядной и досужной,
Помолодѣвшею на праздникѣ садовъ.

***

Въ кудрявой зелени, кремнистою дорогой,
Чредой проносятся влюбленныя четы,
И воздухъ напоенъ сердечною тревогой,
Подъ властью новою творящей красоты.

***

И сколько чудныхъ лицъ возникло небывалыхъ!
Ихъ будто въ эту ночь закончила весна,
И въ свѣжихъ образахъ, предъ взорами усталыхъ,
Открыла шествіе въ иныя времена...

С. Андреевскій.

ВОРОНЪ-ЧЕЛОБИТЧИКЪ.

(СКАЗКА).

Все сердце у стараго вòрона изболѣло. Истребляютъ вороній родъ; кому не лѣнь, всякій его бьетъ. И хоть бы ради прибытка, а то просто ради потѣхи. Да и само вороньё измалодушничалось. О прежнемъ вѣщемъ карканьи и въ поминѣ нѣтъ; осыплютъ ворòны гурьбой березу и кричатъ зря: вотъ мы гдѣ! Натурально, сейчасъ—пафъ!—и десятка или двухъ въ стаѣ какъ не бывало. Ѣды прежней, привольной, тоже не стало. Лѣса кругомъ повырубили, болота повысушили, звѣрье угнали — никакъ честнымъ образомъ прокормиться нельзя. Стало вороньё по огородамъ, садамъ, по скотнымъ дворамъ шнырять. А за это опять — пафъ! — и опять десятка или двухъ въ стаѣ какъ не бывало! Хорошо еще, что ворòны плодущи, а то кто бы кречету да ястребу да беркуту дань платилъ?

Начнетъ онъ, старикъ, своихъ младшихъ собратій увѣщевать: не каркайте зря! не летайте по чужимъ огородамъ!—да только одинъ отвѣтъ слышитъ: ничего ты, старый хрѣнъ, въ новыхъ дѣлахъ не смыслишь! нельзя, по нынѣшнему времени, не воровать. И въ наукѣ такъ сказано: коли нечего тебѣ ѣсть, такъ изворачивайся. И всѣ такъ ныньче живутъ: дѣла не дѣлаютъ, а изворачиваются. Про-

падать, что ли, намъ! Мы еще гдѣ до̀ свѣту встанемъ, снимемся съ гнѣздъ и весь лѣсъ обшаримъ—вездѣ хоть шаромъ покати. Ни ягоды лѣсной, ни пичуги малой, ни звѣря упало̀го. Даже червь и тотъ въ землю зарылся.

Слышитъ старый воронъ эти рѣчи и глубокую думу думаетъ. Трудныя бывали на его памяти времена. Цѣлыми годами преслѣдовала вороній родъ безкормица, безъ числа вороньё погибало. Но тогда было правило: есть у тебя когти — рви ими свою грудь, а на чужой кусокъ не зарься! Однако, и тогда ужъ было примѣтно, что не долго вороньё эту школу выдержитъ. Смотрѣть, какъ другіе живутъ припѣваючи, а самому добровольно умирать съ голода—отъ одного этого хоть чье хочешь сердце изноетъ.

И наука, кстати, на помощь пришла: клюй что можешь и гдѣ можешь! Удастся набить зобъ—летай на свободѣ сытый и веселый; не удастся—виси прострѣленный на огородѣ, вмѣсто чучела! На то война.

Когда принесъ его сюда, едва оперившагося, старый батько изъ-за тридевять морей, мѣста здѣсь были вольныя. Лѣсъ да вода—и глазомъ не окинешь. Въ лѣсу всякой ягоды, всякаго звѣря, птицы—всего вдоволь; въ водѣ рыба кишмя кишѣла. Начальникомъ и тогда у нихъ былъ, какъ и теперь, ястребъ, но тогдашній ястребъ и самъ по себѣ былъ по горло сытъ, да и простъ былъ, такъ про́стъ, что и до сихъ поръ объ его простотѣ анекдоты ходятъ. Любилъ, правда, молоденькими воронятами полакомиться, но и тутъ справедливость наблюдалъ: сегодня изъ одного гнѣзда унесетъ вороненка, завтра изъ другого, а ежели видитъ, что гнѣздо бѣдное, упалое, такъ и безо всего улетитъ. И подати тогда были не тяжелыя: по яйцу съ гнѣзда, да по перу съ крыла, да съ каждыхъ десяти гнѣздъ по вороненку орлу въ презентъ. Отбылъ повинность—и спи на оба уха.

Но чѣмъ дальше шло, тѣмъ глубже и глубже все измѣнялось. Облюбовалъ вольныя мѣста человѣкъ и началъ съ того, что пустилъ въ ходъ топоръ. Лѣса порѣдѣли, болота стали затягиваться, рѣка обмелѣла. Сначала по берегу рѣки появились займки, потомъ деревни, села, помѣщичьи усадьбы. Стукъ топора гулкимъ эхомъ раздавался въ глубинахъ лѣсныхъ, нарушая обычное теченіе жизни

звѣрей и птицъ. Старѣйшины вороньяго племени уже тогда предсказывали, что грозитъ что-то недоброе, но молодое вороньё съ веселымъ карканьемъ кружилось около человѣческихъ жилищъ, словно привѣтствуя пришельцевъ. Строгіе завѣты предковъ наскучили молодымъ сердцамъ; лѣсныя глубины опостылѣли. Потребовалось новое, диковинное, неизвѣданное. Вороньё раздѣлилось на партіи; начались пререканія, усобицы, рознь...

Одновременно съ этими измѣненіями произошли измѣненія и въ высшихъ орнитологическихъ сферахъ. Старый ястребъ оказался стоящимъ не на высотѣ своей задачи. Онъ могъ управлять только при патріархальныхъ порядкахъ, но когда отношенія усложнились, когда на каждомъ шагу въ воронье существованіе врывались новые элементы, административное чутье окончательно его покинуло. Главные начальники называли его старымъ колпакомъ; вороньё оспаривало его власть и безцеремонно каркало ему въ уши всякую чепуху. Онъ же, вмѣсто того, чтобъ пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, только благосклонно хлопалъ глазами и шутя говорилъ: вотъ ужо̀, придетъ реформа, узнаете вы какъ кузькину мать зовутъ! Наконецъ, и ожидаемая реформа пришла. Старика сдали въ архивъ, а прислали вмѣсто него начальникомъ совсѣмъ молодого ястреба, да въ помощь къ нему, въ видахъ пущаго контроля, поставили кречета.

Прилетѣли новые начальники и сказали вороньему племени немилостивое слово. «Я васъ къ одному знаменателю приведу», цыркнулъ ястребъ, а кречетъ прибавилъ: «и я тоже». Сказавши это, объявили, что отнынѣ налоги увеличиваются противъ прежняго втрое, выдали окладные листы и улетѣли.

Началось окончательное раззоренье. Вороньё роптало: «налоги установили немилостивые, а новыхъ угодьевъ не предоставили!» — раздавалось по лѣсу; но ни ястребъ, ни кречетъ не внимали жалобамъ воронья и посылали копчиковъ ловить смутьяновъ, которые зря пустыя рѣчи въ народъ пущаютъ. Много было тогда гнѣздъ раззорено, много вороньяго племени въ плѣнъ уведено и отдано на съѣденіе волкамъ и лисицамъ. Думали, что вороньё, испугавшись, на хвостѣ дани принесетъ. Но вороньё отъ испуга только металось и жалобно каркало: хоть рѣжьте, хоть стрѣляйте, а даней намъ взять не откуда!

Такъ оно и посейчасъ идетъ: вороньё раззоряется, а казна не наполняется. Что и добудетъ ворона на сторонѣ, и то копчикъ на пути отниметъ. Словомъ сказать, хуже нельзя. Надумало было вороньё новыхъ мѣстовъ искать и летуновъ впередъ для развѣдокъ отправило, но они улетѣть—улетѣли, а назадъ не воротились. Можетъ быть, заблудились, можетъ быть, по пути копчики задавили, а можетъ быть, и сами собой съ голоду погибли. Да и шутка сказать—съ насиженныхъ мѣстъ, невѣдомо куда, летѣть! Нѣтъ ныньче вольныхъ мѣстъ! всюду проникъ человѣкъ! И ему тѣсно стало. Идетъ впередъ съ топоромъ; стонутъ лѣса, бѣгутъ звѣри, а онъ съ утра до вечера корчуетъ пни, расчищаетъ пашню, рубитъ избу, а ночью дрожитъ въ землянкѣ отъ холода и голода въ ожиданьи, когда-то вся эта сутолока въ порядокъ придетъ.

Думалъ-думалъ старый воронъ и наконецъ надумалъ: надо летѣть всю правду объявить. Только старъ онъ и слабъ—долетитъ ли? Вѣдь летѣть—дорога не близкая. Сначала надо ястребу челомъ бить, потомъ кречету, а, наконецъ, и къ коршуну, который въ ту пору вороньимъ племенемъ, въ родѣ какъ начальникъ края, правилъ.

У птицъ тоже, какъ и у людей, вездѣ инстанціи заведены; вездѣ спросятъ: былъ ли у ястреба? былъ ли у кречета? а ежели не былъ, такъ и бунтовщикомъ, того гляди, прослывешь.

Наконецъ, однакожъ, снялся раннимъ утромъ съ гнѣзда и полетѣлъ. Видитъ, сидитъ ястребъ на высокой-высокой соснѣ, ужъ сытый, и клювъ когтями чиститъ.

— Здравствуй, старче!—привѣтствовалъ его ястребъ благодушно:—зачѣмъ пожаловалъ?

— Прилетѣлъ я къ твоему степенству правду объявить!—горячо закаркалъ старый воронъ:—гибнетъ вороній родъ! гибнетъ! человѣкъ его истребляетъ, дани немилостивыя раззоряютъ, копчики донимаютъ... Мрётъ вороній родъ, а кои и живы—и тѣмъ прокормиться нечѣмъ.

— Вотъ какъ! А не отъ нерадивости ли вашей всѣ эти бѣды на вороній родъ опрокинулись?

— Самъ ты знаешь, что нерадивости въ насъ нѣтъ. Съ утра до ночи мы шаримъ и корму доглядываемъ. Живемъ въ трудахъ

какъ честному воронью жить надлежитъ, только добыть что-нибудь честнымъ образомъ невозможно стало.

Ястребъ на минуту задумался, словно не рѣшался настоящее слово выговорить, но наконецъ сказалъ:

— Изворачивайтесь!

Однако рѣшеніе это не удовлетворило, а только пуще взволновало вòрона.

— Знаю я, что нынче всѣ изворотами живутъ,—горячо отвѣтилъ онъ:—да простъ на это нашъ вороній родъ. Другіе милліоны крадутъ, и все имъ какъ съ гуся вода, а ворона украдетъ копѣйку—ей за это смерть. Подумай, развѣ это не злодѣйство: за копѣйку — смерть. А ты еще учишь: изворачивайтесь! Присланъ ты къ намъ начальникомъ, чтобъ защищать насъ отъ обидъ, а явился первымъ раззорителемъ и угнетателемъ! Доколѣ мы будемъ терпѣть? Вѣдь ежели мы...

Вòронъ не договорилъ и испугался: не легко, видно, правду-то объявлять.

Но ястребъ, какъ сказано было выше, былъ сытъ и смотрѣлъ на незваннаго гостя благодушно.

— Знаю, не договаривай,—сказалъ онъ:—давно мы эту пѣсню слышимъ, да покуда Богъ еще миловалъ... А ты всетаки на усъ себѣ намотай: прилетѣлъ ты ко мнѣ правду объявить, да на первомъ же словѣ и запнулся... Все ли ты сказалъ?

— Все, покамѣсть, отвѣчалъ вòронъ, продолжая робѣть.

— Ну, такъ я тебѣ вотъ что отвѣчу: правда твоя давно всѣмъ извѣстна; не только вамъ, вòронамъ, а и копчикамъ, и ястребамъ, и коршунамъ. Только не ко двору она въ наше время пришлась, а потому сколько объ ней ни объявляй, хоть на всѣхъ перекресткахъ кричи—ничего изъ этого не выйдетъ. А когда наступитъ время, что она сама собою объявится—этого покуда никто не знаетъ. Понялъ?

— Понялъ я одно: что вороньему роду конецъ пришелъ!—съ горечью отвѣтилъ вòронъ.

— Ну, коли не понялъ, давай разговаривать. Говоришь ты, что человѣкъ васъ истребляетъ—но развѣ можемъ мы, птицы, противъ человѣка идти Человѣкъ порохъ выдумалъ—а мы чѣмъ на

это отвѣтить можемъ? Выдумалъ человѣкъ порохъ—и палитъ въ насъ; что вздумается, то падъ нами и дѣлаетъ. Мы все ровно что мужики: со всѣхъ сторонъ въ нихъ всяко палятъ. То желѣзная дорога стрѣльнетъ, то машина новая, то неурожай, то поборъ новый. А они только знай перевертываются. Какимъ такимъ манеромъ случилось, что Губошлеповъ дорогу заполучилъ, а у нихъ послѣ того по гривнѣ въ кошелѣ убавилось—развѣ темный человѣкъ можетъ это понять? А дѣло-то простое: Губошлеповъ порохъ выдумалъ, а мужики, ровно черви, только въ навозѣ копаться умѣютъ. А ежели ты червь, такъ и живи, какъ червю жить подобаетъ. Червю и вы, вороньё, потачки не даете; вспомни-ка! чтó, еслибъ онъ на васъ гвалтъ поднялъ, не вы ли бы первые удивились: червь, молъ, ползущій, а тоже разговариваетъ!—Такъ то, старче! Кто одолѣетъ, тотъ и правъ. Понялъ теперь?

— Погибать, значитъ, надо? Ахъ какое жестокое ты слово сказалъ!—затосковалъ воронъ?

— Жестоко ли мое слово или не жестоко, не въ томъ суть, а въ томъ, что и я правды отъ тебя не утаилъ. Не той правды, которой ты ищешь, а той, которую, по нынѣшнему времени, всякій въ разсчетъ принимать долженъ. Но будемъ продолжать разговоръ. Ты говоришь, что копчики кормъ у васъ на лету отнимаютъ, что я самъ, ястребъ, ваши гнѣзда раззоряю, что мы не защитники ваши, а раззорители. Что-жъ: вы кормиться хотите—и мы кормиться хотимъ. Кабы вы были сильнѣе—вы бы насъ ѣли, а мы сильнѣе, мы васъ ѣдимъ. Вѣдь это тоже правда. Ты мнѣ свою правду объявилъ, а я тебѣ—свою; только моя правда воочію совершается, а твоя за облаками летаетъ. Понялъ?

— Погибать! погибать надо!—продолжалъ твердить старый воронъ, почти не сознавая дѣйствительнаго значенія ястребовыхъ рѣчей, но инстинктивно чувствуя, что они заключаютъ въ себѣ нѣчто неслыханно-жестокое.

Ястребъ оглянулъ челобитчика съ головы до хвоста, и такъ какъ былъ сытъ, то захотѣлось ему пошутить надъ старикомъ.

— А хочешь, я тебя съѣмъ!—сказалъ онъ; но увидѣвъ, что воронъ инстинктивно сдѣлалъ скачекъ назадъ, продолжалъ:—ну тебя! тощъ ты и старъ—какая это ѣда! Нутка, распахни-ка жилетъ.

Вòронъ распустилъ крылья, и самъ удивился: кости да кожа, ни пуху, ни перьевъ нѣтъ—волкъ голодный, и тотъ на такую птицу не позарится.

— Вотъ видишь, каковъ ты сталъ. А все оттого, что о правдѣ думаешь. Кабы ты по вороньи, безъ думы, жилъ—такой ли бы ты былъ! А впрочемъ пора и кончить. Жалуешься ты еще, что поборы съ васъ, воронья, немилостивые берутъ—и это правда. Но подумай: съ кого же брать? Воробьи, синицы, чижи, зяблики — много ли они могутъ дать? рябчики, глухари, стрепета, дятлы, кукушки?—эти живутъ каждый самъ по себѣ, ихъ и днемъ съ огнемъ не отыщешь. Одно воронье живетъ обществомъ, какъ настоящіе мужики, и притомъ само о себѣ непрестанно возглашаетъ—что же удивительнаго, что оно въ ревизскія сказки попало? А коли попалъ въ ревизскія сказки—держись! Если же въ послѣднее время и впрямь сборы тяжелѣе прежняго стали, то, стало быть, такъ нужно. Потребностей больше—и сборовъ больше: это хоть кого хочешь спроси. Такъ-то вотъ, старче. Ты правду сказалъ, и я правду сказалъ, а чья правда крѣпче—на это отвѣчаетъ ваше воронье житье. Ну, а теперь лети во свояси, а я вздремнуть хочу.

Однако, воронъ не возвратился во-свояси, а направилъ полетъ къ кречету.

— Будь что будетъ,—думалъ онъ, тяжело взмахивая старческими крыльями: — а я доведу дѣло до конца! Если и кречетъ моей правды не приметъ, то полечу въ губернію къ самому коршуну, а отъ правды не отступлюсь!

Кречетъ жилъ въ впадинѣ горнаго ущелья и доступъ къ нему былъ очень труденъ. У порога его жилища сидѣлъ дежурный копчикъ и принималъ просителей. На этотъ разъ дежурнымъ оказался, извѣстный всему вороньему роду, копчикъ Иванъ Иванычъ, фаворитъ кречета (слухи шли даже, что онъ его побочный сынъ), который поручалъ ему самыя важныя и секретныя дѣла. Это былъ лихой малый, съ виду добродушный, съ благосклонными и даже изысканными манерами. Не прочь былъ и побалагурить, и кутнуть гдѣ-нибудь за облачкомъ, и полетать съ дѣвушками-чечоточками въ горѣлки, и даже одолженье другу-пріятелю сдѣлать, но все

это благодушіе оставалось при немъ лишь до тѣхъ поръ, покуда онъ находился внѣ службы. Какъ только онъ приступалъ къ исполненію обязанностей (особливо секретныхъ порученій), то мгновенно преображался. Становился холоденъ, суровъ и исполнителенъ до жестокости. Прикажутъ ему настичь—онъ настигнетъ, прикажутъ удавить — задавитъ. Если птица и вдвое больше и сильнѣе его, онъ такимъ кубаремъ къ ней подлетитъ, что та загодя начинаетъ ужъ кричать и метаться отъ тоски. Вообще, птицы, которыя бывали у него въ передѣлкѣ, при одномъ имени его трепетали отъ страха.

— Не проспался, старикъ?—иронически привѣтствовалъ челобитчика Иванъ Иванычъ.

Старый вòронъ понялъ, что здѣсь уже все извѣстно. И у птицъ существуютъ свои лазутчики, черезъ которыхъ не только дѣйствія, но и тайныя помышленія обывателей извѣстны.

— Какой ужъ у стариковъ сонъ!—уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Правду объявлять прилетѣлъ?—продолжалъ копчикъ:—ну, да впрочемъ это твое дѣло. Доложить?

— Да, ужъ сдѣлай такую милость.

Иванъ Иванычъ юркнулъ въ впадину и около часа тамъ оставался. Вòронъ, съ замираніемъ сердца, ждалъ его появленія. Наконецъ, онъ показался.

— Велѣно тебѣ сказать—молвилъ онъ:—что растобарывать съ тобой некогда. Правда твоя искони всѣмъ извѣстна, да, стало быть, есть въ ней порокъ, ежели она сама собой не проявляется. Безпокойный у тебя нравъ, пустыя ты рѣчи въ народъ пущаешь. Давно-бы за это съѣсть тебя надо, да, слышь, старъ ты, худъ и немощенъ. Къ начальнику края, чай, теперь полетишь?

— Нѣтъ ужъ, что́ ужъ...—хотѣлъ было утаиться вòронъ.

— Не запирайся! насквозь я тебя вижу! Что же, лети! только какъ бы тебѣ очи за твою правду не выклевали.—Смотри, не прогадай! Да ты, поди и дороги не знаешь; видишь, вонъ облако, тамъ надъ самымъ этимъ облакомъ—тамъ и есть.

Не смотря на предсказаніе копчика, вòронъ рѣшился довести свое челобитье до конца. Долгимъ и кружнымъ путемъ взбирался онъ, ночуя въ покинутыхъ звѣриныхъ норахъ и пропитываясь

ягодами, изрѣдка попадавшимися на отрогахъ горъ. Наконецъ, онъ врѣзался въ облако и передъ глазами его предстало волшебное зрѣлище.

Нѣсколько смежныхъ горныхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, пламенѣли въ лучахъ восходящаго солнца. Издали казался точно сказочный замокъ, у подножія котораго застыли облака, а на верху, вмѣсто крыши, разстилалась безконечная небесная лазурь.

Коршунъ сидѣлъ на скалѣ, окруженный цѣлой массой разнообразнѣйшихъ птицъ. По правую сторону его сидѣлъ бѣлый кречетъ, помощникъ его и совѣтникъ; у ногъ кувыркались всѣхъ сортовъ чиновники особыхъ порученій: попугаи, ученые снигири и чижи; сзади, хоръ скворцовъ докладывалъ утреннюю почту; въ сторонкѣ, на отдѣльной вершинѣ, дремали совы, филины и нетопыри, образуя изъ себя нѣчто въ родѣ губернскаго совѣта; вороны во множествѣ мелькали вдали, съ перьями за ушами, строчили указы, предписанія и донесенія и кричали: съ пылу, съ жару! по пятачку за пару!

Коршунъ былъ ветхій старикъ и отъ старости едва-едва скрипѣлъ клювомъ. Въ ту минуту, когда у ногъ его опустился вòронъ, онъ только что пообѣдалъ, и въ полудремотѣ, смеживъ очи, покачивалъ головой, не смотря на оглушающій говоръ и шумъ. Однако, появленіе челобитчика произвело среди птицъ нѣкоторый переполохъ, благодаря которому коршунъ встрепенулся.

— Съ просьбицей, старче?—спросилъ онъ вòрона ласково.

— Прилетѣлъ я изъ-за тридевяти земель правду твоему великостепенству объявить! — началъ вòронъ восторженно, но тутъ же былъ остановленъ кречетомъ.

— Не разводи риторики!—холодно прервалъ его послѣдній: — докладывай дѣло безъ украшеній, ясно, просто, по пунктамъ. Что тебѣ надобно?

Началъ вòронъ по пунктамъ свое челобитье излагать: человѣкъ вороній родъ истребляетъ, копчики, ястреба, кречета донимаютъ, сборы немилостивые раззоряютъ... И каждый разъ, какъ кончитъ онъ одинъ пунктъ, коршунъ поскрипитъ клювомъ и молвитъ:

— Правда твоя, старче!

Сердце играло въ груди стараго ворона при этихъ подтвержденіяхъ. Наконецъ-то! — думалось ему: — увижу я эту правду, по которой съ-измлада тоскую! Послужу своему племени, поревную за него! И чѣмъ дальше лилось его слово, тѣмъ горячѣе и горячѣе оно звучало. Наконецъ, онъ высказалъ все, что у него было на душѣ, и замолкъ.

— Все ли ты сказалъ?—спросилъ его коршунъ.

— Все,—отвѣтилъ вòронъ.

— У ястреба, у кречета челомъ билъ?

— Билъ и у нихъ.

Онъ кратко изложилъ свой разговоръ съ ястребомъ, а также свое неудавшееся свиданіе съ кречетомъ.

— Такъ вотъ что я тебѣ на твою правду скажу, — молвилъ коршунъ: — больше двухъ сотъ лѣтъ я сижу на этомъ утесѣ, и хоть бочкомъ да на солнце смотрю... Но правдѣ и до сихъ поръ ни разу взглянуть въ лицо не могъ.

— Но почему же?—въ недоумѣніи каркнулъ вòронъ.

— А потому что вмѣстить ее птицѣ не подъ силу. Ежели кто объ себѣ думаетъ, что онъ правду вмѣстилъ, тотъ и выполнить ее долженъ; а мы, стало быть, не можемъ выполнить — оттого и смотримъ на нее изподлобья. Думается: авось либо она мимо пройдетъ!

Коршунъ на минуту задумался и продолжалъ:

— Жестокое тебѣ слово ястребъ сказалъ, но правильное. Хороша правда, да не во всякое время и не на всякомъ мѣстѣ ее слушать пригоже. Иныхъ она въ соблазнъ ввести можетъ, другимъ—въ родѣ укоризны покажется. Иной и радъ бы правдѣ послужить, да какъ къ ней съ пустыми руками приступиться! Правда не ворона, за хвостъ ее не ухватишь. Коли приспѣетъ время, она и сама собой объявится. Тогда, хочешь не хочешь, а отворяй правдѣ ворота! Придетъ она, весь міръ осіяетъ, и будемъ мы жить всѣ вкупѣ и влюбѣ. Такъ-то, старикъ! лети-ко ты съ миромъ и объяви вороньему роду, что я на него, какъ на каменную гору, надѣюсь.

Н. Щедринъ.

Лавка писателей
Цена 50 р.

32213

10 р

107

PG 3460 G3Z78 1889

Pamiati V.M. Garshina

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY